

Митрополит Иоанн

ЦЕРКОВНЫЕ
РАСКОЛЫ
В РУССКОЙ
ЦЕРКВИ

20-30 ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ

МИТРОПОЛИТ С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
И ЛАДОЖСКИЙ ИОАНН

ЦЕРКОВНЫЕ РАСКОЛЫ
В РУССКОЙ ЦЕРКВИ
20-х и 30-х годов XX СТОЛЕТИЯ —
ГРИГОРИАНСКИЙ, ЯРОСЛАВСКИЙ,
ИОСИФЛЯНСКИЙ, ВИКТОРИАНСКИЙ
И ДРУГИЕ,
ИХ ОСОБЕННОСТИ И ИСТОРИЯ

Издание второе, дополненное

г. Соргавала
1993

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГРИГОРИАНСТВО	15
ЯРОСЛАВСКИЙ РАСКОЛ	82
ИОСИФЛЯНСКИЙ РАСКОЛ	122
ВИКТОРИАНСТВО	237
ОППОЗИЦИЯ МИТР. КИРИЛЛА	251
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	264
Источники и пособия	266

Митрополит С-Петербургский и Ладужский ИОАНН

ЦЕРКОВНЫЕ РАСКОЛЫ В РУССКОЙ ЦЕРКВИ
20-х И 30 ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ
ГРИГОРИАНСКИЙ, ЯРОСЛАВСКИЙ, ИОСИФЛЯНСКИЙ,
ВИКТОРИАНСКИЙ И ДРУГИЕ,
ИХ ОСОБЕННОСТИ И ИСТОРИЯ

Издание второе, дополненное

Редактор В. Б. Мокшенко
Оформление Г. И. Гребнева
Технический редактор Н. И. Васильева

Сдано в набор 23.10.92 г. Подписано в печать 26.01.93. г. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.-печ.
л. 17,0. Уч.-изд. л. 17. Вкл. на мелов. бумаге. 2,25. Тираж 5000 экз. Заказ № 617.

Издательство Сортавальской книжной типографии. 186750, Карелия, Сортава-
ла, ул. Карельская, 42.

ISBN 5—7818—0013—1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее исследование затрагивает тот момент жизни Русской церкви, когда в ее недрах в начале 20-х и 30-х гг. нынешнего столетия появились т. н. правые нерархические «уклоны», болезненно волновавшие церковную жизнь. Они («уклоны») были направлены, главным образом, против церковной политики митр. Сергия (Страгородского) и Врем. Патриаршего Синода, выдвинутой последними к урегулированию взаимоотношений Церкви и Государства.

Эта сторона церковной жизни еще никем не была исследована, и в истории Русской Церкви указанного периода явно получился пробел.

Автор и взял на себя нелегкую задачу восполнить этот пробел посильным исследованием указанного выше периода русской церковной истории.

Главная цель автора состояла в том, чтобы на основании сохранившегося письменного и устного исторического материала изложить подробно историю противодействий митр. Сергию и Врем. Патриаршему Синоду во время фактического местоблюстительства митр. Сергия и дать каноническую оценку этим противодействиям.

Метод исследования настоящей работы, применяемый автором.— историко-хронологический, т. е. история противодействий излагается автором в хронологическом порядке возникновения того или иного раскола.

Все сочинение для большего уяснения исторических событий, освещаемых в работе, разделено на следующие главы:

Глава 1-я — Григорианский раскол.

Глава 2-я — Ярославский раскол.

Глава 3-я — Иосифлянский раскол.

Глава 4-я — Викторианство.

Глава 5-я — Оппозиция митр. Кирилла.

Считаю необходимым предварить публикацию этого труда некоторыми пояснениями. Я твердо отдаю себе отчет, что время написания работы (она в качестве магистерской диссертации была представлена в Московскую Духовную Академию в 1966-м году) и условия церковной жизни того времени (гонения и притеснения Православия со стороны богоборческих властей) наложили свой неизбежный отпечаток на форму подачи материала и тон комментариев.

Конечно, не могло быть и речи об упоминании карательных антицерковных акций ВЧК — ГПУ — НКВД, расстрелов архиереев и священников, о зверствах палачей и всенародном исповедничестве, давшем Руси сонмы новомучеников и страстотерпцев. Была исключена всякая возможность сочувственных отзывов о тех, кого официальная пропаганда клеймила как «реакционеров» и «мракобесов», «врагов первого в мире государства рабочих и крестьян». Любая — даже самая лояльная и безобидная — работа в области церковной истории выходила с трудом.

Я намеренно оставил первоначальный текст без изменений. Искушенный читатель сумеет многое прочесть между строк, а сам труд этот пусть останется своеобразным памятником эпохи, отражая все ее противоречия. Тем более, что ссылки на него уже давно появились в церковно-исторической литературе (Л. Регельсон — «Трагедия русской Церкви», еп. Григорий (Габбе) — «Русская Церковь перед лицом господствующего зла», и др.), а фактологическая сторона исследования сохраняет свою актуальность до сего времени.

В то же время не могу не сказать, что по сути мое понимание расколов, терзавших Церковь в 20-х — 30-х годах, не изменилось. При всем благоговении перед мученической кончиной митрополита Иосифа, например, я по-прежнему не нахожу оправданий тем его действиям, которые вносили разлад в церковную среду.

Нынче не время беречь старые раны, гораздо важнее извлечь уроки из своих прошлых ошибок. Дай Бог, чтобы нам хватило для этого терпения и ума. Публикую работу, я оставляю за собой право в дальнейшем еще высказаться по вопросам русской церковной истории советского периода.

Митрополит ИОАНН, 1992 г.

Заключение

Автор считает необходимым выразить свою благодарность Высокопреосвященнейшему МАНУИЛУ, Митр. Куйбышевскому и Сызранскому, за его огромную помощь, оказанную автору тем историческим материалом, который он собирал в течение многих лет, бережно хранил в своем архиве и предоставил в распоряжение автора.

ВВЕДЕНИЕ

МИР И РАЗДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ

Мир — одна из самых важных основ не только общечеловеческой жизни, но, главным образом, жизни церковной.

Наличие мира в жизни Церкви свидетельствует о пребывании в ее недрах всеосвящающей и оживотворяющей благодати Божией и о той любви между членами Церкви, которую принес на землю Господь наш Иисус Христос.

«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам» (Ин. 14, 27). — Таково прямое обетование Спасителя мира апостолам, а чрез них и всей Церкви.

Этот мир, воспринятый св. апостолами любовью, чрез вседействующую силу благодати Божией созидал и укреплял Христову Церковь.

Первохристианская община, о которой свидетельствует книга «Деяний свв. апостолов», со всею очевидностью показывает нам действие Христова мира.

«Все же верующие, — говорит Деесписатель, — были вместе и имели все общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян. 2, 44—47).

Мир, как видим, созидался любовью. А самый мир способствовал внутреннему и внешнему созиданию церковного организма. Под действием Христова мира у всех верующих было как бы одно сердце, полное единодушие в вере, сердечная простота и духовное веселие. Внутренний мир проявлялся и вовне: все верующие были вместе — вместе в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах; из материального достояния имели все общее, и каждому из этого общего уделялось столько, сколько требовала нужда и необходимость каждого.

Мир созидал, мир очищал молодой организм Церкви от всякой греховной примеси, скрепляя воедино сердца верующих, и сооб-

шал благодатную силу, которая невольно заставляла народ любить Христову Церковь.

Как явный признак истинной жизни во Христе, создаваемой и проявляемой в мире, является неотступное содействие Божественной помощи в обращении язычников в Христову веру. «Господь же, — свидетельствует Деяния, — ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян. 2, 47).

Благодатный мир, царивший в обществе первохристиан, действовал умиротворяюще на сердца языческих народов. Последние, долгое время находившиеся во внутреннем сердечном беспокойстве, искали особого, свыше приходящего мира, и, когда этот мир явился среди христианского общества, они потянулись к этому миру и обрели покой душам своим.

Внутреннее единство членов Церкви без особых внешних доказательств само по себе говорило о пребывании среди христиан Бога. Мир церковный был одним из самых важных факторов проповеди о Христе и о истинности Его учения.

Среди этого мира достигали духовного совершенства подвижники Церкви. Таковы положительные черты церковного мира. Кратко это можно выразить в таких словах: в тихой мирной и благочестивой жизни по вере заключается для нас всякое благо: и временное, и вечное. И по мере того, как мы храним этот мир и соблюдаем заповеди Божии, по мере этого и Господь хранит нас Своим Божественным Промыслом в добром жительстве, соблюдает от греховных преткновений, исполняет во благих желания наши и подает все благопотребное для жизни.

Совершенно иным является разделение. Если мир в Церкви оценивается как положительное явление в жизни церковной, то разделение — как самое отрицательное.

Все, что с таким трудом приобреталось и создавалось в мирной церковной обстановке — все это подвергалось опасности и разрушению при разделении. Если мир свидетельствовал о пребывании Божественной благодати и любви среди членов Церкви, то разделение свидетельствовало о противном: об отсутствии этой благодати и любви. Мир создал церковный организм, а разделение разрушало и уменьшало число пребывающих в Церкви.

Разномыслие в вере и в соблюдении церковных уставов и правил св. Отцов вело к оскудению Божественной благодати и разобщенности, к оскудению благочестия, к потере страха Божия и к препятствию распространения Евангелия Христова.

Церковная история ясно свидетельствует, что церковные разделения отрицательно влияли на жизнь христиан, не только отдельных личностей, но и целых обществ. Одни, под действием разномыслия, оставляли вообще путь спасения и возвращались к прежней своей греховной жизни, другие же, оставляя церковный организм, создавали свои раскольнические и сектантские общества, которые, в свою очередь, сами в себе дробились на мелкие общества, удаляясь все дальше и дальше от истинного пути. История

возникновения ересей, расколов и сектантства — неопровержимое доказательство всему этому.

У нас на Руси в начале XX-го века много печального для Церкви принесло появление обновленческого раскола и других церковных разномыслий.

Под действием этих разномыслий исчезал мир среди верных, иссыкала любовь, оскудевала вера, утрачивался страх Божий, не оставалось места послушанию и смиренномудрию, сокращалось действие на человеческие сердца благодати Св. Духа, люди мало проявляли забот о преуспевании в молитвах и внимания к делу своего спасения, к очищению своего ума и сердца от страстей, мало заботились о подвиге добродетели, о духовном совершенстве.

Таковы печальные плоды церковного разделения.

Но как ни печальны плоды этого разделения, тем не менее оно (разделение) возникало в церковной жизни (и может вновь возникнуть и в последующей истории Церкви). Оно имеет свои причины, от которых получает свое непосредственное возникновение, и имеет историю своего развития и углубления.

Изучение этих причин и истории разделения является главной задачей церковных историков.

Это поможет, с одной стороны, своевременно ликвидировать всякие причины к разделению, а с другой — правильно оценивать ход церковных событий в тех или иных условиях общественно-церковной жизни.

СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ПАТРИАРХА ТИХОНА В ПЕРИОД ЗАМЕСТИТЕЛЬСТВА МИТРА. НИЖЕГОРОДСКОГО СЕРГИЯ

7 апреля н. ст. 1925 года Патриарх Тихон скончался. Бразды правления, как было указано в патриаршем завещании, принял на себя митр. Крутицкий Петр (Полянский). Началась как бы новая страница жизни Русской Православной Церкви под непосредственным управлением сначала Патриаршего Местоблюстителя, а затем Заместителя.

Церковно-общественная обстановка, в которой оказалась Православная Русская Церковь в этот период, была не совсем благоприятной для церковного мира. Прежде всего Патриаршая Церковь продолжала находиться вне правового положения в новом Государстве, и по этой причине она не могла устроить свою церковную жизнь нормально, как того требовало церковно-административное устройство Поместной Церкви. Обычные сессии Священного Синода, предусмотренные апостольскими правилами, отсутствовали совершенно. Управление Церковью Патриаршим Местоблюстителем совершалось хотя и на соборных началах, но единолично. Постепенно вбивался клин внешней разобщенности между Высшей Церковной Властью и российским епископалом.

Естественно, что при таком положении в церковном Управлении не могло быть и речи о нормальной жизни в епархиях и на приходах. Здесь (в епархиях) каждый православный епископ действовал в устройении церковно-приходской жизни по личному своему усмотрению. По личному же принципу определял он (епископ) свое правовое отношение и к новому Государственному строю.

Нормализовать церковную жизнь мог только Русский Православный Собор чрез установление им Высшего Церковного Управления в лице Патриарха и Синода. Но созвать Собор не представлялось возможности. Для этого требовалась легализация Русской Православной Церкви. Легализация же по каким-то неизвестным причинам откладывалась.

В такой обстановке церковной жизни и бесправного положения Русской Православной Церкви легко было действовать вождам

обновленческого раскола. И они, действительно, действовали. И действовали настойчиво и упорно, разрушая единство церковного организма.

Едва только скончался Патриарх Тихон, как обновленческий Священный Синод 11 апреля н. ст. 1925 года обращается с посланием ко всем архиереям, пастырям и верным чадам Православной Церкви с призывом оставить всякое разделение, объединиться вокруг Синода и общими усилиями готовиться к предстоящему третьему Поместному Собору¹.

Это была как бы пробная волна, направленная на Патриаршую Церковь, чтобы определить ее мощь и единство. Ее (волну) усилил Второй Поместный Всеукраинский Собор, состоявшийся в Харькове во второй половине 1925 года. Последний, признавши многие постановления обновленческого собора 1923 года, направил свои решения на борьбу с «тихоновщиной»².

Обновленчество в своих усилиях против Православия объединялось. Теперь уже не только центр и север России, но и юг Украины встал на путь противоборства главным устоям Православной Церкви. Там же продолжала действовать и липовщина.

Обновленческий Синод усиленно готовился к предстоящему Всероссийскому Собору, намеченному им (Синодом) на октябрь месяц 1925 года.

Были высказаны большие надежды на то, что в деяниях Собора примет участие и тихоновский епископат и что наступит, наконец, долгожданное примирение между обновленцами и тихоновцами. Однако надежды синодалов не оправдались.

Всюду, где только ни побывала делегация, посылаемая Синодом к тому или иному епархиальному епископу с письмами примирения, всюду она встречала полный отказ. Даже те из православных архиереев (как, например, митр. Нижегородский Сергий), на которых больше всего рассчитывали обновленцы, показали полную свою непримиримость к делу обновленческого Синода³.

Сокрушительный удар обновленческим надеждам нанес Патриарший Местоблюститель митр. Петр (Полянский) своим воззванием от 28 июля 1925 г. ко всей Русской Церкви, в котором он ясно указал, что намечающийся т. н. Поместный Собор будет являться просто-напросто самочинным сборищем и лже-собором и что принимать какое-либо участие православным на этом Соборе не следует, чтобы не погрешить против единства Церкви⁴.

Отказ православных епископов от участия в деяниях намечающегося обновленческого Собора был расценен обновленцами как нежелание последних (православных епископов) идти на перемирие с Синодом. А это, в свою очередь, послужило как бы основанием для обновленцев считать православных архиереев людьми,

¹ Вест. Свящ. Сн. Прав. Росс. Цер., 1925 г., № 2, стр. 2.

² Вест. Свящ. Сн. Прав. Росс. Цер., 1925 г., № 4, стр. 9.

³ Вестн. Свящ. Сн. Прав. Росс. Цер., 1926 г., № 7, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 5.

стремящимися «навязать Церкви политическую роль охранительницы монархического начала, тайного оплота реакционных государственно-политических вождений»¹.

В начале октября (с 1 по 10) 1925 года состоялся т. н. третий Всероссийский Поместный Собор.

Отношение обновленцев к православной иерархии на этом Соборе определилось в следующем постановлении:

«6. Признавая подобные стремления навязать Церкви несвойственную ей политическую роль, противоречащую ее христианским задачам и религиозной сущности, и считая преступными непрекращающиеся попытки тихоновской иерархии ввергнуть Церковь вновь в водоворот политической борьбы, в коем уже, однажды, при Тихоне, едва не погибла наша Церковь, Св. Собор считает своим долгом обратить внимание верующих на те грозные последствия, к которым может привести подобная политическая деятельность заправил так назыв. тихоновщины, и выявить пред всем церковным народом истинный смысл непримиримости, обнаруживаемой тихоновской иерархией.

7. С своей стороны Св. Собор, считая исчерпанными все меры церковного убеждения, приходит к сознанию, что всякие дальнейшие призывы, обращенные к тихоновской иерархии, бесполезны, пока она не откажется от своей политической деятельности и не вернется к христианскому пониманию церковного долга»².

Итак, обновленческий Собор взял новый курс своего отношения к православным епископам: не убеждать, а разоблачать пред всем церковным народом их якобы преступную политическую деятельность. Русская Православная Церковь оказалась, таким образом, лицом к лицу с своим противником, постаравшимся бросить на ее иерархию тень политической неблагонадежности.

Первым, кто подпал разоблачению и нападкам со стороны обновленцев, был Патриарший Местоблюститель митр. Петр. О нем писали и говорили как о человеке, имевшем связь с заграничными монархистами и принадлежавшем к черносотенцам. Словом, он и другие активные епископы обвинялись в политических преступлениях. Следствием всех подобных обвинений было то, что митр. Петр и ряд других архиереев были удалены от управления Церковью и епархиями.

В качестве и. о. Патриаршего Местоблюстителя в управление Русской Церковью вступил митр. Нижегородский Сергей (Страгородский).

Это был один из видных иерархов Русской Церкви, которому суждено было стать впоследствии патриархом.

Митр. Сергей (в мире Иван Николаевич Страгородский) родился 11 янв. ст. ст. 1867 г. в семье священника г. Аразамаса Нижегородской епархии. Получив первоначальное образование в при-

ходском, а затем в Арзамасском духовном училище, он поступил в Нижегородскую духовную семинарию, полный курс которой окончил в 1886 году.

Учение духовной семинарией не ограничилось: Иван Страгородский волонтером поступает в Петербургскую духовную академию. Здесь он, наряду с получением богословских познаний, воспламеняется внутренним желанием посвятить себя на служение Христовой Церкви в монашеском чине. 30 января 1890 г. Иоанн принимает постриг с именем Сергия (в честь преп. Сергия Валаамского чудотворца), а затем посвящение в сан иеромонаха.

Окончив блестяще духовную академию со степенью канд. богословия, иеромонах Сергий отправился в Японию на служение в православной Миссии. В Японии он пробыл три года, неуспынно совершая труды по миссионерству.

Весной 1893 года иеромонах Сергий был переведен в Петербургскую духовную академию и назначен и. о. доцента по кафедре Свящ. Писания Ветхого Завета.

В том же году в декабре месяце он был перемещен на должность инспектора Московской духовной академии, а в следующем году назначен настоятелем Русской Посольской Церкви в Афинах с возведением в сан архимандрита.

В 1895 году архим. Сергий защитил магистерскую диссертацию. С 1897 по 1899 гг. он снова трудится в качестве помощника начальника православной духовной миссии в Японии. Затем путь его направляется в духовную школу. В 1899 г. архим. Сергий был назначен сначала ректором Петербургской дух. семинарии, а затем инспектором академии.

В 1901 г. он был определен ректором той же академии и хиротонисан во еп. Ямбургского, третьего викария Петербургской епархии, с оставлением в прежней должности.

В 1905 г. еп. Сергий назначается архиеп. Финляндским и Выборгским. 12 лет занимал северную кафедру умудренный жизненным опытом архиеп. Сергий.

В 1917 г. он был избран и назначен архиеп. Владимирским и Шуйским, а в 1924 г. определен митр. Нижегородским и Арзамасским. Таков был жизненный путь митр. Сергия до того момента, когда волей Божией он вступил в управление Русской Церковью в качестве исполн. обязанности Патриаршего Местоблюстителя.

С момента его вступления на арену церковной жизни всплыло новое, т. н. правое иерархическое течение, возглавляемое архиепископом Свердловским Григорием (Яцковским). Образовался григорианский Синод ВВЦС. Это был первый клин, вбиваемый в церковный организм с правой стороны. Началось новое расщепление церковного единства. Сама сущность григорианского раскола заключалась в том, что епископы, образовавшие ВВЦС, не пожелали признать канонической власти ни за митр. Сергием, ни даже за митр. Петром и, несмотря на то, что сами они насильственным образом восхитили права первоиерарха Поместной Церкви, при-

¹ Вестн. Свящ. Синод. Прав. Росс. Церк., 1926 г., № 6, стр. 13.

² Постановление Св. Собора по докладу митр. Александра. См. там же, стр. 14.

знали свой ВВЦСовет как единственно правомочный орган Управления Русской Православной Церкви. Однако жизненная действительность доказала всю шаткость и несостоятельность их канонического основания, и они на протяжении своего 10-летнего существования не созидали свой церковный дом, а только всеми силами старались удержать его от разрушения.

Появление ВВЦС в лоне Русской Церкви оценивалось обновлениями именно как дробление тихоновщины, как распад единства тихоновской иерархии. Все это отвечало чаяниям обновленческого Синода, напрягавшего все свои силы на борьбу с Православием.

Время шло. И когда наступил 1927 год, то церковное единство с необычайной силой потрясло появление на фоне церковной жизни викторианства и иосифлянства.

Отдельные иерархи, не дооценив взятый митр. Сергием новый курс церковной политики, усмотрели в его действиях измену Православию и подчинение Божьего кесареви. Этого было достаточно, чтобы создать оппозицию против Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и стать на путь разделения.

С появлением в Церкви нового течения увеличились и новые страдания в жизни Русской Православной Церкви.

Теперь уже терзали её недра не чужие члены, а свои, и именно те, кто считал себя «шибко православным».

Картина представлялась в самых мрачных красках. С одной стороны Патриаршую Церковь теснило обновленчество, а с другой — не давали покоя григорианство, викторианство и иосифлянство. Единство церковное все дробилось и дробилось. Оно еще больше увеличилось, когда в начале 1928 г. от митр. Сергия отделился митр. Агафангел (Преображенский), образовавший с своими викариями т. н. «Ярославскую Церковную Область».

Наряду с этим, в среде русского православного епископата появились такие иерархи, которые, не примыкая ни к одному из появившихся расколов, старались обособиться от митр. Сергия и находиться в стороне от церковной жизни. К ним принадлежали архиереи т. н. «даниловского» и «мечовского» уклонов.

Особое место в числе указанных оппозиций митр. Сергию занимает оппозиция митр. Кирилла (Смирнова). Мститель и ревнитель единоличной церковной власти допустил сомнение в действиях Заместителя в образовании им Врем. Патриаршего Синода и усмотрел в этом прямое нарушение унаследованного от патриарха Тихона единоначалия в Церковном Управлении.

Сомнение завершилось отходом от подчинения митр. Сергию. Оппозиция митр. Кирилла явилась как бы заключительным звеном всех возникших ранее расколов. Если и появлялись впоследствии небольшие волнения в Церкви, то они носили кратковременный характер и большой опасности для единства церковного не представляли.

Такова краткая картина состояния Русской Церкви в этот период.

Как же действовал в такой безотрадной обстановке Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергей?

Ответим прямо, что он действовал мудро и терпеливо, с глубоким пониманием всей той ответственности, которая возлагалась на него, как на первоиерарха Русской Православной Церкви.

Первое, что входило в область его деятельности, — это установление нормальных отношений между Церковью и Государством¹.

Митр. Сергей прилагал все свои усилия к тому, чтобы достигнуть легализации Русской Церкви, иными словами, получить право на свободное устройство церковной жизни в новом Советском Государстве. Без этого он не мыслил дальнейшего существования Церкви при новом государственном строе.

Задача была не из легких. Главная трудность заключалась в том, что не все еще из православных дошли до ясного понимания самой легализации. Для многих она мыслилась не чем иным, как только подчинением Божьего кесареви, как измена Православию. Отсюда, естественно, всякий шаг, направляемый кем бы то ни было на сближение Церкви и Государства, уже расценивался ими как уклонение от истины.

Кроме того, многими русскими архиереями допускалась недооценка происходивших в России исторических событий, мешавшая им заглянуть вперед и точнее определить, в каких условиях, в правовых или же бесправных, надежнее сохранится и внешняя и внутренняя жизнь Церкви в обстановке нового государственного строя.

Митр. Сергей превозмог все эти трудности и смело вступил на путь легализации. Он стал выше большинства русских иерархов во взгляде на взаимоотношение Церкви и Советского Государства и в оценке церковно-политических событий. Митр. Сергей смотрел вперед. Он правильно определил, что в бесправном положении Русская Церковь долго существовать не сможет. Ее либо растерзают обновленцы, либо, уйдя в подполье, она превратится в сектантские общества. Все это ясно оценил митр. Сергей и, как мудрый иерарх, превозмогая все трудности, смело встал на путь создания прочной основы церковной жизни в условиях нового государственного строя.

Первая задача была выполнена. Но предстояла еще одна, не менее важная задача, чем первая, — сохранить незыблемо преемственно-каноническую структуру Высшего Церковного Управления и тем самым предохранить Русскую Церковь от дальнейшего распада, вносимого в церковную жизнь разными церковными группировками. Здесь-то и должен был митр. Сергей столкнуться лицом к лицу со всякого рода появившимися расколами, претендовавшими на первенствующую и руководящую роль в Церкви².

¹ Патриарх Сергей и его духовное наследство. Изд. Московск. Патриархии, 1947 г., стр. 273.

² Патриарх Сергей и его духовное наследство. Изд. Московск. Патриархии, 1947 г., стр. 40.

Здесь же необычайно ярко выявилась его мудрость и особая тактика действия. Он не вел какой-либо решительной борьбы с расколами, но и не допускал по отношению к ним равнодушия. Он употреблял именно те меры действия, которые больше всего соответствовали положению и времени.

Митр. Сергей действовал по следующему принципу: когда он узнавал о появившихся раздорниках, то он сначала увещевал их, а затем, если они не раскаивались в своих заблуждениях, налагал на них строгие меры прещения — запрещал в священнослужении и лишал кафедры. К этому он добавлял выжидательность, т. е. в дальнейшем не входил в особую дискуссию с вождями расколов, а выжидал того момента, когда само время покажет всю несостоятельность позиции, занятой раскольниками. И эта тактика оправдалась. Русская Православная Церковь, управляемая митр. Сергием, сохранила себя от потопления, в то время как все отколовшиеся от нее потерпели полное кораблекрушение и погибли в волнах житейского моря. В этом и заключается величайшая заслуга митр. Сергия пред Церковью, наперед предусмотревшего подводные камни и опытной рукой проведшего мимо них церковный корабль.

Итак, кратко обзрев состояние Русской Церкви в период заместительства митр. Сергия, мы приступим теперь к раскрытию нашей темы.

Областью нашего исследования являются церковно-иерархические группировки или церковно-религиозные расколы, возникшие в Русской Церкви в период с конца 1925 по 1930 годы.

Обновленческий раскол и расколы, появившиеся за пределами нашего Государства, мы опускаем совершенно, как составляющие предмет специального исследования. Мы берем только такие церковные течения, как-то: григорианский, иосифлянский и ярославский расколы, затем викторианство и оппозицию митр. Кирилла (Смирнова).

Задачи, которые мы ставим настоящим исследованием, по своей внутренней цели, очень скромные, — они суть следующие:

1. Выяснение главных причин, породивших расколы.
2. История или развитие расколов.
3. Каноническая оценка расколов.

ГРИГОРИАНСТВО

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРИГОРИАНСТВА

Первым, кто положил начало оппозиции митр. Сергию, является архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский). Это был иерарх средних дарований и ничем особенным не выделявшийся среди русского православного епископата.

Архиеп. Григорий (в миру Гавриил Яцковский) родился 13 июля ст. ст. 1866 г., в Подольской епархии. Его рождение, как он сам отмечает в своей речи в день наречения во епископа, сопровождалось обетом матери: если только родится у нее сын, то она посвятит его на служение Богу¹.

По окончании Подольской духовной семинарии он в 1888 г. поступает в обитель начальников Российского монашества преподобных Антония и Феодосия Печерских, где 4 августа 1890 года принимает иноческий постриг с именем Григория².

Чтобы восполнить свое образование, он в 1890 г. поступает в число студентов 1-го курса Казанской духовной академии, где 9 сентября принимает рукоположение в сан иеродиакона.

В 1894 г. он оканчивает полный курс академии со степенью кандидата богословия, 29 июня рукополагается во иеромонаха и 19 августа в том же году получает назначение учителем Александровского Осетинского училища.

Недолго продолжались его труды в качестве учителя Александровского училища. В 1895 г. он был переведен преподавателем Томской духовной семинарии, а в следующем 1896 г. определен инспектором Иркутской духовной семинарии.

В должности инспектора семинарии он прослужил один год. Отличался ли он какими-либо особыми качествами духовного воспитателя, нам ничего неизвестно, но только в 1897 г. мы видим его ректором Томской семинарии.

21 ноября в день Введения во храм Пресвятой Богородицы состоялось возведение его в сан архимандрита.

¹ Прибавл. к «Церковным ведомостям» 1908 г., № 48, стр. 2350.

² Там же, стр. 2350.

В 1908 г. по ходатайству епископа Тамбовского и Шацкого Иннокентия (Беляева) он был избран епископом Козловским, викарием Тамбовской епархии.

18 ноября в зале заседаний Святейшего Синода состоялось его наречение во епископа, а 21 ноября в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры совершена хиротония.

Четыре года занимал он викариатство Тамбовской епархии. В 1912 г. 13/26 декабря еп. Григорий был переведен епископом Бакинским, викарием Грузинской епархии, а в 1918 г. — епископом Екатеринбургским. В 1922 г. он был возведен в сан архиепископа.

Таков был жизненный путь основателя григорианства.

Уместно теперь поставить вопрос: что побудило Екатеринбургского иерарха вступить на путь создания ВВЦС? Ответ на этот вопрос необходимо искать в тех причинах, которые тесно связаны, во-первых, с отношением самого архиеп. Григория к Патриаршему Местоблюстителю, во-вторых, с церковными событиями тогдашнего времени и, в-третьих, со взглядом архиепископа Григория на Высшее Церковное Управление.

Каково было настоящее отношение архиеп. Григория к Патриаршему Местоблюстителю митр. Петру, нам точно неизвестно. Однако из тех данных, которыми мы располагаем, можно предположительно сказать, что архиеп. Григорий к митр. Петру относился не совсем благосклонно.

В послании григориан ко всем верным Св. Православной Церкви ясно отмечено, что Церковь, «лишенная на пути своих испытаний руководства Святейшего Патриарха Тихона, неправимая Соборне, ведомая лишь личною волею митрополита Петра, она как бы вернулась к самым темным временам своего бытия. Вся воля Святой Церкви как бы затмилась единою человеческою волею»¹.

Указание на мрачные стороны церковной жизни в дни управления митр. Петром Церковью дает нам основание утверждать, что, наряду с другими епископами, образовавшими впоследствии ВВЦС, архиеп. Григорий смотрел на Патриаршего Местоблюстителя как на иерарха, допускавшего нарушение соборного начала в церковном управлении. А это, в свою очередь, не могло не породить в душе архиеп. Григория чувства нерасположения к митр. Петру. Последнее же предрасполагало при особых обстоятельствах церковно-общественной жизни склониться пред требованием времени и стать на путь создания ВВЦС. А обстоятельства и события церковной жизни как будто бы благоприятствовали этому.

15 ноября 1925 г., т. е. незадолго перед тем, как открыто выступить архиеп. Григорию в создании коллегии, в «Известиях ЦИК» за № 261 (2594) была напечатана статья Теляковского «Среди церковников», в которой митр. Петр, а также и все общающиеся с ним обвинялись в контрреволюции и черносотенстве. Статья заканчивалась словами: «В огромной степени от самого

Петра Крутицкого зависит опровергнуть все эти подозрения. И в столь же большой степени от самих церковников зависит раз и навсегда положить конец черносотенным интригам и контрреволюционным махинациям тех лиц, которые направляют церковную жизнь».

Учитывая содержание этой статьи и желая, очевидно, показать себя в глазах Местоблюстителя «печальником» Церкви, архиепископ Григорий вместе с еп. Борисом (Рукиным) Можайским и Иннокентием (Бусыгиным) Каменским посещает митр. Петра и убедительно просит его реабилитировать себя, ответить на эти обвинения, затем собрать православных архиереев, находящихся в Москве, и обсудить положение церковных дел. Но митр. Петр решительно отвергает эту просьбу, указывая на то, что он сам отвечает за Церковь, и что собрание архиереев не только не поможет делу, а даже повредит ему.

Тогда архиеп. Григорий открыто заявил Местоблюстителю, что ответственность за Церковь лежит на всех епископах и что голос всех епископов более убедителен, чем голос одного лица. Заявление архиеп. Григория настолько было решительным, что сам митр. Петр согласился с ним и обещал составить декларацию и сообщить ее епископам¹. Однако выполнить свое обещание митр. Петр уже не смог.

6 декабря 1925 г., чувствуя, что он в ближайшие дни должен будет оставить бразды церковного правления Русской Церковью, митр. Петр издает акт о временной передаче обязанностей Патриаршего Местоблюстителя кому-либо одному из трех указанных в акте кандидатов. Акт митр. Петра гласил: «В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя, временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященнейшему Сергию, митрополиту Нижегородскому. Если сему митрополиту не представится возможным осуществить это, то будет... Экзарх Украины Высокопреосвященный митр. Михаил, а если он будет лишен возможности..., то Высокопреосвященный Иосиф, архиеп. Ростовский. Возношение за Богослужениями моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным»². Акт был запечатан в особый конверт и положен в сокровенное место до времени его вскрытия.

10 декабря, т. е. через три дня после издания акта, митр. Петр был арестован.

Согласно завещанию, временное исполнение обязанностей Местоблюстителя возложил на себя митр. Сергей (Страгородский). Это была первая каноническая преграда, с которой должен был встретиться архиеп. Григорий на пути создания ВВЦС, преграда, преодолеть которую было не так легко, потому что она была основана на краеугольном камне — Христе.

¹ «Известия ЦИК» от 7 января 1926 г., № 5 (2636), стр. 5.

² Митр. Елевферий. Соборность Церкви. Божие и кесарево. Париж, 1938 г., стр. 196.

¹ Православн. Церк. Календ. на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова, стр. 25.

Интересна в этом отношении борьба архиеп. Григория с таким могучим по духу и колоссом по интеллекту, каким являлся митр. Сергий. В этой борьбе вскрывается еще одна из важных причин, располагавших архиеп. Григория к оппозиции.

Главная цель григорианства, как мы увидим ниже, выражалась в создании Синодального управления Русской Церковью, а это, в свою очередь, вело к уничтожению Патриаршества. Это дает нам полное основание утверждать, что в душе архиеп. Григория зрело несочувствие к восстановленному на Руси Патриаршеству. В его сердце тайно нарастал протест против централизованного управления, сосредоточенного в одном лице — Патриархе. Синодальное, или коллегиальное управление казалось ему более целесообразным и правомочным, чем управление патриаршее. Правда, мы не видим со стороны самого архиепископа каких-либо выпадов против Патриарха Тихона и даже против митр. Петра, вступившего после кончины Патриарха в обязанности Местоблюстителя, но это объясняется тем, что архиеп. Григорий признавал тот факт, что Патриарха избрал Поместный Русский Собор, а митр. Петра утвердил сонм иерархов, присутствовавших на погребении Патриарха Тихона, и этим избранием как бы утверждалось в его понятии соборное управление. Но вот когда он усмотрел в действиях Патриаршего Местоблюстителя попрание церковной воли волей единого лица, и что эта воля якобы возвращает Церковь к самым мрачным временам ее бытия, тогда-то он признал, что единоначалие митр. Петра в управлении Церковью ведет к нарушению соборности и что синодальное управление более безопасное в условиях нового государственного строя, чем патриаршее. Эта точка зрения и побудила архиеп. Григория способствовать восстановлению в Русской Церкви управления не патриаршего, а коллегиального.

Чтобы окончательно утвердить себя на этой позиции, явно диссонирующей с 34 апостольским правилом, которое гласит: «Епископам всякого народа подобает знати первого в них, и признавать его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения творити же каждому только то, что касается до епархии и до мест к ней принадлежащих»..., — он так рассуждал, что «попечение об общих делах Церкви возложено на всех епископов и на каждого в отдельности, так что каждый из епископов при случае может присвоить себе распоряжение общими делами»¹.

Подобный случай, как ему казалось, был налицо: нарушена соборность Церкви единоличным управлением митр. Петра и единоличная передача того же самого управления своему заместителю митр. Сергию. Теперь оставалось только на деле применить свои полномочия, возложенные Церковью на каждого епископа, присвоить себе «распоряжение общими делами» и восстановить «попранное» единоначалием соборное управление.

¹ Письмо митр. Сергия к митр. Кириллу от 5/18 сент. 1929 г. См. Материалы по носифлянск. расколу, кн. 1, стр. 19.

В своих логических умозаключениях архиеп. Григорий не учел самого главного: канонических, хотя и временных, прав митроп. Сергия и, безусловно полноценных прав самого Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра. Как бы ни старался архиеп. Григорий доказать правоту своих выводов, однако остается неоспоримым тот факт, что митр. Петр, хотя и был лишен физической возможности управлять Церковью, но полномочий своих, полученных им согласно завещанию Патриарха Тихона, от собора архипастырей, он не оставлял и, в силу этого, переданные им временно митр. Сергию полномочия имели ту же самую силу канонического действия, что и действия самого митр. Петра.

Понять этот факт архиеп. Григорий просто не хотел — стремление восстановить соборность церковного управления лишило его возможности на данный момент здраво оценить ход событий.

Интересно, что отрицая теперь каноническое правомочие митр. Петра — единолично передавать, хотя и временно, власть кому-либо другому, сам архиеп. Григорий впоследствии, как мы увидим ниже, должен был признать, в целях создания своего канонического авторитета, законное правомочие митр. Петра и отправляясь в своих действиях от этого правомочия. Здесь явное отступление от своих первоначальных позиций и принципов. Итак, успокоив себя тем, что Церковь якобы лишена соборного управления и что он, как правомочный епископ, имеет возможность взять на себя «распоряжение общими делами» Церкви, архиеп. Григорий вступил на путь осуществления своих принципов.

В своих направлениях и принципах он был не единственным и, кажется, не первым. К тому моменту, когда у архиеп. Григория созрели планы будущей «коллегии», в Москве подготавливали свое возвышение еп. Можайский Борис (Рукин) и еще несколько единомышленных ему епископов, среди которых были: еп. Переяславский Дамиан (Воскресенский), еп. Ульяновский Виссарион (Зорин), еп. Каменский Иннокентий (Бусыгин) и другие. Эта группа архиереев за несколько дней до ареста митр. Петра Крутицкого была уже подготовлена органами ГПУ и народным комиссаром по делам религий Е. Тучковым к тому, чтобы внести в церковную жизнь новый раскол¹.

Свидание архиеп. Григория с вышеуказанными епископами состоялось именно в тот момент, когда митр. Петр был лишен физической возможности управлять Церковью. Время было самое удачное для тех целей, к которым стремились архиеп. Григорий и еп. Борис. Митрополита Петра нет, о вступлении же митрополита Сергия в свои обязанности епископы начали только что узнавать. В таких условиях можно было действовать свободно и целеустремленно.

Но прежде чем приступить к делу, надо было решить вопрос, кто должен взять на себя инициативу учредить малый Собор архиереев и возбудить ходатайство пред гражданской властью

¹ М. Польский. «Новомученики Российские», т. 1, стр. 138.

о дозволении созвать собрание епископов для обсуждения церковных дел?

На общем собеседовании они пришли к такому выводу: поскольку ни Местоблюстителя, ни членов Синода нет, то инициативу по устройению всего вышесказанного должны взять на себя либо старейший по хиротонии архиерей, либо старший vicарий Московской епархии.

Старейшим иерархом они признали митр. Киевского Мианла (Ермакова), хиротония которого была в 1899 году.

К нему-то они и обратились. Но митр. Михаил отказался принимать какое-либо участие в их деле¹.

Естественно, они должны были бы обратиться к митр. Сергию (Страгородскому), как старейшему архиерею по хиротонии (хиротония 1901 г.) после митр. Михаила и пребывающему на епархии, но епископы признали таковым архиеп. Григория (Яцковского), хотя хиротония его была в 1908 году, и старшим vicарием Московской епархии еп. Можайского Бориса (Рукина).

Последние и взяли на себя инициативу по созыву собрания епископов².

Они обратились с этой просьбой к Правительству и получили от него разрешение беспрепятственно приступить к совещанию.

Тогда, как заверяют творцы нового дела, архиерей-инициаторы оповестили (однако не всех) епископов, но явились в Москву только десять человек, остальные либо отказались³, либо не были поставлены в известность⁴.

ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ЦЕРКОВНОГО СОВЕТА (ВВЦС)

После того, когда все уже было подготовлено, прибывшие в Москву архиереи приступили к делу.

9/22 декабря 1925 года все они в количестве десяти человек явились утром в Донской монастырь, совершили панихиду на могиле Святейшего Патриарха Тихона и затем открыли совещание¹.

С особым докладом о современном положении Русской Православной Церкви выступил еп. Можайский Борис (Рукин).

Пред лицом присутствующих архиереев он нарисовал весьма мрачную картину современной церковной жизни, появлению которой содействовали ряд ошибок Патриарха Тихона, вмешательство в жизнь Церкви обновленчества и, наконец, единоличное управление митр. Петра, приведшее якобы к поправлению церковной соборности.

В заключение он высказал такую мысль, что Церковь в таком состоянии не может далее оставаться и что, следовательно, необходимо временно учредить Церковный Совет, как выразитель соборности Церкви, который бы занимался текущими церковными делами и вел бы подготовку к созыву канонического Православного Собора.

После доклада было поставлено несколько вопросов, касающихся самой организации Церковного Совета и тех полномочий, которые должны были входить в функции его членов.

В общем итоге всех обсуждений епископы пришли к единогласному решению: создать из среды присутствующих архиереев на соборных началах Малый Собор Епископов, или Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС) для ведения текущих церковных дел и тем самым восстановить «поправные права соборности»².

Было избрано шесть архиереев под председательством архиепископа Григория, которые и составили из себя Малый Собор Епископов.

¹ Там же, стр. 25.

² Объяснит. записка к послан. от 12 мая 1927 г. Малого Собора Епископов, стр. 6.

¹ Еп. Борис (Рукин). О современ. положении Русск. Православной Патриаршей Церкви. Москва, 1927 г., стр. 4.

² Там же, стр. 4—5.

³ Правосл. церк. календ. на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова, под редакц. архиеп. Григория (Яцковского), стр. 23.

⁴ Там же, стр. 27.

... дозволения созвать собрание епископов для обсуждения церковных дел?

На общем собеседовании они пришли к такому выводу: поскольку ни Местоблюстителя, ни членов Синода нет, то инициативу по устройению всего вышесказанного должны взять на себя либо старейший по хиротонии архиерей, либо старший vicарий Московской епархии.

Старейшим иерархом они признали митр. Киевского Миаила (Ермакова), хиротония которого была в 1899 году.

К нему-то они и обратились. Но митр. Михаил отказался принимать какое-либо участие в их деле¹.

Естественно, они должны были бы обратиться к митр. Сергию (Страгородскому), как старейшему архиерею по хиротонии (хиротония 1901 г.) после митр. Михаила и пребывающему на епархии, но епископы признали таковым архиеп. Григория (Яцковского), хотя хиротония его была в 1908 году, и старшим vicарием Московской епархии еп. Можайского Бориса (Рукина).

Последние и взяли на себя инициативу по созыву собрания епископов².

Они обратились с этой просьбой к Правительству и получили от него разрешение беспрепятственно приступить к совещанию.

Тогда, как заверяют творцы нового дела, архиереи-инициаторы оповестили (однако не всех) епископов, но явились в Москву только десять человек, остальные либо отказались³, либо не были поставлены в известность⁴.

ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ЦЕРКОВНОГО СОВЕТА (ВВЦС)

После того, когда все уже было подготовлено, прибывшие в Москву архиереи приступили к делу.

9/22 декабря 1925 года все они в количестве десяти человек явились утром в Донской монастырь, совершили панихиду на могиле Святейшего Патриарха Тихона и затем открыли совещание¹.

С особым докладом о современном положении Русской Православной Церкви выступил еп. Можайский Борис (Рукин).

Пред лицом присутствующих архиереев он нарисовал весьма мрачную картину современной церковной жизни, появлению которой содействовали ряд ошибок Патриарха Тихона, вмешательство в жизнь Церкви обновленчества и, наконец, единоличное управление митр. Петра, приведшее якобы к попранию церковной соборности.

В заключение он высказал такую мысль, что Церковь в таком состоянии не может более оставаться и что, следовательно, необходимо временно учредить Церковный Совет, как выразитель соборности Церкви, который бы занимался текущими церковными делами и вел бы подготовку к созыву канонического Православного Собора.

После доклада было поставлено несколько вопросов, касавшихся самой организации Церковного Совета и тех полномочий, которые должны были входить в функции его членов.

В общем итоге всех обсуждений епископы пришли к единогласному решению: создать из среды присутствующих архиереев на соборных началах Малый Собор Епископов, или Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС) для ведения текущих церковных дел и тем самым восстановить «попраные права соборности»².

Было избрано шесть архиереев под председательством архиепископа Григория, которые и составили из себя Малый Собор Епископов.

¹ Там же, стр. 25.

² Объяснит. записка к послан. от 12 мая 1927 г. Малого Собора Епископов, стр. 6.

¹ Еп. Борис (Рукин). О современ. положении Русск. Православной Патриаршей Церкви. Москва, 1927 г., стр. 4.

² Там же, стр. 4—5.

³ Правосл. церк. календ. на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова, под редакц. архиеп. Григория (Яцковского), стр. 23.

⁴ Там же, стр. 27.

В него вошли: архиеп. б. Могилевский Константин (Булычев), еп. Можайский Борис (Рукин), еп. Симбирский Виссарион (Зорин), еп. Переяславский Дамиан (Воскресенский), еп. Каменский Иннокентий (Бусыгин) и еп. Усть-Медведицкий Тихон (Русинов)¹.

Остальные епископы: Вассиан (Пятницкий), б. Егорьевский, Митрофан (Русинов) Уразовский и Иоанникий (Соколовский) — находились как бы в их подчинении.

Какими полномочиями обладал ВВЦС, об этом указывает выработанный на этом собрании специальный Наказ.

Вот что говорится в этом документе:

1. Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС) является временным органом церковного управления Российской Православной Церкви и находится в каноническом и молитвенном общении с Патриаршим Местоблюстителем.

2. ВВЦС ведает всеми церковными делами православных приходов по всей территории СССР, с согласия Правительства оно.

3. ВВЦС ведет дела вероучения, богослужения, церковного просвещения, управления и дисциплины, согласно Слову Божию и церковным канонам.

4. ВВЦС ближайшей своей задачей имеет подготовку канонически-правильного Собора Российской Православной Церкви в ближайшие месяцы (не позднее лета 1925 г.), в составе епископов, клириков и мирян.

5. ВВЦС имеет попечение о своевременном замещении архиерейских епархиальных кафедр и о пребывании архиереев в пределах их епархий.

6. ВВЦС обращается ко всей Российской Православной Церкви с учительными посланиями и пастырскими воззваниями и заботится об установлении общения с православными Восточными Патриархами.

7. Имея долг печалования пред Государственной властью, ВВЦС возбуждает, где следует, ходатайства по делам Церкви.

8. ВВЦС отчетом о своей деятельности обязан Собору и занимается текущими делами впредь до избрания Собором нового церковного управления.

9. ВВЦС может кооптировать в нужных случаях в свой состав представителей духовенства и мирян².

Архиеп. Григорий Екатеринбургский
Дамиан, епископ Переяславский
Архиеп. Константин
Виссарион, еп. Ульяновский
Тихон, еп. Усть-Медведицкий
Борис, епископ Можайский
Епископ Вассиан

Иннокентий, еп. Каменский
Митрофан, еп. Уразовский
Епископ Иоанникий.

Таким образом, согласно установленным на совещании регламентациям, Совет как бы утверждался быть временным органом управления Русской Православной Церкви с правом заведовать всеми церковными делами в православных приходах на всей территории СССР. В круг его обязанностей входила также забота об установлении общения с православными Восточными Патриархами. ВВЦС ставился в своей деятельности в подотчетное отношение к будущему постоянному Собору, и потому занятия Совета текущими делами могли продолжаться только до избрания Собором нового церковного управления.

Наряду с Наказом, Церковный Совет от лица православных епископов, находящихся в Москве, выработал текст послания ко всем верным чадам Святой Православной Церкви.

Вот содержание этого послания:

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами»
(Филипп, IV, 23).

Пророк Божий Исаия, изображая состояние современного ему мира пишет: «Мятежем возметется земля и скудостью оскудеет земля. Преклонися и потрясется земля, аки овощное хранилище и аки пьян и шумен падет и не возможет возстати, преодолеть на ней беззаконие». (Ис. XXIV, 19—20).

Жизнь течет, и умножаются отбросы жизни — сор ее и, как рачительный хозяин от времени до времени пересматривает свое хозяйство, очищает грязь и вытряхивает пыль, так и Творец и Промыслитель наш Господь от времени до времени потрясает землю и живущие на ней народы, очищая их от грехов их, кои суть отбросы и сор жизни.

В сознании этой истины верующие пастыри и пасомые в самом начале революции собрались на церковный Собор в 1917 г. с тем, чтобы упорядочить жизнь церковную. С тою же целью они возглавили Русскую Церковь Святейшим Патриархом Тихоном.

Но суетны сынове человечести, и деяние их оказалось не концом, а лишь началом болезни. Патриарх Тихон был человек, и как человек не мог не ошибаться, особенно среди бурного течения революции. Естественно было искать исправления ошибок.

Но исправление оказалось хуже самих ошибок. За исправление взялись люди с нечистыми руками и с нечистым сердцем и повели Церковь по строптивым, нечистым путям, чем оттолкнули от себя и своего дела верующий народ и вынудили Патриарха Тихона взять в свои руки кормило церковного правления. Непосильные труды и чрезмерная ответственность истощили жизненные силы Святейшего Патриарха и преждевременно свели его в могилу. Чувствуя приближение кончины и предвидя невозможность канонического исправления,

¹ «Известия ЦИК» от 7 янв. 1925 г., № 5 (2636), стр. 5.

² См. Православн. Церк. Календ. на 1927 г., Изд. Е. Н. Львова. Под редакцией Архиеп. Григория (Яцковского), стр. 26.

нического избрания себе преемника, Патриарх Тихон назначил Местоблюстителями патриаршей кафедры митрополитов Казанского Кирилла, Ярославского Агафангела и Крутицкого Петра. Собрание православных епископов, участвовавших в погребении почившего Первосвятителя, за отсутствием двух первых, вручило права Патриаршего Местоблюстителя Митрополиту Крутицкому Петру.

Но не угодно было Господу успехом благословить труды сего святителя. За время правления его нестроения и бедствия Святой Церкви лишь усугубились. Лишенная на пути своих испытаний руководства Святейшего Патриарха Тихона, несправимая Соборне, ведомая лишь личною волею митр. Петра, она как бы вернулась к самым темным временам своего бытия. Вся воля Святой Церкви как бы затмилась единою человеческою волею. Наша Православная Святая Соборная и Апостольская Церковь, имея Главою своею Господа нашего Иисуса Христа и ведомая благодатию Духа Святого, не может по самой своей природе заблуждаться или соделывать грех, уча верных чад своих послушанию и повиновению власти не за страх, а за совесть. Святая Церковь органически, по самой и вечной цели своей чужда и далека сует, какой бы то ни было земной политики.

В виду сего мы, находящиеся в Москве Епископы Российской Православной Церкви, собравшись с разрешения Правительства СССР в Донском монастыре 22 декабря 1925 г., помолвившись у гроба Святейшего Патриарха Тихона и обсудив положение церковных дел, решили избрать Высший Временный Церковный Совет для ведения текущих дел Русской Православной Церкви и для подготовки канонически правильного Собора, полномочного управителя и устроителя ее, не позже лета 1926 года.

При этом мы твердо решили не входить ни в какие отношения и общения с обновленцами и обновленчеством во всех его видах: каковы так называемые синодальная церковь, антониновщина, самосвятчина и т. п. — и крепко стоять на основе Слова Божия и священных канонов Святой Православной Церкви.

Вместе с тем, мы считаем своим долгом засвидетельствовать нашу совершенную законопослушность придерживающейся власти Правительства СССР и веру в его добрую волю, в чистоту его намерений в служении благу народа. Взаимно мы просим верить нашей лояльности и готовности служить на благо того же народа в меру наших сил, разумения и возможности.

Сообщая о сем всем верным чадам Святой Православной Церкви Российской, мы просим их молитвенной помощи нам в подлещаем нам подвиге благоустроения дел церковных по заповеди апостола: «Молитесь о нас, уповаем бо яко добру совесть имамы, во всех добре хотяще жити». Бог же мира, возведый из мертвых Пастыря овцам великого кровию завета вечного Господа нашего Иисуса Христа, да совершит вы во всяком деле блазе, творя в вас благоугодное пред ним и Иисус Христом, Ему же слава во веки. Аминь. (Евр. XIII, 20, 21).

Архиеп. Григорий Екатеринбургский и Ирбитский.
Смиренный Борис, еп. Можайский, вик. Московский.
Виссарион, еп. Ульяновский.
Еп. Усть-Медведицкий Тихон, управляющий Сталинградской епарх.

Архиепископ Константин.
Владимир, архиеп. Екатеринославский и Новомосковский
Иннокентий, епископ Каменский.
Симеон, епископ Чебоксарский, управл. Вятской епархией.
Иринея, епископ Елабужский.
Митрофан, епископ Уразовский.
Смиренный Митрофан, митр. Донской.
Мелхиседек, еп. Минский, митр. Белорусский¹.

Послание характерно тем, что оно ясно вскрывает взгляд епископов-григориан на деяния Патриарха Тихона и митроп. Петра. Они определенно подчеркивают, что и первый, и второй — оба якобы допустили неканонические поступки: Патриарх — избрание себе преемников, а митр. Петр — единоличное управление Церковью. Исправить эту ошибку, как думали они, и решился ВВЦС.

Кроме этого, послание показывает и отношение ВВЦС к обновленческому и др. расколам и к гражданской власти. В первом случае епископы, в целях отмежевания себя от разного рода церковных группировок, определенно заявили, что они не желают входить «ни в какие отношения и общения с обновленцами и обновленчеством во всех его видах: каковы т. н. синодальная церковь, антониновщина, самосвятчина и т. п.»

А во втором случае они засвидетельствовали полную свою лояльность к Правительству СССР.

Нас интересуют еще в этом послании поставленные подписи, которые могут привести в недоумение читающих. Послание подписали 12 епископов, тогда как на совещании присутствовало только 10 человек, причем из этих 10 три епископа: Дамиан (Воскресенский), Вассиан (Пятницкий) и Иоанникий (Соколовский) — подписей своих под посланием не поставили, а из 12 подписавшихся 5 архиереев вообще не присутствовали на совещании. Как же все это понять?

Прежде всего необходимо выяснить о самом времени написания этого послания.

В Православном Церковном календаре на 1927 год, изд. Е. Н. Львова, под редакцией Архиеп. Григория (Яцковского) на стр. 25, где помещено это послание, определенно указан такой раздел: «Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета». И первым документом помечено именно это послание, затем Наказ и т. п.

¹ См. Прав. Церк. календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова, стр. 25.

Сам основоположник ВВЦС архиеп. Григорий в своем годовичном отчете «О современном положении Русской Православной Церкви и ее управлении» от 23 ноября 1926 г. указывает, что собравшиеся архиереи выработали послание к архипастырям, пастырям и пасомым Российской Православной Церкви¹.

Об этом же самом подтверждают и «Известия ЦИК» от 7 янв. 1926 г., № 5. В них так говорится: «...22 декабря в помещении Донского монастыря было созвано собрание епископов. Собрание выработало послание ко всем верующим, выбрало временный высший церковный совет»... и т. д.

Да и в самом послании указывается не на будущее или прошедшее событие, а на настоящее, только что совершающееся. «В виду сего, — говорится в послании, — мы, находящиеся в Москве Епископы..., собравшись... 22 декабря 1926 г., решили избрать»....

Все это говорит за то, что послание было написано на совещании 22 декабря. Но в таком случае как же понять то обстоятельство, что три епископа, принимавшие участие в написании послания, не подписали его, и, наоборот, 5 архиереев, которые не присутствовали, поставили под ним свои подписи?

Нам, думается, что этот вопрос может быть решен в такой плоскости.

Действительно, как свидетельствуют об этом сами основатели ВВЦС, на собрании григорианских епископов присутствовало 10 человек и что они выработали послание ко всем верующим Русской Церкви, но самый текст, надо полагать, не был окончательно отредактирован и потому оставлен без подписей. И пока послание редактировалось, одни из епископов, присутствовавшие на совещании, отлучились в свои епархии или вообще по каким-либо делам выбыли из Москвы, а другие, наоборот, приехали в столицу и присоединились к ВВЦСовету. Последние-то и поставили свои подписи под посланием вместе с теми, кто оставался в Москве и принимал участие в совещании.

После того, как внешняя и внутренняя организация нового управления была закончена, ВВЦСовет поставил определенные задачи и цели, осуществлять которые признал необходимым и важным делом для всех своих последователей.

Первая и самая высшая задача, выдвинутая Малым Собором Епископов, выражалась, прежде всего, в созыве Поместного Собора Российской Православной Церкви из епископов, клириков и мирян и затем в проведении принципа Соборности через всю церковную жизнь, через правильную организацию Синода и Совета Епархиальных собраний и Советов: епархиальных, викариальных, благочиннических и приходских.

«Вторую свою задачу Малый Собор Епископов поставил — хранить до смерти в полной незыблемости, неприкосновенности святое Православие, все догматы, канонические определения Все-

ленских и Поместных Соборов, и, в частности, Собора 1917 года»¹. «Третья задача Малого Совета Епископов, или Временного Высшего Церковного Совета, заключалась в том, чтобы исправить ошибки предыдущих церковных деятелей и установить между Церковью и гражданской властью мирные, доброжелательные отношения»².

Таковы прямые задачи и цели, поставленные ВВЦСоветом на совещании, бывшем 9/22 декабря 1925 г. в Донском монастыре.

Справедливо теперь поставить вопрос: в какой степени с точки зрения церковных канонов правомочны само совещание епископов-староцерковников и те задачи, которые были поставлены ими на этом совещании?

Выше мы уже отмечали, что 34 апостольское правило определенно говорит, чтобы епископы всякого народа ничего, превышающего их власть, не делали без рассуждения первого епископа. В соответствии с этим правилом, архиеп. Григорий и единомышленные ему епископы, приступая к совещанию, допустили прямое антиканоническое действие. Ведь сам архиеп. Григорий и другие епископы прекрасно были осведомлены, что управление Русской Церковью временно передано Патриаршим Местоблюстителем митр. Нижегородскому Сергию* и что последний, с того момента как он приступил к исполнению своих обязанностей как Заместитель (а он вступил в середине декабря 1925 г.), является первым каноническим епископом Русской Церкви, без ведома которого ни один из епархиальных епископов Поместной Церкви не имел права делать что-либо, касающееся общего церковного управления.

И тем не менее, зная все это, ни архиеп. Григорий, ни другие единомышленные ему епископы не только не следуют апостольскому правилу, но и прибегают к ложному способу своих действий. Что же они делают? Они прикидываются будто бы ничего не знающими о назначении митр. Сергия и начинают действовать как бы в той обстановке церковной жизни, которая в какой-то степени оправдывает их поступок. А когда нельзя уже было скрываться под маской неведения, тогда они начинают обвинять митр. Сергия в том, что последний, получивши от митр. Петра поручение на управление Церковью, якобы утаил от русского епископата это

¹ Объяснит. записка к посланию от 12 мая 1927 г., стр. 6.

² Там же.

* Примечание. О том, что о передаче власти митр. Сергию было уже известно многим и, несомненно, епископам, образовавшим ВВЦС, сообщает нам неизвестный протонерей А. Л. в своих записках за декабрь месяц 1925 г. Вот что он писал: «Местоблюститель управление передал Сергию митр. Нижегородскому. Но его не выпускают из Нижнего. Дамиан (Воскресенский) пишет, что они находятся в постоянном контакте с Местоблюстителем и ничего общего не имеют с обновленцами. Этот „адский“ план (образование ВВЦС — примеч. автора) проектирован для создания нового раскола в Православной Церкви. Но все знают, что эти соблазненные чем-то люди не имеют полномочия управлять Православной Церковью, ибо Местоблюститель не давал им его». См. записки неизв. прот. А. Л. о русск. церк. жизни 1-й пол. XX века, стр. 36.

¹ См. Правосл. Церк. календарь на 1927 г., стр. 23.

поручение и тем самым как бы оставил Церковь без управления¹.

Но все это чистейший вымысел оппозиционеров. Так ли в действительности обстоит дело с митр. Сергием, как представляют себе епископы-староцерковники, или же было совершенно по-иному?

События церковной жизни говорят не в пользу последних.

В то время, когда митр. Петр (Полянский) был устранен от управления церковного, митр. Сергей находился в Нижегородском монастыре без права выхода из него. Вскрытый акт-завещание, выражавший волю Патриаршего Местоблюстителя, указал Заместителя, и те, кто участвовал во вскрытии акта, осведомили об этом митр. Сергия. Последний, хотя и находился в полусвободном состоянии, однако через Московского викария постарался уведомить русский епископат о своем назначении и получил сведения, что оно принято на местах спокойно².

Среди извещенных были, конечно, и епископы-староцерковники. Это было 14 декабря 1925 г.³, т. е. гораздо раньше, чем «коллегия» григорьевцев образовала свой ВВЦСовет.

Таким образом, сослаться на незнание или обвинять своего Первоиерарха в преднамеренном сокрытии акта — значит заведомо говорить неправду и становиться на опасный путь раздора. Но, очевидно, это не устрасило новоявленных, самозванных деятелей. Они не только игнорировали казавшегося им антиканоничным митр. Сергия, но и признанного ими законного Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра. Ни у первого, ни у последнего группа епископов, образовавших ВВЦСовет, не испрашивала разрешения на свои деяния, она (группа) действовала самостоятельно, без ведома первого епископа Поместной Российской Церкви, перелезая, по слову Господню, «инуде» во двор овчий и нарушая явно апостольские законы.

Что же можно сказать о достоинстве тех задач, которые поставил на своем совещании ВВЦСовет?

Если само совещание и образование Малого Собора Епископов не имеет канонической основы, то, естественно, и задачи или цели ВВЦСовета явно носят в себе противоканонический характер.

Как нам уже известно, Малый Собор Епископов первой и главной своей задачей ставил укрепление в Церкви принципа соборности.

Но как понимали епископы ВВЦС самый принцип соборности? Вот вопрос, от решения которого будет зависеть и решение вопроса о каноническом достоинстве первой задачи ВВЦС.

В своей объяснительной записке к программе от 12 мая 1927 г. участники совещания писали: «Малый Собор Епископов поставил своею первою задачею поддержать и укрепить в Святой Церкви начала соборности и организовать управление ее на собор-

¹ Послание епископов-староцерковников ко всем верным чадам Св. Православной Церкви от 12 мая 1927 г., стр. 1.

² Митр. Елевферий. Соборность Церкви, Божие и кесарево, стр. 197.

³ Петровский А. проф. — прот. «Ленинградский раскол» 1927-28 гг. См. Архив Митрополита Мануила.

ных основаниях в осуществление догмата: «Верую во едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь»¹.

«...ВВЦСовет постановил провести принцип соборности через всю церковную жизнь, через правильную организацию Синода и Совета, епархиальных собраний и Советов: Епархиальных, Викариальных, Благочиннических и Приходских»².

Исходя из вышеуказанных целей ВВЦС, сама соборность понималась ими исключительно как такое церковное управление, которое сосредоточено не в одном лице, а в группе, или соборе епископов. Но это узкое понятие соборности ссылкой на 9-й член Символа веры смешивалось с широким понятием соборности, вложенным 1-м Вселенским Собором в определение о Церковной Соборности. Такое понятие «Соборности», какое вкладывали в него епископы-староцерковники, было слишком ограниченным и вело к искажению самой сущности Церковной Соборности в широком смысле.

В своем определении об этом отцы 1-го Вселенского Собора в понятие «Соборность» вложили иной смысл, чем смысл, вложенный в это же самое понятие ВВЦСоветом.

Соборность Церкви понималась отцами Никейского Собора не только как вселенскость или всемирность Христовой Церкви, как об этом дано определение в Православном катехизисе, но, главным образом, как «данная ей (Церкви) Духом Истины чрез свв. Апостолов Божественная, спасительная Истина, которая предназначена Христом лечь в основу Церкви и, как полная благодатной жизни, не только распространяться в мире, но и соединять через себя мир во Христе для вечной жизни»³.

Таким образом, «в единой, Святой, Апостольской Церкви соборным началом, или соборностью, является слово Божие, Богооткровенная Истина»; и на вопрос: какая Церковь Соборная? — возможен только один ответ: «та, которая, будучи основана на Богооткровенной Истине, единственно спасающей, полной благодати, всегда неизменно пребывает и будет в Ней. Она есть подлинно Соборная, во всяком смысле Церковь католическая. Отступления от Богооткровенной Истины лишают Церковь спасительности, и потому соборности и католичности»⁴. Это подлинно церковная Соборность со стороны содержащегося в Церкви верования.

Внешним выражением «Соборности» или, как говорит об этом митр. Елевферий (Богоявленский), «соборной» оградой⁵ являются Вселенские Соборы и их канонические постановления.

Исходя из правильного понятия «Соборности» Церкви, соборность, восстановление которой являлось главной задачей

¹ Объяснительная записка, стр. 3.

² Объяснительная записка, стр. 6.

³ Митр. Елевферий. Соборность Церкви, стр. 18.

⁴ Там же, стр. 23.

⁵ Там же, стр. 34.

ВВЦС, ничего общего не имела со Вселенской соборностью и никоим образом не могла исходить из нее.

В административном отношении Поместной Церкви церковная соборность предполагала такое управление (будь то синодальное или патриаршее), которое бы не внешней своей организацией походило на соборность, а внутренним единством со Вселенской соборностью.

А это единство или церковное единомыслие ясно выражено в 34-м апостольском правиле, и отступление от этого единомыслия ведет к отступлению от соборности, о чем свидетельствуют с очевидностью два правила (14 и 15) Двукратного Собора. «Аще который Епископ, поставляя предлогом вину своего Митрополита (областного), прежде соборного рассмотрения, отступит от общения с ним и не будет возносить имя его, по обычаю, в Божественном тайнодействии: о таком святыи Собор определил: да будет низложен, аще токмо обличен будет, яко отступил от своего митрополита и сотворил раскол. Ибо каждый должен ведати свою меру: и ниже пресвитер да пренебрегает своего епископа, ниже епископ своего митрополита» (14 прав.).

«Что определено о пресвитерах и епископах и митрополитах, то самое, и наипаче, приличествует патриархам. Посему, аще который пресвитер, или епископ, или митрополит дерзнет отступить от общения с своим патриархом, и не будет возносить имя его, по определенному и установленному чину, в Божественном тайнодействии, но прежде соборного оглашения и совершенного осуждения его, учинит раскол: такому святыи Собор определил быти совершенно чужду всякого священства, аще токмо обличен будет в сем беззаконии. Впрочем сие определено и утверждено о тех, кои под предлогом обвинений отступают от своих предстоятелей, и творят расколы, и расторгают единство Церкви...» (15 прав.).

«Отсюда всякий Собор, будет ли он состоять из одних канонических иерархов, или будет восполнен представителями от низшего клира и мирян, чтобы быть в своем существе и действиях каноничным, церковно-соборным, должен иметь на то и другую санкцию Высшей Церковной Власти, установленной и действующей «соборне» (Ант. 19, 20). Без санкции же Высшей Церковной Власти, если бы Собор состоял из сотни иерархов, а каноническая Высшая Власть осталась с десятками верных ей, верных «соборности», он был бы бесчинным, а последняя осталась бы соборною»¹.

Соборность, или коллегиальное управление, навязываемое ВВЦС русскому епископату, в самом своем основании имела уже антиканоническое направление. Она не санкционировалась Высшей Церковной канонической властью (ни митр. Петром, ни митр. Сергием) и потому теряла под собой всякую каноническую почву и правомочие.

¹ Там же, стр. 39—40.

Соборность, выставленная ВВЦС, вела к прямому нарушению Церковной Соборности, выраженной Поместной Русской Церковью на Соборе 1917—1918 гг.

Поместный Собор Русской Православной Церкви на смену синодального управления учредил, как нам известно, централизованное управление в лице восстановленного Патриаршества, и Патриарх, в силу данного ему права, являлся носителем церковной «Соборности», что признавалось и самим ВВЦС¹.

Законным охранителем «Соборности» стали впоследствии: сначала митр. Крутицкий Петр (Полянский), а затем его Заместитель митр. Нижегородский Сергей (Страгородский).

Ясно становится после этого, что «коллегиальное», или, как понимали епископы-староцерковники, «соборное» управление ни в какой мере не соответствовало воле Поместного Собора, с таким трудом восстановившего Патриаршество.

Вторая задача ВВЦС состояла в сохранении Православия, догматов и канонических определений Вселенских и Поместных Соборов.

Задача в своей сущности, конечно, благородная, но для Малого Собора Епископов, с точки зрения ее осуществления, принципиально невозможная. И это вполне понятно почему. Сущность самого Православия вытекает из понятия «Соборности» Церкви. Но раз соборность ВВЦСовом нарушена в самом принципе, то говорить о сохранении Православия — это значит становиться на ложный путь и вводить людей в заблуждение.

Третья задача Малого Собора Епископов заключалась в достижении мирных взаимоотношений между Церковью и Государством.

И эта задача, как видим, благородная в своем направлении, но и она лишена всякого значения с точки зрения ее применения.

ВВЦСовет, хотя и был образован из епископов, но он в существе своем не являлся выразителем всей Русской Церкви. Это было просто-напросто самочинное общество, лишенное всякого канонического достоинства. И потому ставить вопрос о легализации Церкви, не будчи по принципу таковою, — значит снова становиться на путь раскола. Таким образом, как само совещание, так и главные задачи, поставленные на этом совещании ВВЦСовом, в своем соотношении с церковными канонами не имеют никакого канонического достоинства.

Здание Малого Собора Епископов было построено на песке, и его ожидало великое и скорое падение.

Итак, закончив совещание, епископы приступили к подготовке легализации своего ВВЦС и отдельных иерархов, ставших в его подчинение.

На следующий день все постановления об организации Высшего Временного Церковного Совета и списки епископов, присутст-

¹ См. Объяснительная записка к посланию от 12 мая 1927 г. Малого Собора Епископов, стр. 5.

вовавших на собрании, вместе с ходатайством были переданы гражданской власти на утверждение.

2 января н. ст. 1926 г. им была выдана справка¹.

Характерно, что ходатайство было подано только от 9 человек, еп. Иоанникий (Соколовский) почему-то не был включен.

Настоящей справкой ВВЦСовету представлялась возможность приступить к началу своей деятельности.

Члены Малого Собора Епископов уже готовились продолжать начатую работу, как неожиданно посетила их первая неудача, приведшая все их цели к неминуемой гибели.

Это была та самая каноническая преграда, с которой так неминуемо должны были столкнуться архиеп. Григорий и его единомышленники.

Все, что делалось в Москве в помещениях Донского монастыря под председательством архиеп. Григория, — все это не могло утаться от законного носителя «соборности» Церкви Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия.

О деяниях архиепископа Григория и его единомышленников митрополит Сергей узнал из газеты «Известия» от 7 января 1926 года, где под заголовком «Среди церковников» сообщалось о намечаемых занятиях образовавшегося ВВЦСовета.

Недоумевая о случившемся, он 1/14 января 1926 года обращается к архиепископу Григорию с письмом и просит его ответить на следующие вопросы:

«1. Соответствует ли напечатанное в «Известиях» действительности, в частности, вошли ли в состав Совета и продолжают ли в нем оставаться вышеуказанные преосвященные.

2. Имеете ли Вы и сочувствующие Вам образовать некоторую особую религиозную группу, отдельную от нашей Православной Церкви... или же такого отмежевания от Православной Церкви Вам и не предполагается.

3. Если же последнее, то в какие отношения предполагаете Вы стать к законной, по церковным понятиям, Православно-Русской иерархии, временно, впредь до возвращения Митрополита Петра к обязанностям Патриаршего Местоблюстителя, возглавляемой мною (в силу распоряжения Местоблюстителя от 6/XII-25 г.), т. е. предполагаете ли Вы действовать совершенно независимо от нашей иерархии и помимо ее, или же общения с нею Вы прерывать не намерены.

4. Если общения с нашей иерархией Вы прерывать не намерены, то какими каноническими основаниями Вы оправдываете свое начинание и какой канонически бесспорный источник Ваших полномочий Вы можете указать, чтобы возглавляемый Вами «ВЦС» по своему происхождению и каноническому достоинству существенно отличался от б. «ВЦС», и чтобы Православная Русская Иерархия могла сохранить с Вами общение, а верные чада св. нашей Церкви могли бы безопасно за Вами последовать²».

¹ См. Прав. Церк. календ. на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова, стр. 26.

² См. Письмо митр. Сергия к архиеп. Григорию от 1/14 января 1926 г.

9/22 января 1926 года архиепископ Григорий ответил Заместителю, что напечатанное в «Известиях» соответствует действительности и что они не создают особой религиозной группы отдельной от Православной Церкви; митрополита Сергия как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя не признают, как получившего власть на управление по единоличному письму.

Свое начинание они оправдывают тем, что «попечение о Церкви Божией, по слову Божию и по св. преданию церковному лежит вообще на всех и на каждом в отдельности епископе».

В этом же письме архиепископ Григорий просил митрополита Сергия принять участие в делах ВВЦС¹.

Не ограничиваясь письменным ответом, архиепископ Григорий направил в Нижний Новгород к митрополиту Сергию епископа Дамиана с целью уточнить действительность передачи митрополитом Петром своих прав Заместителю и в то же время убедить последнего войти в состав ВВЦС.

Епископ Дамиан действительно посетил митрополита Сергия и имел с ним беседу. О результатах своей поездки он доложил председателю ВВЦС. Последний не замедлил 14/27 января телеграфировать митрополиту Сергию:

«Уверившись чрез епископа Дамиана наличии возложения на Вас Митрополитом Петром исполнения обязанностей Местоблюстителя, испросив Вам разрешения выезда, братски просим Вас пожаловать в Москву в ВВЦС для всестороннего выяснения вопросов положения церковных дел».

Архиепископ Григорий и его единомышленники все еще надеялись склонить Заместителя на свою сторону. Но они глубоко ошибались.

Митрополит Сергей, когда получил письмо и телеграмму ВВЦС, ясно понял, что самочинная группа епископов не только не намерена оставить свои антиканонические деяния, но и пытается склонить на свою сторону и его самого.

Тогда он не единолично, как старались утверждать григорянце, а с участием епископов, прибывших в это время на хиротонию в Нижний Новгород², издает постановление о лишении кафедр всех участвовавших на совещании иерархов (10 архиереев) и налагает на них запрещение в священнослужении³.

При этом он указал главному инициатору незаконного дела на то, что Церковь повелевает (11 пр. Ант.) не только запретить, но и лишить сана тех, кто помимо первого епископа и всех епископов ее, обратится с церковным делом к гражданской власти, как это сделал он, подав заявление о регистрации В. Ц. С. для управления Русской Церковью без ведома и согласия Предстоятеля этой Церкви и ее иерархии⁴.

¹ См. Письмо архиепископа Григория к митрополиту Сергию от 9/22 января 1926 года.

² Петровский А. проф.-прот. «Ленинградский раскол 1927—1928 гг.». См. Материалы по носифлянскому расколу, кн. 1, стр. 93.

³ Митр. Елевферий. Соборность Церкви, стр. 197.

⁴ Там же, стр. 197.

Строгость подобных мер вызывалась, очевидно, самим ходом дел. Необходимо было уничтожить семя раскола в самом его зародыше. А это могло совершиться только при помощи строгих мер прещения, какими являлись постановление о лишении кафедр и запрещение в священнослужении.

Постановление со всеми вытекающими из него последствиями архиепископ Григорий получил 16/29 января 1926 года.

Какое первоначальное действие произвело оно на сознание и чувство архиепископа Григория, нам неизвестно.

Поскольку действие митрополита Сергия касалось не только его одного, но и других епископов, то архиепископ Григорий решил огласить постановление о запрещении всем участникам совещания и посоветоваться с ними о том, как им действовать дальше в такой неожиданной создавшейся для них обстановке.

С этой целью он созвал в одном из помещений Донского монастыря своих единомышленников и приступил к обсуждению постановления о запрещении, которое было наложено митрополитом Сергием на всех участников незаконного совещания.

Запрещение, хотя оно и оспаривалось подпавшими под это запрещение епископами и признавалось недействительным, однако имело свою силу действия.

Как бы то ни было, а запрещение поставило под канонический удар все решения ВВЦС. Это ясно сознавали и сами противники запрещения, и потому, после общего обсуждения, они решили изменить курс своей политики.

Если до этого они принципиально игнорировали в своих действиях благословение первого епископа Русской Церкви и не считали правомочным его распоряжения в передаче прав управления, то теперь Малый Собор Епископов вынужден был поступиться своей принципиальностью и обратиться за утверждением своих правомочий к митр. Петру.

Искренно ли они поступили в этом случае или же имели какие-нибудь скрытые цели своих планов? События последующих дней григорианцев говорят нам о неискренности их намерений.

Подобное решение — обратиться к Патриаршему Местоблюстителю — было делом не внутреннего их убеждения, не сознания своей неправды, а скорее всего делом их внутренней политики. Та обстановка, в которой они неожиданно оказались после наложения на них запрещения митр. Сергием, ничего радостного не предвещала. Оставалось либо подчиниться запрещению, либо открыто стать в оппозицию против митр. Сергия. Не подчиниться указу Заместителя означало бы, что они собственными руками должны были разрушить то здание, которое они с таким усердием воздвигали. Не желали они и открыто стать в оппозицию против Заместителя, считая на данный момент такой шаг слишком поспешным и преждевременным. Им нужен был иной исход, который бы, с одной стороны, сделал недействительным запрещение митр. Сергия, а с другой — предал бы их делу законную силу. И этот исход, как им казалось, был найден.

Архиеп. Григорий и все епископы, присутствующие на совещании, решили прежде всего скрыть наложенное на них запрещение, а затем обратиться с ходатайством к митр. Петру о передаче церковного управления образованному ими ВВЦС.

Инициативу в этом решении возложили на себя председатель ВВЦС архиеп. Григорий и два его члена: архиеп. Константин и еп. Дамиан.

Они, пользуясь неосведомленностью Патриаршего Местоблюстителя о церковных делах, 29 января 1926 года обращаются к нему с таким письмом:

«Ваше Высокопреосвященство
Милостивейший архипастыр и отец!

Мы, нижеподписавшиеся, не видя в течение 2-х недель никаких шагов со стороны старейших иерархов Российской Церкви к замышлению опустевшего поста — вождя и кормчего церковного корабля и не зная о сделанном Вами распоряжении Митрополиту Сергию занять оный, решили обратиться к правительству с просьбой о разрешении епископского собрания для обсуждения дел церковных. Получив такое разрешение и собравшись в количестве 10 человек (остальные не могли быть извещены или уклонились), мы избрали Временный Высший Церковный Совет из 6-ти лиц: Архиепископа Константина бывш. Могилевского, Епископа Виссариона Симбирского, Епископа Дамиана Переяславского, Епископа Бориса Можайского, Епископа Иннокентия Каменского и Епископа Тихона Усть-Медведицкого под председательством Архиепископа Григория Екатеринбургского и Ирбитского, выработали прилагаемый при сем наказ и просили у Правительства регистрацию ВВЦСовета, после чего оный Совет приступил к исполнению своих обязанностей.

Между тем Митрополит Сергий, основываясь на Вашем письме, стал делать в Н-Новгороде посвящения, назначения и различные распоряжения, внося путаницу в церковные дела и смущение в души верных. В виду того, что ВВЦСовет совершенно каноничен и решил ни в вере, ни в обрядах, ни в чем другом не нарушать единства церковного и предания, и, кроме того, исходатайствовал у Правительства свободу строительства церковного и управления, чего Митрополит Сергий не имеет, вследствие чего Церковь при его управлении обречена на дальнейшее отсутствие свободного и закономерного управления, мы решаемся обратиться к Вашему Высокопреосвященству с покорнейшей просьбой благословить и утвердить Временный Высший Церковный Совет в его предприятии и работе впредь до возможности созвания совершенно бесспорного и правомочного Церковного Управления на предстоящем канонически-правильном Всероссийском Церковном Соборе и аннулировать ранее Вами данные полномочия Митрополиту Сергию, как совершенно бесполезные и не могущие принести благо Святой Российской Церкви. К сему присовокупляем, что против совместной работы с Митрополитом Сергием мы ничего не имеем и имя

Ваше неизменно возносим за богослужениями и ничего общего с обновленчеством не имеем.

29 января 1926 г.

Архиепископ Григорий Екатеринбургский и Ирбитский.
Архиепископ Константин б. Могилевский.
Дамиан, Епископ Переяславский, Управляющий
Владимирской епархией.¹

Характерно, что они ни единым словом не обмолвились о назначенном на них Заместителем запрещении, но зато подчеркнули, что действия митр. Сергия вносят в народ одну только смуту и что якобы его управление никакой пользы для Церкви не принесет.

Письмо и прилагаемый при нем наказ через соответствующие инстанции в этот же день были переданы митр. Петру, который находился еще в Москве, а епископы остались ожидать окончательного решения Местоблюстителя, надеясь на благоприятный исход начатого ими дела.

Между тем митр. Петр, получивши письмо от ВВЦС и ознакомившись с его содержанием, оказался в крайне затруднительном положении. Глубокие думы о судьбе Русской Церкви волновали его, а в сердце появилась невыразимая боль. И все это усугубилось под действием доходивших до него разных неблагоприятных слухов о церковной жизни, и он был повержен в великую скорбь.

Вот как он сам описывает свое состояние души и те причины, которые побуждали его искать выход в создавшейся обстановке церковного управления. «Лишенный возможности наблюдать непосредственно церковную жизнь, — писал митр. Петр в своем послании от 1 января 1927 года, — я питался всевозможными искусственными вестями, исключительно горькими и тяжкими. С глубоким прискорбием слышал я о будто бы последовавшей вслед за моим арестом большой церковной разрухе. А известие, что мой Заместитель митр. Сергей тоже находится в исключительном положении, не может нести возложенного на него послушания и даже готов уйти на покой, меня, больного и совершенно разбитого... окончательно повергло в невыразимую скорбь. Мною неотступно овладела мысль, что я должен найти выход»².

Действительно, под действием внутренней скорби он решается на крайнюю меру: образовать коллегия для управления Церковью. Но пред ним остро вставал вопрос: из каких лиц, облеченных архиерейским достоинством, образовать коллегия? Те иерархи, из которых был образован ВВЦС, как ему казалось, не отличались необходимыми для такого великого дела качествами, и потому кандидатуры их были отвергнуты. Ему хотелось выдвинуть

таких иерархов, которые не только бы отличались своим благочерпием и ученостью, но и были бы известны русскому епископату своею твердостью и преданностью Церкви. Его выбор остановился на трех иерархах: архиеп. Владимирском Николае (Добронравове), архиеп. Томском Димитрии (Беликове) и архиеп. Екатеринбургском Григории (Яцковском). Все эти три иерарха, по определению митр. Петра, имели положительные качества и были известны русскому епископату как ревнители Церковной правды.

Архиепископ Николай родился в 1861 г. Сначала кандидат, а потом магистр богословия Московской духовной академии. В сан иерея, а потом и протоиерея он много лет священствовал в разных приходах и епархиях Русской Церкви. Ко времени своей хиротонии во епископа он овдовел и принял монашество. 31 июля 1921 года состоялась его хиротония во епископа Звенигородского, вик. Московской епархии. В 1923 г. с возведением в сан архиепископа он назначается на Владимирскую и Суздальскую кафедру.

Как часто посещавший столицу и особенно Донской монастырь, он, несомненно, был известен митр. Петру с самой хорошей стороны. Он был иерархом образованным и хорошо осведомленным в церковной жизни.

Второй кандидат — архиеп. Димитрий (Беликов) — уроженец Симбирской епархии. По окончании Казанской духовной академии он был оставлен при последней сначала в качестве прив.-доцента, а затем, после защиты магистерской диссертации, в должности доцента по кафедре общей гражданской истории.

Будучи профессором Казанской духовной академии, он одновременно состоял настоятелем сначала Покровской церкви г. Казани, а затем местного Родионовского института.

В 1889 г. он был назначен профессором богословия Томского университета. В 1902 году за целый ряд ученых работ о. Беликов удостоивается ученой степени доктора церковной истории, а в 1907 г. избирается на должность председателя Учебного Комитета при Святейшем Синоде. После смерти его супруги он принимает иноческий постриг.

В 1920 г. он был хиротонисан во епископа Омского с возведением в сан архиепископа, а в 1923 г. переведен в Томск.

По своим нравственным качествам, и как ученый деятель, и как иерарх Церкви, он отличался сердечной чуткостью и мягкостью характера.

Архиеп. Григорий (Яцковский) — третий кандидат, предназначенный Местоблюстителем в коллегия, нам уже известен. Он оставался неразгаданным митр. Петром, а та ревность, которую он показал в то время, когда приходил к последнему с еп. Борисом и Иннокентием по поводу снятия возводимых на митр. Петра обвинений, ставила архиеп. Григория в глазах последнего как поборника церковных интересов.

Такова краткая характеристика трех иерархов, на которых остановил свой выбор митр. Петр. Прав ли был в этом выборе Местоблюститель или же нет, не нам судить строго об этом — церков-

¹ См. Правосл. Церк. календ. на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова, стр. 26.

² Послание к архипастырям, пастырям и всем чадам Российской Православной Церкви от 1 января 1927 года. См. Архив Митрополита Мануила № 10.

ная обстановка того времени была очень сложной, и разобраться в ней даже для великих иерархов представляло немалую трудность, но тем не менее митр. Петр, безусловно, стремился создать управление авторитетное. И если он остановился на выборе трех указанных выше иерархов, то лишь только потому, что он считал их вполне стойкими в Православии архиереями. К тому же и правительство благосклонно отнеслось к этому выбору и обещало легализовать церковное управление из выбранных им кандидатов¹.

Итак, митр. Петр, хотя и с большим нежеланием и осторожностью, решается учредить коллегия из трех указанных выше иерархов. В ответ на письмо председателя и двух членов ВВЦС он пишет резолюцию такого содержания:

«1-го февраля 1926 г. С глубокой скорбью осведомились мы из настоящего доклада, что в Православной Церкви начались разделения, могущие вызвать новый раскол, что Высокопреосвященный митр. Сергей проживает не в Москве, а в Нижнем и что Высокопреосвященный митр. Михаил совершенно отклонил от себя наше поручение по исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, а Высокопреосвященнейший архиепископ Иосиф, не может принять его, так как он совершенно неизвестен.

Если с нашей стороны для успокоения верующих и блага Церкви требуется особое распоряжение в изменении такового от 5-го декабря 1925 г., то в интересах мира и единения церковного признаем полезно временно, до выяснения нашего дела, поручить исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя — коллегии из трех архипастырей: Высокопреосвященного Николая — архиепископа Владимирского, Высокопреосвященного Димитрия, архиепископа Томского и Высокопреосвященного Григория, архиепископа Екатеринбургского. При этом считаем долгом пояснить, что только эта коллегия является выразительницей наших, как Патриаршего Местоблюстителя, полномочий по всем вопросам, за исключением вопросов принципиальных и общегосударственных, проведение в жизнь коих допустимо лишь с нашего благословения. Означенная коллегия, по соглашению с властями, пользуется правом пригласить для совместной работы потребное количество других Архипастырей. С своей стороны предлагаем Высокопреосвященных Архиепископов: Сильвестра Вологодского и Серафима Орловского и Преосвященных Епископов: Николая Тульского и Сергея — управляющего Самарской епархией.

Преосвященным Епископам Виссариону, Тихону и Иннокентию благословляем отправиться на свои епархии.

Патриарший Местоблюститель Митрополит Петр¹.

Резолюция фактически утверждала права коллегии трех, но отнюдь не ВВЦСовета, причем права, которые ограничивались

¹ Послание митр. Петр к архипаст., пастырям и всем чадам от 1 янв. 1927 г. См. Архив Митрополита Мануила № 10.

² См. Прав. Церк. календ. на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова, стр. 27.

и временем, и особым кругом деятельности. Коллегия могла решать только такие вопросы, которые не касались вопросов принципиальных и общегосударственных. Она же могла, по соглашению с властями, пригласить для совместной работы и других архипастырей.

С своей стороны митр. Петр рекомендовал 4-х епископов, «известных, как ему казалось, своей твердостью и преданностью Церкви Божией»¹.

Характерно, что Патриарший Местоблюститель отстранил от какого бы то ни было участия в делах коллегии епископов: Виссариона, Тихона и Иннокентия. Вероятно, он признал их мало полезными для этой цели и неустойчивыми в области православной веры.

Резолюция, утверждавшая условно права «коллегии», в этот же день была отправлена на имя архиеп. Григория, с таким волнением ожидавшего определения своей дальнейшей судьбы и судьбы своих единомышленников.

На следующий день, т. е. 2 февраля 1926 г. она была доставлена членам ВВЦС.

Казалось, что архиепископ Григорий и его единомышленники одержали победу. Нетрудно, конечно, догадаться, в чем выражалась эта победа, если только вспомнить ту цель, с какою обращался архиеп. Григорий со своими единомышленниками к митр. Петру. Над ними, как нам известно, тяготело запрещение, которое было наложено на них митр. Сергием, и те канонические полномочия, полученные последними от Патриаршего Местоблюстителя, которые нельзя было им обойти. Теперь же, с образованием коллегии трех и с передачей ей прав управления, аннулировались сами собой права митр. Сергея и права двух других иерархов, ранее с ним назначенных — митр. Киевского Михаила (Ермакова) и архиеп. Ростовского Иосифа (Петровых), аннулировались вместе с этим и все запрещения и распоряжения, наложенные на них митр. Сергием, и считались уже недействительными.

В этом и заключалась победа григорианцев. Но эта победа, достигнутая обманном путем, была недолговечна, и напрасно восхитители этой победы поторопились отмечать ее торжество. Слишком быстрый успех предвещал и быстрое его исчезновение.

Архиеп. Григорий, не вникнув хорошо в сущность написанной митр. Петром резолюции, обусловливающей права коллегии, срочно «телеграфирует» митр. Сергию о том, что он (митр. Сергей — прим. автора) Местоблюстителем освобожден от данного ему поручения по управлению Церковью², а сам тем временем избирает из своей среды несколько человек епископов и отправляет их с копией резолюции митр. Петра в Нижний Новгород к митр. Сергию.

Одновременно он извещает российский епископат о всех распоряжениях, поступивших в адрес коллегии от митр. Петра. С мо-

¹ Послан. митр. Петра к архипаст. и паст. от 1 янв. 1927 г. См. Архив Митрополита Мануила № 10.

² Митр. Елевферий. Соборность Церкви, стр. 198.

мента передачи церковного управления коллегии, архиеп. Григорий полагал что ВВЦС имеет теперь и канонические основания, и непосредственное преемство от Местоблюстителя и что с этого момента умолкнут всякие дальнейшие пререкания и препятствий к исполнению обязанностей ни с чьей стороны не последует¹. Но, как увидим ниже, архиеп. Григорий глубоко ошибался.

Получив телеграмму от председателя ВВЦС о передаче местоблюстительских прав новообразованной коллегии без всякой оговорки о резолюции, митр. Сергей смутился.

Для него было неясным то дело, которое совершил митр. Петр, не связавшись с ним письменно и не посоветовавшись о подлинных вещах в жизни Церкви.

Он колебался: соглашаться ли с телеграммой и, вместе с тем, отказываться от Заместительства, или же немного замедлить и уяснить более определенно происшедшее?

В таких колебаниях у него проходил день за днем, а он все молчал и не давал никакого ответа на телеграмму. Великий ум оценивал все вещи в том виде, в каком они есть в действительности. Наконец, он совсем было решил сложить с себя права Заместителя и готов был уже телеграфировать об этом известителю, как неожиданно для него явилась к нему делегация от архиеп. Григория и вручила ему копию резолюции митр. Петра, которая и разрешила все недоумения митр. Сергея.

Своим пронизательным умом он увидел всю каноническую необоснованность «группы». Ему стало ясно, что «группа» скрыла от Местоблюстителя действительность церковной жизни и то запрещение, которое было наложено им на самочинников, и если она получила акт-резолюцию от митр. Петра, утверждавший ее полномочия, то она получила исключительно обманном путем². Митрополит Сергей решил действовать прямо и решительно в защиту своих прав, переданных ему по завещанию Патриаршим Местоблюстителем.

Прибывшая делегация, как ей было поручено, потребовала от митр. Сергея, согласно резолюции митр. Петра, немедленного отъезда от своих полномочий. В ответ на требование делегатов митр. Сергей ответил, что «если бы распоряжение Местоблюстителя о передаче власти было безусловное, то он подчинился бы ему. А так как оно обусловлено, то он власти им передать не может, так как считает это вредным для Церкви»³. Свою принципиальность в этом вопросе он объяснил делегации, как правильное истолкование воли Местоблюстителя и пользы Церкви⁴.

Вслед за этим митр. Сергей разъяснил им всю пагубность для свободы Церкви предпринятого ими дела. Разъяснение Заместителя настолько было глубоким и ясным, что один из делегатов, еп. Переяславский Димитрий (Воскресенский), убедившись в ложности

¹ «Известия ЦИК» от 9 фев. 1926 г., № 32 (2663), стр. 5.

² Митр. Елевферий. Соборность Церкви, стр. 198.

³ Там же, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 53.

пути григорианцев, сказал: «Совет от человек, а не от Бога»¹, и с этого времени он уже не принимал дальнейшего участия в деле ВВЦС.

Не получив никакого согласия от митр. Сергея на передачу власти коллегии, делегация возвратилась в Москву, к великой скорби инициатора раскола.

Только теперь архиеп. Григорий понял, что он слишком рано поторопился заверить сотрудников «Известий ЦИК» о прекращении препятствий в работе ВВЦС со стороны кого бы то ни было. Спереди ожидалась большая и неизбежная скорби и препятствия. И хотя он и ВВЦС приступили после этого к продолжению своей работы, однако они со дня на день ожидали каких-либо мероприятий со стороны митр. Сергея. И они не ошиблись. Поверженный в великую печаль от случившегося, митр. Сергей, после того как проводил делегацию, пишет послание на имя архиеп. Григория, в котором изобличает всю лживость деятельности «группы»².

Но одним посланием, направляемым раскольникам, ограничиваться было нельзя. Послание само по себе могло только в какой-то мере заставить заговорить совесть о допущенных беззакониях, но не изменить самого положения дел.

Резолюция Местоблюстителя о передаче церковного управления коллегии могла всякий раз оправдать и прикрыть деяния последней и отрицательно сказаться как на самом митр. Сергее, так и на церковной жизни. И до тех пор, пока эта резолюция не будет аннулирована, положение Заместителя и его деятельность в защиту «соборности» Церкви будет находиться в опасности. Необходимо было, с одной стороны, подтвердить канонические права митр. Сергея и его распоряжения в наложении запрещения на создавших ВВЦС, а с другой — уничтожить условную резолюцию митр. Петра и упразднить тем самым коллегию. Это мог сделать только тот, кто лично писал резолюцию и давал свое согласие на образование «коллегии» трех. А такой личностью являлся Патриарший Местоблюститель митр. Петр. Предстояла нелегкая задача для митр. Сергея: убедить Местоблюстителя признать свою ошибку, допущенную им по крайне тяжелым условиям, аннулировать свою резолюцию от 1 февраля 1926 г. и упразднить «коллегию».

В этой задаче заключалась дальнейшая судьба Русской Церкви: воспользуется ли она той свободой, которая дана ей Поместным Собором 1917—1918 гг. в лице восстановленного Патриаршества, или же потеряет ее с возвратом к прежнему своему коллективному управлению.

Оценивая ясно всю эту обстановку, митр. Сергей предпринимает твердый и решительный шаг. Он, в сопровождении государственных лиц, отправляется в Москву и оттуда, с разрешения гражданской власти, пишет письмо к Местоблюстителю, в котором со

¹ Там же, стр. 200.

² Там же, стр. 198.

всей логической последовательностью изъясняет ему ту причину, ради которой он не подчинился его резолюции от 1 февраля 1926 г., и ту опасность, которая угрожает церковному строю, восстановленному Собором 1917—1918 гг., учрежденная им, Местоблюстителем, «коллегия». «Вы знаете, — писал митр. Сергей митр. Петру, — что коллегией заменил единоличное возглавление Церкви Петр Великий, пытавшийся присвоить себе это возглавление. «Коллегия» — символ отказа Церкви от своей свободы и всего менее приемлема теперь, при отделении Церкви от Государства. Никто из ревнителей Православия не согласится возвратиться назад, к Петровским порядкам, от которых, благодаря революции, мы избавились. Боюсь, что даже Ваше имя не сделает приемлемой коллегию, и она останется подобно В. Ц. С. без паствы»¹.

В этом же письме он раскрыл Местоблюстителю личность архиепископа Григория и все его самочинные проделки в области создания им ВВЦС, за что последний со всеми своими единомышленниками был запрещен в священнослужении и лишен кафедры. Кроме того, митр. Сергей предлагал Местоблюстителю взамен коллегии учредить Синод как соуправляющий орган при первоиерархе².

Застало ли это письмо митр. Петра в Москве или же оно следовало за ним по пути в Пермь, нам неизвестно. Неизвестно также, когда оно было получено Местоблюстителем. Но письмо было получено и, как нам кажется, не позднее марта месяца 1926 г.*. Пока письмо митр. Сергия следовало к митр. Петру, ВВЦС тем временем, чувствуя надвигающуюся бурю, старался укрепить свое положение и испробовать все возможные средства к ограждению себя от этой бури.

Архиеп. Григорий, получивши послание от митр. Сергия, в котором последний обличал его за допущенные им неправомерные поступки, не считая нужным обратиться с оправданием к митр. Сергию, а коллегам своим предложил продолжать начатую ВВЦС работу. Отказ же Заместителя передать власть управления «коллегии» они расценивали как нежелание последнего подчиниться резолюции митр. Петра от 1 февраля 1926 г. и, конечно, всеми силами старались представить это в самых мрачных красках русскому епископату.

Но истина вещей показывала, где правый путь, а где путь, ведущий к гибели.

Митр. Сергей терпеливо ожидал ответа на свое письмо. Но, и ожидая, он не оставался бездеятельным. Он письменно и устно чрез своих приближенных оповещал российский епископат, духовенство и простых верующих о всем том, что было допущено со стороны архиеп. Григория и его единомышленников. Уведомление,

¹ Там же, стр. 198—199.

² Письмо митр. Сергия к митр. Кириллу от 5/18 сент. 1929 г. См. Архив митр. Мануила № 75.

* Ответ на это письмо был написан митр. Петром 4 марта 1926 г. См. Вестн. Св. Синод. Прав. Росс. Церк. 1927 г., № 5—6, стр. 43.

или оповещение, предпринятое митр. Сергием, имело весьма важное значение для церковного самосознания. Оно предоставляло широкую и справедливую возможность церковному разуму самому решить и определить истину — где она есть: в новообразованной ли коллегии, возглавляемой архиеп. Григорием, или же в Церкви, управляемой Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергием.

В этом отношении интересно выяснить вопрос, как отнесся российский епископат, низшее духовенство и народ к образовавшемуся так неожиданно ВВЦС и к деянию митр. Сергия?

Как нам уже известно, что едва только был образован «Малый Собор Епископов» и к участию в работе в нем призваны и другие архипастыри, архиеп. Григорий не замедлил известить об этом русский епископат и, конечно, сослаться, в целях предания «коллегии» канонической силы, на резолюцию митр. Петра. Такое извещение, под прикрытием канонической законности, могло бы в какой-то мере сбить с истинного пути православный епископат и низшее духовенство и заставить их признать правомочия ВВЦС. Но этого не случилось.

Когда тот же самый епископат, вслед за извещением архиеп. Григория, получил извещение митр. Сергия с указанием о допущенном обмане группой архиереев, то ему стало ясно, что представляет из себя «Малый Собор Епископов» и куда он ведет Русскую Церковь.

Епископат и низшее духовенство вместе с народом ясно поняли, что на лжи созидать истину нельзя, и потому ВВЦС для них стал символом только отрицательного.

Совершенно противоположное отношение определилось в этот момент со стороны русского епископата к митр. Сергию. Верная церковным и каноническим традициям иерархия увидела, что деятельность последнего и вполне законная преемственность его от Патриаршего Местоблюстителя направлены исключительно к сохранению подлинной церковной «соборности» и к утверждению того именно управления, которое было установлено Поместным Собором 1917—1918 гг. в Русской Церкви.

Российский епископат, исходя из вышеуказанной предпосылки, большинством своих членов (24 архиерея)¹ признал своим первым и каноническим епископом митр. Сергия, которому вверены бразды правления и которому необходимо повиноваться, чтобы твердо стоять на основе православного исповедания.

Таким образом, церковное самосознание, водимое Духом Божиим, само определило те пути, которые вели либо к гибели, либо к спасению, и ничего нет удивительного в том, что оно (церковное самосознание) со всей решительностью отвергло путь гибели и предало его анафеме, а путь спасительный восприняло как закон жизни. Подобное самоопределение церковным самосознанием являлось самым сильным ударом по организованному об-

¹ Прав. Церк. календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова, стр. 23.

маным путем ВВЦС. Устоять против такого удара не представлялось никакой возможности, и становилось ясным, что здание ВВЦС, построенное на песке, неминуемо должно было рухнуть и превратиться в развалину.

Посмотрим же теперь, чем завершилось ожидание митр. Сергия и какое оно имело значение для ВВЦС. Итак, хотя нам и неизвестно точно время, в которое митр. Петр получил письмо от митр. Сергия, но оно, как мы и предполагали, было получено им не позднее марта 1926 года.

Когда митр. Петр тщательно ознакомился с содержанием письма своего Заместителя и с теми логическими доводами, приводимыми последним в защиту церковной истины, ему ясна стала та ошибка, которую он, по ложно представленным ему данным, допустил, передавая, хотя и условно, права своего местоблюстительства образованной «коллегии». Теперь только осознал Местоблюститель, под какой удар поставил он свободу Церкви и церковную «соборность». Теперь, и только теперь, он ощутил, что Господь не оставил его, когда он писал первофевральскую резолюцию и, радуясь, возблагодарил Бога, что та резолюция была плодом его глубокого раздумья и что она не вошла в жизнь.¹

Митр. Петр полностью согласился с доводами митр. Сергия, но ликвидацию «коллегии» отложил, очевидно, до полного выяснения своего дела и дела митр. Кирилла (Смирнова), которому в марте—апреле истек срок пребывания вне епархии. Это подтверждается тем фактом, что письменная резолюция об упразднении коллегии была написана митр. Петром только 9 июня 1926 г.²

Теперь же митр. Петр подтвердил, вероятно, только права митрополита Сергия как Заместителя, а коллегии предоставил небольшое право на самоопределение* в жизни Русской Церкви.

Ответ Местоблюстителя хотя и был ограничен определенными указаниями, тем не менее он давал полную возможность митр. Сергию действовать, как законному Заместителю, в пользу церковной «соборности». Этим же ответом поддерживалась надежда в Заместителе на полную ликвидацию «коллегии». Что же касается ВВЦС, то ответ Местоблюстителя явно был не в его (Совета) пользу. Хотя «коллегия» и не была еще упразднена особой резолюцией, но она, с момента подтверждения прав митр. Сергия, теряла свою каноническую силу, терял вместе с этим всякое значение и ВВЦС.

Итак, следует признать, что с этого момента ВВЦС в принципе потерпел свое поражение, и хотя, как мы увидим ниже, он продолжал еще свое существование, но это уже были последние проблески надежды на жизнь.

¹ Письмо митр. Петра к архипаст., пастырям и всем чадам от 1-го января 1927 г. См. Материалы по постф. расколу, кн. 2, стр. 395.

² Там же.

* Митр. назвал ее (коллекцию) «Спроектированной коллегией». См. Вестн. Свящ. Син. Прав. Росс. Цер. 1927 г., № 5—6, стр. 43.

Получив положительный ответ от Местоблюстителя, митр. Сергий приступил к исполнению своих обязанностей по управлению Русской Церковью, как единственный правомочный блюститель церковной «соборности» после Патриаршего Местоблюстителя.

Время шло... И едва только на смену марта месяца всплыл апрель, как в церковной жизни появились события, ничего радостного не предвещавшие для ВВЦС.

5/18 апреля 1926 г., возвращаясь (после 4-х летнего отсутствия) в епархию, митр. Ярославский Агафангел (Преображенский) обратился ко всей Патриаршей Церкви с посланием и объявил, что он, как второй кандидат в Местоблюстители по завещанию Патриарха Тихона, вступает в управление Церковью.

Событие это настолько привело в замешательство ВВЦС, что он решил в обязательном порядке для выяснения создавшегося церковного положения 3 июня созвать съезд. Сторонники ВВЦС успокаивали себя тем, что их существование якобы находит себе оправдание в постановлениях Поместного Собора 1917—1918 гг. о преемственности Патриаршей власти. Они намерены были «убедить в своей правоте и митрополитов Сергия и Агафангела, считая себя единственными правомочными преемниками митрополита Петра Крутицкого»¹.

Почему так озабочены были епископы ВВЦС вступлением в церковное управление митр. Агафангела?

Ответ на этот вопрос необходимо искать в отношении ВВЦС к Патриаршему Местоблюстителю. ВВЦС признавал законными трех Патриарших Местоблюстителей, указанных в завещании Патриарха Тихона; но так как митр. Агафангел стоял в списке вторым кандидатом, то, естественно, как думали григорианцы, с возвращением митр. Агафангела, при отсутствии митр. Кирилла и митр. Петра, права Местоблюстителя переходят к нему, т. е. к митр. Агафангелу. С переходом этого права к последнему ставилась под вопрос каноническая преемственность ВВЦС, полученная им условно от митр. Петра через учрежденную «коллекцию». Необходимо было снова добиваться своего признания уже не от митр. Петра, а от нового Местоблюстителя, митр. Агафангела. А мнение последнего для ВВЦС было еще неизвестно: признает ли митр. Агафангел ВВЦС или же, подобно митр. Сергию, отвергает его, как ненужный элемент в Русской Церкви. Вот это положение и заставило ВВЦС беспокоиться и волноваться².

Съезд, действительно, открылся 3 июня под председательством архиеп. Григория. Его деяния со всей очевидностью показывают нам, в каком тупике оказался ВВЦС после того, как митр. Агафангел объявил себя Патриаршим Местоблюстителем.

С речью выступил сам председатель ВВЦС архиеп. Григорий. Он со всею ясностью раскрыл пред присутствующими современное положение Церкви и указал на тот тупик, к которому пришел

¹ «Известия ЦИК» от 1 июня 1926 г., № 214 (2755), стр. 4.

² Там же.

ВВЦС в своих позициях, занятых им в отношении к трем митрополитам — Патриаршим Местоблюстителям. Три митрополита: Кирилл (Смирнов), Агафангел (Преображенский) и Петр (Полянский), отмечал в своей речи архиеп. Григорий, — «каждый из них имеет законное право быть Местоблюстителем Патриаршего престола на основании постановления собора 1917 г., как заместители Патриарха Тихона. После смерти Патриарха Тихона первым заявил о своих правах митр. Петр. Однако он от них уже отказался. Его место сейчас занял митр. Агафангел. Но стоит заявиться митр. Кириллу, как местоблюстительство переходит к нему, как к первому Заместителю Патриарха Тихона»¹.

Естественно, что всякий раз, с появлением нового из указанных Местоблюстителей, изменять свою политику и искать свего канонического признания у Местоблюстителя не так-то было легко и просто. Но в этом отношении, как казалось архиеп. Григорию и другим участникам съезда, ВВЦС легко может выйти из тупика. Согласно церковному положению, по их мнению, церковная организация не ограничивается одним лишь Местоблюстителем. По постановлению Поместного Собора 1917 г. при Патриархе и его заместителях должен быть Синод и Высший Церковный Совет. ВВЦС взял на себя инициативу создать эти органы, что не удалось сделать ни Патриарху Тихону, ни митр. Петру². Подобная инициатива, по понятиям григорианцев, давала полное право ВВЦС занять свое место управления при Патриаршем Местоблюстителе. Но, найдя выход из одного тупика, ВВЦС оказался в другом, еще более безвыходном тупике. Неожиданно для участников съезда была сообщена новость, что митр. Агафангел отказался от управления и свои полномочия передал митр. Сергию. Новость, действительно, настолько была неожиданной, к тому же и не совсем приятной, что она совершенно сбила с толку ВВЦС и поставила пред ним неразрешимые задачи.

Григорианцы считали законным только трех вышеуказанных митрополитов, хотя и отвергали за ними право единолично назначать себе преемников. Митр. Сергия они не желали признавать таковым. Они, вероятно, надеялись найти общий язык с митр. Агафангелом и получить от него признание их прав на церковное управление. Но новость о передаче последним своих полномочий митр. Сергию разрушала все их надежды и выбивала из-под них и без того уже рухнувшую почву, на которой они думали еще стоять.

ВВЦС не хотел верить этой новости. Было предложено участникам съезда навести справку, насколько правдоподобны слухи о передаче власти митр. Агафангелом митр. Сергию³.

Тревожные минуты наступили для ВВЦС, и в этой тревоге слышалось ему предчувствие надвигающейся катастрофы.

Прошло несколько дней после съезда, в течение которых наводили справки о митр. Агафангеле. Слухи, по тем сведениям, ко-

¹ «Известия ЦИК» от 13 июня 1926 г., № 134 (2765), стр. 6.

² Там же.

³ Там же.

торые были собраны участниками съезда, не подтвердились. Кроме этого, добавились еще неожиданности. Не оказалось вообще документов, свидетельствующих о вступлении митр. Агафангела в исполнение своих обязанностей. Вследствие этого, вопрос о последнем ВВЦС оставил открытым, и до тех пор, пока не последует официального выступления митр. Агафангела, ВВЦС по-прежнему будет признавать митр. Петра Патриаршим Местоблюстителем¹. Таков был успокоительный вывод участников съезда ВВЦС. Они еще надеялись на жизнь, а приговор Божественный, действующий чрез каноническую Церковную Власть, уже определил конец их бытия.

В то время, когда ВВЦС изыскивал на съезде способы выхода из создавшегося тупика и уже было успокоил себя новыми иллюзиями, в это время в ином месте решила окончательно и бесповоротно его судьба.

Удар против ВВЦС был направлен с той стороны, откуда григорианцы и не ожидали.

9 июня 1926 г. митр. Петр, упрямивая митр. Агафангела принять на себя обязанности Патриаршего Местоблюстителя, издал резолюцию об уничтожении учрежденной им «коллегии» и подтвердил наложенные митр. Сергием запрещения на архиеп. Григория и единомышленных ему архиереев.

Митр. Петр в своей резолюции писал: «Что касается образованной мною по резолюции от 1 февраля 1926 г. коллегии, то последняя упраздняется, как образованная условно и, следовательно, являющаяся не обязательною для проведения в жизнь и к тому же несостоявшаяся, что вполне правильно разъяснено Замещающим Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергием. И вся февральская резолюция аннулируется, прещения, наложенные митр. Сергием на архиеп. Григория и других архиереев, неподчинившихся Высшей Церковной Властью, остаются в силе и, таким образом, мною подтверждаются»².

Итак, резолюция митр. Петра была направлена в самое сердце ВВЦС. Если до этого «Малый Собор Епископов» мог как-то прикрывать свои незаконные деяния резолюцией митр. Петра от 1 февраля 1926 года, то теперь он лишился этого покрова и представлен церковной общественности совершенно обнаженным. Упразднением «коллегии» разрушалась вся, хотя и мнимая каноническая основа, на которой еще как-то держалось здание ВВЦС, а подтверждением наложенных на участников ВВЦС митр. Сергием запрещений в священнослужении совершенно упразднялась всякая возможность на восстановление разрушенного здания григорианцев.

Словом, надо признать, что с момента издания митр. Петром резолюции от 9 июня «Малый Собор Епископов» потерпел полное поражение.

¹ «Известия ЦИК» от 13 июня 1925 г., № 134, стр. 6.

² См. Письмо митр. Петра к митр. Агафангелу от 9 июня 1926 г.

Когда ВВЦСовету стала известна резолюция Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра о лишении всяких прав ВВЦС на дальнейшее управление в Церкви, то, естественно, его члены пришли еще в большее замешательство, не зная, что делать и что предпринять к своему спасению.

Снова было создано совещание и вынесен ряд решений относительно дальнейшего действия. ВВЦС пришел к такому заключению, что, во избежание прещений, наложенных теперь уже двумя митрополитами, необходимо обратиться к митр. Агафангелу и убедить его возложить на себя снова права Местоблюстителя и взять под свой покров ВВЦС.

Григорианцы предполагали, что таким только путем, при условии, конечно, согласия митр. Агафангела, они смогут аннулировать наложенные на них запрещения, как это было достигнуто ими при образовании «коллегии» резолюцией митр. Петра от 1 февраля и, таким образом, оградить себя церковными канонами и хотя бы видимым правомочием.

С этой целью они обращаются письменно к митр. Агафангелу и умоляют его возвратиться снова к своим обязанностям, и когда они получили отрицательный ответ от последнего, то послали к нему делегацию из группы архиереев с той же просьбой. Однако митр. Агафангел отклонил от себя всякую попытку возвратиться к обязанностям Местоблюстителя, сославшись на свои телесные недуги и на другие обстоятельства жизни¹.

И здесь, как видим, григорианские надежды не оправдались. И здесь потерпели они полную неудачу.

Архиеп. Григорий никак не мог согласиться с тем фактом, что начатое им дело рухнет окончательно, а сам он находится под запрещением. После всех неудач, постигших его так неожиданно, он предпринимает последние попытки к укреплению своего положения: архиеп. Григорий намеревается посетить митр. Петра и с ним лично в беседе убедить его снова восстановить «коллегию» и признать правомочия ВВЦС. К этому, как ему казалось, располагала и сама церковная обстановка: митр. Агафангел отказался от управления, и по этой причине Русская Церковь как бы снова осталась без управления на раздирание ее обновленцами и другими неправомыслящими обществами. Правомочий же митр. Сергия архиеп. Григорий не признавал. Местоблюстителем по-прежнему оставался митр. Петр.

Убедившись в правоте своих намерений, он стал ожидать того момента, когда он сможет посетить митр. Петра, который в это время находился на пути в Сибирь, и были слухи, что он на какой-то срок остановится и в Свердловске (Екатеринбурге), где архиепископ Григорий и надеялся устроить с ним свое свидание.

Между тем митр. Сергей в целях ограждения православной

паствы от влияния григорианцев опубликовал по епархиям резолюцию митр. Петра от 9 июня 1926 г. о ликвидации «коллегии» и о наложении запрещения в священнослужении на архиеп. Григория и его единомышленников.

Подобное мероприятие Заместителя было важным в том отношении, что оно давало возможность, главным образом, низшему духовенству и мирянам правильно оценивать отношение Патриаршего Местоблюстителя к деянию митр. Сергия и архиеп. Григория. И следует отметить, что это мероприятие имело самое положительное действие на духовенство. Так, например, в г. Свердловске — в том городе, где был центр григорианства, — многие из священников, следуя своему архипастырю, первоначально уклонились в ВВЦС, но затем, когда была опубликована резолюция митр. Петра, большинство из них, осознав свою ошибку, снова возвратились к сергиевской ориентации и неукоснительно стали посещать Крестовоздвиженскую церковь и совершать в ней торжественные богослужения¹.

Подобное же действие имело мероприятие митр. Сергия и в других епархиях. Ряды григориан заметно редели.

Время шло. ВВЦС, пренебрегая резолюцией Местоблюстителя от 9 июня 1926 г., продолжал свою деятельность. Но теперь его деятельность протекала фактически как общества, лишенного всякого благодатного действия. Налицо имелись все признаки настоящего раскола (хотя и малого по своей численности): 1) отделение от своего первого епископа, вопреки 34 апост. правилу и правилам 14 и 15 Двукратного Собора; 2) создание своего самочинного общества и пренебрежение к запрещениям Высшей Церковной Власти.

Наступил конец 1926 г. На пороге был уже 1927 г. Жизнь, как гражданская, так и церковная, бурным потоком направлялась к определенным целям, и на своем пути она одно ломала, другое передельвала, третье вновь созидала. При таком потоке жизни необходимо было зорко следить за ее движением, чтобы можно было в любой момент, при всяком изменении в худшую сторону, своевременно направить течение жизни по тому руслу, которое бы безопасно вело к благому концу.

Течение церковной жизни в Русской Церкви в то время не было единым. Оно разделялось на разные потоки и было похоже на дельту широкой реки, впадавшей в морские воды.

С одной стороны, одно церковное течение жизни возглавлялось законным Патриаршим Местоблюстителем митр. Петром, который на время своего удаления от управления передал это возглавление своему Заместителю митр. Сергию, затем неожиданно, с образованием «Малого Собора Епископов», течение разделилось на несколько потоков, и одно направилось по руслу митр. Сергия, а другое — по руслу ВВЦС. Когда же предъявил свои права на управ-

¹ Послан. Еписк.-староцерковн. ко всем верным чад. Св. Прав. Церк. от 29 апр.—12 мая 1927 г., стр. 2, 6.

¹ Уральские Церковные ведомости, 1927 г., № 5, стр. 15.

ление Церковью митр. Агафангел, тогда образовалось еще одно русло, которое (однако) хотя и оказалось кратковременным, но тем не менее и оно внесло сбивчивое направление общему течению церковной жизни. Печально то, что все эти течения — были ли они правые или нет — считали своим источником митр. Петра и, естественно, что к концу 1926 года в умах православной паствы все они настолько переплелись друг с другом, что трудно было им определить, какое течение имеет подлинное свое начало от Патриаршего Местоблюстителя, а какое носит только одну видимость такового.

Путаницу в церковную жизнь вносили, главным образом, григорианцы. Не признавая митр. Сергия законным правителем Русской Церкви, они в то же время старались всякими способами опровергнуть его действия в глазах православной паствы. Они, например, прямо утверждали, что митр. Сергей не только сам пренебрег резолюцией митр. Петра от 1 февраля 1926 г., но и воспрепятствовал митр. Агафангелу, вернувшемуся вступить в отправление лежавших на нем обязанностей Патриаршего Местоблюстителя¹. И даже в том случае, когда митр. Агафангел определенно отказался выполнить просьбу ВВЦС по своему возвращении к делам управления, они всю вину возложили на того же самого митр. Сергия².

Вполне естественно, что подобные слухи, распространяемые григорианцами против митр. Сергия, не могли не волновать верных. Клевета на заместителя в какой-то степени вызвала у них вопрос, кто же фактически каноничен: митрополит ли Сергей или же ВВЦСовет? Правильный или, вернее, авторитетный ответ мог дать только Местоблюститель.

Митр. Петр в это время находился уже в Перми. Все, что происходило в жизни Русской Церкви, ему отчасти было известно из писем к нему митр. Сергия, а отчасти от тех, кто приезжал к нему на свидание и делился с ним своими переживаниями о жизни Церкви. Оградить Церковь от лишних терзаний со стороны раскольников он считал для себя прямой обязанностью. С этой целью он 1-го января 1927 года пишет послание ко всем верным чадам Русской Православной Церкви, в котором признал необходимым еще раз дать правильное разъяснение о всех церковных делах, связанных с его именем.

Содержание послания по важности своего значения, как для истории описываемого нами периода Русской Церкви вообще, так и для правильной оценки григорианства и других оппозиций в частности, мы приводим полностью.

¹ Послан. Еписк. староцерк. ко всем верн. чад. Св. Прав. Церкви от 29 апр. — 12 мая 1927 г., стр. 1.

² Там же, стр. 2. См. также Прав. календ. на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова, стр. 24.

Вот каково его содержание:

«Архипастырям, пастырям и всем чадам Российской Православной Церкви.

Мое высоко-ответственное положение в Церкви Божией и то доверие, каким я облечен со стороны моей собратии — Архипастырей и пастырей и всех верных чад Св. Церкви, обязывает меня дать разъяснение некоторых явлений церковной жизни, связанных с моим именем.

1. С 10 декабря 1925 года я оказался в исключительных условиях существования... По своевременному сделанному распоряжению в управление Церковью должен был вступить Высокопреосвященный Сергей, Митрополит Нижегородский.

Лишенный возможности наблюдать непосредственно церковную жизнь, я питался всевозможными искусственными вестями, исключительно горькими и тяжкими. С глубоким прискорбием слышал я о будто бы последовавшей вслед за моим арестом большой церковной разруге. А известие, что мой заместитель, митр. Сергей, тоже находится в исключительном положении, не может нести возложенного на него послушания и даже готов уйти на покой, меня больного и совершенно разбитого (4-го февраля я был положен в больницу в тяжелом заболевании среди других недугов и острым нервным расстройством) окончательно повергло в невыразимую скорбь. Мною неотступно овладела мысль, что я должен найти выход; и 1-го февраля 1926 года я решился на известную меру — образовать особую коллегия для управления Церковью; в то же время для совместных занятий в сей коллегии я назначил еще несколько иерархов, известных своей твердостью и преданностью Церкви Божией, а немного позже пригласил сюда же Высокопреосвященнейшего Арсения, митрополита Новгородского, которому мною была послана телеграмма; телеграфно же я известил и митрополита Сергия. Таким образом, я имел в виду создать управление авторитетное, и правительство, как мне заявили, было согласно легализировать его.

В названную коллегия я ввел и хорошо теперь всем известного церковника самочинника архиепископа Григория. Тогда я не подозревал, что сей архипастырь уже давно бесчинствует; я был уверен, что он находится в полном единении с православным епископатом. Только значительно позже узнал я подлинную правду. Но и тогда, когда писал я резолюцию 1 февраля, Господь, видимо, не покинул меня: я и ту резолюцию написал в условной форме: ЕСЛИ ВЕРНО, что митрополит Сергей лишен возможности управлять... Радуюсь, что эта резолюция — плод глубокого раздумья — не вошла в жизнь, и благодарю Господа Бога, предоставившего мне возможность письменно упразднить коллегия и подтвердить справедливость принятых мер митр. Сергием — за прещения в священнослужении Архиепископа Григория и единомышленных ему архиереев — самочинников с отстранением от занимаемых кафедр.

2. Под влиянием письма митрополита Сергия с сообщением о решимости возвратившегося из ссылки Высокопреосвященнейшего митрополита Агафангела — первого Патриаршего Заместителя еще в 1922 г. — взять в свои руки управление Церковью, я в письме от 22-го мая, приветствуя эту решимость, просил его для блага Церкви и для устранения раздоров в ней принять на себя исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Вопрос же об окончательной передаче этих обязанностей я предполагал выяснить по возвращении Высокопреосвященнейшего Митрополита Кирилла, которому в марте—апреле истек срок ссылки. Но митрополит не возвратился, и тогда в письме от 9 июня на имя Митрополита Агафангела, я подтвердил передачу ему местоблюстительских прав и обязанностей, причем передача эта была обусловлена. В случае отказа Митрополита Агафангела, писал я, от восприятия власти или невозможности ее осуществления, — права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а Заместительство — Митрополиту Сергию. Тем же письмом была упразднена и образованная 1 февраля коллегия, полностью аннулирована первофевральская резолюция и были подтверждены наложенные на архиереев запрещения.

На мое письмо Митр. Агафангел 12 июня ответил (собственно-ручной подлинник хранится у меня), что по преклонности лет и крайне расстроенному здоровью он отказывается принять на себя обязанности Местоблюстителя Патриаршего престола. Этим отказом — не моими усилиями (я не стремлюсь удержать за собою власть и для блага Церкви всегда готов ее передать), а волею Божиею — свободным решением Митр. Агафангела вопрос о его местоблюстительстве отпадает сам собою. И посему подвергнуты строгому суду — осуждению те, кто, прикрываясь благами Церкви, станут употреблять усилие выдвинуть старца Божия на местоблюстительский пост, — они будут чинить тяжкое преступление пред Святою Церковью.

Всем верующим во Христе благодать и мир от Господа и Бога Спаса нашего Иисуса Христа. Молитесь и в уповании веры вашей мужайтесь и укрепляйтесь.

Патриарший Местоблюститель Смиренный Петр
Митрополит Крутицкий».

1 января 1927 г.

г. Пермь.

Послание это, хотя и было написано 1 января 1927 года, но обнаружено оно было либо в конце января, либо в самом начале февраля 1927 г. Это подтверждается тем фактом, что 21 января в конце послания митр. Петр сделал, как мы увидим ниже, приписку относительно прихода к нему архиеп. Григория.

Итак, едва только митр. Петр успел написать разъяснительное послание, но не успел переслать его по инстанции, как он должен был оставить Пермь и перекочевать в г. Свердловск. Здесь он

остановился в казенных помещениях в ожидании распоряжений относительно дальнейшей своей поездки.

О его приезде в Свердловск было сообщено архиеп. Григорию, который, как мы уже знаем, с нетерпением ожидал встречи с Местоблюстителем... И теперь вот как бы сама судьба шла ему навстречу и стремилась выполнить его желание. 21 января он получает доступ к митр. Петру. Состоялась беседа между двумя нерархами. Архиепископ Григорий, насколько позволяли ему его способности, старался всеми силами убедить митр. Петра возвратиться к прежнему своему решению, которое он вынес когда-то год тому назад в создании им коллегии. Он доказывал, что единоличное управление Церковью митр. Сергием не правомочно; что такое правомочие имеет только коллегия находящаяся в каноническом и молитвенном общении с Патриаршим Местоблюстителем.

Чтобы склонить на свою сторону митр. Петра, он постарался обвинить митр. Сергия в ужасающих преступлениях, якобы допущенных им против Церкви. Не упустил архиеп. Григорий представить Местоблюстителю отказ митр. Агафангела от управления как дело якобы «нечистых» рук митр. Сергия и его единомышленников. Словом, все, что только могло разуверить митр. Петра в правоте действий его Заместителя — все это было изложено архиеп. Григорием в беседе с Патриаршем Местоблюстителем. Но как ни старался он представить митрополиту в мрачных красках положение Русской Церкви, митр. Петр ясно определил всю неправоту его суждений. Он трезво смотрел на все события, совершавшиеся в Церкви. С своей стороны митр. Петр не преминул указать архиеп. Григорию, что он состоит вне молитвенно-канонического общения с ним, и братски увещевал последнего повиниться его и митр. Сергия решению. Но напрасны были убеждения и увещания со стороны митр. Петра. Архиеп. Григорий так и остался со своими взглядами на церковное управление.

Он почему-то глубоко был убежден, что его дело имеет все канонические оправдания. С таким убеждением и, вероятно, с чувством глубокой досады в недостигнутой им цели он покинул митрополита Петра.

Последний, едва только вышел от него архиеп. Григорий, определив, что председатель ВЦИС может использовать свое посещение Местоблюстителя в своих целях, счел за нужное в конце послания от 1 января 1927 г. сделать такое добавление:

«Примечание: 21-го января в беседе с архиеп. Григорием, явившимся ко мне на свидание..., я лично ему сообщил, что он состоит вне молитвенно-канонического общения с нашим смиренным, братски увещевал подчиниться моему и митр. Сергия решению и предупреждал, что производимая им и его сторонниками смута не может быть терпима в Православной Церкви. Митр. Петр».

Это добавление, сделанное Местоблюстителем в конце послания, очень важно в том отношении, что оно ясно определило положение как самого Заместителя митр. Сергия, так и архиеп.

Григория. Теперь не оставалось никакого сомнения в том, что последний вместе со своим ВВЦСоветом — вне канонического общения с Православной Церковью, в то время как митр. Сергей имеет все законные основания и полномочия Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и все его действия заключают в себе каноническую силу.

Послание митр. Петра с вышеуказанным добавлением вскоре было обнародовано в Русской Церкви, и оно имело самое благоприятное действие среди православного епископата и народа.

Православное духовенство на объединенных собраниях с григорианами авторитетно разъясняло всю несостоятельность церковной власти ВВЦС. Так, например, в с. Егорщинском Свердловского округа 2 марта 1927 г. состоялся объединенный съезд духовенства и мирян сергиевцев, григориан и обновленцев, на котором прот. Рыболовлев со всей убедительностью документально доказал безблагодатность последователей ВВЦС. Он яркими красками охарактеризовал архиеп. Григория и его сторонников, указав на то, как архиеп. Григорий хитрым обманом похитил «благодатное преемство власти» у митр. Петра Крутицкого и как последний санкционировал запрещение, наложенное на архиеп. Григория митр. Сергием, а затем и сам запретил ему всякое священнодействие. В заключение прот. Рыболовлев пояснил собранию, кто является законным носителем церковной власти, которому необходимо подчиняться, чтобы быть в недрах Русской Православной Церкви¹.

Присутствовавшие на съезде (сергиане и григориане) согласились с доводами проповедника и, в знак своего согласия, по окончании решения всех поставленных в повестке церковных вопросов отслужили молебен.

Подобное же явление можно было наблюдать и в других приходах разных епархий, где так или иначе православное население соприкасалось с григорианством. Даже некоторые приходы Ульяновской епархии отрицательно отнеслись к епископу Виссариону (Зорину)².

Итак, те волнения, которые заставляли людей страдать, как скоро выяснилось главное течение церковной жизни по приговору митр. Сергием руслу, ведущему к сохранению церковной «соборности», прекратились, и в жизни Церкви наступило небольшое перемирие.

ГРИГОРИАНСКИЙ РАСКОЛ НА САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ СТЕЗЕ

Как мы уже видели, все попытки ВВЦС — и особенно его председателя архиеп. Григория — сколько-нибудь прикрыть свои деяния канонической одеждой Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра, окончились полной неудачей.

Послание Местоблюстителя от 1 января 1927 года окончательно положило размежевание между ВВЦС и Русской Церковью, управляемую митр. Сергием.

Григорианский раскол в своем дальнейшем развитии или, лучше сказать, замирании вступил на самостоятельную стезю, свободную от всякой зависимости митр. Петру и тем более митр. Сергию, так как последний в это время на небольшой срок (с 30/XI-1926 г. по 27/III-1927 г.) был устранен от управления Церковью, а вместо него временно замещал архиеп. Угличский Серафим (Самойлович).

Куда вела эта стезя, нам уже известно — она вела к удалению от церковной «соборности» в глубокую пропасть антиканонической жизни. И тем не менее ВВЦС вступил на эту стезю, заблуждаясь сам и вводя в заблуждение своих последователей мнимой правотой своего дела.

К запрещению, наложенному на них митр. Сергием и затем подтвержденному митр. Петром, они так отнеслись: поскольку оно (запрещение) было, как им казалось, наложено единолично Заместителем, который, по их же понятию, не имел никаких законных полномочий на управление Церковью, как получивший эти полномочия от одного лица к другому, то запрещение теряло уже свою каноническую силу. Недействительным признали они в этом отношении и подтверждение митр. Петра, как лишено физического возможности на управление Церковью. Они не желали также признавать каноническим, хотя и временно управляющего Церковью, архиепископа Серафима¹.

Таким образом, григорианцы фактически пренебрегли запрещением Заместителя, и свое пренебрежение оправдывали тем, что, с одной стороны, считали прещения митр. Сергия кошунственными и хуже прещений обновленческого собора, лишившего Патриарха Тихона сана и монашества, а с другой — признавали свои действия направленными на отстаивание свободы Церкви Божией от натиска обновленцев².

Посмотрим же теперь, как проходило лишенное истины существование григорианцев на самостоятельной стезе и их быстрое угасание. Но, прежде всего, необходимо хотя бы кратко определить состав григорианского епископата, возглавлявшего ВВЦС. Это поможет нам определить, какой фактической силой обладал

¹ Уральские Церковные ведомости, 1927 г., № 2, стр. 15.

² Уральские Церковные ведомости, 1927 г., № 3, стр. 9.

¹ Объяснительная записка к посланию от 12 мая 1927 г., стр. 8.

² Послание Епископов-староцерковников ко всем верным чадам Св. Православной Церкви от 12 мая 1927 г., стр. 1.

ВВЦС, и убедиться — была ли эта сила великой или же она как в самом начале возникновения ВВЦС, так и в последующие годы своего существования была маломощной, заключающей в себе уже тогда задатки умирания.

В то время, когда архиеп. Григорий возглавил ВВЦС, епископов, уклонившихся в григорианство, было всего 10 человек: председатель ВВЦС архиеп. Григорий (Яцковский), архиеписк. Константин (Булычев), архиеп. Иоанникий (Соколовский), еп. Виссарион (Зорин), еп. Дамиан (Воскресенский), еп. Тихон (Русинов), еп. Борис (Рукин), еп. Иннокентий (Бусыгин), еп. Митрофан (Русинов) и еп. Вассиан (Пятницкий).

Таков был первоначальный состав григорианского епископата, вступившего антиканонично в оппозицию против митр. Сергия в конце декабря 1925 года.

В самом начале января 1926 года (или в последних числах декабря 1925 г.) к григорианству присоединяются 5 архиереев: митр. Донской Митрофан (Симашкевич), еп. Минский — митр. Белорусский Мелхиседек (Паевский), архиеп. Екатеринославский и Новомосковский Владимир (Соколовский—Автономов), еп. Чебоксарский, упр. Вятской епархией Симеон (Михайлов) и еп. Елабужский Ириней (Шульмин).

В феврале 1926 г. один из членов ВВЦС, еп. Дамиан (Воскресенский), под влиянием беседы с митр. Сергием, к которому он приходил в числе делегации от архиеп. Григория, признав неправоту предпринятого им дела, покидает ВВЦС и возвращается снова на правый путь.

Немного спустя, вероятно, в мае и июне 1926 г. от григорианства отошли еще 5 архиереев: еп. Минский Мелхиседек (Паевский), архиеп. Владимир (Соколовский—Автономов), еп. Симеон (Михайлов), еп. Ириней (Шульмин) и еп. Вассиан (Пятницкий). Но вместе с ними число григорианских епископов пополняется еще несколькими иерархами: еп. Назарием (Андреевым)¹ б. Алатырским, еп. б. Бельничским Николаем (Судзеловским), еп. Скопинским Смарагдом и еп. б. Раненбургским Иоанном (Кветрусским) — архиереями старого поставления и епископами: Луганским Августином, Ибресинским Анатолием и Майкопским Феофаном — епископами чисто григорианского посвящения.

Итак, к началу апреля 1927 г. число григорианских епископов составляло всего 16 человек (13 из них старого поставления и 3 — нового).

По своим нравственно-духовным качествам большинство из вышеуказанных епископов старого поставления не отличалось определенными достоинствами. Так, например, архиеп. Могилевский Константин (Булычев), изменяя Христовой истине, в 1922 г. отделяется от Патриаршей Церкви и переходит в обновленческий рас-

кол. А когда раскол этот его не удовлетворил, он перебрался в григорианство.

Архиеп. Иоанникий (Соколовский) осквернил свою архиерейскую клятву переходом в лубенский раскол, показав тем самым неустойчивость своих убеждений в Православии.

Еп. Виссарион (Зорин) тоже не отличался устойчивостью в истине: впоследствии он, после покаяния в июне 1926 г., снова возвратился к прежней неправоте.

Еп. Тихон (Русинов) проявил свое колебание в Православии еще до своей хиротонии во епископа. Первая его хиротония в епископский сан совершена обновленческими архиереями.

Еп. Борис (Рукин), хотя и был знаменитым Московским проповедником и до своего перехода в григорианство пользовался большим авторитетом среди московской интеллигенции, тем не менее он личные свои интересы ставил выше церковных. Самый переход его в григорианство, по свидетельству авторитетных лиц, совершился исключительно по личной вражде к митр. Петру, которого он так низко ценил и был недоволен его назначением митрополитом, а затем Местоблюстителем¹.

Епископы: Иннокентий (Бусыгин), Митрофан (Русинов) и Николай (Судзеловский) — ничем неизвестны в церковной жизни.

Митр. Митрофан (Симашкевич) по своей учености был человеком незаурядных способностей, умный и справедливый. Однако в начале 1925 г. он примкнул к обновленчеству, а затем перешел в григорианство.

Отрицательные черты духовно-нравственного облика большинства григорианских архиереев дает нам основание утверждать, что учредители ВВЦС были люди не твердых идейных убеждений. В основе их общественных отношений были прежде всего интересы личные, а не церковные. А это уже лишило весь организм ВВЦС жизненной энергии и при самом уже его образовании располагало к умиранию. С такими отрицательными задатками в самом организме ВВЦС совет не мог, конечно, противостоять истине, охраняемой митр. Сергием и следовавшим за ним архиереями и простым народом.

Итак, если ВВЦС при самом своем образовании был уже маломощной силой, то теперь, после сокрушительных ударов по нему канонической истины, он стал почти едва заметной силой, не способной уже не только влиять на других, но и ограждать себя от конечной гибели.

Но, как ни странно, сам ВВЦС мыслил о себе, как о силе, способной на разрушение твердынь и на созидание своего церковного здания. Вступивши на самостоятельную стезю, григорианцы полагали, что им все же удастся укрепить свое положение и склонить русский епископат на свою сторону. А чтобы ограничить влияние

¹ Еп. Назарий перешел в григорианство из обновленческого раскола в октябре 1926 г. См. Вестн. Св. Сян. Прав. Церк. 1926 г., № 12—13, стр. 6.

¹ Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957 гг.). А. Мануил, Чебоксары, 1959 г., ч. 1, стр. 375.

«сергианства» — Церкви, возглавляемой митр. Сергием, — они торопились как можно быстрее созвать Поместный Собор и с помощью его установить коллегиальное авторитетное управление и на нем же осудить все деяния митр. Сергия, а его самого предать суду архиереев.

Поставив пред собой эту цель, ВВЦС вел усиленную разработку программы для предстоящего Собора. Однако события церковной жизни раскрывались наперекор его (ВВЦС) планам.

27 марта 1927 г. митр. Сергий снова Промыслом Божиим вступил в отправление своих обязанностей как Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В апреле месяце он, предварительно посоветовавшись с преосвященными, вошел в общение с гражданской властью и начал вести переговоры о легализации возглавляемой им Церкви и об учреждении при нем Временного Патриаршего Синода. Мероприятия Сергия, направленные к урегулированию взаимоотношений между Церковью и государством, стали известны григорианцам. Последние эти мероприятия первоначально оценили как положительное для них явление. Они думали так, что раз митр. Сергий признал соборность и легализацию, т. е. то, что, по мнению самих григориан, давно уже осуществил ВВЦС, то естественно, осознав свои ошибки, он признает и Высший Церковный Совет и тем самым прекратит разделение¹. Но, когда выяснилось, что мероприятия митр. Сергия носят совершенно иной характер, чем ВВЦСовета и что Заместитель даже и не думает о каком-либо сближении с григорианцами, тогда ВВЦС стал рассматривать эти мероприятия как противоборство митр. Сергия ВВЦСовету, направленное к разрушению намеченных им (ВВЦС) планов. Не имея ни нравственных, ни физических возможностей приостановить действия митр. Сергия — главного своего противника, — григорианцы в своем бессилии собираются 28 апреля (11 мая н. ст.) в Московский Донской монастырь на совещание. Целью этого совещания явилось, с одной стороны, противостояние митр. Сергию в его новых мероприятиях и защита своих полномочий, а с другой — подготовка общественно-церковного мнения к предстоящему съезду епископов-староцерковников, намеченному на ноябрь месяц 1927 года.

Совещание продолжалось с 28 по 30 апреля (с 11 по 13 мая), т. е. три дня. За это время участники совещания выработали послание и объяснительную записку к нему. Два этих документа ВВЦС весьма характерны по своему содержанию. В них со всей ясностью отображается как само настроение ВВЦС, образовавшееся к этому времени из отношений к нему (ВВЦС) русского епископа, духовенства и народа, так и начертание в духе оправдательном истории образования ВВЦС с указанием той позиции, на которую стали григорианцы в своем отношении к митр. Сергию и обновленцам.

¹ Объяснительная записка к посланию от 12 мая 1927 г., стр. 7.

Вот о чем гласит первый из указанных выше документов григориан:

«Послание Епископов-Староцерковников, признающих Временный Высший Церковный Совет, собравшихся в Донском монастыре г. Москвы 11—13 мая 1927 г., ко всем верным чадам Святой Православной Церкви.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа
со всеми вами (Филип. IV, 33).

Волею Божией, 25 марта — 7 апреля 1925 г. скончался канонический Первоиерарх и возглавитель управления Российской Православной Церкви, Святейший Патриарх Тихон. Преемник его, Митрополит Петр Крутицкий, 6-го декабря того же года передал управление Церковью, в порядке единоличного противуканонического поручения М. Сергию Нижегородскому. Последний означенное поручение утаил, и Церковь осталась без управления, будучи в то же время и вне гарантий и защиты закона, как нелегализованная. Этим представлялось открытое и широкое поле деятельности обновленцам, организованным и имевшим свободное положение в Государстве и управлении. Ввиду этого, группа Епископов-староцерковников, находившаяся тогда в г. Москве, испросив разрешение Государственной власти на собрание и обсудив на нем положение церковных дел, избрала для управления церковного Малый Собор Епископов или Временный Высший Церковный Совет, предусмотренный Поместным Собором 1917—1918 гг., дала ему Наказ, узаконила его и подчиняющиеся ему общины, чем вывела Русскую Православную Церковь из тупика, в котором она оказалась, и преградила дорогу обновленцам в их разрушительной церковной деятельности. Казалось, надо было радоваться и благодарить Бога за случившееся (случилось это 9/22 декабря, в день празднования иконе Божией Матери, именуемой «Нечаянная радость»).

Но сатана, просивший некогда у Бога, дабы сеять верных как пшеницу, попушением Божиим внес в это святое и полезное дело семя раздора. Митр. Сергий Нижегородский, доселе скрывавший полученные им от М. Петра Крутицкого неканоничные полномочия, тут неожиданно предъявил свои права. И хотя М. Сергий был приглашаем неоднократно в состав ВВЦСовета для совместной работы, он все же дерзнул, вопреки Евангелию и св. канонам церковным, осудить один целый Собор Епископов, обнаруживши этим присущее ему, как бывшему главе и учителю обновленцев, стремление к насилию над Церковью Божией через застрашивание немогущей вести верных, и давая этим обновленцам возможность вновь действовать, пользуясь раздором в среде православных.

Наличие у М. Сергия единомышленных ему Епископов, бывших в большинстве ранее тоже обновленцами, оскорбленных в своем самолюбии, затем неосведомленность церковного общества в уставах и канонах Церкви и, наконец, чрезмерная ревность некоторых,

возможивших себя блюстителями и хранителями веры, могущими пасти самих пастырей, — все это помогло М. Сергию внести смуту в Церковь и лишить ее тех выгод, которые она приобретала через узаконение Врем. Высш. Церковн. Совета, как органа ее управления. После этого смелость М. Сергия дошла до того, что он, пренебрегши даже распоряжением М. Петра, которого он признавал, от 1-го февраля 1926 г., о лишении его данных ему ранее полномочий, воспрепятствовал М. Агафангелу, вернувшемуся из ссылки, вступить в отправление несомненно лежавших на нем обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Впрочем, Временный Высший Церковный Совет, следуя примеру Святейшего Патриарха Тихона, презревшего кощунственные и неканонические прещения обновленческого Собора, лишившего его патриаршества, священства и монашества, пренебрег подобными и даже худшими прещениями М. Сергия и стал твердо на своем пути в деле помощи староцерковникам в их законном устройении своей церковной жизни и в отстаивании свободы Церкви Божией от насилий и натисков со стороны обновленцев.

Обновленцы и сергиевцы, объединившись в своей борьбе против Времен. Высшего Церковного Совета, стараются всячески смутить и сбить с толку сознание верующих. Они указывают на то, что число епископов, образовавших ВВЦСовет, было не велико; но оно, во всяком случае, больше нормы, указанной во Св. Евангелии — «идеже еста два, или три собрани во имя Мое, ту есмь посреде их» (Мф. 18 гл., 20 ст.). Указывают еще на малую известность сих епископов в Церкви; но Родившийся в вертепе и в яслях возлегий Спаситель мира изначала избрал худородных, уничиженных и не сущих, да упразднит премудрых и сущия. Говорят, что ВВЦСовет захватил верховную власть в Церкви обманным и насильственным путем. Но у кого же он ее отнял? у м. Петра? — Но его нет и не было у кормила церковного; у М. Сергия? Но он ее не имел. Потом, что имел, скрыл, а затем употребил не на созидание, а на разорение Тела Христова — Церкви УМ. Агафангела? Но ВВЦСовет много раз просил его и письменно, и устно, через своих членов, вступить в отправление лежащих на нем обязанностей Патриаршего Местоблюстителя; и не вина ВВЦСовета, что М. Агафангел от них отказывается, а вина того же М. Сергия; что же касается ВВЦСовета, то 1-й параграф его Наказа гласит, что он «находится в каноническом и молитвенном общении с Патриаршим Местоблюстителем», будь то М. Петр. или М. Агафангел, лишь бы они были налицо и управляли.

Ни слова Божия, ни канонов церковных, ни веры Православной, ни обрядов епископы Врем. Высшего Церк. Совета не нарушили и не нарушают, все же обвинения против них суть лишь плод зависти, злобы и невежества. Удивительнее всего, что такие обвинения решаются бросать нам обновленцы, которые нарушают слово Божие о единобрачии клириков, св. каноны о безбрачии епископата и насильственным, обманным путем отстранили неког-

да Святейшего Патриарха Тихона от церковного управления, а затем осудили его таким незаконным судом, каким ныне осуждают нас М. Сергий. Ныне они тшятся ввести в заблуждение верующих своими сношениями с Восточными Патриархами, будучи сами гонителями и хулиателями Патриаршего звания и служения.

Предоставляя противникам нашим клеветать на нас и поносить нас, мы стремимся в чистоте совести, по мере сил наших, служить устройению Церкви Божией. С этой целью назначаем на 2—15 ноября сего 1927 г. общее собрание Архипастырей, пастырей и пасомых старо-церковников, проживающих на территории СССР, дабы общими силами и общим советом найти лучшие пути и средства к общему спасению и благоустройению нашей Православной Патриаршей Церкви. На съезд приглашаются прежде всего все православные епископы, кроме того, от Епархии и полусамостоятельных викариатств приглашаются по два депутата от клира и по два от мирян, избранных на Епархиальных и Викариальных собраниях. От отдельных групп приходов, равно от отдельных общин, избираются по 1 депутату от клира и по 1 от мирян.

Доволя о сем до общего сведения верующих, просим вас вместе со Св. Апостолом Павлом: вместите нас, мы никого не обидели, никому не повредили, ни от кого не искали корысти (2 Кор. VII, 2).

Тем же, которые сомневаются в нас, скажем с тем же Св. Апостолом: испытывайте самих себя, в вере ли вы... о нас же, надеюсь, вы знаете, что мы то, чем быть должны (2 Кор. XIII, 5—6).

29 апр. — 12 мая 1927 г. Донской монастырь.

Смиранный Григорий, Архиепископ Екатеринбургский, ныне Свердловский и Ирбитский.

Смиранный Константин, Архиепископ б. Могилевский.
Смиранный Митрофан, Митрополит Донской и Новочеркасский.
Смиранный Виссарион, Епископ Ульяновский и Корсунский.
Смиранный Тихон, Епископ Сталинградский.
Смиранный Борис, Епископ Можайский.
Смиранный Иннокентий, Епископ Каменский.
Смиранный Митрофан, Еп. Валуйский, упр. Воронежской епархий.

Смиранный Августин, Епископ Луганский и Сумский.
Смиранный Смарагд, Епископ Скопинский.
Смиранный Анатолий, Епископ Ибрессинский.
Смиранный Иоанникий, Архиепископ Днепропетровский.
Смиранный Епископ Николай, б. Бельницкий.
Смиранный Феодан, Епископ Майкопский.

Из послания видно, как григорианцы, потерявшие под собой всякую почву, пытаются доказать, что их дело направлено исключительно ко благу Церкви и, если в это дело внесен раздор, то виновником всему этому является митр. Сергий, который якобы и власть-то получил незаконно и действует против ВВЦС репрес-

сивно. Интересно, что ВВЦС настолько был уже бездушным организмом, что даже обновленцы заодно с православным епископатом указывали на малочисленность и малоизвестность архиереев, образовавших ВВЦС и, главным образом, на тот обман, который употребили григорианцы в захвате церковной власти. Послание фактически говорит нам уже не о воинствующем направлении ВВЦС, а, главным образом, о защите самого себя от тех обвинений, которые были предъявлены ВВЦСовету православными и обновленцами.

Этим же посланием приглашаются на предстоящий съезд все православные епископы и депутаты от клира и мирян.

Не ограничиваясь одним посланием, имевшим, очевидно, охватить широкие массы верующих, григорианцы препровождают ему специальную объяснительную записку.

В основном содержание объяснительной записки то же самое, что и содержание послания, но только факты освещаются здесь более подробно, чем это сделано в послании.

Главную мысль записки можно выразить в таком плане: Церковное управление, установленное ВВЦС, имеет соборное начало. Такое управление в Церкви учреждено Самим Иисусом Христом и св. Апостолами. В Церкви единоличного управления не может быть. Это доказывается жизнью самой Церкви, в которой соборное управление принадлежит всем епископам, Вселенским Соборам.

Русская Церковь, с момента восстановления в ней Патриаршества, управлялась соборно. Но когда вступил в управление митр. Петр Крутицкий, соборность эта была нарушена единоличным управлением Патриаршего Местоблюстителя.

Учрежденный же после этого ВВЦС восстановил соборное управление в Церкви. И только он (ВВЦС) теперь имеет единственное законное правомочие на управление Церковью, как восстановивший поправленную церковную соборность и получивший легализацию в Государстве.

Митр. Сергей не имеет никакого законного полномочия на церковное управление. Он есть церковный преступник и подлежит суду Поместного Собора. По этой причине все его действия и действия окружающих его лиц не могут быть признаны полезными для Церкви. Справедливость, высказанная ВВЦС, подтверждается новым циркуляром митр. Сергия, рассылаемым им преосвященным по поводу учреждения Временного Патриаршего Синода.

Сближения с обновленцами тоже не может быть, так как последние отступили от истины. Все возникшие в Церкви нестроения должны быть уничтожены на предстоящем съезде. Таков краткий план содержания объяснительной записки.

В подробностях, приводимых в содержании записки, весьма открыто подчеркивается то отношение, которое сложилось у григорианцев к митр. Сергию. Очевидно, на совещании остро был поставлен вопрос, как относиться к мероприятиям, проводимым

в данный момент митр. Сергием? Если он осуществит их в жизни, то можно ли в этом случае признать его законным управителем Церкви и пойти с ним на соединение?

Ответы даны только отрицательные: никакого соединения не может быть. В этом видна, конечно, личная ненависть григорианцев к митр. Сергию, который своею деятельностью преградил им дорогу к осуществлению намеченных ими планов.

Интересно отметить, что ненависть григориан изливалась не только на самого митр. Сергия, но даже и на тех епископов, которые одобряли его деятельность и находились с ним в молитвенно-каноническом общении.

Известен такой случай, бывший с еп. Германом (Коккелем), когда последний управлял Ибресским викариатством (1925—1927 гг.). В один из воскресных дней он направился на богослужение в женский Киево-Николаевский монастырь. Но едва он миновал монастырские ворота, как на него со всех сторон посыпались камни — это в него с руганью и поношением бросали монашки. Оказалось, что монастырем завладела григорианцы во главе с еп. Виссарионом (Зориним), и они-то научили монашек встретить «сергиевского» епископа градом камней¹.

Так ненависть григорианцев против митр. Сергия от слова переходила к делу, и всюду, где только они могли излить эту ненависть на него, они изливали ее бурным потоком. Но эта ненависть, по мере своего возрастания, увеличивала упадок моральных сил самих григориан и лишней раз подтверждала, что дело их идет на полный провал.

Совещание окончилось в полдень 13 мая, н. ст., послание с объяснительной запиской в количестве 3000 экземпляров было отпечатано в типографии и разослано в разные епархии и приходы Православной Церкви.

Но успеха это послание среди православного населения не имело. Когда епархиальные и викарные архиереи, находившиеся в молитвенно-каноническом общении с митр. Сергием, получили это послание, то они сочли за лучшее ответить на призыв ВВЦС грубовым молчанием, а паству свою предупредить о появлении в Церкви нового раскола, противного Христовой истине и церковному единству.

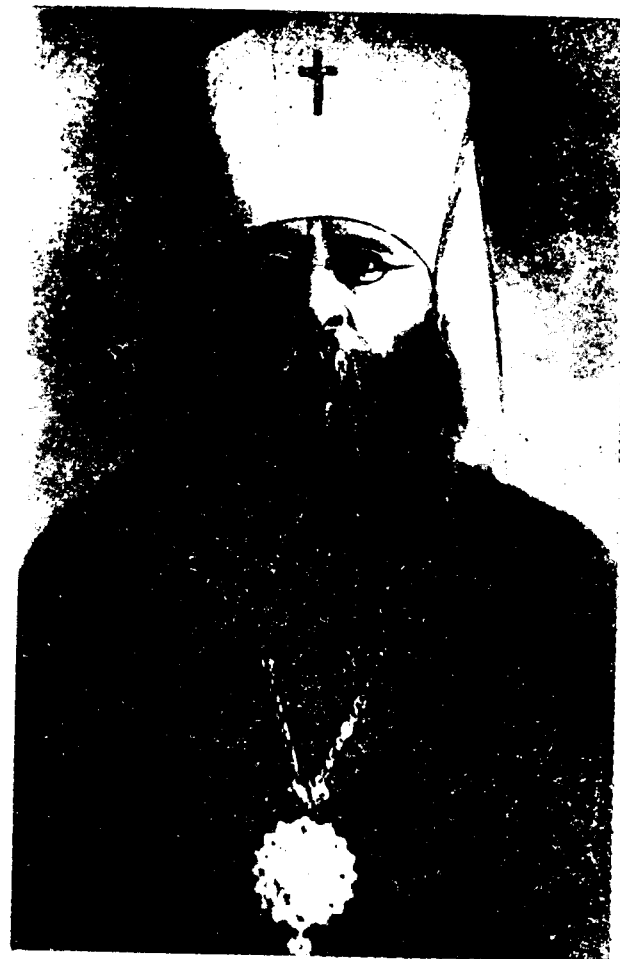
Чтобы нагляднее представить себе картину, в каком духе действовал русский православный епископат против последнего мероприятия григорианцев, мы приведем содержание одного циркуляра, разосланного Управляющим Уфимской епархией еп. Иоанном (Поярковым) духовенству, православным правлениям и общинам епархии.

«К сведению духовенства, православных правлений и общин.

¹ Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957 гг.). А. Мауил, Чебоксары, 1959 г., ч. 2, стр. 247.

Имею долг и необходимость предупредить православных о появлении нового разделения весьма вредного Св. Церкви. Разделение это учинил Архиепископ бывший Свердловский Григорий. По его имени оно называется «григорьевским». Будучи православным и староцерковником, еп. Григорий, после смерти Патриарха, создал независимое от патриарших преемников церковное управление и присвоил созданному им Временному Высшему Церковному Совету права верховной власти Церкви Российской. Все это он сделал без благословения и согласия законных преемников почившего Святейшего Патриарха Тихона. Он не посчитался с правилом св. Апостолов, которое повелевает ни в одной стране никому епископу ничего не творить превышающего его власти, и без воли первого епископа страны. Первым епископом страны нашей является соборно-законно уполномоченный Епископ по изволению почившего Патриарха, избранный и принявший его попечение о всей Церкви с согласия епископов, присутствовавших на патриаршем погребении и из других мест письменно призвавши его на пост Местоблюстителя Патриаршего — Митрополит Крутицкий Петр. Все полномочия Заместителя Патриаршего Престола Петром Митрополитом, вследствие лишения его возможности управления, переданы в декабре 1925 года Митрополиту Нижегородскому Сергию, а в январе текущего года 1927, эти права тем же Местоблюстителем Петром Митрополитом за Сергием Митрополитом Нижегородским подтверждаются. Архиепископ же Григорий, воспользовавшись условной резолюцией того же Митрополита Петра, предполагавшей невозможность церковной работы для митр. Сергия, создает независимую организацию церковную, так называемый им «малый собор» ВВЦС. Митрополит Сергей, как законный первенствующий по должности среди иерархов, нашел в этом деянии Григория Архиепископа преступление канонического характера, угрожающее церковному единству, учитывая и то, что Архиеп. Григорий без воли первоиерарха никаких учреждений, тем более во всесоюзном масштабе, создавать не имел права. Его, Митр. Сергием распоряжением, подтвержденным после Местоблюстителем Патриаршим Митр. Петром, архиеп. Григорий устранился от занимаемой им до сего Свердловской кафедры и подвергается впредь до суда над ним запрещению в священнослужении. Григорий архиеп. с группой архиереев, вошедших в состав ВВЦС, не подчиняются воле первоиерархов. Таким образом, создается новое разделение, новый раскол «Григорьевщина».

ВВЦС, орган григорианского объединения, легализируется гражданской властью в начале 1926 г. с сохранением за собою именованья «староцерковнического». От одного канонического преступления — созыва незаконного собора вопреки пр. ...Григорий, запрещенный архиепископ, перешел к другим. Он позволил себе не считаться с запрещением, на него возложенным двумя первенствующими Митрополитами, а кроме того, сам с группой своих сотоварищей позволил иным лицам не считаться с запрещениями,

к стр. 10 Сергей (Страгородский)
Митр. Нижегородский

к стр. 106 Серафим (Самойлович)
Архиепископ Угличский

возложенными другими епископами и духовниками и в неподведомых ему областях, чем пренебрег заповедь Спасителя «что свяжете на земле, будет связано и на небесах» и заповедь церковную,— что один духовник суд другого духовника решить не может. К нему примкнули те, кто недоволен был прещениями церковными. Велика опасность усугубить раскол свой тем лицам, которые не видят раскола в общении своем с Андреем, бывшим Уфимским епископом. Раскол этот состоит в противлении порядку законного иерархического преемства. Следствие его: дробление тела Церкви, отмирание целых частей сего тела. Слышите и разумеите.

Подлинный подписан. Епископ Иоанн (Поярков)
Управляющий Уфимской епархией.

С подлинным верно:
Член Уфим. Епарх. Совета (подпись)
10/VIII-27 года.»

Надо полагать, что и остальной православный епископат в таком же духе нашел необходимым предупредить свои паствы о появлении григорианского раскола и той опасности, которую таит в себе этот раскол против церковного единства и спасения верных.

Нет сомнения, что православная паства, предупрежденная своим епископом, отнеслась к затее ВВЦС как к делу, противоположному Христовой истине.

ПОПЫТКА АРХИЕПИСКОПА ГРИГОРИЯ СКЛОНИТЬ В РАСКОЛ АРХИЕП. ВЕРЕЙСКОГО ИЛАРИОНА (ТРОИЦКОГО)

Отклики на призыв послания были настолько малочисленны, что сам председатель ВВЦС архиеп. Григорий должен был признаться в своей слабости. Теперь только он понял, что тот состав епископата, который входил в ВВЦС, не имеет никакого авторитета и что за таким составом ни простой народ, ни тем более православный епископат не пойдет. Сама собой вытекала нужда пополнить состав ВВЦС таким архиереем, который бы пользовался авторитетом как среди простого народа, так и среди епископата. Взор архиеп. Григория, неожиданно для него самого, остановился на «соловецком» епископате, где он надеялся найти такового. Ему, конечно, очень важно было в такие трудные минуты заручиться поддержкой названного выше епископата. А среди последнего, действительно, были великие и славные иерархи, пользовавшиеся большим авторитетом и с мнением которых считались и народ, и епископы.

Одним из таких видных иерархов был архиеп. Верейский Иларион (Троицкий), называемый российским епископатом за свой ум и твердое стояние в истине «Великим».

На нем-то и остановил свой выбор архиеп. Григорий. Правда, последний не знал еще, сможет ли он склонить на свою сторону

архиеп. Илариона или, быть может, встретит полную неудачу в своем дерзновении, но, тем не менее, он все же предпринимает попытку к переговорам.

В начале июня 1927 г., едва только теплые воды освободили поверхность Белого моря от льдов, архиеп. Иларион срочно был доставлен особым транспортом из Соловецких островов в Москву. Здесь его ожидал председатель ВВЦС архиеп. Григорий. В специально отведенном помещении в присутствии светских лиц состоялась встреча и беседа архиеп. Григория с архиеп. Иларионом. Беседа первого с последним носила характер не полемический, а просительный. Архиеп. Григорий упрасивал своего собеседника, чтобы он склонился на его просьбу и набрался бы мужества возглавить ВВЦС для блага и спасения Церкви от обновленцев и сергиевщины.

Архиепископ Иларион ответил ему полным отказом. Он просто и ясно указал на то, что дело, затеянное архиеп. Григорием и ВВЦС,— пропавшее дело; оно есть плод людей несведущих ни в церковных канонах, ни в церковной жизни. Оно потерпит полный провал. В заключение своей беседы архиеп. Иларион братски увещевал архиеп. Григория оставить ненужные и вредные для Церкви затеи и обратиться на правый путь. На этом и закончилась первая встреча председателя ВВЦС с соловецким архиепископом.

Немного спустя беседы вновь повторились, но и теперь, как и в первый раз, архиеп. Иларион ответил на просьбы архиеп. Григория полным отказом. Истина для него было дороже всех земных наград и возвышений. Так и не достиг ничего председатель ВВЦС в своих дерзаниях, и то, на что он так рассчитывал и надеялся, не получило своего осуществления.

ОБЩЕЦЕРКОВНЫЙ СЪЕЗД ГРИГОРИАНСКИХ ЕПИСКОПОВ

Несмотря на все неудачи, так часто сопутствовавшие ВВЦСовету, григорианцы не отступили от своих намерений и, как было уже назначено ими, 2/15 ноября 1927 г. в Москве в помещении Донского монастыря открыли т. н. предсоборный съезд епископов и мирян.

Съезд* этот, как и все съезды, ранее собираемые, проходил непосредственно под председательством архиеп. Григория.

Какие ставились и решались вопросы на заседаниях участников съезда, это можно видеть из той программы, которую выработали григорианцы на совещании от 11—13 мая 1927 года.

* **Примечание.** Интересно отметить, что на этот съезд официальным билетом за № 62 и за подписью секретаря ВВЦС приглашался обновленческий митр. Александр Введенский. Правда, последний не пожелал принимать участие в делах ВВЦС, но тем не менее приглашение имел. См. Урал. Церк. вед., 1928 г., № 3—4, стр. 8.

В ПРОГРАММЕ ОПРЕДЕЛЕННЫ ТАКИЕ ВОПРОСЫ:

1. О соборности.
2. О единстве Святой Церкви.
3. Сущность движения, возглавляемого Малым Собором Епископов или Высшим Церковным Советом. Задача Совета.
4. Второй Поместный Собор Российской Православной (Патр.) Церкви. Состав. Органы Высшего Церковного Управления. О епископах правящих, полусамостоятельных викариях и обычных викариях. Органы Епархиального Управления. Благочинническое Управление. Приходское Управление. Настоятели храмов и члены клира. Их церковные права и обязанности. Обеспечение заштатных священников, вдов духовенства и их детей.
5. Обновленчество, Сергиевщина, автокефалисты и т. п. и отношение к ним.
6. Церковная дисциплина.
7. Церковное просвещение. Открытие духовной академии, средних пастырских школ. Их программа и организация. Журналы. Издание Богослужебных книг и книг религиозного содержания.
8. Вопрос об отношении Церкви к Государству. О свободе Церкви. Свободная Церковь и свободное Государство. Отделение Церкви от Государства. Полная лояльность Церкви как целой организации, так и в лице отдельных членов к существующей в СССР Государственной Советской Власти.
9. Об Украинской Церкви. О Белорусской Церкви. О Закавказской Церкви¹.

Сущность всех вопросов сводилась, главным образом, к внешней церковно-административной организации Церкви и к отношению ВВЦС к другим церковным течениям и к Государству.

Как широко и в каком направлении решались эти вопросы, ввиду отсутствия протоколов заседания, определить трудно. Но надо полагать, что они решались именно в том духе, в каком была составлена объяснительная записка к посланию от 12 мая 1927 года.

Из тех же данных, которыми мы располагаем, известно, что вся сущность совещания свелась к глубокой ненависти к митр. Сергию. Съезд признал последнего как скрытого обновленца и узурпатора церковной власти и поставил борьбу с ним своей первостепенной задачей².

Съезд продолжался с 15 по 18 ноября н. ст. Это был последний, завершающий съезд григорианцев. Волны житейского моря сломали руль и сорвали все паруса на корабле, управляемом ВВЦС, и он, отдавшись всецело воле волн, поплыл по течению, не

¹ Программа для предстоящего Общецерковного Съезда всей Православной Патриаршей Церкви — созываемого Временным Высш. Церковным Советом.

² Церковн. Правосл. календарь на 1928 г. Изд. Архиеп. Александра (Анисимова) в г. Самаре, стр. 17.

имея уже возможности ни сопротивляться, ни изменить своего направления — он был обречен на верную гибель.

Архиеп. Григорий был возведен в сан митрополита. Это, возможно, ободрило его дух, и он продолжал свою деятельность по укреплению ВВЦС. Однако следует отметить, что авторитет митр. Григория даже среди самих последователей григориан в этот период его деятельности значительно пал: были такие церковные общины, которые открыто высказали свое недоверие к митр. Григорию.

Так в г. Челябинске, куда прибыл в конце 1927 года сам митр. Григорий спасать здесь дело ВВЦС, на съезде духовенства и мирян был избран во епископа Челябинского местный протонерей Петр Холмогорцев. Но община выразила полное недоверие к авторитету митр. Григория и постановила, чтобы хиротония над прот. Холмогорцевым была совершена не митр. Григорием, а митр. Агафангелом (Преображенским)¹, и с этой целью она (община) отослала прот. Петра в Ярославль². Правда, митр. Агафангел отклонил от себя просьбу григориан, и прот. Холмогорцев должен был принять хиротонию во епископа от митр. Григория и еп. Анатолия в Москве, но самый факт отношения Челябинской общины к председателю ВВЦС показывает нам, насколько пал авторитет митр. Григория.

Постоянные неудачи, с которыми председатель ВВЦС встречался в течение почти 2-х с половиной лет, и особенно теперь, окончательно надломили в нем мужество, и он, чувствуя слабость сердца, сложил с себя обязанности председателя ВВЦС и передал их архиеп. Виссариону, а сам остался в качестве епархиального архиерея в г. Свердловске.

Служил он до 1930 г. в небольшой церкви в честь Александра Невского, что в Тихвинском женском монастыре, а после закрытия храма митр. Григорий перешел в церковь св. Иоанна Крестителя, расположенную на территории Ивановского кладбища г. Свердловска. Здесь он и жил в церковной сторожке до самой своей кончины.

ВВЦС ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ЕП. ВИССАРИОНА

Вместо ушедшего митр. Григория председателем ВВЦС стал еп. Виссарион (Зорин). Это был человек не столько твердого или мужественного характера, сколько человек с широкими замашками на благоустройство своего личного положения среди епископата.

Еп. Виссарион — уроженец Нижегородской епархии. Сын священника. Окончив Нижегородскую духовную семинарию, он в 1898 году поступил на правах волонтера на первый курс Казан-

ской духовной академии¹. В 1899 г. он принимает монашество с именем Виссариона, а затем рукоположение в сан иеродиакона. На последнем курсе о. Виссарион был рукоположен во иеромонаха.

В 1902 году молодой иеромонах окончил академию со степенью кандидата богословия и в этом же году определен преподавателем в Калужскую духовную семинарию².

В ноябре 1902 года он получает назначение в Александровскую миссионерскую семинарию³, но в январе 1903 г. это назначение было отменено, и иеромонах Виссарион был определен преподавателем Волынской духовной семинарии⁴. Отличался ли он какими-либо способностями как преподаватель в духовном расаднике, нам ничего неизвестно, но только в декабре 1903 г. его назначают инспектором той же семинарии⁵, а спустя несколько лет — ректором, с возведением в сан архимандрита.

В 1909 г. из Волыни его перемещают ректором в Самарскую духовную семинарию⁶.

В сентябре 1923 г. он был хиротонисан во еп. Симбирского. Характерно, что еп. Виссарион любил внешнюю помпу, и по этой причине его богослужения всегда были обставлены торжественностью, а его разъезды по епархии, благодаря внешней пышности, часто являлись некоторым бременем для сельского населения и производили впечатление на последних далеко не в его пользу⁷.

Когда организовался ВВЦС, он примкнул к организаторам и стал одним из членов григорианского Синода. Но весной или в начале лета 1926 г. еп. Виссарион покаялся в своем заблуждении⁸ перед митр. Сергием и получил прощение. Однако вступление еп. Угличского Серафима в отправление обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя смутило его дух, и он в начале 1927 г. снова перекочевал в ВВЦС и остался в нем до конца своей жизни. С этого момента начинается его активная деятельность в защиту григорианства.

Так, 23 марта 1927 года на состоявшемся епархиальном съезде в г. Корсуни Ульяновской епархии он выступил с особым докладом и, основываясь на том, что покойный Патриарх Тихон благословил его во еп. Ульяновского, убедил большинство членов съезда признать правильность позиции ВВЦС, как могущего вывести Православную Церковь на путь соборности, и съезд, несмотря на то, что сторонники митр. Сергия не хотели его принимать как признающего ВВЦС, избрал еп. Виссариона своим архипастырем с титулом архиепископа Ульяновского⁹.

¹ Протоколы заседаний Казан. дух. акад. за 1898 г., стр. 124, 145.

² Церковные ведомости, 1902 г., № 30, стр. 276.

³ Церковные ведомости, 1902 г., № 48, стр. 370.

⁴ Церковные ведомости, 1903 г., № 2, стр. 9.

⁵ Церковные ведомости, 1904 г., № 1, стр. 16.

⁶ Церковные ведомости, 1909 г., № 49, стр. 435.

⁷ Уральские Церкви. ведомости, 1927 г., № 3, стр. 9.

⁸ Уральские Церкви. ведомости, 1927 г., № 8, стр. 10.

⁹ Уральские Церкви. ведомости, 1927 г., № 4, стр. 11.

¹ Урал. Церковн. ведомости, 1928 г. № 5—6, стр. 8.

² Там же, № 3—4, стр. 16.

На этом же съезде еп. Виссарион предложил участникам совещания послать просьбу митр. Агафангелу (Преображенскому), чтобы тот снова принял управление Русской Церковью¹. Согласились ли члены съезда с предложением еп. Виссариона, нам ничего неизвестно. Однако самый факт свидетельствует о стремлении последнего упрочить свое положение и положение ВВЦС.

Как член григорианского Синода, он в критические для ВВЦС моменты по поручению председателя ВВЦС архиеп. Григория предпринимал поездки в Сибирь.

Так, после того, как декларация митр. Сергия больно ударила по григорианству, еп. Виссарион осенью 1927 г. был отправлен в г. Барнаул на епархиальный съезд с докладом о деятельности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

В своем выступлении на съезде он ясно высказался против митр. Сергия и признал его как «тайного обновленца в вынужденной тихоновской маске», которую он в свое время скинет².

Таков, собственно, был еп. Виссарион, занявший пост председателя ВВЦС после ухода с этой должности митр. Григория.

Он жил в Московском Донском монастыре. Когда он вступил в обязанности председателя ВВЦС, то он постарался прежде всего укрепить свое положение. На одном из заседаний Совета еп. Виссарион добился согласия от членов ВВЦС на возведение его в сан митрополита. Итак, он получает белый клобук и становится митрополитом Воронежским.

В целях укрепления авторитета ВВЦС, немного спустя в ту же самую степень он возводит еп. Бориса (Рукина) и архиеп. Иоанника (Соколовского). Таким образом, в числе ВВЦС стало 5 митрополитов:

Виссарион (Зорин),
Григорий (Яцковский),
Митрофан (Симашкевич),
Борис (Рукин) и
Иоанникий (Соколовский).

Однако все эти внешние привилегии григорианского епископата не возвысили авторитет ВВЦС пред православной паствой и не приостановили его (ВВЦС) крушения.

Корабль григорианцев по-прежнему, носимый волнами, плыл по течению без руля и без ветрил. Но тем не менее еп. Виссарион (а теперь уже и митрополит), как бы не замечая всего этого, употреблял все усилия к спасению своего корабля.

Он, как и архиеп. Григорий, ищет среди Российского Православного епископата такого архиерея, который мог бы своим участием в ВВЦС поддержать так сильно пошатнувшийся авторитет Высшего Церковного Совета.

¹ Уральские Церковн. ведомости, 1927 г., № 4, стр. 12.

² Там же, № 12 и 13, стр. 2.

Обращаться к соловецкому епископату и тем более к архиеп. Илариону (Троицкому) митр. Виссарион не стал, считая дело это бесполезным.

Его выбор останавливается на архиеп. Томском Димитрии (Беликове). Правда, авторитет архиеп. Димитрия среди русского епископата был не так уж велик, но тем не менее он слыл за архиерея с кипучей энергией, хорошо эрудированного в светских и духовных науках, к тому же известного еще когда-то лично Патриарху Тихону, намечавшему архиеп. Димитрия в члены Свящ. Синода, и митр. Петру (Полянскому), который избрал его, как стойкого в Православии в числе трех кандидатов коллегии. Он, несомненно, мог бы в какой-то степени обновить и поднять дело ВВЦС. Вот к нему-то и обратился митр. Виссарион. И, надо сказать, в этом деле он имел успех.

Сам архиеп. Димитрий своим отношением к Высшей Церковной Власти фактически уже имел пригодную почву для признания ВВЦС.

В конце 1926 года или в самом начале 1927 года, когда обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя временно исполнял архиеп. Угличский Серафим (Самойлович)¹, он, вероятно, смущаемый частой сменой Заместителей, пришел к убеждению, что Русская Православная Церковь лишена канонической главы, и по этой причине, чтобы сохранить свою паству в должном порядке, он созвал епархиальный съезд и на нем объявил Томскую епархию автокефальной, не признающей ни митр. Петра, ни митр. Сергия и никого другого².

Когда об этом узнал архиеп. Серафим, то он отстранил архиеп. Димитрия от управления епархией и наложил на него запрещение в священнослужении до полного раскаяния и суда над ним православных архиереев³.

Архиеп. Димитрий отказался подчиниться архиеп. Серафиму — Заместителю Патриаршего Местоблюстителя — и продолжал управлять епархией и священнодействовать.

Не пожелал он признать над собой власти и митр. Сергия (Страгородского), когда последний снова вступил в управление своих обязанностей по управлению Русской Церковью. Характерно, что архиеп. Димитрий на докладе ему о беседе, которую имел делегат Томской епархии с митр. Сергием в Москве, написал: «По содержанию нахожу доклад обстоятельным и важным, ввиду необходимых мероприятий для благосостояния епархии и к сбережению ее целостности»⁴. Доклад этот с добавлением послания епископов, признающих ВВЦС, был разослан по епархии⁵.

¹ Послание еп. Серафима Урал. Церк. вед., 1928 г., № 3—4, стр. 15—16.

² Уральские Церк. ведомости, 1927 г., № 3, стр. 9.

³ Уральские Церк. ведомости, 1928 г., № 5—6, стр. 8. См. также письмо митр. Сергия к митр. Кириллу от 2 янв. 1930 г. Архив М. М. № 75.

⁴ Уральские Церк. ведомости, 1927 г., № 12—13, стр. 2.

⁵ Там же.

Последнее действие архиеп. Димитрия ясно говорило о сближении последнего с григорианами. И теперь, когда прибывшая делегация от митр. Виссариона предложила ему стать на сторону ВВЦС против митр. Сергия, он легко согласился пополнить состав григорианского Синода.

Для придания архиеп. Димитрию большего авторитета ВВЦС возвел его в сан митрополита.

Переход в григорианство Томского архиепископа ничего утешительного для ВВЦС и тем более для митр. Виссариона не принес. Православная паства, когда узнала, что их архипастырь перешел к григорианцам, перестала уважать его. Авторитет архиеп. Димитрия пал окончательно. Недолго он пробыл в сане митрополита, всего каких-либо года три.

Среди православных епископов, знавших хорошо архиеп. Димитрия, высказывались чувства сожаления о его переходе в ВВЦС. О нем так говорили: «Ожидал старец белого клобука от митр. Сергия, но так и не дождался, хотя и дожил до глубокой старости, а вот григориане с легкостью возложили на него белый клобук»*.

Действительно ли он ожидал себе сана митрополита или нет, нам ничего неизвестно, но только и получивши его ценою измены канонической истине он, обесчещенный и обесславленный, дожил остаток дней своей жизни в Сибири и там, вероятно, скончался.

В 1928 году в григорианство перешел неизвестный нам архиеп. Иоаким, который был назначен членом григорианского Синода.

Судя по тем данным, которыми мы располагаем, архиеп. Иоаким был известен митр. Агафангелу (Преображенскому) и известен не с плохой стороны.

Когда свердловская православная паства запросила последнего, кого им держаться, то он телеграфно ответил: «Рекомендую держаться архиеп. Иоакима»¹.

Очевидно, архиеп. Иоаким хотя и был членом григорианского Синода, но он либо не проявлял активного участия в делах раскола и даже, возможно, скрывал свою принадлежность к григорианству, либо к тому времени, когда обращалась свердловская православная паства к митр. Агафангелу (а это было в сентябре 1928 г.), он уже не принадлежал к раскольническому движению.

Итак, обращение в григорианство православного иерарха архиепископа Иоакима было последним проблеском жизни ВВЦС. Впереди виден был закат, полный мрака и безотрадности.

* Сообщение митрополита М.

¹ Елевферий митр. Неделя в Патриархии. Париж, 1933 г., стр. 127.

ЛИКВИДАЦИЯ РАСКОЛА

Прежде чем войти нам в область заката ВВЦС, необходимо хотя бы в кратких чертах представить в целом весь организм григорианства — состав его епископата, его территориальный объем и его влияние на окружающую среду.

Начнем с самой сердцевины раскола — с епископата.

Как мы уже выше отмечали, группа архиереев, образовавшая ВВЦС в 1925 году 9/22 декабря, имела в своем составе всего только 10 иерархов. Из них семь архиереев —

Григорий (Яцковский), архиеп. Екатеринбургский,
Борис (Рукин), еп. Можайский,
Виссарион (Зорин), еп. Симбирский,
Дамиан (Воскресенский), еп. Переяславский, вик. Владим. епарх.,

Иннокентий (Бусыгин), еп. Каменский, вик. Донской епархии,
Константин (Булычев), архиеп. б. Могилевский и
Тихон (Русинов), еп. Усть-Медведицкий — вошли в состав Малого Собора Епископов, или ВВЦС, и трое —

Иоанникий (Соколовский), архиеп. Днепропетровский,
Вассиан (Пятницкий), еп. б. Егорьевский и
Митрофан (Русинов), еп. Уразовский — в их подчинение.

Это была как бы основа, на которой начали строить свою церковь григорианцы. И основа эта во весь краткий период существования раскола временами уменьшалась, а временами увеличивалась.

Так, в начале января 1926 г. (или в самых последних числах декабря 1925 г.) к ВВЦС присоединяется пять архиереев:

Митрофан (Симашкевич), митр. Донской,
Мелхиседек (Паевский), еп. Минский — митр. Белорусский,
Владимир (Соколовский—Автономов), архиеп. Екатеринославский и Новомосковский,
Симеон (Михайлов), еп. Чебоксарский, упр. Вятской епархией,
Ириной (Шульмин), еп. Елабужский.

В феврале 1926 г. из состава ВВЦС выбыл еп. Дамиан (Воскресенский). Он понял, что путь григорианства — путь человеческий, а не Божий.

За ним в мае месяце 1926 г. последовали два епископа: Симеон (Михайлов) Чебоксарский, упр. Вятской епархией и Ириной (Шульмин) Елабужский, вик. Сарапульской епархии.

Оба они явились к митр. Сергию с повинной и принесли покаяние. Последний выдал им особую бумагу, в которой говорилось, что они выполнили все требования и дальнейшему взысканию уже не подлежат. Они православны¹.

¹ Урал. Церковн. ведомости, 1927 г., № 8, стр. 10—11.

К началу июня 1926 г. число епископов, ушедших в раскол, составляло 12 человек. Но в конце июня, после того как митр. Петр упразднил «коллегию» и подтвердил запрещение митр. Сергия, наложенное им на самочинных архиереев, число это резко сокращается. Очевидно, некоторые из православных архиереев уклонились в григорианство по недопониманию самой сущности учрежденной митр. Петром «коллегии», которую использовал в своих целях ВВЦС и которую в какой-то степени признавали правомочной. И поэтому, когда резолюцией митр. Петра от 9 июня 1926 г. был снят покров с ВВЦС упразднением «коллегии», они поняли свою ошибку и покаяться в своем заблуждении.

Так, в конце июня принесли покаяние:

Мелхиседек (Паевский), еп. Минский,
Владимир (Соколовский—Автономов), архиеп. Екатеринославский,

Тихон (Русинов), еп. Усть-Медведицкий,
Вассиан (Пятницкий), еп. б. Егорьевский и даже
Виссарион (Зорин), еп. Симбирский.

После таких неожиданных обстоятельств в составе ВВЦС осталось всего только 7 иерархов. Положение, действительно, было критическим. Надо было каким-то образом спасти свое дело и пополнить новыми членами состав ВВЦС. Тогда они избирают из среды своих последователей несколько кандидатов и производят их в епископы. Таковы были архиереи, получившие летом и осенью 1926 г. григорианскую хиротонию:

еп. Луганский Августин,
еп. Ибресинский Анатолий,
еп. Майкопский Феофан.

Таким образом, новопоставленные архиереи заменили ушедших, и число григорианских епископов стало равно 10.

В конце 1926 г. и в начале 1927 г. это число увеличилось. Двое из ранее покаявшихся — еп. Тихон (Русинов) и еп. Виссарион (Зорин) — снова обратились в григорианство, а немного спустя за ними последовали: еп. б. Алатырский Назарий (Андреев), еп. б. Бельничский Николай (Судзеловский), еп. Скопинский Смарагд и еп. б. Раненбургский Иоанн (Киструссский).

Итак, к началу мая 1927 г. епископат григорианский составляли 16 иерархов: 13 архиереев старого поставления и 3 григорианского.

Все эти архиереи* присутствовали на совещании в Московском Донском монастыре с 11 по 13 мая н. ст. 1927 г. и поставили свои подписи под посланием от 12 мая.

Летом 1927 года ВВЦС поставил еще двух новых епископов: Гермогена (Кузьмина) Буинского и Сергия Винницкого, а в конце 1927 г. в григорианство перешел Лубенский архиерей еп. Уман-

* Кроме еп. Иоанна (Киструсского) и еп. Назария (Андреева).

ский Макарий (Крамаренко). Очевидно, григорианцы, стремясь увеличить число своего епископата, не стали пренебрегать даже такими архиереями, хиротония которых в каноническом и благодатном отношении была сомнительной. В пылу борьбы, вероятно, это не замечалось. Для своего блага можно было принять и такого епископа.

Тогда же, т. е. в конце 1927 г., митр. Григорием был хиротонисан во епископа Челябинского прот. Петр Холмогорцев.

В это же время, смущаемый декларацией митр. Сергия, в ВВЦС перешел православный епископ Серафим (Игнатенко) Новооскольский, вик. Курской епархии. За ним последовало 4 уезда: Белгородский, Грайворонский, Новооскольский и Корочанский.

Тогдашний митр. Курский Назарий (Кириллов) наложил на него запрещение в священнослужении, но, когда увидел, что эта мера не помогает, отменил свое распоряжение, заявив, что он не хочет влиять ни на чью совесть и что каждый может поступать по ее велению¹.

Покаялся ли еп. Серафим в своем уходе от митр. Сергия, нам неизвестно.

В 1928 г., как нам известно, в григорианский раскол перешли два иерарха: архиеп. Иоаким и архиеп. Томский Димитрий (Беликов). Это были последние из православных архиереев, перешедших в ВВЦС.

В этом же году число архиереев пополнилось тремя новыми:

еп. Уфимским Иринархом (Павловым),
еп. Иоасафом (впоследствии Ульяновский) и
еп. Виссарионом (Григоровичем) — (впоследствии
архиеп. Ульяновский).

На январь 1939 года григорианский епископат состоял, таким образом, из 26 архиереев (16 из них старого поставления, 9 — нового и 1 — лубенского).

С 1930 по 1936 гг. включительно был совершен еще ряд хиротоний. За этот период получили рукоположение:

еп. Бакинский Иосиф (Вырыпаев),
еп. Феодосий (Григорович),
еп. Новочеркасский Фотий (Тапино),
еп. Омский Ювеналий и
еп. Свердловский Геннадий.

Но в эти же годы, а именно: 17 дек. 1931 г. вторично принесли покаяние еп. Тихон (Русинов), а в 1932 г. — еп. Митрофан (Русинов). Митр. Томский Димитрий (Беликов) в это время уже скончался.

13/26 апреля во вторник Страстной седмицы 1932 года на 65-м году жизни скончался основоположник раскола митр. Григорий (Яцковский).

¹ Урал. Церк. ведомости, 1928 г., № 5—6, стр. 8.

После смерти митр. Григория летом 1932 г. на Свердловскую кафедру с возведением в сан архиепископа был назначен митр. Виссарионом еп. Петр (Холмогорцев).

Итак, на закате своего бытия ВВЦС имел в своих недрах 27 архиереев (14 нового поставления, 12 — старого и 1 — лубенского). И все эти архиереи, за исключением, возможно, только митрополита Бориса (Рукина), были епископами малоизвестными среди русского епископата.

В территориальном отношении григорианский раскол, исходя из тех епархий, которые занимали григорианские архиереи, охватил сравнительно небольшое пространство. Основное сосредоточие григориан падало, главным образом, на Западную Сибирь и Урал (Томская, Свердловская и Челябинская области), Среднее Поволжье (Ульяновская и Самарская области) и на Донецкий край (нижний и средний Дон). В этих-то краях вплоть до 1937 года и существовали григорианские епархии. На Урале, как нам известно, Екатеринбургская (Свердловская) епархия управлялась архиеп. Григорием (Яцковским), — основоположником раскола, а Томская и Омская — митр. Дмитрием (Беликовым).

Кроме этих епархий, григорианство проникло в Челябинскую епархию и Уфимскую.

В указанных выше епархиях раскол не ограничивался только главными городами (Свердловском, Томском и Челябинском), он проник и в некоторые районные города и сельские приходы, ставшие в административно-каноническое подчинение ВВЦС. Таковы были города: Курган, Барнаул, Шадринск, Златоуст и Благовещенск (Башкир. АССР).

По рассказам старожилов г. Свердловска, в ведении митр. Григория находилось около 70 приходов.

В Среднем Поволжье основной епархией была Симбирская (Ульяновская). Управлялась она первоначально еп. Виссарионом (Зориним), а потом митр. Иоанникием (Соколовским) и другими. Ульяновские архиереи носили титул «Симбирский и Карсунский». Как викариатства в нее входили Ибресинская епископия, возглавляемая новохиротонисанным еп. Анатолием, и Буинская, управляемая тоже новопоставленным еп. Гермогеном (Кузьминим).

Здесь, как видим, григорианство не ограничивалось одним только Ульяновском, но оно проникало и в другие районные города епархии.

Интересно отметить, что в Ульяновской епархии еп. Буинский Гермоген (Кузьмин), проживавший в Дворянской волости, в раскол привлекал усиленной раздачей наград. И, надо сказать, духовенство охотно шло на эту приманку¹.

Частичное распространение раскола коснулось и Самарской (Куйбышевской) епархии. Правда, это распространение ограничивалось только одним городом Самарой (Куйбышевом), где григориане имели две церкви: Петропавловскую и старообрядческую,

находившиеся под непосредственным управлением Ульяновского архиерея, но тем не менее оно имело место в Самарской епархии.

В Донецком крае было несколько епархий, находившихся в ведении ВВЦС. Таковы епархии: Донская и Новочеркасская, Луганская; и викариатства: Каменское, Усть-Медведицкое и Майкопское. Кроме указанных местностей, григорианство проникло на Украину, в Воронежскую епархию, Курскую и Сталинградскую. На Украине григорианство гнезилось в Днепропетровске (Екатеринославе) и в Умани.

В Воронежской епархии, кроме главного города, григорианство было в Валуйске; а в Курской — в районах: Белгородском, Гайворонском, Новооскольском и Корочанском. В самой Москве у ВВЦС имелось всего лишь несколько церквей: одна церковь в Донском монастыре и одна в Замоскворечье. Викариатства — Егорьевское Московской епархии и Скопинское Рязанской — были фактически только поминальными.

Таков был территориальный охват григорианского раскола. Что же касается жизненной силы или влияния раскола на окружающую его православную среду, то здесь определенно можно сказать, что большого влияния он не имел и не мог иметь. В нем не было той благодатной силы, которая могла бы способствовать в привлечении православных в организм ВВЦС. Насколько слабы были его силы, показывает тот факт, что из православных епископов к ВВЦСовету, состоявшему первоначально из 10 иерархов, примкнуло всего только 9 архиереев, причем несколько иерархов, из уклонившихся в раскол, принесли покаяние.

Подобное же явление оказывало григорианство и на простой народ. Нам уже известно из объяснительной записки, как враждебно отнеслась православная паства к ВВЦС. Однако находились миряне из православных, которым безразлично было за кем идти: за митр. ли Сергием, или же за архиеп. Григорием. Они в простоте сердца посещали те храмы, в которых служило григорианское духовенство, и вместе с ними совершали свои моления. Но были и такие случаи, когда в раскол уходили люди сознательно, с глубоким убеждением в правоте их дела. Таковы, например, были многие верующие Свердловской епархии, где первоначально руководил расколом архиеп. (затем митр.) Григорий (Яцковский), а потом митр. Петр (Холмогорцев).

Нечто подобное наблюдалось и в Ульяновской епархии. Здесь, наряду с мирянами, активное участие в григорианском расколе принимали даже иночествующие. В Алатырской Киево-Николаевской женской обители, например, часть инокинь, под влиянием епископа Виссариона (Зорина), признали ВВЦС правомочной иерархией, а митр. Сергия предали анафеме. Причем они настолько фанатично были привержены григорианству, что когда к ним в обитель по просьбе православных инокинь прибыл на богослужение сергиевский епископ Герман (Коккель), они встретили его градом камней и руганью.

¹ Урал. Церк. ведомости, 1928 г., № 5—6, стр. 9.

Но это были отдельные случаи, причем в такое время, когда некоторые из православных вообще допускали нерасположение к митр. Сергию, и в григорианах они как бы находили себе единомышленников.

Некоторые церковные общины становились на сторону григориан лишь только потому, что они по незнанию дела не могли уяснить себе, кто же является в Русской Православной Церкви носителем высшей канонической власти. В григорианах же они видели легализованную организацию, могущую созвать Поместный Собор.

Так, например, в г. Барнауле с 15 по 18 февраля 1927 года происходил съезд православного духовенства и мирян. Но уже до съезда ясно определились две партии. И когда открылось совещание, то одни ждали еп. Никиту (Прибыткова) от митр. Сергия, а другие — епископа из Москвы от архиеп. Григория. Но ни тот, ни другой не приехали. Съезд раскололся. Бюро съезда запросило б. Бийского архиеп. Иннокентия (Соколова) и архиеп. Томского Димитрия (Беликова), кто является в настоящее время Высшей Церковной Властью. Ответы были уклончивые, а архиеп. Димитрий прямо ответил, что он и сам не знает, какая у них власть.

На съезде священник местной тихоновской церкви прот. А. Завадовский пришел к выводу, что у них, в сущности, нет законной и канонической власти, ибо все местоблюстители, каждый в отдельности и все вместе взятые, неканоничны по Ап. пр. 76 и Ант. 23, строго осуждающим передачу церковной власти по завещанию.

Но не каноничен и ВВЦС, как захвативший церковную власть насильно. Однако прот. А. Завадовский склонился к признанию последнего как легальной организации, имеющей возможность созвать Поместный Собор. С ним согласилось большинство собрания. И епархия из «Сергиевской» стала «Григорианской»¹.

Но так обстояло дело в Барнауле только до приезда туда православного епископа. Когда же на епископию 20 марта 1927 г. был назначен еп. Владимир (Юденич), тогда уклонившиеся в григорианство приходы снова возвратились к митр. Сергию.

Григорианство, исходя из тех данных, которыми мы располагаем, имело влияние и на простое духовенство.

Активное влияние на последних имело место опять-таки в Свердловской и Ульяновской епархиях. В других же областях это влияние было почти незаметным.

Итак, на протяжении почти 8-летнего (1925—1933 гг.) своего существования григорианство не укрепилось, а все более и более приходило в ветхость и, наконец, пришло на грань полного своего разрушения.

В 1933 году из ВВЦС ушли два видных григорианских деятеля: митр. Виссарион (Зорин) и митр. Борис (Рукин), которые в какой-то мере еще держали на высоте авторитет ВВЦС.

¹ Урал. Церковн. ведомости, 1927 г., № 4, стр. 11.

Митр. Виссарион (Зорин) неизвестно где сложил свое бренное тело. Он проживал в неведомых для взора людей местах и там скончался.

Но какая печальная судьба постигла митр. Бориса (Рукина)...

Находясь в изоляции, он не смог преодолеть в себе внутренней душевной муки. Под действием мрачных мыслей с ним случился острый психический припадок. Не имея больше возможности сопротивляться наплыву угнетающих его помыслов, он окончил жизнь свою через повешение — самоубийством.

Случилось это весной 1934 года.

Так трагически завершил свой жизненный путь один из тех, кто так страстно мечтал изменить курс церковного корабля и тем самым направить его гибельными путями.

В Свердловске оставался еще архиеп. Петр (Холмогорцев), который за свою простоту и красноречие пользовался среди свердловчан популярностью.

В 1935 году неизвестно кем он был возведен в сан митрополита. В 1936 году митр. Петр лишается физической возможности управлять епархией.

На одной из фотографий, подаренной им теще Иоанно-Предтеченской церкви, он написал: «Чудному церковному канонарху. Не забудьте, что при моем погребении Вы (а не другой кто-либо) должны прочитать 17 кафизму. Смерть близка ко мне, настоящий год, вероятно, будет последним для меня, ибо болезнь сокрушает меня. М-т Петр 1936 год».

Если судить по этой надписи, то он скончался в 1936 г. Точно ли эта дата его смерти или же нет, но митр. Петр скончался не позднее 1937 года.

Вместо него в управление епархией вступил в сане архиепископа Свердловского Геннадий, который управлял кафедрой всего 3 месяца: в этом же году (1936) он был удален из епархии.

С уходом вождей григорианского раскола из ВВЦС его дело не могло не разрушиться. Из тех епископов, которые остались, часть вскоре тоже последовала за своими вождями, часть признала за лучшее скрыться от взора людей и под одеждой простолыдина доживать где-либо в укромном местечке остатки дней своей жизни, и лишь только небольшая горсточка григорианских епископов осталась у кормила разбитого житейской волной корабля. Но это были уже бесцветные, бесславные, никем не замечаемые иерархи, не имеющие в своем стаде словесных овец. Да и из этих бесцветных епископов некоторые, придя в крайнюю безнадежность, раскаялись в своем заблуждении и были приняты в лоно Церкви кто в звании монаха, а кто в сане архимандрита.

Так, в 1943 году и последующие годы принесли покаяние:

еп. Фотий (Тапиро),
еп. Гермоген (Кузьмин),
еп. Иосиф (Вырыпаев) и
еп. Феодосий (Григорович).

Еп. Фотий был принят в звании монаха. Скончался он в сане архиепископа Львовского 28 августа 1952 года.

Еп. Гермоген и Иосиф приняты в сане архимандрита.

Архим. Гермоген проживал в г. Ибреси, Чувашской АССР, где и скончался 6 июня 1961 года.

Еп. Феодосий (Григорович) принят был в сане иеромонаха.

Итак, в 1943 году григорианский раскол был совершенно ликвидирован. В настоящее время о нем остались одни только воспоминания как о таком церковном движении, которое бесславно началось и бесславно завершило свой антиканонический путь.

КАНОНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ГРИГОРИАНСКОГО РАСКОЛА

Что же представляло из себя григорианство с точки зрения церковных канонов? Ответ на этот вопрос, если мы будем рассматривать раскол по характеру его происхождения, а затем существования, может быть только отрицательным. Ни само возникновение, ни дальнейшая история григорианства не имеют канонической основы. И первое, и второе нарушало церковные правила.

Прежде всего о самом образовании Временного Высшего Церковного Совета (ВВЦС), или Малого Собора Епископов.

Согласно постановлениям Русского Поместного Собора 1917—1918 гг., Высшее Церковное Управление, состоящее из Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета, устанавливается только Собором. Причем Члены Священного Синода и Высшего Церковного Совета избираются на определенный срок¹.

Как же происходило образование ВВЦС? Оно происходило без всякого Собора и в количестве только 10 епископов и, главное, без всякого согласия на это Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя, без согласия большинства российского епископата. Кроме того, образование происходило фактически при существующем Высшем Церковном Управлении в Русской Церкви — оно (управление) сосредоточивалось тогда в Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергии. Правда, григориане не желали признать канонических прав за последним, но это нисколько не оправдывало образование ими своего ВВЦС.

Даже при том случае, если бы действительно митр. Сергей не имел канонического права на управление Церковью, — и тогда образование ВВЦС явно носило бы антиканонический характер.

Кроме митр. Сергия, оставался еще фактически Патриарший Местоблюститель митр. Петр. Естественно, григориане должны были бы, прежде чем образовывать свой ВВЦС, обратиться за санкцией к Местоблюстителю. И они, действительно, обратились, но обратились уже тогда, когда учредили свой Малый Собор Епископов, и санкции фактически не последовало. Митр. Петр

условно передал свои права коллегиям трех, но не ВВЦС, и когда коллегия не состоялась, тогда обязанности Местоблюстителя снова были переданы им митр. Сергию. Это одна сторона решения вопроса. Другая, не менее важная, состоит в том, что григориане, не признав митр. Сергия первоиерархом, не признав за ним канонических прав на управление Церковью, самовольно предвосхитили власть церковного управления и тем самым нарушили 34 и 31 ап. правила.

Как бы ни старались григориане отрицать канонические права за митр. Сергием, но Заместитель Патриаршего Местоблюстителя являлся и фактически, и юридически полноценным носителем церковной власти.

Как мы уже говорили, Высшее Церковное Управление в Поместной Церкви устанавливалось Собором. Патриарх был избран Собором и поставлен управлять Церковью совместно с Синодом и ВЦС. Собор же своим определением от 23/1-1918 г., ввиду сложных обстоятельств, предоставил Патриарху право лично по своему усмотрению назначать себе кандидатов в Патриаршие Местоблюстители и передавать им полноту своих полномочий. После смерти Патриарха, согласно завещанию, церковное управление во всем объеме патриарших прав и обязанностей перешло к митр. Петру Крутицкому. Последний был утвержден в качестве первоиерарха собором епископов, присутствовавших на погребении Патриарха. Эта же власть перешла затем указанным выше образом, т. е. по завещанию, к митр. Сергию. Утверждение последнего в качестве исполн. обязанности Патриаршего Местоблюстителя происходило немного иным образом, чем митр. Петра. Там сонм святителей в количестве 37 человек сразу вынес свое утверждение, а здесь это утверждение совершалось не в одно время. Рассылались письма тому или иному епископу и ожидался ответ. Российский епископат в большинстве своем в письменной форме выразил свое согласие и подтвердил канонические права митр. Сергия на управление им Русской Церковью. Правда, это была необычная форма избрания первоиерарха, но при тогдашних условиях церковно-общественной жизни, когда не представлялось никакой возможности созвать Собор, подобное избрание носило характер каноничности. И в этом, кроме григориан, никто из епископов, рядового духовенства и простых верующих не сомневался.

Таким образом, митр. Сергей действительно являлся первоиерархом Русской Церкви. Отвергать эту действительность не было никаких оснований.

Итак, григорианский ВВЦС в самой основе своего образования не был уже каноничен ввиду того, что его (ВВЦС) учреждение не было делом ни Собора, ни даже Патриаршего Местоблюстителя, ни его Заместителя. Все происходило самовольно и в нарушение церковного благочиния.

Неканонично и само существование григорианства. Епископы, уклонившиеся в григорианский раскол, как дерзнувшие без воли своего первого епископа страны учредить новое церковное управ-

¹ Свящ. Собор Прав. Росс. Церк. Собрание определений и постановлений. Вып. 1. Изд. Соборного Совета. Москва, 1918 г. § III, п. 4 и 8.

ление и нарушившие 14 и 15 пр. Двукратн. Собора, были запрещены митр. Сергием в священнослужении и удалены от управления епархиями. Это запрещение было подтверждено митр. Петром. Однако, несмотря на запрещение, григорианские архиереи продолжали служить и управлять.

Подобное действие, согласно 38 пр. Карф. Собора, ставило их под церковную клятву и лишало возможности на дальнейшую апелляцию. Каждый, кто входил с ними в общение, подвергался той же самой клятве, которая налагалась церковною властью на григорианских епископов и рядовое духовенство за создание «иног алтаря».

Таково, собственно, настоящее существо григорианского раскола с точки зрения церковных канонов.

ЯРОСЛАВСКИЙ РАСКОЛ

Ярославский, т. н. иерархический откол официально заявил о своем существовании только в феврале 1928 года, т. е. с того момента, когда группа архиереев (5 иерархов) Ярославской епархии объявила митр. Сергию о своем отходе от Заместителя Патриаршего Местоблестителя и образовала известную среди российского епископата и духовенства «Ярославскую церковную область». Но корни, породившие этот раскол, имеют свое фактическое начало гораздо раньше. Они тесно связаны с именем митр. Агафангела (Преображенского) и начинаются с весны 1926 года. С этого момента мы и проследим возникновение вышеуказанного раскола.

Митр. Агафангел (в мире Александр Лаврентьевич Преображенский) родился 27 сентября ст. ст. 1854 года в семье священника Тульской губернии.

С юных лет воспитанный своими родителями в послушании вере Христовой и в строгом исполнении церковных обрядов, он горел неотъемлемой любовью к священному сану. К нему стремилась его детская душа и жаждало его нежное сердце. В его детском, еще не окрепшем уме создавалось убеждение, что самое высшее служение для Церкви есть служение в священном сане.

Отроком он поступает в духовное училище, где желание его быть священником все больше и больше возрастает и принимает более устойчивую форму. В горячей уединенной молитве к Богу он просит Господа сподобить его быть служителем св. Алтаря.

«Живо помню я, — говорил о своих отроческих порывах митр. Агафангел в своей речи при наречении во епископа, — как я, будучи еще учеником низшей духовной школы, любил часто и подолгу оставаться на кладбище и здесь, среди могил и крестов, — этих безмолвных, но красноречиво свидетельствующих знаков, что вся персть, вся пепел, вся сень, — со слезами на глазах молил Господа, чтобы Он, Милосердный, во время благопотребное сподобил меня быть служителем алтаря и приносить бескровную,

умилостивительную жертву за скончавших свое земное странствование»¹.

Когда окончились годы его пребывания в духовном училище, ему представилась полная возможность поступить в одно привилегированное столичное учебное заведение. Но он, несмотря ни на какие советы, ни даже убеждения и принуждения близких ему людей, а возможно и родителей, решительно отказался от этого предложения. Душа его тяготела к духовному рассаднику, и он в 1871 году поступает в Тульскую духовную семинарию.

Но здесь, в стенах духовной школы, стремящийся всей душой к священству, юноша впервые встретился с искушениями мира. Естественные науки, с которыми ему пришлось неожиданно соприкоснуться, пленили его ум и охладили в нем горячее желание служить Церкви Христовой в священном сане. На смену прежнему желанию появилось другое — желание стать врачом телесным. Последнее настолько охватило его сердце, что он готов был уже оставить духовную семинарию и поступить в высшее светское учебное заведение. Но пути Божии неисповедимы. Он внезапно заболевает и на целый год прекращает всякие занятия. Это было первое Божие предостережение. Однако мысли стать врачом не покидают его. Когда он поправился от болезни, то снова стал думать о светском пути. И, быть может, в какое-то время юноша осуществил бы свои заветные мысли, если бы не последовало новое испытание и предостережение. У него умирает отец, и это заставило его изменить всякие планы и подумать об осиротевшей семье. Он соглашается быть преемником своего отца в звании сельского пастыря. Но промысл Божий изменил его намерение и уготовил ему иной путь. Неожиданно для него самого он, как лучший и примерный ученик, был направлен для получения высшего богословского образования в Московскую духовную академию под покров прп. Сергия Радонежского.

В стенах высшей духовной школы и обители преподобного укрепились в нем прежние желания — стать священником. Теперь вопрос сводился только к одному: как воспринимать сан духовный — женатому ли, или же в иноческом чине? В решении этого сложного вопроса он прибегал к молитвенной помощи прп. Сергия и, находясь у мощей преподобного, часто размышлял о своем пути. Внутренний голос внушал ему избрать иноческий путь и остаться в обители, но мир с своими прелестями заглушил в нем этот голос и расположил его вступить на брачную стезю.

«Живо помню, — рассказывал о себе святитель иерархам, участвовавшим на его наречении во епископа, — как часто, благоговейно склоняясь пред нетленными мощами радонежских подвижников, как часто я помышлял: добро есть zde быти, не остаться ли в стенах обители? — и какой-то таинственный голос мне внушал: «добро есть zde быти, останься, останься здесь». Но — увя!

¹ Прибавл. к «Церковным ведомостям», 1899 г., № 49, стр. 1498.

не внял я этому гласу, не послушал внушения. Молодость, заманчивые и обманчивые обольщения мирской суеты предъявляли свои права и требовали дани, — и я заплатил ее»¹.

В 1881 году, окончив блестяще духовную академию со степенью кандидата богословия, он получает назначение на должность учителя латинского языка в Рененбургское духовное училище. Здесь молодой учитель трудится немного — 7 декабря 1882 г. его избирают и утверждают в должности помощника смотрителя Скопинского духовного училища. Знаменательно, что в духовных низших школах он впервые познакомился с вопиющими нуждами, какие испытывали дети духовенства, и научился сострадать этим нуждам².

На этом поприще его постигает тяжелое испытание: после 11-ти месячной счастливой супружеской жизни он одновременно теряет и жену, и сына. Событие это повергает его в невыразимую скорбь и в то же время воскрешает в нем забытый им путь иноческой жизни.

«Оставляя храм науки, — вспоминал святитель, — я оставил и святилище обители и пошел скитаться по стогнам градов и весей. И Бог знает, сколько бы скитался я, если бы Провидению не угодно было послать мне тяжелое испытание: после одиннадцатимесячной супружеской жизни я разом потерял и жену, и сына. И только тогда, убитый горем, снедаемый чувством безысходной скуки, горького сиротства и бесприютности, чувствуя себя как бы лишним на свете, выброшенным из жизни, лишенным пристанища, я понял, что жизненный путь, избранный мною, — не мой жребий, и, стоя над двумя еще не остывшими трупами, я спросил себя: неужели же еще и еще нужно усиливаться поймать летучие тени, гоняясь за призраками минутных, обманчивых наслаждений? О нет, довольно... В этом посещении Божиим, в этом сильном приражении скорби к моему сердцу я уразумел особенное звание Божие. И вот блеснул забытый в суетах жизни, заслоненный живыми образами мира, но никогда не угасающий, благодатный свет Христов и осветил мои думы, мои чувства и страдания, — осветилось все: и душа, и жизнь. Тогда, преклоняясь пред неисповедимую волю Божию, я поспешил оставить мир, взять свой крест и приобщиться к лику иноческому»...³.

7 марта 1885 года над ним совершили постриг с именем Агафангела, а 10 марта рукоположили во иеромонаха.

В звании помощника смотрителя Скопинского училища он трудился еще год и несколько месяцев.

7 декабря 1886 года иеромонах Агафангел был назначен инспектором Томской духовной семинарии, с возведением в сан игумена, а 28 февраля 1888 г. определен ректором Иркутской духовной семинарии, с возведением в сан архимандрита.

В Иркутскую семинарию он прибыл 20 марта и приступил

¹ Прибавл. к «Церковным ведомостям», 1899 г., № 49, стр. 1498.

² Там же, стр. 1499.

³ Там же, стр. 1498.

к созданию доброго порядка в духовной школе. Он вникал во все стороны семинарского быта и тщательно изучал его. Отдаваясь всецело выполнению своего долга, о. архимандрит ничем так не дорожил, как действительными успехами и благоустройством вверенного ему заведения¹.

Своим самоотвержением и любовью к семинарскому делу он снискал доверие и благорасположение как среди воспитанников, так и своих сослуживцев².

Сам же он, соприкасаясь с семинарским бытом, научился ценить труды скромных тружеников в деле просвещения духовного юношества и убедился, как трудно создать добрый порядок в учебных заведениях при их материальной необеспеченности³. Пройденный им жизненный путь от простого учителя духовного училища до начальника средних духовно-учебных заведений выработал в нем твердость духа и незаурядные административные способности. Это было замечено Высшей Церковной Властью, которая и призвала его к архиерейскому служению.

9 сентября 1889 г. в г. Иркутске в крестовой архиерейской церкви, в присутствии архиеп. Иркутского и Нерчинского Вениамина (Благонравова) и еп. Селенгинского Макария (Дарского) архимандрит Агафангел был наречен епископом Киренским, 2-м викар. Иркутской епархии, а 10 сентября в Иркутском Вознесенском монастыре совершена его хиротония во епископа.

В течение четырех лет неутомимо трудился еп. Агафангел в пределах Иркутской епархии.

В 1893 году 17 июля он был переведен в Тобольск. Здесь он с обычной ему энергией трудился не только как епархиальный архиерей, но и как миссионер. Из года в год он предпринимал далекие и долгие поездки по сибирской епархии, обозревая свою паству, и приносил ей не только слово утешения, но и архиерейское участие в ее нуждах⁴.

4 октября 1897 г. из Сибири его переводят на другой конец России — в Ригу епископом Рижским и Митавским.

6 мая 1904 года он стал уже архиепископом.

С 13 августа 1910 года архиеп. Агафангел занимает Литовскую и Виленскую кафедры.

7 мая 1912 г. за усердное служение Христовой Церкви он был награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке.

22 декабря 1913 года, после трехлетнего пребывания на Литовской кафедре, его назначают архиеп. Ярославским.

В апреле 1917 года он был возведен в сан митрополита Ярославского и Ростовского.

Как один из видных и стойких иерархов с твердым характером, он был избран в постоянные члены Священного Синода при Патриархе.

¹ Прибавл. к «Церковным ведомостям», 1899 г., № 49, стр. 1498.

² Там же, стр. 1497.

³ Там же, стр. 1499.

⁴ Приб. к «Церк. ведом.», 1894 г., № 49, сур. 17—47.

В 1922 году 3 мая Патриарх Тихон, ввиду невозможности самому управлять Русской Церковью, передал ему патриаршее право и обязанности.

Митр. Агафангел управляет Русской Церковью немного — в конце мая в том же году он, по независимым от него причинам, лишается не только этой возможности, но даже и управления своей Ярославской епархией.

Святейший Патриарх Тихон в своем завещании от 25 декабря 1924 (7 янв. 1925 г.) поставил его вторым кандидатом в Патриаршие Местоблюстители.

Таков, собственно, духовно-нравственный облик митр. Агафангела. Личность, как видим, довольно авторитетная. С ней-то и связан тесно указанный выше раскол. Как же это произошло, или какие причины способствовали видному иерарху встать на путь раскола? Проследим все по порядку.

5/18 апреля 1926 года митрополит Ярославский Агафангел, возвращаясь (после четырехлетнего отсутствия) в епархию из Перми, обратился к духовенству и мирянам с таким посланием:

«Всем Архипастырям, пастырям и верным чадам
Церкви Российской.

«Благодать вам и мир от Бога Отца
нашего и Господа Иисуса Христа».
(Рим. I. 7).

Святейший Патриарх Тихон, устраненный обстоятельствами времени от управления Российской Церковью, грамотой от 3 мая 1922 года, патриаршее право и обязанности, впредь до созыва 2-го Всероссийского Поместного Собора, передал нашему смиренному. Но по независящим от нас причинам, мы не могли в то время выполнить этого патриаршего поручения. Этим моментом воспользовались безответственные лица и самовольно, по властолюбию, захватили пастырский жезл Русской Церкви.

И хотя Святейший Патриарх Тихон, как освобожденный потом гражданской властью, снова вступил в управление нашей Церковью, эти лица не захотели оставить своего властолюбивого своеволия и тем внесли в Церковь нестроение и раскол.

Разделения и раздоры в управлении церковном не прекратились и со смертью Патриарха Тихона, когда вступил во временное управление Церковью Митрополит Крутицкий Петр, как один, имевший в то время возможность осуществить распоряжение Святейшего Патриарха Тихона на случай его смерти. По определению Собора 1917—1918 гг., в случае кончины Патриарха, в права и обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола вступает старейший по сану и хиротонии иерарх, каковым в настоящее время является наше смирение. И Святейший Патриарх Тихон в послании своем от 15 июля 1923 г. соизволил указать «в точном соответствии с постановлением Собора, установившего порядок Патриаршего управления в Русской Церкви, с определением со-

стоявшего при нас Священного Синода от 7 ноября 1920 г. признали мы за благо передать на время нашего удаления от дел всю полноту духовной власти назначенному нами заместителю нашему Митрополиту Ярославскому Агафангелу, с тем, чтобы им был созван Поместный Собор Российской Церкви для суждения о высшем управлении Церковью (28) и о других церковных нуждах, против чего, как нам было сообщено, не возражала и гражданская власть». А посему, на основании а) указанного определения Собора, б) грамоты Патриарха Тихона от 3 мая 1922 г., в) послания его же от 15 июля 1923 г. и г) его же распоряжения на случай своей кончины от 25 декабря 1924 года (7 января 1925 г.), мы, имея в настоящее время осуществить возложенные на нас обязанности Патриаршего Местоблюстителя, вступили в управление Православной Российской Церковью.

Оповещая о сем, мы приглашаем вас, возлюбленные о Христе Архипастыри и пастыри, всех истинно-верующих чад Православной Церкви Христовой и тех, кто уклонился от нее — забыть всякие разномыслия и споры, объединиться вокруг восстанавливаемого нами «Патриаршего Священного Синода», получившего свое бытие от Первого Всероссийского Поместного Собора (1917—1918 гг.) и, следовательно, власти законной и канонической, приложить все старания и принять все меры к скорейшему созванию Второго Всероссийского Поместного Собора, который и направит корабль Российской Церкви по надлежащему курсу под водительством Небесного Кормчего — Главы Церкви Господа нашего Иисуса Христа.

Бог Мира и Любви, да пребывает между всеми нами.

Местоблюститель Патриаршего Престола смиренный АГАФАНГЕЛ.
Божией милостию Митрополит Ярославский.

18 апреля 1926 г.
г. Пермь».¹

Настоящим посланием, как видим, митр. Агафангел объявляет себя законным Патриаршим Местоблюстителем и вступает в управление Русской Православной Церковью.

Основанием для подобного действия он полагал:

1) свое старейшинство по хиротонии, дававшее право, якобы по определению Собора 1917—1918 гг., на вступление в обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола на случай кончины Патриарха,

2) свое избрание Синодом от 7 ноября 1920 г. в первого Патриаршего Заместителя и подтвержденное затем Святейшим и

3) свою кандидатуру в Местоблюстители по завещанию Патриарха Тихона.

Основание, если рассматривать его только в самом себе без всякой связи с внешней действительностью церковной жизни, име-

¹ См. Правосл. Церкви, календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова. Под редакцией архиеп. Григория (Яцковского), стр. 27.

ет, несомненно, положительную силу для оправдания действий митр. Агафангела.

Старейший архиерей (хирот. 10 сент. 1889 г.), назначенный грамотой Святейшего от 3 мая 1922 г. заместителем Патриарха и избранный 2-м кандидатом в Патриаршие Местоблюстители по завещанию Патриарха — все это, при особых условиях, давало бы полное право митр. Агафангелу вступить в управление Русской Православной Церковью.

Но действительность, в которой оказался митрополит, поставила его действия под антиканоническую основу. Прежде всего утверждение митр. Агафангела о том, что в случае кончины Патриарха в права и обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола вступает старейший по сану и хиротонии иерарх, не подтверждается постановлениями Поместного Собора 1917—1918 гг. — в постановлениях Собора такого определения нет.

В определении Священного Собора о Местоблюстителе Патриаршего Престола от 28 июля (10 августа) 1918 г. говорится так: «По освобождении Патриаршего Престола, старейший из членов Священного Синода, после предварительного совещания с прочими членами Синода, незамедлительно созывает соединенное присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета» (п. 2).

«В соединенном присутствии, под председательством того же старейшего иерарха, члены Священного Синода и Высшего Церковного Совета тайным голосованием избирают Местоблюстителя из среды присутствующих членов Священного Синода, причем избранным считается получивший более половины избирательных голосов» (п. 3).

«...в случае же оставления Патриархом патриаршего престола или кончины, действует статья соборного определения о Местоблюстителе патриаршего престола. Права и обязанности Патриарха, как епархиального архиерея, переходят к Архиепископу Коломенскому и Можайскому». (п. 8. Примечание)¹.

Согласно указанным определениям, старейший иерарх, причем из членов Священного Синода, имел право только созвать соединенное присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета и быть председателем этого присутствия, но никаким образом не мог вступить без избрания в отправление обязанностей Патриаршего Местоблюстителя.

В этом отношении митр. Агафангел допустил грубую каноническую ошибку, когда утверждал противоположное и обосновывал этим свое действие.

Другие ссылки митр. Агафангела на грамоту и завещание Патриарха, которыми он пытается оправдать свое вступление в обязанности Патриаршего Местоблюстителя, теряют свою силу при соприкосновении с действительностью.

Не отрицается тот факт, что Патриарх Тихон своею грамотою

¹ См. Собрание определений и постановлений. Вып. 4. Приложение к «Делениям» второе. Изд. Соборного Совета. Москва, 1918 г.

от 3 мая 1922 г. назначил своим заместителем митр. Агафангела и передал ему полноту патриаршей власти и что последний в завещании Патриарха был указан 2-м кандидатом в Патриаршие Местоблюстители. Но первое имело свою силу только при жизни самого Патриарха и носило временный характер — оно аннулировалось полностью с момента вступления Патриарха в 1923 г. в управление Церковью¹, а второе — при условии, если Патриаршее Местоблюстительство будет свободным. А оно не было вакантным. Обязанности Патриаршего Местоблюстителя выполнял, как нам известно, митр. Петр (Полянский), вступивший в управление Церковью, согласно завещанию Патриарха Тихона от 25 декабря 1924 года (7 января 1925 г.).

Правда, на тот момент, когда митр. Агафангел объявил о своем вступлении в управление Русской Церковью, митр. Петр находился в особых условиях жизни и был лишен физической возможности выполнять свои обязанности, но тем не менее права Патриаршего Местоблюстителя оставались за ним, и он фактически не только оставался, но и признавался русским епископатом законным и правомочным носителем патриаршей власти. Управление Русской Церковью митр. Петр совершал чрез своего заместителя митр. Сергия. Митр. Агафангел имел бы полное право возложить на себя обязанности Патриаршего Местоблюстителя при условии, если бы митр. Петр сам лично отказался от своих прав. Но этого как раз не было. Митр. Петр, лишаясь физической возможности стоять у кормила церковного управления, счел необходимым остаться за собой права Местоблюстителя. Мы не будем сейчас касаться того вопроса, насколько правильно или нет поступил в данном случае митр. Петр, об этом мы будем говорить ниже, нам важно теперь показать, что Патриарший Местоблюститель был налицо и что митр. Агафангел, объявляя чрез послание о своем вступлении в обязанности Патриаршего Местоблюстителя, поступил вопреки апостольским и соборным правилам. Фактически он вступил на путь раскола. В этом отношении интересно решить вопросы, что побудило митр. Агафангела встать на такой путь? Неужели ему не было известно о правах митр. Петра и его Заместителя? За отсутствием каких-либо определенных данных, проливающих свет на те побуждения, которыми руководился в своих действиях митр. Агафангел, ответить положительно конкретно на первый вопрос не представляется для нас возможным, поэтому мы ограничиваемся только вероятными предположениями.

Митр. Агафангел в течение 4-х лет (с 1922 по 1926 гг.) находился, как нам известно, вне своей Ярославской епархии. Он проживал где-то в сибирских краях как вольный житель. Удаленный от центра церковной жизни, он, естественно, мало был осведомлен о действительном положении Русской Церкви, а те сообщения, которые в какой-то мере могли проникать к нему извне, препод-

¹ См. Послание Патриарха Тихона от 15 июля 1923 г. Материалы по об-новленческому расколу, кн. 2, стр. 173.

носились ему в совершенно искаженном виде. Горькие плоды подобных сообщений мы видели уже в деле митр. Петра, изложившего все это в своем послании от 1 января 1927 года.

Митр. Елевферий (Богоявленский) определенно утверждает, что митр. Агафангел находился под воздействием различных лиц, причем лиц, враждебно настроенных против Патриаршей Церкви. Он даже предполагает, что некоторые из них были скрытыми живодерками, но не опознанными святителем¹.

В каком же свете эти лица представляли митр. Агафангелу положение церковных дел? Они, как можно предполагать, осведомили его в том, что митр. Петр лишен физической возможности управлять Церковью, а его Заместитель митр. Сергей не пользуется авторитетом: «в Церкви появились разномыслия, споры, близкие к смуте, а он — законный Местоблюститель, его ожидают в Церкви, ему Советская власть разрешает восстановить закрытый ею «Священный Патриарший Синод» и даже созвать 2-й Поместный Собор»². Все это говорилось и освещалось в надежде на то, что утомленный старец поверит им. И, как можно судить из послания, в котором автор указывает на церковные нестроения и на возможность созыва 2-го Поместного Собора, митр. Агафангел в какой-то степени верил сообщавшим ему лицам.

Под действием вышеуказанных сообщений у митр. Агафангела, — что вполне подтверждает его послание, — сложилось убеждение, что он, как имевший когда-то право на управление Церковью, сможет, за отсутствием митр. Петра, снова вступить в исполнение своих обязанностей как законный Патриарший Местоблюститель и устранить церковные нестроения. Препятствий к этому с чьей-либо стороны, как ему казалось, не будет.

Правда, пред ним встал вопрос о законных правах митр. Петра и его заместителя, о котором ему, несомненно, было известно. И с этой стороны предстояли затруднения. Однако вопрос этот он разрешил просто. Поскольку митр. Петр был лишен физической возможности управлять Церковью, а определение Собора 1917—1918 гг. о Местоблюстителе в примечании п. 8 говорило: «в случае нахождения Патриарха под судом его место в Священном Синоде и Высшем Церковном Совете заступает старейший из иерархов»³, то он (митр. Агафангел), как старейший иерарх, к тому же и как указанный в завещании Патриарха кандидат в Местоблюстители, имеет полное право, во исполнение определения Собора, заступить место Патриаршего Местоблюстителя.

Это одна сторона решения вопроса. Кроме этого, по мнению митр. Агафангела, ни митр. Петр, как передавший свои местоблюстительские права образованной им коллегии, ни его Заместитель не имеют никакой власти в церковном управлении и даже подлежат суду за нарушение соборного постановления о единоличном возглавлении Русской Церкви.

¹ Елевферий митр. Соборность Церкви. Божие и кесарево. Париж, 1938 г., стр. 200.

² Там же, стр. 201.

³ См. Собрание определений и постановлений. Вып. 4.

Такое решение вопроса, казалось, не противоречило церковным канонам. Что именно так решил вопрос митр. Агафангел, это видно из его послания, в котором он ссылается на определение Собора, и из беседы с митр. Сергием¹.

Таким образом, митр. Агафангел вступил в исполнение своих обязанностей как Патриарший Местоблюститель не по какому-либо недоразумению, а с полным сознанием правоты своего дела.

Посмотрим, как же развивались дальнейшие церковные события и чем они кончились для митр. Агафангела.

Известие о том, что митр. Ярославский Агафангел объявил чрез послание от 5/18 мая 1926 г. о своем вступлении в управление Русской Церковью, быстро дошло до митр. Сергия. Последний, как исполнявший обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, не мог не реагировать на выступление митр. Агафангела. В поступке и действиях митрополита, объявившего себя Патриаршим Местоблюстителем, митр. Сергей усмотрел прямое посягательство на законные права митр. Петра, ведущее к новому расколу в Церкви.

Вместе с тем вступление митр. Агафангела в управление Церковью ставило под вопрос как само Местоблюстительство митр. Петра, так и Заместительство митр. Сергия. Необходимо было срочно, с одной стороны, устранить всякую возможность на появление нового разделения в Церкви, а с другой — выяснить настоящее положение митр. Петра и свое личное.

С этой целью митр. Сергей незамедлительно пишет письмо к Местоблюстителю, в котором извещает его о том, что митр. Агафангел изъявил свою решимость — взять в свои руки управление Церковью².

Местоблюститель 9/22 апреля в письменной форме ответил ему, что «он считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы был и не на свободе, а назначенный им Заместитель несет свои обязанности до окончания его дела»³.

Между тем митр. Агафангел, возвратившись в г. Ярославль, счел нужным для себя оповестить особым письмом митр. Сергия о своем вступлении в обязанности Патриаршего Местоблюстителя и сделать распоряжение относительно возглашения своего имени за богослужением.

Письмо было написано 13/26 апреля 1926 г. за № 16 и вместе с посланием отправлено митр. Сергию.

В ответ на это письмо, с одной стороны, а с другой — желая указать настоящее положение церковных дел и незаконные притязания на управление Церковью самого митр. Агафангела, митр. Сергей 17/30 апреля пишет последнему письмо.

В нем он полностью приводит суждение митр. Петра (изложен-

¹ См. Обращение митр. Сергия к Управляющему Московской епархией от 11/24 мая 1926 года.

² Послание митр. Петра к архипастырям, пастырям и всем чадам Русской Православной Церкви от 1 янв. 1927 г., Архив М. М. № 10.

³ Елевферий митр. Соборность Церкви, стр. 201.

ное им в письме к митр. Сергию 9/22 апреля) о Местоблюстителстве и об обязанностях, возложенных им на Заместителя. Что же касается передачи дел управления Церковью митр. Агафангелу, то по этому поводу в письме митр. Сергей высказался так: «Конечно, если бы Ваши (т. е. митр. Агафангела) притязания на местоблюстительство были для всех очевидны и бесспорны, я бы, (митр. Сергей) ни минуты не колебался передать Вам управление, несмотря на нежелание митр. Петра»¹.

Весьма характерным в письме является взгляд митр. Сергия на канонические права, как Местоблюстителя, митр. Агафангела. Он определенно высказывает, что эти права стали уже сомнительными, спорными. И что, следовательно, притязания митр. Агафангела на Местоблюстительство носят уже антиканонический характер. Интересно, чем же руководился и из чего исходил митр. Сергей в своих суждениях о местоблюстительских правах митр. Агафангела, которые он уже считал сомнительными? На этот вопрос дает ответ нам сам митр. Сергей. В своем письме от 2 января 1930 г. в ответ на «Отзыв» к митр. Кириллу, который и приводит в своем «Отзыве» вышеуказанный отрывок из письма митр. Сергия к митр. Агафангелу, он писал: «Не противоречит этому (т. е. самостоятельному управлению) и написанное мною митр. Агафангелу, что я отдал бы ему власть даже и вопреки желанию митр. Петра, если бы права митр. Агафангела были несомненны, т. е. если бы, например, в завещании Святейшего было указано, чтобы младший кандидат, при возвращении старшего, передавал ему власть. Сам митр. Петр при таком условии не поколебался бы уступить митр. Агафангелу»².

Следовательно, митр. Сергей в своих суждениях о правах митр. Агафангела руководствовался завещанием Патриарха Тихона, и если он подводил эти права под сомнение, то в этом отношении он исходил из сущности того же самого завещания, которое, действительно, ничего не говорило о тех условиях, при которых бы можно было младшему кандидату, на случай возвращения старшего, передавать свою власть. В данном случае митр. Сергей каноническую силу завещания Патриарха определил в объеме только одного из трех кандидатов в Патриаршие Местоблюстители, т. е. он признал, что полнота патриаршей власти, воспринятая первым, остается за ним даже при возвращении старших кандидатов, указанных в завещании. И поскольку сила патриаршего завещания была фактически уже исчерпана митр. Петром, то права митр. Агафангела на Местоблюстительство подлежали сомнению.

На эту точку зрения первоначально встал и сам митр. Петр, когда в ответ на письмо своего Заместителя ответил, что он считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы был и не на свободе, а назначенный им Заместитель несет свои обязанности...

¹ См. Отзыв от 30 окт. (12 ноября) 1929 г. митр. Кирилла на письмо митр. Сергия от 18 сент. 1929 г. Архив М. М. № 75.

² См. Архив М. М. № 75.

Получив письмо с таким взглядом на свои права, митр. Агафангел явно был смущен. Он не мог согласиться с теми доводами, которые приводил в своем письме митр. Сергей. Он почему-то был уверен, что последний неправильно понимает завещание Патриарха и что в силу этого он (митр. Сергей) не желает признавать законными его права на Местоблюстительство и отказывается передать ему власть управления. Тогда митр. Агафангел решил устроить личное свидание с митр. Сергием и во взаимной беседе выяснить основательно вопрос о своих правах на Местоблюстительство.

Встреча двух видных иерархов состоялась 30 апр. (13 мая) 1926 г.¹.

Митр. Агафангел, как и следовало ожидать, начал свою беседу с вопроса о том, почему он (митр. Сергей) не желает признавать его законных прав на Местоблюстительство. На это митр. Сергей ответил, что он не находит никаких данных, подтверждающих каким-либо образом канонически его права на управление Церковью при существующем положении церковных дел.

И затем, в свою очередь, задал вопрос: «На каком основании он (митр. Агафангел) отменил в своей епархии возношение имени митр. Петра за богослужением?»

В оправдание своего распоряжения митр. Агафангел указал, как основание, на то, что митр. Петр передал свою власть коллегии и потому власти не имеет и даже подлежит суду за нарушение соборного постановления о единоличном возглавлении Русской Церкви.

На это митр. Сергей возразил митр. Агафангелу и указал, что деяние митр. Петра в устройении им коллегии практического применения не имело и не может быть приравнено к ереси и что, следовательно, власть как Патриаршего Местоблюстителя остается за ним.

Митр. Агафангел продолжал доказывать свои полномочия, ссылаясь на постановления Собора 1917—1918 гг., которые якобы ясно говорят в защиту его прав. И когда митр. Сергей возразил ему и сказал, «что наш (Русский) Собор нигде не говорит о праве старшего быть Местоблюстителем после смерти Патриарха, митр. Агафангел с такой недопускающей сомнений уверенностью указал митр. Сергию на примечание к ст. 8 определения Собора 1917—1918 гг., якобы прямо говорящее о таких правах, что заставил митр. Сергия усумниться в своей памяти»².

Беседа кончилась тем, что митр. Сергей упросил митр. Агафангела отсрочить свое вступление в управление до окончания дела митр. Петра³.

Уступка митр. Сергия митр. Агафангелу вызвана, конечно, не убеждением Заместителя в законных правах митр. Агафангела,

¹ Елевферий митр. Соборность Церкви, стр. 201.

² Обращение м. Сергия к Управ. Моск. еп. от 11/24 мая 1926 г. См. Материалы по григорианскому расколу, стр. 14.

³ Там же, стр. 14. См. также Елевферий митр. Соборн. Церкви, стр. 201.

а двумя следующими причинами: во-первых, митр. Сергей желал проверить определения Собора, на которые с такой уверенностью ссылался митр. Агафангел в защиту своих прав, а во-вторых, он надеялся, что митр. Агафангел, «выйдя из атмосферы диспута, а потом, ознакомившись ближе с современной церковной жизнью, сам откажется от своего бесполезного для Церкви начинания»¹.

Оставшись наедине после беседы с митр. Агафангелом, митр. Сергей занялся проверкой постановлений Собора, и каково же было его удивление, когда он прочитал подлинный текст примечания, ничего не говорящий в пользу митр. Агафангела².

На основании подлинного текста определения Собора митр. Сергей пришел к такому выводу, что митр. Агафангел, убеждая его ссылкой на это определение, приводил справку, не проверив ее, и что таким образом он допустил непростительное легкое отношение к одному из серьезных вопросов церковной жизни³. Теперь уже не оставалось сомнений в том, что передача местоблюстительских прав не может произойти даже и после окончания дела митр. Петра.

В целях предупреждения об этом митр. Агафангела он 13/26 мая пишет ему письмо, в котором уведомляет его, «что Местоблюстительство... будет тогда свободным, когда митр. Петр сам откажется от него или будет лишен его церковным судом; тогда уже кандидатами будут митр. Кирилл, а вторым он, митр. Агафангел, без этого никто не вправе присваивать себе эту должность»⁴.

«Завещание Святейшего,— писал митр. Сергей,— хотя оно уже и использовано для своей цели (Местоблюстителя мы имеем), и теперь не утратило для нас своей нравственно, а пожалуй, и канонически обязательной силы. И если почему-либо митр. Петр оставит должность Местоблюстителя, наши взоры, естественно, обратятся к кандидатам, указанным в завещании, т. е. к митрополиту Кириллу и Вашему Высокопреосвященству. Это свое мнение я выражал уже письменно и раньше. Могу сказать, что таково же указание и митрополита Петра»⁵.

Митр. Агафангел, когда получил это письмо, крайне был огорчен таким неожиданным поворотом дела. Всего лишь несколько дней назад они условились, что он (митр. Агафангел) сможет воспринять власть Местоблюстителя после окончания дела митр. Петра, а теперь и эта возможность отнималась от него.

Выражая явно свое недовольство, митр. Агафангел 8/21 мая срочно телеграфирует митр. Сергию с открытым упреком его в том, почему он отказывается передать ему должность Патриаршего Местоблюстителя⁶.

¹ Обращение митр. Сергия к Управ. Моск. еп. от 11/24 мая 1926 г. См. материалы по григорианскому расколу, стр. 14.

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 14—15.

⁴ Елевферий митр. Соборность Церкви, стр. 201.

⁵ Там же, стр. 204.

⁶ Там же, стр. 201.

Но митр. Сергей в ответ на телеграмму предпринимает ряд срочных мероприятий, направленных к пресечению притязаний митр. Агафангела на Местоблюстительство.

10/23 мая он, опираясь на Собор более 25 православных архиереев, пишет письмо митр. Агафангелу и в решительных тонах просит его отменить свое послание, отказаться от своих незаконных притязаний на Местоблюстительство и, как доказательство такого отказа, сделать распоряжение по всей Ярославской епархии о возношении имени Местоблюстителя митр. Петра и самому при первом своем служении возобновить такое возношение. В противном случае он вынужден будет применить к нему канонические меры прещения—устранить его от управления Ярославской епархией и передать оное архиеп. Угличскому Серафиму (Самойловичу)¹.

Письмо митр. Сергия с вытекающими из него последствиями, доставленное, очевидно, в этот же день, имело неотразимое действие на сознание митр. Агафангела. Последний пришел к такому выводу, что его стремление удержать за собой Местоблюстительство может, с одной стороны, лишить его возможности управлять епархией, а с другой—привести к еще большему церковному нестроению, которое он думал устранить своим авторитетом. Это побудило его дать свое согласие на воздержание от всяких выступлений и сделать распоряжение о возношении имени Местоблюстителя митр. Петра.

О своем согласии он телеграфно 11/24 мая известил митр. Сергия следующим содержанием: «Продолжайте управлять Церковью. Я воздержусь от всяких выступлений. Распоряжение о поминовении Митрополита сделаю, так как предполагаю ради мира церковного отказаться от Местоблюстительства»². Телеграмма была отправлена из Ярославля в 9 час. 19 мин. утра.

Митр. Сергей, не дожидаясь ответа на свое письмо от 10/23 мая, в тот же день, в который митр. Агафангел отправил на его имя телеграмму, т. е. 11/24 мая, определив тяжесть преступления митр. Агафангела против единства церковного, предал последнего суду православных архиереев и через Управляющего Московской епархией, еп. Серпуховского Алексия (Готовцева), для выяснения меры наказания виновному обратился к архиереям, пребывающим в Москве, с таким, нижеследующим письмом:

«Преосвященному Управляющему Московской епархией.

5/18 апреля с. г. Митрополит Ярославский Агафангел выпустил в Перми послание, в котором неожиданно для всех объявил себя Патриаршим Местоблюстителем и о том, что он вступил в управление Российской Церковью.

Неожиданность такого выступления могла равняться разве только с неосновательностью притязаний автора послания.

¹ Елевферий митр. Соборность Церкви, стр. 202. См. также обращен. митр. Сергия к Управ. Москв. епарх. от 11/24 мая 1926 г.

² Телеграмма 24/5—9—26 № 189. См. также Елевферий митр. Соборн. Церкви, стр. 202.

Он уверенно говорит, что по определению Собора 1917/1918 гг. в случае кончины Патриарха в обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола вступает старейший иерарх. Между тем такого определения Собора совершенно нет.

Но с не меньшей уверенностью он указывает и на грамоту Свят. Патриарха от 3 мая 1922 г., которой он назначен Заместителем Святейшего (при его жизни, а не Местоблюстителем по смерти). Но грамота эта потеряла силу свою еще в момент возвращения Святейшего к управлению в 1923 г., как об этом ясно говорит послание Святейшего от 15 июля 1923 года.

Наконец, митрополит Агафангел в послании своем глухо ссылается на завещание Святейшего от 15 января 1924 года, якобы назначающее его Местоблюстителем, но потому и не приводит подлинного текста завещания, что оно говорит против его притязаний, может занять эту должность только тогда, когда она окажется свободной. Но будучи вполне неосновательным по существу, вступление митр. Агафангела является канонически незаконным и формально. Каковы бы ни были права митр. Агафангела на местоблюстительство, у нас уже есть законный и всеми признанный Местоблюститель митр. Петр.

Не обличая последнего ни в чем противном благочестию и правде и не присудив его к увольнению от Местоблюстительства объявлять себя Местоблюстителем равносильно «алтарь иный водрузити» (ап. пр. 31); и есть дело или любоначалия, не терпимого в служителях Церкви, или же крайнего легкомыслия, не дающего себе отчета в последствиях своих действий.

Совершив таким образом через выпуск своего послания нарушение целого ряда канонов (Апост. 31, 34, 35; Антиох. 9, 13 и пр. аналогичные им), митр. Агафангел и внешним образом выразил свой разрыв с Местоблюстителем, прекратив возношение имени митр. Петра за богослужением. Правда, в своей беседе со мною он указывал и основание к тому: митр. Петр передал свою власть коллегии и потому власти не имеет и даже подлежит суду за нарушение соборного постановления о единоличном возглавлении нашей Русской Церкви. Но так как деяние митр. Петра практических последствий не имело и не может, с другой стороны, приравнено быть к ереси, то митр. Агафангел явно учинил раскол прежде соборного оглашения и совершенного осуждения митр. Петра, а по 15 пр. Двук. Собора «таковому святыи Собор определил быти совершенно чужду всякого священства». При нашей личной беседе на мои возражения, что наш Собор нигде не говорит о праве старейшего быти местоблюстителем после смерти Патриарха, митр. Агафангел с такой недопускающей сомнений уверенностью указал мне на Примечание к ст. 8 определения Собора 1917—1918 гг. (сборн. вып. 4. 7—8), якобы прямо говорящее о таких правах, что я усумнился в своей памяти и вынужденным себя почел войти с ним в соглашение об отсрочке его вступления во власть до окончания дела митр. Петра.

Правда, при этом руководила мною надежда, что митр. Ага-

фангел, выйдя из атмосферы диспута, а потом и ознакомившись ближе с современной церковной жизнью, сам откажется от своего бесполезного для Церкви начинания. Каково же было мое удивление, когда, прочитав подлинный текст примечания, я убедился, что оно говорит прямо противоположно тому, что в нем заставляли предполагать слова митрополита Агафангела. Если он сам проверил справку, которой с такой уверенностью хотел меня убедить, значит, он сознательно прибег к подложным данным. А так как предполагать этого нельзя, значит он приводил свою решающую справку не проверив ее, что говорит о непростительно легком отношении к одному из серьезных вопросов нашей церковной жизни. Но какое бы объяснение такой странности ни приводить, все равно она дает тон, усугубляющий ответственность за учиненное митрополитом нарушение канонов. Так как соблазнительность поступка тем больше, чем выше и значительней лицо, совершившее проступок, то и деяния митр. Агафангела, как старейшего из митрополитов, произведут величайший соблазн в церковном обществе и дадут богатую пищу врагам нашей веры для издевательств и без того обуреваемой Православной Церкви.

Ввиду вышеизложенного и во исполнение лежащего на мне долга первого епископа блюсти в Русской Церкви благочиние, я властью мне данной предаю митр. Ярославского Агафангела суду архиереев за нарушение правил Апостол. 34, 35, 31; Антиох. 9, 13; Двукр. 15 и первой половины 16, аналогично угрожающих виновному лишением священного сана.

Что касается применения к подсудимому какой-либо меры, то в последнем своем письме митр. Агафангелу от 10/23 мая я убеждал его отказаться от своих незаконных притязаний на местоблюстительство и в виде доказательства такого отказа сделать по епархии распоряжение о возношении имени Местоблюстителя митр. Петра и самому при первом своем служении возобновить такое возношение. В случае неподчинения я тем же письмом устранил его от управления Ярославской епархией, поручая последнее архиепископу Угличскому Серафиму. Теперь я бы предлагал архипастырям в случае подчинения митр. Агафангела не применять к нему какой-либо ограничительной подсудной меры. Если же подсудимый останется непреклонным, я просил бы решить, достаточно ли одного устранения от управления епархией или ввиду тяжести нарушения канонов и размеров произведенного соблазна, наложить на митр. Агафангела запрещение в священнослужении впредь до решения его дела судом архиереев.

Вышеизложенное благоволите сообщить пребывающим в Москве архипастырям с просьбой выразить письменно на сем же свое решение каждому с собственноручной подписью.

За Патриаршего Местоблюстителя СЕРГИЙ,
Митрополит Нижегородский.

11/24 мая 1926 года».

Как показывает содержание письма, митр. Сергей в своих мероприятиях против могущего возникнуть разделения от предъявляемых митр. Агафангелом прав на Местоблюстительство действует весьма осмотрительно. Он не сразу подвергает церковному наказанию митр. Агафангела и не желает делать это единолично, а сначала предоставляет православным архиереям вынести свой суд о его действиях и только после этого окончательно применить к нему то или иное решение.

Письмо митр. Сергия еп. Алексей препроводил еп. Серафиму (Силичеву) с такой резолюцией от 13/26 мая 1926 г.: «Прошу еп. Серафима Рыбинского собрать мнения по данному вопросу Архиереев, пребывающих в г. Москве. Алексей, еп. Серпуховский»¹.

В то время, как велась принципиальная переписка между митр. Сергием и митр. Агафангелом, а еп. Серафим собирал мнения архиереев по вышеуказанному вопросу, митр. Петр на пути следования к своему местожительству в г. Тобольск, из Перми, 9/22 мая написал митр. Агафангелу официальное письмо, которым он просил его для блага Церкви и для устранения раздоров в ней принять на себя исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, причем указал, что вопрос об окончательной передаче этих обязанностей он предполагает выяснить по возвращении митр. Кирилла, которому в марте—апреле истекает срок пребывания вне епархии.²

В этом же письме, если только верить григорианскому епископу Борису (Рукину), митр. Петр писал: «А от митр. Нижегородского Сергия права Патриаршего Местоблюстителя я отнимаю с тем, чтобы митр. Сергей выдал немедленно Советской Власти свой письменный отказ от прав Патриаршего Местоблюстителя»³.

Письмо это митр. Агафангел получил 18/31 мая.

Ознакомившись с его содержанием, он решил пригласить в Москву митр. Сергия с тем, чтобы лично предьявить ему подлинник письма и в его присутствии произвести совещание с некоторыми архиереями, пребывающими в Москве. С этой целью митр. Агафангел обратился к митр. Сергию с письмом и просил его прибыть в Москву, указывая при этом на полученное им от митр. Петра извещение.

Но митр. Сергей, по неизвестной для нас причине, нашел нужным просьбу митр. Агафангела отклонить и не поехать в Москву.

Тогда митр. Агафангел, приняв 1 июня канцелярию Патриаршего Местоблюстителя, снял копию с письма митр. Петра и 4 июня препроводил ее митр. Сергию с письмом следующего содержания:

«Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему

Сергию, митрополиту Нижегородскому.

31 мая с. г. мною получено официальное письмо от Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего митрополита Петра, датированное 22 числом мая, о Его полном согласии на мое вступление в отправление обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Желая об этом его решении сообщить Вашему Высокопреосвященству лично и предьявить Вам подлинник письма, я позволил себе пригласить Вас в Москву, причем имел намерение по Вашем прибытии пригласить по соглашению с Вами некоторых из пребывающих в Москве иерархов на совещание, причем хотел, чтобы это совещание происходило именно в Вашем присутствии. Но Вы не изволили прибыть, и это совещание не состоялось. А посему, я обязываюсь послать Вам копию письма Высокопреосвященнейшего Петра и уведомить Вас, что 1 июня я принял канцелярию Патриаршего Местоблюстителя.

С искренним почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою

Агафангел, митрополит Ярославский.

4 июня 1926 г. г. Ярославль»¹.

Предполагал ли митр. Агафангел этим письмом отстаивать свои Местоблюстительские права, или же он хотел только оправдать свои выступления в связи с принятием канцелярии Патриаршего Местоблюстителя, так как он обещал митр. Сергию воздерживаться от всяких выступлений?

Нам думается, что вторая половина вопроса более правдоподобна, и она имеет свои положительные основания.

Выше мы уже видели, что митр. Агафангел 11/24 апреля заявил митр. Сергию о том, что он ради церковного мира предполагает отказаться от Местоблюстительства. Данное им слово он сдержал до того момента, когда им было получено письмо от митр. Петра, обязывающее его воспринять временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя.

Принимая канцелярию, он боялся, что этим самым нарушает данное им ранее слово, и для того, чтобы оправдать свой поступок и снять с себя всякую ответственность за нарушение обещания, митр. Агафангел пишет вышеуказанное письмо митр. Сергию, препроводя вместе с ним, как оправдательный документ, копию письма митр. Петра.

Правильность такого вывода подтверждается тем, что митр. Агафангел, спустя неделю после того, как принял канцелярию Патриаршего Местоблюстителя, а именно, 8 июня н. ст. 1926 года окончательно решил отказаться от Местоблюстительства, о чем и известил письменно гражданские власти.

¹ См. Православный Церковный календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова, под редакцией Архиеп. Григория (Яцковского), стр. 28.

¹ См. Материалы по григорианскому расколу, стр. 13—16.

² Елевферий митр. Соборн. Церкви, стр. 202. См. также Послание м. Петра к архипаст., пастыр. и всем чад. Росс. Прав. Церк. от 1 янв. 1927 года.

³ Еп. Борис (Рукин). О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви, Москва, 1927 г., стр. 14.

Это же самое подтверждается и следующим фактом.

Митр. Петр, когда увидел, что митр. Кирилл (Смирнов) не возвратился и что сам он уже не имеет надежды снова вступить в управление Церковью, письмом своим от 9 июня н. ст. на имя митрополита Агафангела окончательно подтвердил ему передачу прав и обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Причем передача эта была обусловлена таким замечанием: «В случае отказа Вашего Высокопреосвященства от восприятия власти Местоблюстителя или невозможности ее осуществления, права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а заместительство к митрополиту Сергию»¹.

Принять обязанности Патриаршего Местоблюстителя митр. Агафангел, и в силу своего намерения, и по состоянию своего здоровья, отказался и на письмо митр. Петра 12 июня н. ст. ответил следующим письмом:

«Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Петру, Митрополиту Крутицкому.

Письмо Вашего Высокопреосвященства от 9 июня с. г. с подтверждением передачи Патриаршего Местоблюстительства нашему смиренному, я имел честь получить. Искренно благодарю за выраженное Вами мне доверие. Но принять на себя обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола не могу в виду преклонности лет и расстроенного здоровья. При сем позволяю себе рекомендовать Вашей святине передать вместо меня Патриаршее Местоблюстительство первоиерархам Кириллу, митрополиту Казанскому или Арсению, митрополиту Новгородскому.

С глубоким уважением и неизменною преданностью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою Митрополит Агафангел.
12 июня 1926 г. Москва».

Окончательный отказ митр. Агафангела от местоблюстительства не оставляет никакого сомнения в том, что он, препровождая митр. Сергию письмо-копию митр. Петра, совершенно не имел в виду отстаивать свои права на Местоблюстительство, а только хотел этим оправдать свои действия в полном соответствии с данным им митр. Сергию обещанием 11/24 мая.

Итак, митр. Агафангел, «уклонившись от зла» (от раздоров и споров за Местоблюстительство), «сотворил благо» для мира церковного, оставаясь спокойно управлять Ярославской епархией до времени.

Интересно теперь выяснить, чем же закончились мероприятия митр. Сергия, направленные против митр. Агафангела.

Еп. Серафим Рыбинский, получивший указание от еп. Серпуховского Алексия собрать мнения архиереев, пребывающих

¹ Люперольский Н. прот. Митр. Сергей — законный, канонический Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. Изд-во Епархиальн. Совета. Вятка, 1928 г.

в Москве, относительно наложения меры наказания на митр. Агафангела за учиненный им раскол, постарался выполнить, в пределах возможностей, возложенное на него послушание. 24 архиерея, ознакомившись с обращением митр. Сергия от 11/24 мая по делу митр. Агафангела, вынесли свой суд в такой форме:

«Местоблюстителем Патриаршего Престола Российской Православной Церкви признан всем православным епископатам митрополит Крутицкий Петр. Этой должности митр. Петр может быть лишен только судом православных епископов за какое-либо преступление. Митр. Петр под церковным судом не состоит. Поэтому притязание митр. Агафангела занять место митр. Петра, как Патриаршего Местоблюстителя, явно незаконное и преступное с церковной точки зрения. Высокопреосвященный митр. Сергей, как Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, действует вполне правильно, не передавая церковной власти митр. Агафангелу.

Вполне закономерно решение Заместителя предать суду православных епископов митр. Агафангела за нарушение им прав. Апост. 34, 35, 31; Антиох. 9, 13 и др.

В виду того, что 11/24 мая с. г. митр. Агафангел предан суду церковному за весьма важное церковное преступление — нарушение церковного мира и неподчинение главе Церкви в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия, считаем невозможным дальше оставлять и просим митр. Сергия лишить его этого права впредь до решения его дела судом епископов.

Если же митр. Агафангел не обратит внимания на последнее предупреждение митр. Сергия, выраженное в его письме от 10/23 мая с. г., в котором он предлагает митр. Агафангелу отказаться от притязаний на Местоблюстительство в Российской Православной Церкви, а по-прежнему будет стремиться стать Патриаршим Местоблюстителем, то в целях сохранения церковного единства и скорейшей ликвидации возникшего нового церковного раскола, считаем необходимым запретить митр. Агафангела в священнослужении».

Письменное решение архиереев о митр. Агафангеле было передано митр. Сергию, который 31 мая (13 июня) 1926 года наложил на нем следующую резолюцию:

«Согласно мнению большинства Преосвящ. Архипастырей митр. Агафангел, впредь до решения дела судом архиереев, должен быть устранен от управления Ярославской епархией, в случае же дальнейшего противления подлежит запрещению в священнослужении. Принимая во внимание, однако: 1) что митр. Агафангел телеграммой выразил готовность подчиниться церковной власти, 2) что дальнейшее его выступление находит для себя некоторое извинение в получении им письма митр. Петра, каковое письмо он добросовестно мог считать законным распоряжением, одобряющим его притязания, признаю возможным, не приводя в исполнение вышеуказанной подсудной меры, предложить еще раз митр.

Агафангелу в недельный срок по получении сего письма заявить о своем отказе от незаконных притязаний на местоблюстительство. При неисполнении сего требования митр. Агафангел будет подвергнут запрещению.

За Патриаршего Местоблюстителя
СЕРГИЙ, митр. Нижегородский.»

В этот же день, т. е. 13 июня, в завершение своего начатого дела, митр. Сергей отправил митр. Агафангелу письмо с предложением ему, согласно вынесенному о нем суду архиереев, окончательно отказаться от всяких притязаний на местоблюстительство.

Митр. Агафангел, отказавшись уже от своих прав на управление Русской Церковью, 17 июня н. ст. в ответ на письмо телеграфировал митр. Сергию:

«Ваше Высокопреосвященство
Милостивый Архипастырь и Отец.

В ответ на Ваше письмо от 13 июня с. г., полученное мною 17 июня, сообщаю Вашему Высокопреосвященству, что я по преклонности лет и расстроенному здоровью уже отказался от замещения должности Патриаршего Местоблюстительства, о чем и доложено мною Его Высокопреосвященству Местоблюстителю Патриаршего Престола Петру, митр. Крутицкому письмом от 12 сего июня и доведено до сведения Советской власти письмом от 8 июня.

С искренним уважением и братской о Христе любовью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорным слугою. Агафангел, митрополит Ярославский.

17 июня 1926 г.
Ярославль».

Ответ митр. Агафангела, как нельзя яснее, свидетельствует о том, что решение архиереев запоздало и что митр. Агафангел отказался от местоблюстительства не в силу этого решения, а под действием глубоких размышлений, возникших у него от чтения письма митр. Сергия от 10/23 мая.

У кормила церковного корабля остался Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергий.

Уместно теперь решить один весьма важный вопрос: канонично ли действовал митр. Сергей в отношении митр. Агафангела в защиту своих прав и сохранились ли эти права за ним после того, как митр. Петр передал свои полномочия митр. Агафангелу 22 мая 1926 г.?

События церковной жизни дают нам полное основание утверждать, что действия митр. Сергия против митр. Агафангела были каноничны.

Когда митр. Агафангел чрез свое послание и особым письмом к митр. Сергию объявил о своем вступлении в управление обя-

занностей Патриаршего Местоблюстителя, то, естественно, он, при наличии Местоблюстителя митр. Петра, допустил антиканонический поступок и фактически вступил на путь церковного разделения

Правда, митр. Елеферий (Богоявленский) заявляет, что митр. Агафангел поступил так не потому, что стремился к власти, а потому, что считал для себя почти невозможным отказаться от воли Святейшего, видя в ней будто бы канонический долг пред Церковью¹. Но тем не менее признать подобный поступок каноничным ни в какой степени нельзя.

Завещание Патриарха не давало никакого права при наличии младшего кандидата воспринимать старшему власть без согласия младшего. И если митр. Агафангел поступил вопреки такому утверждению, то, естественно, он нарушил единство церковного управления.

При таком положении вещей митр. Сергию, как законному Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, не оставалось иного выхода, как только выступить против подобных действий митр. Агафангела. Причем, сам митр. Сергей в отношении к митр. Агафангелу проявляет сугубо каноническое воздействие. Прежде всего, когда он узнал чрез послание о намерении митр. Агафангела вступить в управление, не сразу начал свое противодействие последнему, а сначала обратился к законному Местоблюстителю митр. Петру, и только после того, как митр. Петр ответил, что он (митр. Петр) считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы был и не на свободе, а назначенный им Заместитель несет свои обязанности до окончания его дела, митр. Сергий приступил к увещанию митр. Агафангела, а затем, когда последний проявлял несогласие, к более строгим каноническим прещениям.

О данном случае действия митр. Сергия против митр. Агафангела не вызывает никакого сомнения в их каноничности.

Подвергают сомнению именно тот момент, когда митр. Петр 9/22 мая официально передал свои права митр. Агафангелу, а митр. Сергия устранил от исполнения обязанностей, возложенных на него, как на своего Заместителя.

Нам известно, что митр. Сергей и после того, как митр. Агафангел сообщил ему 4 июня о решении митр. Петра, не желая признавать его прав на Местоблюстительство и рассматривая письмо митр. Петра только как оправдательный документ выступлений митр. Агафангела, продолжал требовать от последнего полного и окончательного отказа от притязаний на управление Церковью.

Интересно, что митр. Сергей в своих письмах к митр. Агафангелу (см. письмо от 3/16 мая) утверждал, что если митр. Петр сам откажется от своих прав, тогда кандидатами на местоблюстительство будут признаны митр. Кирилл и митр. Агафангел. Но

¹ Соборность Церкви, стр. 206—207.

теперь, когда митр. Петр формально отказался от своих прав в пользу последнего (митр. Агафангела), он как будто бы не желает признавать этих прав за митр. Агафангелом.

Не поступил ли митр. Сергей в данном случае антиканонично?

Вопрос этот тесно связан, с одной стороны, с отношением митр. Агафангела как к передаваемым формально Местоблюстительским правам, так и к митр. Петру, а с другой — с отношением митр. Сергия к распоряжениям Местоблюстителя, издаваемым в состоянии полной изоляции от управления Церковью.

Прежде всего необходимо отметить, что митр. Петр своим отношением от 9/22 мая фактически не передавал, а только упрощал митр. Агафангела принять на себя исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя; вопрос же об окончательной передаче этих обязанностей он отложил до выяснения дела митр. Кирилла (см. Послание митр. Петра от 1 янв. 1927 г.).

От этой просьбы, или временного исполнения обязанностей Патриаршего Местоблюстителя митр. Агафангел отказался, причем отказался прежде окончательного над ним суда православных архиереев. Это одна сторона дела. Другая и более важная сторона, оправдывающая действия митр. Сергия, состоит в том, что митр. Агафангела, даже в том случае, если бы он и не отказался от исполнения обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, передаваемых ему митр. Петром, нельзя было бы признать законным Местоблюстителем. Такое утверждение вытекает из отношения митр. Агафангела к правам митр. Петра. Митр. Агафангел, как нам уже известно, отстаивая свои права на Местоблюстительство, в беседе с митр. Сергием определенно заявил, что митр. Петр, после того как он передал свои обязанности коллегии, уже не имеет никакой власти на управление Церковью, т. е. митр. Петр, по утверждению митр. Агафангела, фактически уже не Местоблюститель. Отсюда, следовательно, по внутреннему принципу отрицания Местоблюстительских прав за митр. Петром, для митр. Агафангела не могло быть никакого восприятия обязанностей и власти от того, в ком он канонически отрицал эти (Местоблюстительские) принадлежности... По принципу он (митр. Агафангел) действовал уже как раскольник.

Это, собственно, и было определено митр. Сергием и положено им в основание своих мероприятий против митр. Агафангела. Этим актом митр. Сергей открыто заявил, что митр. Петр, находясь вдали от церковных дел, не может передавать своей власти кому-либо другому, ибо этим вносилось бы в церковную жизнь хаотическое начало¹. Его решение было поддержано православным епископатом.

Итак, действия митр. Сергия, если и были несогласными с резолюцией митр. Петра, тем не менее они основывались **всцело** на каноническом праве, в то время как стремление митр. Агафан-

гела встать за руль церковного управления, при всей видимой законности, внутренне было чуждо канонического оправдания.

Права митр. Сергия, как Заместителя, были подтверждены немного спустя митр. Петром его условной резолюцией на имя митр. Агафангела от 9 июня 1926 года.

Интересно, что сам митр. Агафангел, хотя и отказался добровольно от Местоблюстительских прав в пользу митр. Сергия, однако он далеко не оправдывал пребывания последнего у кормила высшего управления и только ради церковного мира находился с ним в молитвенно-каноническом общении до времени.

Дело Ярославского митр. Агафангела с отказом его от Местоблюстительских прав не закончилось. Оно с еще большей силой, но уже в новой форме вспыхнуло снова в конце 1927 года.

Главной причиной этой вспышки явилось недовольство ярославской группы архиереев принятым митр. Сергием церковным курсом через издание «декларации» от 16/29 июля 1927 г., в котором ярославская группа архиереев усмотрела измену Православию.

Посмотрим, как развивались и чем закончились события этого времени.

Митр. Агафангел, после того как добровольно отказался от Местоблюстительства, остался правящим архиереем Ярославской епархии. Свой отказ от вышеуказанного права он хотя и мотивировал слабым состоянием своего здоровья, однако это была только косвенная причина. В действительности же он отказался исключительно ради церковного мира, как об этом ясно свидетельствует его телеграмма на имя митр. Сергия от 11/24 мая. И ради этого мира он признал за необходимостью быть в молитвенно-каноническом общении и иерархическом подчинении митр. Сергию. Митр. Агафангел считал, что митр. Сергей, по сравнению с ним как более молодой, энергичный и мудрый иерарх, лучше и надежнее сумеет провести корабль Русской Церкви среди церковных бурь к тихой пристани. Этим он успокаивал себя и оправдывал в какой-то степени стояние у кормила церковного управления митр. Сергия.

Но события церковной жизни, быстро сменявшиеся одни другими, отрицательно повляли на митр. Агафангела и на его убеждения.

Учрежденный митр. Сергием весной (25 мая) 1927 г. Временный Патриарший Синод и намеченный им курс церковной политики, указанный в «декларации» от 16/29 июля того же года, изменили взгляды митр. Агафангела на деяния и опытность митр. Сергия. Если до этого момента он признавал незаурядный талант митр. Сергия и надеялся на положительный исход его деяний, направленных к спасению Церкви, то теперь все это приняло совершенно иной вид. В его мышлении всякие церковные мероприятия Заместителя, как-то: учреждение Врем. Патриаршего Синода, издание декларации, перевод архиереев из одной епархии в другую

¹ Елевферий митр. Соборность Церкви, стр. 53.

без согласия паствы и т. п. — преломлялись как отступление от церковных канонов и от свободы Церкви.

При таком положении деяний Заместителя он считал небезопасным и для себя, и для ярославской паствы свое дальнейшее пребывание в административном подчинении митр. Сергию. Внутренний протест против Заместителя Патриаршего Местоблюстителя все более и более нарастал. К осуществлению этого протеста митр. Агафангел подходил очень осторожно. Он боялся своим быстрым, хотя и административным отходом внести в церковную жизнь какое-либо разделение. И потому он решил прежде всего обсудить этот весьма важный вопрос со своими викариями. А викариями у него тогда являлись всего три архиерея: архиеп. Угличский Серафим (Самойлович), архиеп. Варлаам (Ряшенцев), врем. упр. Любимским викариатством, и еп. Ростовский Евгений (Кобранов). Все три викария отличались друг от друга разным характером и темпераментом, и у каждого из них был свой жизненный путь, приведший их к архиерейской кафедре.

Архиеп. Серафим (Самойлович) родился в 1885 году в Полтавской губернии. По окончании Полтавской духовной семинарии он принимает монашество и рукоположение в сан иеромонаха. В 1905 году, совершенно молодым — ему было тогда всего только 20 лет, его направляют миссионером в Северную Америку, где вместе с архиеп. Тихоном (впоследствии Патриархом) он трудится сначала в сане простого иеромонаха, а затем в качестве наместника Толгского монастыря над просвещением инородцев.

В 1915 году его назначают настоятелем Угличского Александровского монастыря, с возведением в сан архимандрита.

В течение пяти лет он управляет братией монастыря, подавая ей добрый пример и делом и словом.

Его незаурядные способности и твердость убеждений были оценены Святейшим Патриархом Тихоном, который нашел его достойным поставить на свещницу архиерейского служения, несмотря на то, что ему было тогда всего 35 лет.

2 февраля с. ст. 1920 года молодой архимандрит Серафим был хиротонисан во еп. Угличского, вик. Ярославской епархии.

В 1924 году Патриарх Тихон возводит его в сан архиепископа. Как стойкого в православии иерарха с неподкупной совестью митр. Иосиф (Петровых) в своем распоряжении от 25 ноября (8 дек.) 1926 г. ставит его в число своих преемников¹, а когда митр. Сергей был лишен возможности исполнять свои обязанности, архиепископ Серафим становится временно Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и с 30 ноября 1926 г. по 27 марта 1927 г. управляет Русской Церковью. Когда митр. Сергей получил возможность снова исполнять свои обязанности, то он передал ему

права Заместителя, а сам остался архиеп. Угличским¹. Таков был один из викариев митр. Агафангела.

Другой, временный викарий, управляющий Любимским викариатством с конца 1927 г. архиеп. Варлаам, в мире Виктор Ряшенцев, родился 8 июня 1878 года в купеческой семье Тамбовской губернии. Окончив в 1896 году Тамбовскую классическую гимназию, он поступает в число студентов первого курса Казанской духовной академии.

В 1900 году он заканчивает академию со степенью кандидата богословия и 29 сентября 1901 года определяется учителем русского и церковно-славянского языков в Уфимское духовное училище. С юных лет имея склонность к иночеству, молодой учитель в этом же году 8 октября принимает монашеский постриг с именем Варлаама, а 10 октября — рукоположение в сан иеромонаха. Постриг и рукоположение совершил над ним еп. Уфимский Антоний (Храповицкий).

5 марта 1902 г. иеромонах Варлаам был определен преподавателем основного, догматического и нравственного богословия в Уфимскую духовную семинарию, а в январе 1903 г. назначен инспектором той же семинарии. Кроме основных обязанностей по духовной школе, он выполнял благотворительные обязанности по надзору единоверческих церквей Уфимской епархии.

В августе 1906 г. он был переведен ректором в Полтавскую духовную семинарию с возведением в сан архимандрита.

В этой должности архим. Варлаам трудился до своей хиротонии во епископа. Он отличался вдумчивостью, осторожностью в действиях и обходительностью в обращении с людьми, чем и снискал к себе уважение как от своих сослуживцев, так от воспитанников и других лиц.

Ему было 34 года, когда Господу угодно было призвать его к архиерейскому служению². 13 января 1913 г. в С.-Петербурге в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры архим. Варлаам был хиротонисан во еп. Гомельского, вик. Могилевской епархии. В его хиротонии, кроме митр. С.-Петербургского Владимира и других иерархов, принимал участие и архиеп. Финляндский Сергей (Страгородский)³. 3 сентября 1923 года он был переведен еп. Псковским.

Когда он был возведен в сан архиепископа, нам неизвестно. 13 июля 1927 г. его назначают архиеп. Пермским, где он пробыл всего несколько месяцев — 11 ноября в этом же году его уволили на покой, а в конце декабря 1927 г. он был временно назначен управляющим Любимским викариатством Ярославской епархии⁴.

¹ «Каталог Русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957)», составленный А. М. Чебоксары, 1959 г., ч. VI, стр. 48.

² Приб. к «Церк. ведом.», 1912 г., № 48—49, стр. 1964. Церк. ведом., 1902 г., стр. 11—12, № 10, стр. 57.

³ Приб. к «Церк. ведом.», 1912 г., № 3, стр. 150.

⁴ «Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957)», ч. II, стр. 10.

¹ Послание еп. Серафима. Урал. Церк. вед., 1928 г. № 3—4, стр. 15. Примечан. В Урал. Церк. вед. архп. Серафим значится епископом. (Это ошибочно). Он был уже архиеп. до своего вступления в обязанности Замест. Патр. Местоблюстителя. См. Обращение митр. Сергия к Упр. Моск. епарх. от 11/24 мая 1926 года.

Как иерарх он отличался твердым стоянием за Православие. Всякие попытки обновленцев склонить его на свой путь не увенчались успехом: он категорически отказался примкнуть к их движению.

По своим духовно-нравственным качествам он был смиренный монах, добрый и сердечный. Отличался духом старчества. Любил церковно-уставные службы.

Это был в полном смысле архиерей-подвижник.

Третий Ярославский викарий был совершенно иного характера и темперамента.

Еп. Евгений (Кобранов) родился в 1891 году в Смоленской епархии. В 1912 г., по окончании Смоленской духовной семинарии, он поступает в число студентов Московской духовной академии, полный курс которой оканчивает в 1916 г. со степенью кандидата богословия. Его оставляют профессорским стипендиатом при академии. Одновременно он в течение года (1916—1917 гг.) слушает лекции на Восточном факультете Петроградского университета.

В конце 1917 г. Патриарх Тихон рукополагает его во священники в церкви 9-ти мучеников, что в Девятинном пер. г. Москвы.

В 1921 году еп. Палладий (Добронравов) совершает над ним иноческий постриг в Новоспасском монастыре, а после его кончины он определяется настоятелем указанного монастыря. В возрасте 35 лет от рождения он призывается на архиерейское служение.

14/27 марта 1926 г. в Нижнем Новгороде архим. Евгений был хиротонисан во еп. Муромского, вик. Владимирской епархии.

В его хиротонии принимали участие: митр. Нижегородский Сергей, еп. Переяславский Дамиан и еп. Васильсурский Макарий.

Это был далеко не смиренный архиерей; он отличался заносчивостью и своенравием.

После своей хиротонии он неожиданно заявил митр. Сергию, что в Муром не поедет, а желает остаться в Москве.

«Зачем же Вы принимали назначение, наречение и хиротонию в Муромского, если не хотите ехать туда? — спросил его серьезно митр. Сергей. — За нарушение присяги Вас нужно сейчас же лишить архиерейства!»¹

Только после этого еп. Евгений смирился и отправился в Муром.

15 сентября 1927 г. его перевели еп. Балашовским, а 14 декабря в том же году — еп. Ростовским, вик. Ярославской епархии².

Таков, собственно, жизненный путь и духовно-нравственная оценка трех Ярославских викариев.

С ними-то и решил митр. Агафангел обсудить свой наболевший вопрос. Совещание состоялось в январе 1928 г. В нем принял непосредственное участие и митр. Иосиф (Петровых), как временно проживавший в Ростове Ярославском.

¹ Елевферий митр. Неделя в Патриархии. Париж, 1933 г., ч. II, стр. 124—126.

² «Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957)», ч. III, стр. 6.

После всестороннего обсуждения создавшейся церковной обстановки и деяний митр. Сергия они остановились на таких решениях, которые, как им казалось, более всего соответствовали их целям и положению дел.

Каковы эти решения, мы ясно видим из официального документа, написанного ярославской группой к митр. Сергию 6 февраля (24 января) 1928 года.

Документ этот гласит так:

«ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,

Высокопреосвященному Митрополиту Сергию,
Заместителю Патриаршего Местоблюстителя.

Ваше Высокопреосвященство!

Хотя ни церковные каноны, ни практика Кафолической Церкви Православной, ни постановления Всероссийского Церковного Собора 1917—1918 гг. далеко не оправдывают Вашего стояния у кормила высшего управления нашей отечественною Церковью, мы, нижеподписавшиеся епископы Ярославской церковной области, ради блага и мира церковного считали делом своей совести быть в единении с Вами и иерархическом Вам подчинении. Мы ободряли и утешали себя молитвенным упованием, что Вы, с Божией помощью и при содействии мудрейших и авторитетных из собратьев наших во Христе — епископов, охраните церковный корабль от грозящих ему со всех сторон в переживаемое нами трудное для Церкви Христовой время опасностей и приведете его неповрежденным к спасительной пристани — Собору, который утратит живое и жизнеспособное тело церковное от постигших его, по попушению Промысла Божия, недугов и восстановит надлежащий канонический порядок церковной жизни и управления.

Но заветные чаяния и надежды наши не сбылись. Мало того, мы видим и убеждаемся, что Ваша деятельность по управлению Церковью, чем дальше, тем в большей степени вызывает недовольство и осуждение со стороны многих и многих представителей православного епископата — смущение, осуждение и ропот в среде клира и широких кругов мирян.

Сознавая всю незаконность своего единоличного управления Церковью — управления, никаким соборным актом не санкционированного, Вы организуете при себе «Патриарший Синод». Но ни порядок организации этого «Синода», Вами единолично учрежденного и от Вас получающего свои полномочия, ни личный состав его из людей случайных, доверием епископата не пользующихся, в значительной части своей проявивших даже неустойчивость своих православно-церковных убеждений (отпадение в обновленчество и (один) в раскол беглопоповства), не могут быть квалифицированы иначе, как только явления определенно — противоканонические.

В своем обращении к чадам Православной Церкви от 29/VIII-1927 года Вы в категорической форме объявляете такую програм-

му Вашей будущей руководящей деятельности, осуществление которой неминуемо принесло бы Церкви новые бедствия, усугубило бы обдержажие ее недуги и страдания. По Вашей программе начало духовное и божественное в домостроительстве церковном всецело подчиняется началу мирскому и земному, во главу угла полагается не всемерное попечение об ограждении истинной веры и христианского благочестия, а никому и ничему ненужное угождение «внешним», не оставляющее места для важнейшего условия устройства внутренней церковной жизни по заветам Христа и Евангелия — свободы, дарованной Церкви ее Небесным Основателем и присущей самой природе ее — Церкви.

Чадам Церкви и прежде всего, конечно, — епископату Вы вменяете в обязанность лояльное отношение к гражданской власти. Мы приветствуем это требование и — свидетельствуем, что мы всегда были, есть и будем лояльны и послушны гражданской власти: всегда были, есть и будем честными и добросовестными гражданами нашей родной страны; но это, полагаем, не имеет ничего общего с навязываемым Вами политиканством и заигрыванием и не обязывает чад Церкви к добровольному отказу от тех прав свободного устройства внутренней религиозной жизни церковного общества, которые даны ему самою же гражданской властью (избрание общинами верующих духовных руководителей себе).

На место возведенной Христом внутрицерковной свободы Вами вводится административный произвол, от которого много потерпела Церковь и раньше. По личному своему усмотрению Вы практикуете бесцельное, ничем не оправдываемое перемещение епископов — часто вопреки желанию их самих и их паствы, назначение викариев без ведома епархиальных архиереев, запрещение неудобных Вам епископов в священнослужении и т. д.

Все это и многое другое в области Вашего управления Церковью, являясь, по нашему глубокому убеждению, явным нарушением канонических определений Вселенских и Поместных Соборов, постановлений Всероссийского Собора 1917—1918 гг., и усиливая все более и более нестроения и разруху в церковной жизни, вынуждает нас заявить Вашему Высокопреосвященству: Мы, епископы Ярославской церковной области, сознавая лежащую на нас ответственность пред Богом за вверенных нашему пастырскому руководству духовных чад наших и почитая священным долгом своим всемерно охранять чистоту святой православной веры и завещанную Христом свободу устройства внутренней религиозно-церковной жизни, в целях успокоения смущенной совести верующих, за неимением другого выхода из создавшегося рокового для Церкви положения, отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за Вами и за Вашим Синодом право на высшее управление Церковью. При этом добавляем, что мы остаемся во всем верными и послушными чадами Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви; неизменно пребываем в иерархическом подчинении Местоблюстителю Патриаршего Престола Высокопреосвященному Петру, Митрополиту Крутицкому и чрез него сохраняем канони-

ческое и молитвенное общение со всеми Восточными Православными Церквями. Оставаясь неизбежно на таком твердом основании, мы будем управлять Ярославской церковной областью и руководить своими паствами в деле угождения Богу и душевного спасения САМОСТОЯТЕЛЬНО — в строгом согласии с Словом Божиим, с общецерковными канонами, правилами и преданиями, с постановлениями Всероссийского Собора 1917—1918 гг., с неотменными распоряжениями Высшей Церковной Власти предсборного периода, а также с распоряжениями Святейшего Патриарха Тихона, его Синода и Совета.

Настоящее наше решение останется в силе впредь или до признания Вами неправильности Ваших руководственных действий и мероприятий и открытого раскаяния в Ваших заблуждениях, или до возвращения к власти Высокопреосвященного Митрополита Петра.

Агафангел, — митрополит Ярославский.

Серафим, — архиеп. Угличский, викарий Ярославской епархии, б. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя.

Митр. Иосиф, — 3-й из указанных Патриаршим Местоблюстителем заместителей.

Архим. Варлаам — (б. Пермский) врем. упр. Любимским викариатств. Смирный Евгений, еп. Ростовский, викарий Ярославской епархии.

6/II-1928 г.»¹

Главные мотивы, которыми руководились в своем отходе ярославские архиереи, настолько ясны, что вряд ли нуждаются в каком-либо особом изъяснении. Однако заметим, что эти мотивы ни в какой мере не могли служить достаточным основанием к отделению от первоиерарха, на что, как увидим, с особой силой указывал им митр. Сергей. Нам важно сейчас само решение, к которому пришли указанные иерархи.

Как видно из документа, они остановились на следующем:

1) в целях успокоения своей совести верующих отделиться от митр. Сергия, не признавая за ним и Патриаршим Синодом права на высшее управление Церковью;

2) чтобы вести свою паству к спасению, — управлять Ярославской церковной областью самостоятельно.

Силу этого решения они ограничили либо раскаянием в своих заблуждениях митр. Сергия, либо возвращением к власти митр. Петра Крутицкого.

Из приведенного выше акта не ясен, однако, один вопрос: отделались ли ярославские иерархи от молитвенно-канонического общения с митр. Сергием или же нет?

Исходя из того, что они отказались признавать за митр. Сергием право на высшее управление Церковью без упоминания о каноническом разрыве с ним, можно утверждать, что они огра-

¹ Архив М. М., № 45.

ничии свой отход только в административно-подчиненном отношении. Но в то же время ссылка на то, что они, находясь в иерархическом подчинении митр. Петру, чрез него сохраняют каноническое и молитвенное общение с Восточными Православными Церквами, дает некоторое основание утверждать, что они отделились в какой-то степени и от молитвенно-канонического общения с митр. Сергием.

В акте-документе явно существует небольшая недоговоренность, что впоследствии, как мы увидим, устранили особым письмом ярославские иерархи.

Какие же, собственно, мотивы привели к такому решению митр. Агафангела и его викариев?

Как нам уже известно, митр. Агафангел свой отказ от местоблюстительских прав мотивировал заботой о церковном мире. Он не желал вносить в церковную жизнь какого-либо разделения. Очевидно, этот мотив руководил ими в данном решении.

Ясно, конечно, что митр. Агафангел, смотревший на церковные события под углом зрения синодального периода и народной психологии и видя возникавшее смущение среди своей паствы, не мог не смутиться и сам от предпринятой митр. Сергием церковной политики и не вызвать в своем сердце чувство самосохранения, самоограждения от влияния этой политики.

Но он, однако, боялся раскола, боялся смутить совесть верующего человека новым каким-либо разделением, и в то же время он боялся, по его мнению, отрицательного влияния на него и на ярославскую паству новой политики митр. Сергия.

При такой ситуации дел он избрал нечто среднее: не создавать раскола, но, не порывая молитвенно-канонического общения с Заместителем, выйти на время из административного подчинения митр. Сергию и управлять Ярославской церковной областью самостоятельно. А чтобы не быть оторванным от общего организма церковного посредством административного разрыва с Заместителем, он признал над собой иерархическую власть митр. Петра как Патриаршего Местоблюстителя и чрез него каноническое и молитвенное общение с Восточными Церквами.

Вставши на этот путь, он расположил к этому и своих викариев, выразивших свое полное согласие с его мнением.

Конечно, и митр. Агафангел, и его викарии были неправы. Они не учли весьма важного момента, что административный разрыв с Заместителем неминуемо вел к разрыву молитвенно-каноническому и, следовательно, к расколу. И как бы они ни старались оправдать свой шаг и доказать, что они раскола не учиняют, а только стремятся морально воздействовать на митр. Сергия, факт остается фактом — отход от первоиерарха, по смыслу церковных канонов, есть уже раскол.

В общем совете с ярославскими викариями и с митр. Иосифом (Петровых), на котором был выработан акт отхода, было постановлено, чтобы в Ярославской церковной области не изменять никаких церковных порядков и, для сохранения мира, не принимать

в общение с собой никого из других епархий: ни епископов, ни клириков, ни мирян, а отсылать таковых непосредственно к митр. Сергию.

Обсудив окончательно и всесторонне свое решение, они направили свой акт митр. Сергию.

Вместе с актом архиеп. Угличский Серафим (Самойлович) счел нужным препроводить на имя Заместителя братское, увещательное письмо.¹

Письмо характерно в том отношении, что в нем, с одной стороны, раскрывается взгляд отдельных иерархов на взаимоотношение Церкви и Государства, к урегулированию которого (взаимоотношения) приступил митр. Сергей, а с другой — вскрывается самый характер отношения ярославских архиереев к тяжелым переживаниям митр. Сергия, связанных с управлением Церковью.

Письмо архиеп. Серафима фактически являлось как бы дополнением к акту, но только с иной стороны. Если акт официальным языком трактовал только о главных причинах, побуждавших ярославских иерархов к отделению от Заместителя, и не затрагивал вопросов покаяния митр. Сергия, то письмо архиеп. Серафима направлялось к самому сердцу и уму митр. Сергия и имело своею целью морально воздействовать на последнего. Тон письма, как видим, сострадательно-увещательный. При своем отрицательном отношении к новой политике Заместителя, они все-таки нашли в своем сердце и жалость к митр. Сергию и в духе этой жалости действовали на последнего.

Итак, акт об отделении от Заместителя с приложением письма архиеп. Серафима был направлен митр. Сергию.

Последний, когда получил этот документ, явно пришел в смущение. Отход митр. Агафангела от него был крайне нежелательным не только для самого митр. Сергия, но и для Русской Церкви. Митр. Сергей быстро и ясно оценил своим проницательным умом всю ту опасность для Церкви, которая могла последовать за уходом от канонической власти митр. Агафангела и его викариев. Не теряя времени, он, в целях предупреждения надвигающейся опасности, быстро созывает внеочередную сессию Временного Патриаршего Синода и на ней вместе с членами Синода обсуждает всестороннее заявление Ярославских архиереев. После общего решения вопроса, касающегося митр. Агафангела и его викариев, они пришли к такому выводу, что митр. Агафангел вступил на путь оппозиции против митр. Сергия и его Синода не по своему упорству против последних и не ради властолюбия, а исключительно по незнанию некоторых действительных сторон церковной жизни в условиях современного положения Русской Церкви.

Тогда они, не теряя надежды на положительный исход дела митр. Агафангела, решили послать к нему одного из членов Синода, который бы в личной беседе с ним объяснил ему действительное положение церковных дел и убедил бы его изменить свое решение об отходе от Заместителя. Миссию эту возло-

¹ Архив М. М., № 43.

жили на митр. Тверского Серафима (Александрова), которого и препроводили к митр. Агафангелу.

С ним митр. Сергей отправил на имя митр. Ярославского специальное письмо от 10 февраля н. ст. 1928 года, в котором убедительно просит митр. Агафангела не порывать с ним общения и потерпеть его (митр. Сергия) немощи «пока не выяснится с определенностью», куда они ведут церковный корабль: «к сравнительно ли сноному существованию в данных условиях или к погибели»; стремятся ли они «к утверждению веры или же жертвуют ею ради личного благополучия». «Поверьте,— писал митр. Сергей,— что ни веры святой мы не предаем, ни от свободы церковной мы не отрекаемся и не намерены отречься. Мы только не закрываем глаза на ту обстановку, среди которой нам приходится действовать, и полагаем, что, как бы ни связывала нас эта обстановка, мы не можем оправдывать ею своей бездеятельности: мы должны действовать и делать то, что можем в данных условиях...»

Итак, еще и еще раз прошу Вас: оставайтесь с нами и не берите на свою ответственность столь тяжелого дела, как разрыв общения без достаточных к тому оснований¹.

Тон самого письма мягкий, умоляющий и рассчитан, очевидно, не столько на разум, сколько на чувство.

Имел ли успех митр. Серафим в личной беседе с митр. Агафангелом и какое действие произвело на последнего письмо митр. Сергия и что на все это ответил митр. Агафангел, нам, за отсутствием данных, ничего неизвестно. Возможно, что и беседа митр. Серафима, и письмо Заместителя заставили в какой-то мере митр. Агафангела тщательно пересмотреть свои убеждения и внести в них соответствующие изменения.

Но письменного ответа, надо полагать, не последовало. И не последовало, вероятно, по следующей причине.

Спустя немного времени после беседы митр. Серафима с митр. Агафангелом, в жизни двух иерархов, подписавших акт отхода, а именно: архиеп. Угличского Серафима (Самойловича) и митр. Иосифа (Петровых) — произошли изменения: оба они в феврале 1928 года были удалены из Ярославской области, и первый поселился в Вуйническом монастыре г. Могилева, а второй — в Николо-Моденской обители, что в 35 верстах от г. Устюжны Новгородской губернии.

Это событие отрицательно сказалось на здоровье митр. Агафангела, и он, почувствовав в себе физическую слабость, решил на некоторое время замкнуть свои уста и никому ничего не отвечать.

Но в то время, когда митр. Агафангел находился в расслабленном состоянии, события церковные развивались своим чередом. Народная молва распространила слух, что митр. Иосиф (Петровых) как будто бы стремится объединить под своим гла-

венством ярославскую оппозицию, на что якобы митр. Агафангел и его викарии изъявляют свое согласие.

Это дало повод митр. Сергию вновь созвать внеочередную сессию Синода, в которую вошел и архиеп. Курский Иувеналий (Масловский), и на ней вынести более строгое решение в отношении к отдельным личностям, допуская упорство в своих оппозициях.

14/27 марта состоялось постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного Патриаршего Синода о лишении кафедр, кроме иосифлянских епископов, архиеп. Серафима (Самойловича), архиеп. Варлаама (Ряшенцева) и еп. Евгения (Кобринова) с запрещением их в священнослужении¹.

Митр. Агафангела постановление Синода не коснулось. Члены Синода решили еще раз послать к нему своего представителя и предложить ему пересмотреть свое заявление.

На этот раз к митр. Агафангелу был уполномочен архиеп. Вятский Павел (Борисовский). С ним митр. Сергей направил для вручения Ярославскому митрополиту письмо*, в котором указывал, что «движение», поднятое в Церкви посланием Ярославской группы, принимает все признаки раскола и задается целью объединить оппозицию под главенством раздраженного митр. Иосифа, и в заключение просил его (митр. Агафангела) пересмотреть вопрос об отложении от него (митр. Сергия) и Синода².

В намеченное время архиеп. Павел явился к митр. Агафангелу и вручил ему письмо от митр. Сергия. Он взял письмо и с чувством глубокого волнения прочитал в нем написанное. Содержание явно не соответствовало ни его настроению, ни тем целям, которые он и его викарии преследовали своим заявлением. Он ни в какой мере не мог согласиться с тем обвинением, которое возводил на него митр. Сергей, и особенно с тем, в котором указывалось на стремление Ярославской группы объединить оппозицию под главенством раздраженного митр. Иосифа [с. 174]. Последнее не одобрялось Ярославскими иерархами, как не отвечающее их целям. Прочитав письмо, он обратился к архиеп. Павлу и попросил его обстоятельно изложить точку зрения как самого Заместителя, так и его Синода.

Архиеп. Павел не замедлил выполнить просьбу митр. Агафангела и изложил пред ним принципиальную сторону основного вопроса.

С своей стороны митр. Агафангел высказал архиепископу свое полное несогласие по поводу первой части письма митр. Сергия, но зато по вопросу принципиальному он изъявил намерение пересмотреть свое заявление, но при участии тех лиц, которые составляли решение. На этом, собственно, и закончилась беседа архиеп. Павла с митр. Агафангелом.

¹ Письмо еп. Мануила (Лемешевского) к матуш. Серафиме от 15/28 марта 1928 года. Архив М. М., № 34.

* Письмо это, к сожалению, не сохранилось.

² См. Письмо митр. Агафангела к митр. Сергию от 25 марта (7 апр.) 1928 года. Архив М. М., № 48.

Содержание этой беседы в краткой форме митр. Агафангел повторил в своем ответном письме от 25 марта (7 апреля) 1928 г. митр. Сергию¹.

Итак, беседа архиеп. Павла и увещания митр. Сергия положительно повлияли на митр. Агафангела. Принципиально, хотя и с некоторыми условиями, последний согласился пересмотреть свое решение.

Когда митр. Сергей получил письмо от митр. Агафангела, то в нем зародилась надежда на благой исход возникших между ним и митр. Агафангелом недоразумений, и, в целях окончательного склонения Ярославского митрополита, он в начале апреля 1928 г. обращается к нему с письмом такого содержания:

«Высокопреосвященнейший Владыко!

Выраженное Вашим Высокопреосвященством согласие пересмотреть вопрос об административном разрыве со мною внушило мне надежду на благоприятный исход возникших между нами недоразумений, и в этой надежде я решаюсь еще раз обратиться к Вам с усердной просьбой о названном пересмотре. При этом я не могу скрыть своих опасений, что церковный суд, следуя канонам, вынужден будет дать выступлению Вашей группы несколько иную оценку сравнительно с той, какую даете этому выступлению Вы сами.

Ваше Высокопреосвященство утверждает, что раскола Вы учинять не намерены, так как «отделяетесь не по разномыслию и вере, а только в порядке административного управления». Но, по мысли канонов, расколом называется именно разделение не из-за веры, а из-за вопросов, «допускающих врачевание» или же из-за нежелания подчиниться распоряжению законной церковной власти («самочинное соборие»). Что же касается сохранения молитвенного общения при административном разрыве, то можно весьма сомневаться даже в том, возможны ли вообще или, точнее, канонически законны ли такие отношения между двумя архиереями, принадлежащими к одной и той же Поместной Церкви и признающими над собой одного и того же духовного главу «первого епископа». Но, если такие отношения и возможны где-либо фактически, то только между архиереями, административно друг от друга независимыми и не связанными друг с другом никакими обязательствами. Между тем, по распоряжению нашего «первого епископа», я имею тяжкий долг заменять его; несу все его обязанности по управлению Русской Церковью и потому имею право ожидать от своих собратий-епископов того же канонического послушания, каким они обязаны по отношению к самому «первому епископу». Объявить себя состоящим в послушании первому епископу и в то же время административно порвать с Заместителем, которого первый епископ поставил, значило бы противоречить самому себе. — «Приемляй аще кого послю, Мене приемлет» (Ин.

¹ Архив М. М., № 48.

XIII, 20) и наоборот, — это общий закон, не допускающий исключения.

Таким образом, административный разрыв со мною — Заместителем первого епископа Русской Церкви не может быть признан деянием безразличным для епископа той же Церкви, а будет несомненно оценен с канонической точки зрения как отказ в послушании первому епископу. А такой отказ не считается по канонам наказуемым только в том случае, когда первый епископ всенародно начнет проповедовать заведомую ересь. Вот почему митрополит Иосиф и его достойные сотрудники истощают свои силы, стараясь подвести мои административные действия (охотно допускаю, небезошибочные) под понятие ереси; обвиняют меня в предательстве (традиторстве), и в поругании Церкви, и в отречении от Христа, от Бога и, наконец, от вечного спасения, что де еще хуже ереси. Но чем ужаснее обвинения, чем чудовищнее делаемые из них выводы, тем настоятельнее требуется их фактическая проверка, притом не любителями-добровольцами, а вполне компетентным и авторитетным органом церковного суда — Собором епископов. Разрыв же общения со мною раньше приговора такого Собора, из-за каких-либо неправильных административных распоряжений, тем более без фактической проверки, на основании народной молвы, искусственно муссируемой, — канонически будет определяться как раскол, со всеми указанными в церковных канонах последствиями для учителей его.

Ввиду всего этого, я с особой радостью приветствую Вашу готовность пересмотреть заявление от 6-го февраля и усерднейше прошу Вас не медлить с этим пересмотром. Ваше решение порвать с расколом и оставаться в административно-молитвенном общении с православной нашей иерархией, несомненно, возвратит к Церкви многих соблазненных и, наоборот, если Вы останетесь в расколе, это послужит причиной закоснения в нем многих, привыкших идти за другими.

Что касается возвращения в Ярославль архиепископа Угличского Серафима, то об этом мною уже возбуждено ходатайство. Но я прошу Вас не ставить этого возвращения непременно условием пересмотра. Не от Вас зависело удаление архиеп. Серафима, не в нашей воле и его возвращение.

Нельзя же решение вопроса такой обще-церковной важности ставить в зависимость от обстоятельств второстепенных и более или менее случайных. Личную беседу с архиеп. Серафимом легко заменить перепиской. Да если бы архиеп. Серафим был и против пересмотра, это не может быть оправданным для других; каждый отвечает перед Богом и Церковью за себя. Я же позволяю себе думать, что архиеп. Серафим, подписавший заявление вслед за Вами, еще с большей готовностью последует за Вами в Вашем решении исправить допущенное.

Испрашивая Ваших молитв и всею душою желая вместе с Вами единым сердцем и устами прославить Воскресшего Господа,

остаюсь Вашего Преосвященства покорнейший слуга и брат о Христе

Митрополит Сергей».¹

В письме, как видим, митр. Сергей останавливает свое внимание на двух моментах: на том, что молитвенно-канонического общения с первоиерархом при административном с ним разрыве не может быть и что этот разрыв, с точки зрения церковных канонов, рассматривается только как раскол, подлежащий церковному осуждению.

Характерно, что Заместитель, указывая митр. Агафангелу на его принадлежность к расколу, не угрожает ему отлучением, а только предупреждает о той опасности, в которой находится митрополит Агафангел, и о том вреде для Русской Церкви, который может произойти от разделения.

Письмо от начала до конца проникнуто братской любовью Заместителя к заблудшему иерарху.

Как же отнестся ко всему этому митр. Агафангел?

Факты свидетельствуют, что ни он, ни оставшиеся с ним два его викария — архиеп. Варлаам и еп. Евгений — не согласились с доводами митр. Сергия. Они целиком отрицали свою принадлежность к расколу, признавая свой разрыв с первоиерархом только как административный, но не более. Но не соглашаясь с основными доводами Заместителя, они все-таки согласились пересмотреть свое решение и оповестить об этом митр. Сергия.

10 мая 1928 года после обсуждения письма Заместителя они направили митр. Сергию краткое ответное письмо такого содержания:

«Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь!

В разъяснение нашей декларации от 6 февраля с. г. и в дополнение к письмам митр. Агафангела на имя Вашего Высокопреосвященства, находим нужным сказать следующее:

1. Мы до сих пор не прерывали и не прерываем нашего молитвенного общения с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергием.

2. Никакого раскола мы не желаем учинять и не учиняем.

3. Никаких новшеств в церковной жизни нашей епархии не вводили и не вводим.

4. Принципиально власть Вашу, как Заместителя, не отрицаем.

5. Распоряжения Заместителя, смущающие нашу и народную религиозную совесть и, по нашему убеждению, нарушающие церковные каноны, в силу создавшихся обстоятельств на месте, исполнять не могли и не можем.

6. Всех обращающихся к нам иноепархиальных епископов, клириков и мирян, с просьбой возглавить их и принять в молитвенное и каноническое общение, мы не отторгали и не отторгаем от

¹ Архив М. М., № 47.

единства церковного, а, внося мир, направляли их непременно к Вашему Высокопреосвященству и Синоду, предварительно, насколько возможно, успокоив их смущенную религиозную совесть.

Да послужат эти наши разъяснения, при помощи Божией ко благу и миру церковному.

Испрашивая Ваших святительских молитв, с совершенным почтением и истинною о Христе любовью остаемся Вашего Высокопреосвященства покорные слуги:

Агафангел, митрополит Ярославский,
Архиеп. Варлаам, управляющий Любимским викариатством,
Смиренный Евгений, епископ Ростовский, викарий
Ярославской епархии.

10 мая 1928 г.
г. Ярославль»¹.

В приведенном обращении, хотя и говорится, что они молитвенно-канонического общения с Заместителем не прерывали и не прерывают и принципиально не отрицают за ним власти как первоиерарха, но уже одно то, что они не могли и не могут исполнять его распоряжений, смущающих, по их понятию, религиозную совесть, свидетельствует о том, что ярославские иерархи фактически остались при своих убеждениях и ничего нового не добавили к ранее уже высказанному ими.

Как воспринял это письмо митр. Сергей, нам ничего неизвестно, однако тот факт, что он снова должен был послать к митр. Агафангелу своего представителя, дает некоторое основание утверждать, что митр. Сергей оценил это письмо как шаг Ярославской группы к примирению, и для того, чтобы восстановить единение, он спешно направляет к митр. Агафангелу архиепископа Иувеналия (Масловского) и прот. Владимира (Воробьева) — настоятеля церкви Николая на Арбате в Москве.

Оба они отличались задушевностью и умением благотворно влиять на людей.

Получив от Заместителя напутствие, они явились к митр. Агафангелу как благовестники мира. Последний чувствовал себя не совсем здоровым, но тем не менее он принял архиеп. Иувеналия и его спутника прот. В. Воробьева.

Между ними состоялась душевная беседа, которая окончательно расположила митр. Агафангела к полному примирению с митр. Сергием. Это произошло 3/16 мая 1928 года².

Многие из тех, кто хорошо знал настроение митр. Агафангела, с недоверием отнеслись к этому факту и, конечно, своим скептическим отношением к происшедшему смущали совесть малодушных.

Мы располагаем одним документом — рапортом одного протоиерея на имя Кубанского епископа Феофила (Богоявленского), в котором подтверждается как наличие допускаявших недоверие к факту, так и действительность происшедшего примирения.

¹ Архив М. М., № 2.

² «Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957 гг.)», составленный А. М. Чебоксары, 1959 г., кн. 1, стр. 17.

Вот как сообщал в своем рапорте об этом упомянутый протоиерей:

«Его Преосвященству, Преосвященнейшему Феофилу,
Епископу Кубанскому и Краснодарскому.

Протоиерея Воскресенской г. Майкопа
церкви Сергия Молчанова.

Р а п о р т.

Вследствие того, что многие отнеслись с недоверием к тому, что М. Агафангел воссоединился с М. Сергием, я, желая доказать правоту сего, запросил М. Агафангела телеграммой, на что он дал мне определенный ответ.

Вот копии этих телеграмм:

«Ярославль Митрополиту Агафангелу»

Правда ли что соединились канонически Митрополитом Сергием.

Протоиерей Молчанов.

Ярославль № 43, 23-го 14 час.

«Майкоп Протоиерею Молчанову»

Верно. Митрополит Агафангел.

Верно: Протоиерей Молчанов С.»¹

Очевидно, некоторым, вследствие отрицательного отношения к митр. Сергию, не хотелось, чтобы это примирение состоялось, поэтому они и допускали недоверие.

Но факт сам по себе уже совершился и положительно сказался на жизни Русской Церкви.

Вслед за митр. Агафангелом примирились и три его Ярославских викария: архиеп. Серафим, архиеп. Варлаам и еп. Евгений.

Сам митр. Агафангел недолго прожил после этого события: ровно через пять месяцев со дня примирения 3/16 октября 1928 г. он мирно скончался в г. Кинешме б. Костромской области.

Давая историческую оценку Ярославскому расколу, мы можем сказать, что он большого влияния как на епископат, так и на простую паству не имел. Это был иерархический раскол, носивший в себе чисто местный характер: дальше Ярославской области он не распространялся. Свое официальное существование он продолжил всего лишь несколько месяцев с 6 февраля по 3/16 мая 1928 года.

КАНОНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЯРОСЛАВСКОГО РАСКОЛА

Ярославские иерархи, как нам известно, официальным актом отказались признавать над собой административную власть Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и образовали в своей епархии автономию или т. н. «Ярославскую Церковную Область». Этот-то момент отделения мы и рассмотрим с точки зрения церковных правил.

¹ Архив М. М., № 12.

Не затрагивая глубоко самого существа ярославского раскола, мы определенно можем сказать, что отделение ярославских иерархов от первоепископа страны является нарушением церковных правил.

Нельзя было, выставляя причиной своего отхода исключительно церковно-административные ошибки митр. Сергия, отделяться от последнего. Необходимо было ожидать соборного решения о деятельности Заместителя и только тогда определять свое окончательное отношение к первоиерарху. Ярославские же архиереи этого не сделали. Они до соборного суда допустили административный разрыв с митр. Сергием и тем самым нарушили 14 и 15 пр. Двукрат. Конст. Собора.

Нарушение указанных выше правил вело к низвержению из священного сана. Однако сила действия этих правил распространилась не на всех архиереев, участвовавших в Ярославском расколе, а только на трех епископов.

Митрополит Агафангел не был запрещен, а потому его распоряжения, как епархиального архиерея, и священнодействия имели благодатную силу.

Более подробно о каноническом значении Ярославского раскола раскрыто в письме митр. Сергия к митр. Агафангелу от апреля 1928 г. (См. стр. 175—177 настоящего сочинения).

НОСИФЛЯНСКИЙ РАСКОЛ

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РАСКОЛА

Одной из главных причин, породивших носифлянский и другие расколы, является исторически и психологически сложившийся неправый взгляд отдельных членов Церковного общества на вновь установившийся в Советской России государственный строй и на церковную политику митр. Сергия.

Многие лица как из духовного, так и мирского звания, воспитанные в монархическом духе и считавшие, что Православие может сохраняться только монархами, смотрели на Советскую власть как на такой государственный аппарат, который по своему материалистическому мировоззрению не может покровительствовать не только Православной Церкви, но и вообще всякой религии. Вследствие такого взгляда они опасались тесного сближения с антирелигиозной властью и не желали получать от нее каких-либо внешних прав для своего существования, боясь как бы, получив эти права, не поставить Церковь в зависимость от государства.

Такое настроение от лица церковной иерархии и мирян ясно выразил в своем письме к митр. Сергию архиепископ Угличский Серафим (Самойлович).

«Мы,— писал он,— лояльные граждане СССР, покорно исполняем все веления Советской власти, никогда не собирались и не собираемся бунтовать против нее, но хотим быть честными и правдивыми членами Церкви Христовой на земле и не «перекрашиваемся в советские цвета», потому что знаем, что это бесполезно и этому люди серьезные и правдивые не поверят»¹.

Понятно, что подобный взгляд на новый государственный аппарат заключал в себе ложное понятие.

Советское правительство, издавшее декрет об отделении Церкви от Государства, открыто заявило о своем невмешательстве во внутреннюю жизнь Церкви, и хотя его идеология была противоположной религиозному мировоззрению, тем не менее оно предоставляло любой религиозной общине полную легализацию без какого

¹ Письмо архиеп. Серафима к митр. Сергию от 6 февр. 1928 г. См. Архив М. М., № 43.

бы то ни было стремления поставить такую общину в зависимость от государства. Наоборот, та или иная церковная община, получавшая легализацию, пользовалась полной свободой в отправлении своих религиозных обязанностей и ограждалась государственным законом. И потому не было никакой необходимости опасаться за чистоту веры при получении от антирелигиозной власти права на легализацию Церкви. И если верующие люди (не все, конечно, а часть) опасались, то они тем самым оказывали недоверие советскому государственному строю и не могли быть всецело к нему людьми лояльными.

Однако (при всей своей ошибочности) многие опасались и не желали получать никаких прав от государства.

Отсюда, как следствие, в их настроении устанавливалась уже основа для противодействия всякому, кто так или иначе сделает попытку войти в тесное взаимодействие с новым государственным строем.

Подобная настроенность церковной иерархии и паствы и явилась одной из причин протеста против новой политики митр. Сергия после того, как последний издал декларацию и вступил на путь легализации Церкви.

Для оценки исторических причин появления носифлянского раскола весьма важно подробно осветить силу протестов, возникших против предпринятой церковной политики Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Освещение это, для большей ясности исторических событий тогдашних дней, мы начнем с того момента, когда митр. Сергий, руководимый заботой о Русской Церкви, вступил на путь легализации и создания Временного Священного Синода.

Как мы уже говорили, высшая церковная иерархия в своем большинстве установила своеобразное отношение к новой государственной власти. Ясно, что такое отношение не могло быть твердой основой для внешнего положения Русской Церкви в обстановке нового государственного строя. Требовалось иное, более убедительное признание со стороны Церкви гражданской законности, которая бы в свою очередь видимым образом предоставила Русской Православной Церкви официально устроить свою жизнь в полном соответствии с церковными канонами.

Это вызывалось теми обстоятельствами, что обновленческий синод (ВЦУ) был легализован Советским Правительством, и, в силу этого, он имел возможность вести правильную организацию приходов и свободно, в лице своей высшей иерархии, совершать разъезды по епархиям¹.

Патриаршая же Православная Церковь еще не получила легализации, что отрицательно сказывалось на церковно-приходской жизни православных епархий. Разобщенность между Высшей Церковной властью, епархиями и приходами если не совсем была пол-

¹ К Правительству СССР. Обращение православных епископов из Соловков. См. Архив М. М., № 1-А.

ной, то во всяком случае доходящей до крайних пределов. А это давало широкий простор для действий обновленческого раскола, вносящего в церковную жизнь гибельную смуту.

Печальное состояние церковных приходов и епархий, происшедшее от вышеуказанной причины, прекрасно изобразил в своем послании от 18/31 декабря 1927 г. митр. Сергей.

«Господь, — писал он, — возложил на нас великое и чрезвычайно ответственное дело править кораблем нашей Церкви в такое время, когда расстройство церковных дел дошло, казалось, до последнего предела, и церковный корабль почти не имел управления. Центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии и даже приходы, которые, блуждая как ошупью, среди неосведомленности, жили отдельной жизнью и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить православие. Какая благоприятная почва для распространения всяких басен, намеренных обманов и всяких пагубных заблуждений. Какое обширное поле для всякого самочиния»¹.

Все эти печальные стороны церковной жизни привели митр. Сергия к важному решению. Он осознал, что в таком положении Русская Церковь оставаться больше не может, необходимо утвердить ее на прочном основании гражданской законности или, иными словами, достигнуть правыми средствами ее легализации.

Свое решение он обсудил с отдельными православными иерархами и, получив их одобрение, приступил к осуществлению намеченных планов. В его первую задачу входило образование при себе Временного Священного Синода в качестве вспомогательного органа и затем уже устранение в церковной жизни нестроений.

Для этой цели он пригласил в свою резиденцию несколько православных архиереев: митр. Тверского Серафима (Александрова), архиеп. Вологодского Сильвестра (Братановского), архиеп. Хутынского Алексия (Симанского), архиеп. Костромского Севастиана (Вести), архиеп. Звенигородского Филиппа (Гумилевского) и еп. Сумскаго Константина (Дьякова) — и 18 мая 1927 года приступил с ними к предварительному совещанию.

В кругу скромной обстановки митр. Сергий внес устное предложение: учредить вспомогательный орган в виде Священного Синода, полномочия которого вытекают бы из полномочий Заместителя и вместе с ними падали бы².

Предложение Заместителя не встретило возражений со стороны присутствовавших иерархов, и было постановлено создать таковой вспомогательный орган.

В состав проектируемого Священного Синода вошли все вышеуказанные иерархи с включением в него и митр. Новгородского Арсения (Стадницкого).

¹ Послание митр. Сергия и Врем. при нем Патр. Сян. Пресвящен. Архиеп. пастырям и всем верным чад. Св. Православной Росс. Церкви от 18/31 дек. 1927 г. См. Архив М. М. № 32.

² Циркуляр митр. Сергия и Врем. при нем Патриаршего Синода от 12/25 мая 1927 года на имя еп. Петергофского Николая. См. Архив М. М. № 21.

Список членов Синода был передан митр. Сергием на утверждение гражданской власти.

20 мая 1927 г. на имя и. д. Патриаршего Местоблюстителя была получена справка за № 22-4503-62, которой предоставлялась возможность членам Синода беспрепятственно приступить к деятельности¹.

Итак, первая цель была достигнута: митр. Сергей и его Врем. Патриарший Синод получили легализацию.

Не ограничиваясь легализацией одного только Синода, митр. Сергей 12/25 мая 1927 года циркулярно предложил всем епархиальным и викарным архиереям, а также состоящим при них Епархиальным Советам получить регистрацию от гражданской власти и на законных правах включиться в общий организм церковного управления Русской Православной Церкви².

Вслед за этим он вместе с членами Патриаршего Синода приступил к написанию декларации, предназначенной для опубликования через прессу всем верным чадам Русской Церкви.

Правда, подобная декларация была уже подготовлена митр. Сергием еще весной 1926 года, но она не была проведена в жизнь: какие-то непредвиденные обстоятельства воспрепятствовали ее опубликованию. Требовалась, очевидно, при новой обстановке и новая декларация.

Декларация была составлена. Окончательный текст послания был подписан митр. Сергием и членами Синода 16/29 июля 1927 г.

Настоящим посланием митр. Сергей и Синод не только выразили свою полную лояльность к Советскому Правительству, но и как бы включили себя в самый организм Отечества так, что его (Отечества) радости и успехи или неудачи всецело становились как бы радостями и неудачами самой Русской Церкви.

Это был если не совсем новый, то, во всяком случае, для некоторых неожиданный курс церковной политики, взятый митр. Сергием.

Характерно, что на этот путь он вступил смело и бесповоротно, с мольбой о том, чтобы те, кто не может изменить сразу своего настроения в пользу новой политики, отошли бы на время от церковных дел до тех пор, пока бы лично не убедились в правоте нового церковного курса, предпринятого им в отношении к Советской Власти.

Послание было отпечатано в 5000 экземплярах и разослано по епархиям и приходам³. Оно же было опубликовано в «Известиях ЦИК» от 19 августа 1927 года.

Если строго подходить к декларации митр. Сергия и Синода, то она в церковном обществе явилась как бы своего рода таким орудием (инструментом), которым точно определялась степень того или иного отношения разных церковных лиц к Советской Власти.

¹ Циркуляр митр. Сергия и Врем. при нем Патриаршего Синода от 12/25 мая 1927 года на имя еп. Тетергофского Николая. См. Архив М. М. № 21.

² Там же.

³ Уральские Церк. ведом., 1927 г., № 14—15, стр. 1.

И надо признать за истину, что большинство церковного общества не взшло еще на ту ступень отношения к новому государственному строю, на которую взшли митр. Сергей и Временный при нем Патриарший Синод. Это и послужило причиной, что православные разделились в своих взглядах как на самое послание, так и на церковную политику митр. Сергия.

В ходе раскрытия исторических причин нам важно теперь выяснить создавшееся отношение православной иерархии к посланию и к новому направлению церковного корабля, избранному митр. Сергием.

Прежде всего необходимо выяснить, как отнесся ко всему этому Патриарший Местоблюститель митр. Петр.

В то время, когда декларация митр. Сергия была опубликована в печати, митр. Петр находился в поселке Хэ Обдорского р-на Тобольского округа. Вместе с ним пребывал и епископ Спасо-Клепиковский, вик. Рязанской епархии Василий (Беляев). Там же он через газету ознакомился с посланием и новым направлением своего Заместителя. Какое он вынес суждение о послании и действиях митр. Сергия, об этом узнаем из доклада Заместителю и Патриаршему Синоду еп. Василия (Беляева), которому митр. Петр поручил передать свои взгляды митр. Сергию.

Вот что он докладывал:

«С 1 августа по 23 сентября я прожил в поселке Хэ Обдорского р-на Тобольского округа, вместе с митр. Петром Местоблюстителем, и, по его поручению, должен Вам сообщить нижеследующее: Владыка получил возможность (из газ. «Известия») прочитать декларацию нынешнего Православного Синода и вынес от нее вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего момента, совершенно не касаясь ее некоторых абзацев. Владыка Митрополит просил передать его сердечный привет Митрополиту Сергию и всем знающим его.

Смиренный послушник Вашего Святейшества
епископ Василий, викарий Рязанский»¹.

Исходя из доклада еп. Василия, мы видим, что Патриарший Местоблюститель признал декларацию как необходимое явление того времени, а отсюда, следовательно, и новая церковная политика митр. Сергия была признана им как явление, не противное Христовой истине.

Иначе судить о действиях своего Заместителя митр. Петр не мог. Он ясно понимал, что митр. Сергей, делая такой смелый шаг к изменению церковной политики в отношении Советской власти, делал это не ради каких-либо земных целей или нарушения церковных принципов, а исключительно ради церковного блага при создавшихся внешних и внутренних политических обстоятельствах.

¹ Доклад еп. Спасо-Клепиковского Василия от 11 ноября 1927 г. См. Архив М. М., № 3.

Немного иначе отнеслись к посланию и политике митр. Сергия «Соловецкие» епископы.

Мы располагаем одним весьма важным историческим документом, написанным соловецким епископством по поводу послания митрополита Сергия, в котором со всей ясностью выражено отношение соловецких архиереев к политике Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

«1. Мы, — писали соловецкие епископы, — одобряем самый факт обращения Высшего Церковного Учреждения к Правительству с заверением о лояльности Церкви в отношении Советской власти во всем, что касается гражданского законодательства и управления.

Подобные заверения, неоднократно высказанные Церковью в лице почившего Патриарха Тихона, не рассеяли подозрительного отношения к ней правительства; поэтому повторение таких заверений нам представляется целесообразным.

2. Мы вполне искренно принимаем чисто политическую часть послания, а именно:

а) Мы полагаем, что клир и прочие церковные деятели обязаны подчиняться всем законам и правительственным распоряжениям, касающимся гражданского благоустройства государства.

б) Мы полагаем, что тем более они не должны принимать никакого ни прямого, ни косвенного, ни тайного, ни явного участия в заговорах и организациях, имеющих целью ниспровержение существующего порядка и формы правления.

в) Мы считаем совершенно недопустимым обращение Церкви к иноземным правительствам с целью подвигнуть их вооруженному вмешательству во внутренние дела Союза для политического переворота в нашей стране.

г) Вполне искренно принимая закон, устраняющий служителей культа от политической деятельности, мы полагаем, что священнослужитель, как в своей открытой церковно-общественной деятельности, так и в интимной области пастырского воздействия на совесть верующих не должен ни одобрять, ни порицать действий Правительства.

3. Но мы не можем принять и одобрить послания в его целом, по следующим соображениям:

а) В абзаце 7-м мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и Государства...

б) Послание приносит правительству «всенародную благодарность за внимание к духовным нуждам православного населения». Такого рода выражение благодарности в устах главы Русской Православной Церкви не может быть искренним и потому не отвечает достоинству Церкви...

в) Послание Патриархии без всяких оговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и Государством возлагает на Церковь...

г) Послание угрожает исключением из клира Московской Патриархии священнослужителям, ушедшим с эмигрантами, за их политическую деятельность, т. е. налагает церковное наказание за политические выступления, что противоречит постановлению Всероссийского Собора 1917—1918 гг. от 3/16 августа 1918 года, разъяснившего всю каноническую недопустимость подобных кар и реабилитировавшего всех лиц, лишенных сана за политические преступления в прошедшем (Арсений Мациевич, свящ. Григорий Петров).

4. Наконец, мы находим послание Патр. Синода неполным, недоговоренным, а потому недостаточным...»

Соловки. 1927 г., 14/27 сентября.¹

Как гласит содержание документа, соловецкие епископы одобрительно отнеслись к самому факту заверительного обращения митр. Сергия к Правительству, и все то, что касалось лояльного отношения Церкви к Государству, они признали как явление положительное.

Но такая оценка политики Заместителя дана только принципиальной стороне его деяний, однако в той части, где дело касалось христианской совести, там они фактически не могли полностью согласиться с митр. Сергием и вынуждены были чрез отвержение этой стороны послания отвергнуть и в этом направлении его политику.

Но, отвергая отдельную и очень малую часть послания и самой политики митр. Сергия, соловецкий епископат в принципе был согласен с его общей политикой и декларацией.

Об этом, кроме вышеуказанного документа, подтверждает прот. И. Шастов, проживавший тогда вместе с соловецкими епископами.

Вот что он пишет в своем донесении митр. Сергию: «По прочтении означенной декларации и суждению о ней было вынесено определенное заключение: декларацию считать необходимым актом, свидетельствующим лояльное отношение к государственной власти и не нарушающим ни догматического, ни канонического учения. А потому приемлемой „для нас“»².

Миротворческий дух среди соловецкого епископата поддерживал архиеп. Иларион (Троицкий). Он умел мудро определять самое существенное в политике митр. Сергия и из этого делать правильный вывод. К его мудрости прислушивались не только соловецкие епископы, но и другие иерархи, находившиеся в иных епархиях.

В ноябре месяце 1927 г., когда иосифлянство уже начало свое развитие, среди соловецкого епископата, под действием разных дошедших до него отрицательных слухов, появилось колебание относительно политики митр. Сергия и его Синода. Это колебание, при известных условиях, могло бы перейти в более активное действие, направленное против Заместителя. Однако мудрость и авторитет архиеп. Илариона развеяли создавшееся среди соловецкого епископата колебание. Он сумел созвать епископов (до 15 человек) в келье архим. Феофана и там вместе с ними единодушно постановить о полном своем согласии с политикой митр. Сергия. «Никакого раскола, — возгласил архиеп. Иларион, — будем хранить верность Православной Церкви в лице митр. Сергия»¹.

Что бы ни стали нам говорить и кто бы ни был, мы должны на это смотреть как на провокацию, желающую нас разделить с митр. Сергием и его Синодом, а потому мы должны держаться единства»².

Итак, соловецкий епископат под действием архиеп. Илариона признал политику митр. Сергия положительной и стал твердо на его сторону.

Однако следует отметить, что среди соловецких епископов были отдельные иерархи, которые несочувственно отнеслись к политике митр. Сергия, но и они до времени были удерживаемы архиеп. Иларионом в единодушии с остальными соловецкими епископами.

Если соловецкий епископат в отношении декларации и новой политики митр. Сергия стал на положительную точку зрения, заявив о своей полной лояльности к Советской власти, то остальное церковное общество разделилось в своих взглядах на несколько партий. И одна из них признавала полностью декларацию и политику митр. Сергия, другая, в духе послания соловецких епископов, отвергая одно, признавала другое, но не отходила от Заместителя; и, наконец, третья совершенно отвергнула и то и другое и стала в непримиримое отношение к митр. Сергию, а чрез это и к гражданской власти.

Такое разделение на партии объясняется исключительно психологией церковного общества, образовавшейся среди верующих ко времени издания декларации.

Мы уже отмечали, что как среди высшей, так и низшей церковной иерархии, и в большей степени среди простого народа в вопросе об отношении Церкви и Государства появилось опасение, как бы, сближаясь с последним, не изменить Христовой истине.

Их внутреннее беспокойство еще больше усилилось, когда на арену церковной жизни всплыло обновленчество, заявившее во всеуслышание о своей лояльности к советской власти и объявившее свою Церковь демократическою. Вследствие этого некоторые православные иерархи и рядовые пастыри, а в большей степени

¹ Архив М. М. № 1-А.

² Письмо к митр. Сергию прот. Иоанна Шастова от 16 фев. 1928 г. См. Архив М. М. № 2-б.

¹ Сведения участника совещания соловецких епископов А. М.

² Письмо к митр. Сергию прот. И. Шастова от 16 фев. 1928 г. См. Архив М. М. № 2-б.

простой народ, стали отождествлять сближение с гражданской властью с изменой Православию.

Большинство из тех, кто впоследствии ушел в иосифлячество, определяло православных по такому принципу: если кто не шел на компромиссы с советской властью, тот считался православным, а тот, кто делал какие-либо уступки или в духе митр. Сергия заявлял о своей лояльности, считался уже изменником Православия.

Характерно, что и самая борьба против обновленчества многими предпринималась не столько ради допущенного со стороны обновленцев церковного бесчиния, а сколько потому, что последние признали советскую власть.

«Нет ничего неожиданного в том, — писал митр. Сергий митр. Кириллу на его возражения, — что среди оппозиции стоят... люди, проявившие много усердия по борьбе с обновленчеством. Это говорит только о том, что многие восставали и против обновленчества не потому, что это было церковное бесчиние, а больше потому, что оно «признало советскую власть». Недаром и теперь кое-кто спрашивает, какая же разница у нас с обновленцами, если и мы «за совласть»¹.

И потому нет ничего удивительного в том, что всякая попытка со стороны высшей церковной иерархии каким-либо образом изменить сложившуюся церковную политику в сторону сближения Церкви и Государства (с психологической необходимостью) оценивалась некоторой частью православного церковного общества как нарушение чистоты Православия.

Какова сложилась настоящая психология церковного общества, лучше всего показывает нам отношение православных к декларации митр. Сергия от 16/29 июля 1927 года.

Когда верные чада Русской Церкви прочли послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Синода, то многие из них настолько были поражены его содержанием, что решили за лучшее не задерживать послания у себя и отправили его обратно автору. Почти 90% православных приходов поступили с декларацией по вышеуказанному примеру².

Вслед за этим целые потоки негодований вырвались из груди «ревнителей» Православия. И эти потоки с каждым днем все увеличивались и увеличивались. И одни из них принимали мирный характер, а другие, наоборот, превращались в кипучий гнев, готовый сокрушить на своем пути все то, что казалось несогласным с Христовой истиной.

Какие главные направления приняли протесты против послания и политики Заместителя, можно видеть из тех многочисленных посланий и писем, которые были написаны отдельными лицами к митр. Сергию.

¹ Письмо митр. Сергия к митр. Кириллу от 2 янв. 1930 г. См. Архив М. М. № 74.

² Уральск. Церк. вед., 1927 г., № 12 и 13, стр. 1.

Рассмотрим все их по порядку.

Поскольку послание митр. Сергия носило политический характер, поэтому и протест отдельных епископов и большинства мирян был направлен прежде всего против предпринятой митр. Сергием церковной политики.

Одобрив основной принцип лояльного отношения к советской власти, они, однако, были против того, чтобы Церковь снова включилась в политику и в тесный союз с государством, на что, как им казалось, толкает митр. Сергий. «Когда Церковь, — говорили они, — не была отделена от государства, она часто, помимо ее желания, втягивалась в политику. В советском государстве (отделившем от себя Церковь) последняя имеет громадные преимущества в том отношении, что она может быть в стороне от всякой политики, делая свое только церковное дело, и быть совершенно свободной от всяких влияний на ее внутренний уклад и порядки со стороны гражданской антирелигиозно настроенной власти.

Послание митр. Сергия и его Синода вновь толкает Церковь на путь союза с государством, ибо самое послание есть уже политическое выступление, как и смотрят на него и его составители и правительство¹.

Они считали, что митр. Сергий, утверждая новую политику, допустил грубую каноническую ошибку, заключающуюся в том, что он свою частную политику выдал за политику общецерковную, чего, по мнению противников декларации, не имел права делать не только митр. Сергий, но даже и сам Патриарх.

Исходя из отношений к политике, они строго отличали политику частную от общецерковной, и в зависимости от того, какая политика проводилась в данный момент церковной жизни отдельными лицами, она была либо общеобязательной, либо нет.

«Бывает частная политика отдельных членов Церкви, — утверждали противники декларации, — которую ведет лично от себя тот или иной член Церкви за своей личной ответственностью. Это еще не есть церковная политика, хотя бы так занимался политикой и сам Патриарх, это только его личная политика. Когда же политику ведет та или другая Поместная Церковь, как целостное религиозное учреждение, как организованное религиозное общество, чрез свою церковную высшую власть, такая политика суть церковная политика, т. е. политика всей этой Церкви, а не отдельных только ее членов. Если Патриарх или другой член Церкви ведет свою личную политику, то за эту политику перед Богом и перед людьми отвечает только он сам, а не вся Церковь; кроме того, для других членов нет еще обязанности присоединиться к его политике. А за Церковную политику отвечает пред Богом и пред людьми вся Церковь»².

Церковная политика, продолжали доказывать противники по-

¹ Послание трех епископов, п. 4. См. Архив М. М. № 41.

² Необходимые канонические поправки к Посланию митр. Сергия и его Священ. Синода от 16/29 июля 1927 г. Архив М. М. № 1.

слания, проводилась в Русской Церкви от самого момента крещения Руси до Октябрьской революции, и она на протяжении вышеуказанного периода оставалась одной и той же.

Когда же к управлению Россией пришла власть советов и Церковь особым декретом от 5 февраля 1918 года была отделена от Государства, тогда Поместный Собор Русской Церкви своим постановлением от 2/15 августа 1918 года упразднил общеобязательную церковную политику и предоставил на волю каждого заниматься или нет церковной политикой, но с обязательством, чтобы никто не занимался политикой от имени Церкви, а только от своего имени и не переносил на Церковь ответственности за свою или чужую политическую деятельность и чтобы не стремился вредить самой Церкви своей политической деятельностью¹.

Основываясь на утвердившемся каноническом положении членов Российской Церкви относительно политики, они признали, что митр. Сергей и его Синод проводят частную, хотя и групповую политику, и, вопреки якобы постановлению Поместного Собора, стремятся силой заставить следовать всех их политике и отлучить от Церкви тех, кто не последует этой политике².

Беспокойство православных иерархов и паствы вызывалось не только этой стороной политики митр. Сергия. Оно вызывалось еще и тем, что некоторые выражения Послания, касающиеся второго Поместного Собора и установления центрального Церковного Управления, наводили многих на мысль, не направлена ли политика митрополита Сергия к уничтожению Патриаршества.

В разных местах отдельные члены Русской Церкви ставили перед собой вопрос: «Неужели и митр. Сергей, более других обязанный своей присягой блюсти в целостности Патриаршество Всероссийской Церкви, как оплот ее в наши бурные дни, тоже решает торговать Патриаршеством и продать его за разные обещания? Неужели митр. Сергей будет такой же клятвопреступник и предатель как и ВВЦС?»³

Беспокойство это было настолько велико, что понудило некоторых из православных епископов обратиться к митр. Сергию и Синоду с убедительной просьбой, чтобы они незамедлительно издали новое разъяснение по поводу вышеуказанного волнения.

«Мы просим, — писал неизвестный епископ, — ради блага Церкви, ради сохранения доверия к митр. Сергию и его Синоду, просим митр. Сергия и его Временный Священный Синод безотлагательно издать и опубликовать яснее, не допускающее никаких двойных пониманий и толкований разъяснение, что они в своем послании от 16/29 июля 1927 года разумели не что иное, а именно свои старания о сохранении Патриаршества, этого нашего оплота, что, в частности, арзамасец митр. Сергей Страгородский не собирает-

¹ Необходимые канонические поправки к Посланию митр. Сергия и его Священ. Синода от 16/29 июля 1927 года. Архив М. М. № 1.

² Там же.

³ Там же.

ся походить в оберегании Патриаршества на современного Петру Первому Патриаршего Местоблюстителя украинца Стефана Яворского, трусливо продавшего Патриаршество за спокойное богатое житие и севшего президентом в Петровский Синод. Необходимость разъяснения для блага и мира Православной нашей Церкви крайняя»¹.

Такое отношение к Посланию и политике митр. Сергия стало уже привычным среди умеренных иерархов и простого народа, которые, не соглашаясь с его политикой, оставались с ним в молитвенно-каноническом общении и признавали митр. Сергия первоиерархом Русской Православной Церкви.

В параллель вышеуказанному направлению шло развитие и другого направления, где с иной стороны подходили к оценке Послания и политики митр. Сергия.

Если в первом случае деяния Заместителя ставились пред судом церковных канонов и постановлений Поместной Церкви, то здесь они были поставлены пред лицом Христовой истины. Лица этого направления подошли к оценке декларации и политики митр. Сергия с точки зрения истинности их содержания и направления. Они пришли к выводу, что и декларация, и политика Заместителя содержит в себе ложь и человекоугодничество. И, задавая вопрос — «может ли Церковь, которая есть «столп и утверждение истины», может ли она и ее иерархия при каких угодно случаях, для каких угодно целей становиться на путь лжи и человекоугодничества?», — ответили: «Нет», ибо это безусловно воспрещается Словом Божиим. (Деян. 4, 19; Иез. 3, 18)².

«Все, что говорят от лица Церкви, — утверждали они, — должно дышать истиной Христовой, исходить из нее, быть сообразно ей, и всякое отклонение от истины, какими бы соображениями оно ни оправдывалось, является оплеванием Пречистого Лица Христова и для Церкви, в конечном счете, оказывается всегда позорным и вредным»³.

Они не могли признать за истину то утверждение митр. Сергия и его Синода, указанное в «Послании», что напряженное отношение между Церковью и Государством вызывалось исключительно контрреволюционным настроением церковной иерархии, и считали такое утверждение ложью.

Они признавали, что столкновения между Церковью и Государством исходили не только из одних политических принципов, но, главным образом, из разности двух философских систем: материалистической и христианской (идеалистической), и что, следовательно, это столкновение неизбежно даже при отсутствии каких-либо политических выпадов со стороны отдельных церковных лиц⁴.

Характерно, что пред митр. Сергием ставили вопрос: «Мог ли бы он пред Крестом и Евангелием присягнуть, что то, что он пи-

¹ Необходимые канонические поправки к Посланию митр. Сергия и его Священ. Синода от 16/29 июля 1927 г. Архив М. М. № 1.

² Послание по поводу «Воззвания» митр. Сергия. Архив М. М. № 63.

³ Там же.

⁴ Там же.

шет в декларации, включительно до «благодарности», есть действительно голос его убеждений, свидетельство его неустранный и чистой пастырской совести?»

И, не дожидаясь ответа, говорили: «Мы убеждены и утверждаем, что митр. Сергей и его собратия не могли бы сделать этого без клятвопреступления. А может ли кто-нибудь от лица Церкви с высоты церковного амвона возвещать то, в чем он не мог бы присягнуть, как в совершенной истине?»¹

Обобщенно о создавшейся психологии церковного общества и о тех опасениях, которые высказывали лица крайнего направления, изложено в «Киевском воззвании»².

В нем яркими красками изображена внутренняя сущность настроения, которое сложилось у большинства церковного общества среди мирян и которое явилось пригодной почвой для раскола.

Среди смущавшихся политикой митр. Сергея уже поднимался вопрос об отделении от Заместителя и его Синода. И вопрос, вероятно, разрешился бы очень быстро в пользу отделения, если бы их не устранили два важных обстоятельства: ответственность за произведенный раскол и канонический разрыв с Христовой Церковью и, следовательно, потери благодатного освящения.

Те из них, кто руководствовался в жизни не одним только чувством, а и разумом, справедливо советовали не торопиться с отделением, но ожидать того момента, когда ярко определятся отрицательные, на их взгляд, плоды политики митр. Сергея, дающие полное основание к отделению.

Таковыми плодами они считали: 1) «Прекращение поминания Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра»; 2) «Созыв Собора без участия Местоблюстителя, митр. Петра, митр. Кирилла и прочих исповедников»; 3) Отмена патриаршества и т. п.»³

Ожидание этих плодов и надежда на то, что митр. Сергей и его Синод изменит свою политику, отодвигало появление раскола. К числу ожидавших принадлежал митр. Иосиф (Петровых) и его единомышленники.

Прежде чем перейти к изложению еще одной причины, способствовавшей появлению раскола, необходимо хотя бы кратко дать правильную характеристику деянию митр. Сергея, имеющему непосредственное отношение к проводимой им церковной политике.

Отдельные группы церковного православного общества (епископы, священники и миряне), как выше было указано, осудили митр. Сергея за его послание и его деяния, направленные к легализации Церкви, и тем самым набросили тень на светлую личность выдающегося иерарха. Необходимо признать, что такое осуждение

¹ Киевское воззвание по поводу «Послания» митр. Сергея, нояб. 1927 г. Архив М. М. № 25.

² Там же.

³ По поводу «Воззвания» митр. Сергея. Архив М. М. № 64.

исходило из ложного понимания ими действий и слов Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Что именно это так, об этом со всей очевидностью свидетельствует подлинное деяние митр. Сергея. Каково же оно есть по существу?

Издавая послание, Заместитель имел ввиду единственную цель засвидетельствовать открыто советскому правительству о полной аполитичности Церкви и чрез признание Церковью гражданской власти и повиновение ей получить право легализации. Цель, как видим, весьма благая.

В сущности своей эта цель заключала в себе решение вопроса, причем вопроса вечного и большого, об отношении Церкви к государству.

Митр. Сергей этот вопрос, на основании истории Церкви и Евангелия, решил в положительном смысле, в смысле установления лояльных отношений, при которых государство получает от Церкви признание и подчинение, а Церковь от государства — признание и свободу, т. е. признание ее права на свободное существование, причем предполагается, что ни Церковь не будет вмешиваться в дела государственные, ни государство не будет вторгаться в область церковную, как в сферу дел, ему не принадлежащих.

Можно ли осуждать за такое решение вопроса митр. Сергея? Ответ может быть только отрицательный.

То, что сделал Заместитель, согласуется с Евангелием и с историей и заключает в себе пользу для Церкви.

Сам Господь Иисус Христос примером Своим освятил союз верующих с государством, когда повелел Петру уплатить пошлину за Него и за себя (Мф. 1., 24—27). На вопрос искусителей: «следует ли платить подать кесарю» — ответил повелением: «воздадите кесарево кесареви» (Мф. 22, 16—22).

Характерно, что власть, которой необходимо было повиноваться, была ненавистной иудеям.

Ап. Павел, хотя и видел, что языческая власть восставала на Христа и Его Церковь, однако писал: «всяка душа властям предержащим да повинуется» (Рим. 13, 1).

Церковь, неизменно сохраняя верность Христу, всегда покорялась тому государству, в котором она находилась и с каждым из них заключала союз. К примеру, когда Византией овладели турки, то Греческая Церковь сразу же постаралась войти в соглашение с турецким правительством, и до сего времени она получает от него свои гражданские права.

Древняя Церковь во времена мучеников тяготилась своим святым бесправием и всегда стремилась к тому, чтобы выйти из своего нелегального положения. В лице христианских апологетов она обращалась к языческой, богоборческой власти и убеждала ее прекратить гонения и даровать свободу Церкви, потому что христиане были лояльно настроены к правительству.

В сущности своей послание митр. Сергея — это новая апология Церкви в защиту ее прав на устроение канонической жизни под покровом гражданской законности.

Христовая Церковь на земле не может существовать иначе, как только в союзе с государством. Бесправное положение не может продолжаться долго.

Церковь, находясь в атеистическом государстве, должна либо страдать от своего бесправия, либо получить легализацию. Что же лучше для Церкви, первое или второе, т. е. страдание или же союз (союз исключительно правовой) с атеистической властью? Нет сомнения, что второе лучше.

Это лучшее и избрал митр. Сергей. Он правильно оценил, что неразумно свертать великое множество «малых сих» в горнило искушений, и что развитие нормальной жизни церковной может проходить только в правовом союзе Церкви и Государства. И потому, когда государство легализовало Церковь, митр. Сергей воспользовался этим правом, увидев в этом только одну пользу для Церкви.

Необходимо отметить, что Заместитель фактически завершил дело, начатое еще Патриархом Тихоном, который всеми силами стремился достигнуть мирного устроения церковной жизни.

Считаем небесполезным поместить письмо одного православного епископа, в котором дается правильная оценка деянию митр. Сергия и тем протестам, которые были направлены против Заместителя от разных лиц.

Вот что он писал митр. Сергию:

«Ваше Высокопреосвященство,
Всемиловитый Архипастырь и Отец!

Вчера от духовного Вашего сына, моего господина и отца благостнейшего Архипастыря архиепископа Аверкия получил я письмо, с содержанием которого в некоторой части считаю своим нравственным долгом познакомить и Ваше Высокопреосвященство. В Холжении на собрании епископата 24 сентября ст. ст. (трое мне близко известных — Аверкий Кедров, Валериан Рудич Герман Ряшенцев и двоих не знаю) постановлено: легализацию — регистрацию — приветствуем. Послание митр. Сергия принимаем. Если для легализации потребовалось бы кому-либо вообще и кому-нибудь из нас в частности уйти на покой, согласиться и на это, только чтобы легализация все же прошла. Про себя архиеп. Аверкий в письме пишет, что у него лично такое отношение было с самого начала. Я всегда готов был сказать с Григорием Богословом «если я Иона — бросьте меня в море». И теперь Владыка Аверкий радуется, что достигнуто соглашение, что его собратия приняли его формулу отношения. Отрадно и приятно было читать эти слова Владыки Аверкия, в них чувствовалось что-то свое, родное. Мой господин и я верили в честность и мудрость Вашего Высокопреосвященства. Верим, что Вы лучше других можете вывести церковный корабль на свежую воду в открытое море для плавания.

Утешает нас отзыв обители «Божидара» б. «Волоколамского», было много мук и головоломок, печение митр. Сергия, по сравнению с другими прежними изделиями, вышло чище, вкусней и долговечней. Конечно, не мало есть людей, которые стараются дискредитировать и личность и дело Вашего Высокопреосвященства из-за сведения личных счетов или для устроения своих партийных дел, а также и за граница пытается удержать за собою автокефалию, а те, говорят, делай как знаешь, — но мы по всему тому, что нам известно, заключаем о мудрых ходах Вашей работы. И вот в то время, когда другие посевают большую разруху церковную на радость желающим ее критикованием и осуждением Ваших деяний, потому что, живя в стороне, легко и безответственно сие можно проделывать, мы желаем Вас и просим Господа Бога согреть сердца всех недовольных, неудовлетворенных посланием и преисполнить его тревогой не за себя лично, но за благо и судьбу нашей дорогой Церкви родной. Помогите Вам, Господи. В таком деле как Ваше — установить повсеместно добрые нормальные отношения Православной Церкви со Властью при условиях переживаемого времени — не обойдешься без терния, хулы и клеветы. От души желаю полного успеха предпринятому Вашим Высокопреосвященством делу, испрашивая Божией помощью на Ваш труд, пребываю к Вам сыновнею почтительностью и любовью Вашего Высокопреосвященства. Недостойный послушник и богомолец

Максим, Епископ Полонский¹

13/26 окт. 1927 г.

Как видим, еп. Максим (Руберовский) и другие указанные в письме архиереи правильно оценили действие митр. Сергия, считая его (действие) «чистым», «долговечным», «мудрым» и направленным ко благу Церкви, в то время как критикующие и осуждающие деяния Заместителя поступают так из-за «сведения личных счетов или для устроения своих партийных дел».

Итак, необходимо признать, что деяния митр. Сергия носят только положительный характер.

Легализация Церкви достигнута им не ценою унижения и челоукоугодничества, как думают обвинители, а исключительно правовыми путями, поскольку союз Русской Православной Церкви с атеистической властью утверждался не на внутренней солидарности с ее материалистическими взглядами, а только на правовых отношениях к советскому правительству.

При таком контакте Церкви и государства всякий верующий человек, повинясь гражданской власти и выполняя ее требования, касающиеся правового порядка, а не веры, мог свободно отправлять свои религиозные потребности. И если противники осуждают деяния митр. Сергия, то их осуждение теряет всякую силу, как высказанное ими по предубеждению, а не по истине.

¹ Архив М. М. № 69.

Наряду с теми причинами, которые мы указали выше, существовали и другие причины, влиявшие на возникновение иосифлянского раскола. В частности, таковой причиной являлся ошибочный взгляд большинства русского епископата на канонические полномочия Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Многие из тех, кто выражал свое неодобрение политике митр. Сергия, поступали так не потому только, что они признавали вообще отрицательной политику, но и потому, что находили ее антиканоничной, т. е. проводимой без благословения Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра. Иными словами, они считали, что деятельность митр. Сергия превышает его полномочия как Заместителя и поэтому является антиканоничной.

Чтобы наглядно убедиться в том, что неодобрявшие политику митр. Сергия ставили в вину превышение им канонических полномочий, мы приведем ряд высказываний отдельных лиц по этому вопросу.

Вот что, например, писал митр. Сергию еп. Полонский Максим (Руборовский): «Весь корень зла, вся злостная инсинуация лежит в том, что Вы действуете будто бы без благословения митр. Петра, что митр. Петр будто бы дал право заниматься текущими неважными делами. Рассейте нелепое обвинение, Отец родной!»¹.

Действительно ли это были клеветнические измышления, как утверждает еп. Максим, или это были естественные опасения скорбящих душ за судьбу Русской Церкви, существо дела от этого не меняется — факт остается фактом: обвинения подобные существовали.

«Делая то, — писал неизвестный, — что он (Заместитель) делает, митр. Сергий, во всяком случае, обязан был выполнить то, чего он сам требовал от митр. Агафангела, от бывш. архиепископа Екатеринбургского Григория и прочих претендентов на создание новых ориентаций, испросить благословения своего иерархического начальства. Ведь митрополит Сергий только и. д. Местоблюстителя, т. е. лицо не самостоятельное, долженствующее действовать во всяком случае не вопреки указаниям того, чье имя он сам возносит на Божественной Литургии, как имя своего «господина». Поэтому он должен был запросить митр. Петра о его отношении к предпринимаемому им весьма важному и ответственному шагу и только с благословения того действовать. Между тем, ни в протоколах синодских заседаний, ни в самом «Воззвании» нет и следов указаний на то, что так было сделано, и что благословение получено. Наоборот, обоснование на покойном Патриархе Тихоне (стиль автора письма) дает всякое основание заключить, что санкция от митр. Петра не получена. А если так, то это уже крупное самочиние. Насколько важно было для митр. Сергия получить благословение митр. Петра показывает то соображение, что в случае несогласия его с деятельностью своего заместителя (митр.

Сергия), этот последний сразу становится таким же «похитителем» власти, как и те лица, о которых он упоминает в своем воззвании»¹.

«Митр. Сергий, — говорится в «Киевском воззвании», — Заместитель Местоблюстителя Патриарха, который хотя и отделен от нас тысячами верст..., однако, благодарение Богу, — еще жив, является ответственным за Русскую Церковь пред Богом святителем и поминается во всех храмах Русской Церкви... Раз Местоблюститель жив, то, естественно, его Заместитель не может без согласия с ним предпринимать никаких существенных решений, а должен только охранять и поддерживать церковный порядок от всяких опасных опытов и уклонений от твердо намеченного пути. Митр. Сергий, «сторож» Русской Церкви, не имеет права без санкции митр. Петра и сонма русских иерархов... декларировать и предпринимать ответственные решения, которые должны определить жизнь церковного организма в каждой клеточке его.

Наличие при митр. Сергии так называемого «Переменного Синода» не изменяет положения: «Синод» митр. Сергия организован совершенно не так, как предполагает постановление Московского Собора 1918 года, он не избран соборно, не уполномочен епископатам; потому он и не может считаться представительством епископата при митр. Сергии. Он поставлен самим митр. Сергием и потому является, собственно говоря, как бы его личной канцелярией, частным совещанием при нем.

Все это говорит за то, что, поскольку Заместитель Местоблюстителя декларирует от лица всей Церкви и предпринимает ответственные решения без согласия Местоблюстителя и сонма епископов, **ОН ЯВНО ВЫХОДИТ ИЗ ПРЕДЕЛА СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ**»².

Приведенных примеров вполне достаточно для той цели, чтобы убедиться в том, что обвинения на митр. Сергия в превышении им канонической власти существовали и ярко свидетельствовали о наличии канонической основы, послужившей одной из причин в подготовке раскола.

Но нас интересуют сейчас не сами обвинения, которые явились фактически как бы выражением того, что сложилось в сознании иерархического сословия предшествующими событиями церковной жизни, а каноническое определение тех полномочий, которые по преемству, в силу завещания, перешли от Патриаршего Местоблюстителя к митр. Сергию, иными словами, нас интересует выяснение канонического взгляда русского епископата на иерархические полномочия митр. Сергия в деле управления им Русской Церковью.

Начнем изложение этого отдела с завещания митр. Петра, которым определялся объем полномочий митр. Сергия.

¹ Архив М. М. № 63.

² Киевское воззвание. Ноябрь 1927 г. Архив М. М. № 25.

¹ Письмо еп. Максима к митр. Сергию от 13/26 окт. 1927 г. Архив М. М. № 69.

6 декабря 1925 г., за несколько дней до своего удаления от управления, митр. Петр оставил завещание следующего содержания: «В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя, временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященнейшему Сергию, Митрополиту Нижегородскому. Если сему Митрополиту не представится возможным осуществить это, то будет... Экзарх Украины Высокопреосв. Митр. Михаил, а если и он будет лишен возможности..., то Высокопреосв. Иосиф, архиеп. Ростовский. Возношение за Богослужениями моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным»¹.

Как гласит содержание завещания, обязанности Патриаршего Местоблюстителя переходили одному из указанных кандидатов без всякого ограничения, именно в объеме тех полномочий, которые принадлежали Местоблюстителю. За митрополитом же Петром оставался только титул и право возношения его имени за богослужением. Таким образом, если строго исходить из самого содержания завещания, то следует признать, что митр. Сергей воспринял в полноте права Патриаршего Местоблюстителя. Но при ясности вытекающих полномочий из завещания, остается, однако, неясным самый объем полномочий Патриаршего Местоблюстителя, а отсюда, следовательно, и полномочия митр. Сергея как Заместителя также остаются неясными.

Необходимо поэтому решить вопрос — какой объем полномочий принадлежал Патриаршему Местоблюстителю? Исчерпывающий и вполне правильный ответ на поставленный вопрос дает митр. Нижегородский Сергей, рассуждениями которого мы и воспользуемся в нашем труде.

«По действующим церковным правилам, — говорит митр. Сергей, — титул Местоблюстителя Патриаршего Престола усваивается иерарху, который временно исполняет обязанности первого епископа данной Церкви *Sede vacante*, т. е. в период времени с освобождения Патриаршей кафедры (за смертью или ухода Патриарха от должности) и до избрания нового Патриарха. Предусматривается должность Местоблюстителя и Положением о нашем Высшем Управлении, выработанным на Соборе 17-18 гг.»².

В соответствии с этим на первый взгляд кажется, что и митрополит Петр своим положением солидарен с общецерковным порядком, и что его полномочия ограничиваются тем объемом, который предусмотрен правилами Поместного Собора о Местоблюстительстве. Но это только кажется, а в действительности существует весьма большая разница.

Как нам известно, митр. Петр носил титул «Патриарший Местоблюститель», а не «Местоблюститель Патриаршего Престола», как предусмотрено правилами, и в этой с виду незначительной разнице в терминологии скрывается существенное различие в объеме

¹ См. Елевферий митр. Соборность Церкви, стр. 196.

² Журнал Московской Патриархии, 1931 г., № 1, стр. 3.

полномочий Патриаршего Местоблюстителя от Местоблюстителя обычного.

Обычный Местоблюститель при нормальном течении церковной жизни после смерти Патриарха избирается Священным Синодом и Высшим Церковным Советом — учреждением, которому фактически переходит вся полнота канонической власти. И он (Местоблюститель) выступает как временный Предстоятель данной Поместной Церкви, как ее первый епископ.

Подобный Местоблюститель «не пользуется ни авторитетом Патриарха, потому что избирается только на время, до избрания нового Патриарха», ни полнотой Патриаршей власти, так как он остается членом Священного Синода и его Представителем и может действовать только по полномочию Синода и нераздельно с ним.

«Эту ограниченность полномочий Местоблюстителя подчеркнул и Российский Собор 1917—1918 гг., определив, что Местоблюститель не имеет Патриаршего права возношения его имени по всем церквам Патриархата, а также права обращения от своего имени с посланиями ко всероссийской пастве. И то и другое Местоблюстителю предоставляется только совместно со Священным Синодом.

Само собою понятно, что у такого Местоблюстителя не может быть заместителей. Источник его полномочий — Синод, который, в случае нужды, всегда может перенести эти полномочия на другое лицо с тем же титулом»¹.

Совершенно иным и с другими полномочиями является Патриарший Местоблюститель митр. Петр.

Последний получил свои полномочия не от Синода и не совместно с Синодом, а непосредственно от Патриарха.

«Знаменательно, — рассуждает по этому поводу митр. Сергей, — что ко дню смерти Патриарха из всего столь широко на соборе задуманного аппарата остался один Патриарх. Он один сохранил свои полученные от Собора полномочия на управление Российской Церковью. Срок полномочий членов Синода и Высшего Церковного Совета уже давно истек, и они не могли более принимать участия в управлении. Существовавший при Патриархе Синод из трех архиепископов, а потом — митрополитов, полномочий от Собора не имел, был собран по личному приглашению Почившего и с его смертью терял полномочия. Таким образом, рядом с Патриархом не оказывалось Собором уполномоченного учреждения, которое бы, участвуя в высшем управлении Церковью, могло автоматически принять от Патриарха всю полноту порученной ему Собором Патриаршей власти и соблюсти ее до избрания нового Патриарха, избрав Местоблюстителя. Остался единственный путь к сохранению этой власти: личным Патриаршим распоряжением указать лицо, которое бы по смерти Патриарха восприняло всю полноту Патриаршей власти для передачи будущему Патриарху. Это почивший сделал своим завещанием.

¹ Журнал Московской Патриархии, 1931 г., № 1, стр. 3.

Так как вопрос шел именно о том, чтобы сохранить для Русской Церкви не в теории, но и на практике, в действии, учрежденную Собором Патриаршую власть во всей ее полноте, то в завещании и говорится определенно о переходе к одному из указанных кандидатов всех прав и обязанностей Патриарха без каких-либо ограничений. Завещание не усваивает будущему носителю Патриаршей власти титула Местоблюститель, что давало бы повод приравнивать к обыкновенному Местоблюстителю и тем ограничить его права. Уже сам Владыка Митр. Петр при вступлении в должность избрал для себя такой титул, может быть, желая этим показать, что он совсем не намерен присваивать Патриаршей власти пожизненно, а смотрит на себя только как на временного носителя этой власти для передачи будущему Патриарху. По прямому же смыслу завещания он бы должен был именоваться: «Исправляющий должность Патриарха» со всеми правами, этой должности присвоенными, в том числе и с правом обращения ко Всероссийской пастве лично от себя с посланиями и с правом возношения его имени во всех церквах Патриархата»¹.

Правда, некоторые выражали сомнение относительно канонической состоятельности единоличной передачи Патриаршества, но это сомнение теряет свою силу, если только учесть, что Собор 1917—1918 гг. предоставил Патриарху право передавать таким образом власть временному носителю в случае, когда не окажется в наличии Собором уполномоченного учреждения. И, кроме того, Патриаршее завещание при его вскрытии было единогласно утверждено соборным мнением — 37 архиереями, присутствовавшими на погребении Патриарха. О чем ими был составлен специальный акт, содержание которого мы приводим ниже.

«Убедившись в подлинности документа,— говорится в акте,— и учитывая 1—то обстоятельство, что почивший Патриарх при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Русской Церкви преемства власти, и 2—что ни митр. Кирилл, ни митр. Агафангел, не находящиеся теперь в Москве, не могут принять на себя возлагаемых на них вышеприведенным документом обязанностей, мы, архиереи, признаем, что Высокопреосвященнейший Митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнения воли почившего Патриарха должен вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя».

Далее следует 37 подписей.

Характерно, что в этом акте ясно отмечается, что почивший Патриарх не имел иного пути сохранить в Русской Церкви законное преемство Патриаршей власти и что от этой власти митр. Петр уклониться не может.

Таким образом, Патриарший Местоблюститель митр. Петр являлся законным носителем Патриаршей власти во всей ее полноте и объеме.

¹ Журнал Московской Патриархии, 1931 г., № 1, стр. 3—4.

Выяснив полномочия Патриаршего Местоблюстителя, мы сможем теперь определить и объем полномочий митр. Сергия.

Мы уже отмечали, что, по прямому смыслу завещания Патриаршего Местоблюстителя, митр. Петр передавал свои обязанности одному из кандидатов, указанных в завещании, во всей полноте и объеме своих полномочий. А так как в объем его полномочий входила вся полнота Патриаршей власти, то отсюда, следовательно, эта полнота власти перешла и к Заместителю.

Такое утверждение о полномочиях Заместителя вытекает не только из содержания завещания митр. Петра, но из исторической аналогии и из существа дела.

«Как известно,— говорит митр. Сергий,— «Заместителем» Патриарха начал себя именовать в 1922 г. покойный митр. Ярославский Агафангел, которого Святейший Патриарх, «вследствие крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения Патриарха к гражданскому суду», счел полезным для блага Церкви поставить во главе церковного управления. Титул «Заместителя» опять-таки в грамоте Патриарха не был указан, а был избран самим митр. Агафангелом. Однако, определяя свои полномочия не по техническому значению слова «Заместитель», а по существу дела, митр. Агафангел «почитал своим долгом... созвать Всероссийского Поместного Собора», который должен был дать решение всех принципиальных вопросов. Таким образом, Заместитель Патриарха, еще здравствующего, но устранившегося от управления из-за предания его гражданскому суду, признает себя облеченным всею полнотою Патриаршей власти, до созыва Поместного Собора включительно. Даже на этот созыв он не считает необходимым во что бы то ни стало добиваться каких-либо указаний от Патриарха, а между тем Собор полномочен поставить вопрос и о суде над самим Патриархом.

Настоящее положение нашего Церковного управления — во главе с Заместителем здравствующего, но устранившегося от дел Местоблюстителя — до тождества аналогично положению управления в 1922 г. при устранившемся Патриархе и фактически управлявшем Заместителе. Нет поэтому никаких оснований утверждать, будто теперешний Заместитель, в отличие от тогдашнего, должен почитаться ограниченным в правах, хотя бы в документе, передающем власть, и не было никаких оговорок об ограничении (как не было их и в 1922 году).

Таким образом, по документальным нашим данным, Заместитель облечен Патриаршей властью в том же объеме, как и заменяемый им Местоблюститель. Да и существом дела это требуется, иначе не было бы ответственного кормчего у Церковного корабля, и тогда не было бы цели вообще кому бы то ни было передавать власть. Различие между Местоблюстителем и его Заместителем не в объеме Патриаршей власти, а только в том, что Заместитель является как бы спутником Местоблюстителя: сохраняет свои полномочия до тех пор, пока Местоблюститель остается в своей должности. Ушел Местоблюститель от должности (за смертью,

отказом и под.) — в тот же момент прекращаются полномочия Заместителя. Само собою понятно, что с возвращением Местоблюстителя к управлению Заместитель перестает управлять.

За распоряжения своего Заместителя Местоблюститель ни в какой мере не может быть ответственным, и потому нельзя ожидать или требовать, чтобы Местоблюститель вмешивался в управление и своими распоряжениями исправлял ошибки Заместителя. Такое вмешательство повело бы только к еще большему расстройству церковных дел и к анархии, как и всякое двоевластие. Как самостоятельный правитель, Заместитель сам и отвечает за свое правление перед Поместным Собором¹.

Итак, с точки зрения исторического и канонического освещения Заместитель Патриаршего Местоблюстителя обладал полнотой Патриаршей власти, что давало ему полное основание делать те или иные распоряжения, относящиеся до церковного управления, самостоятельно.

Но церковная жизнь в условиях тогдашних обстоятельств повлияла отрицательно на каноническое определение российским епископатам полномочий митр. Сергия, и то, что канонически входило в объем власти Заместителя, стало считаться недействительным.

Объем полномочий митр. Сергия большинством, если не сказать всем российским епископатам, был ограничен, а сам митр. Сергий, как мы уже видели из приведенных выше примеров, был поставлен в прямую зависимость от Патриаршего Местоблюстителя.

Здесь, видимо, произошла какая-то ошибка, послужившая ограничением прав Заместителя. В чем же состояла эта ошибка? Она, вероятно, состояла в том, что большинство епископов в определении полномочий митр. Сергия исходило не из смысла завещания митрополита Петра, а из смысла технического термина «Заместитель», которым обычно обозначалась должность с правами, ограниченными сравнительно с тем, кого замещают.

Вследствие этого и стали утверждать, что Заместитель Патриаршего Местоблюстителя уполномочен последним вершить только дела, так называемые текущие, и не может брать на себя решения дел принципиальных и общецерковных².

Этот взгляд еще больше укрепился в сознании российского епископата тем, что митр. Петр, несмотря на то, что он на долгий срок лишился физической возможности управлять Церковью, оставил за собой титул и звание Местоблюстителя. При таком положении мысль не только обычного епископата, но и самого митр. Сергия как Заместителя естественно приковывалась к Патриаршему Местоблюстителю и ставила их (епископов) по отношению к митр. Петру в какую-то каноническую зависимость. В сознании русских иерархов сложилось полное убеждение в том, что митр.

¹ Журнал Московской Патриархии, 1931 г., № 1, стр. 5.

² Там же, стр. 4.

Петр является полноправным носителем канонической власти, а митр. Сергий только его временный Заместитель, который имеет дать отчет не только Поместному Собору, но и Патриаршему Местоблюстителю.

Это вело к тому, что всякие самостоятельные шаги митр. Сергия, направленные к решению принципиальных сторон церковной жизни, преломлялись в сознании отдельных иерархов как превышение канонических полномочий митр. Сергием. А это, в свою очередь, подготовляло пригодную почву для возникновения раскола.

Итак, обозревая исторические, психологические и канонические причины, мы приходим к определенному выводу, что ростки иосифлянского раскола невидимо зрели в самом организме церковно-общественной жизни, и, как только наступило благоприятное время, они пробились на поверхность и заявили во всеуслышание о своем существовании, продолжая расти и развиваться.

МИТРОПОЛИТ И ОСИФ

На развитие иосифлянского раскола большое влияние имел митрополит Иосиф, а его отказ от перевода в Одессу послужил ближайшим поводом к возникновению церковных нестроений и противодействий митр. Сергию.

Митр. Иосиф (в мире Иван Семенович Петровых) родился 15 дек. ст. ст. 1872 г. в г. Устюжне Новгородской губернии. Первоначальное образование он получил в Устюженском духовном училище, а потом в Новгородской духовной семинарии. По окончании полного курса духовной семинарии юноша Иоанн поступает в 1895 г. в Московскую Духовную академию. Здесь под покровом преп. Сергия проходят годы его учения и познания высшей богословской науки. В 1899 году он оканчивает академию со степенью кандидата богословия и на год остается профессорским стипендиатом.

Осенью 1900 г. Иоанн был утвержден и. о. доцента Московской духовной академии по кафедре Библейской истории. Начался новый этап его жизни.

26 августа 1901 г. он принимает иноческий постриг с именем Иосифа, а 14 октября — рукоположение в сан иеромонаха.

В 1903 г. иеромонах Иосиф защищает магистерскую диссертацию и назначается инспектором и экстраординарным профессором Московской духовной академии.

В 1904 г. он был возведен в сан архимандрита. Служение в духовном рассаднике продолжалось шесть лет.

В 1906 г. его переводят настоятелем Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря Холмской епархии, а в следующем году — настоятелем Юрьевской Новгородской обители.

15 марта 1909 г. архим. Иосиф был хиротонисан во епископа Угличского, 2-го викария Ярославской епархии.

В 1920 или 1921 г. с возведением в сан архиепископа его перемещают в Ростов, викарием той же епархии. Служение его в Ростове ничем особенным не отличалось. Когда началось обновленческое движение, то архиеп. Иосиф считал за лучшее остаться в стороне от какого бы то ни было участия в борьбе с обновленчеством, хотя сочувствия к последнему не имел. Он затворился в Угличском Алексеевском монастыре и оттуда продолжал управлять паствой.

В его жизни произошел какой-то неизвестный нам случай, о котором он сам упоминает в своем письме к митр. Сергию от 28 сентября 1927 г., едва не лишивший его свободы. И только заступничество М. И. Калинина, к которому он обратился с ходатайством, спасло архиеп. Иосифа от роковой минуты¹.

Трудно определить, каким авторитетом пользовался архиепископ Иосиф среди российского епископата, но в очах митр. Петра (Полянского) он казался достойным и твердым в православии иерархом, так что митр. Петр нашел вполне возможным в своем завещании от 6 декабря 1925 г. поставить его третьим кандидатом в Заместители Патриаршего Местоблюстителя.

В 1926 г. решался вопрос о замещении в Ленинградской епархии. Митр. Сергей — Заместитель Патриаршего Местоблюстителя искал такого кандидата, который бы вполне отвечал народной симпатии г. Ленинграда. Но произвести надлежащий выбор он так и не мог. Некоторые из тех, которых он назначал, одни разумно, а другие преступно отклоняли от себя свое назначение, и кафедра (Ленинградская) продолжала вдовствовать.

Между тем, многие представители верующих, не без участия, конечно, иоаннитов, связь с которыми архиеп. Иосиф не порывал, явились к митр. Сергию и настойчиво просили его назначить им в Ленинград архиеп. Ростовского Иосифа². Склоняясь на просьбы явившихся к нему просителей и, вероятно, учитывая некоторые достоинства архиеп. Иосифа, известные ему из прошлых лет, митр. Сергей назначает его Ленинградским митрополитом.

Назначение на такой высокий и ответственный пост архиепископ Иосиф принял не без смущения и не без душевной тревоги. Он ожидал новых скорбей³.

29 августа 1926 г. митр. Иосиф прибыл в Ленинград и остановился в Воронцовском подворье.

Вечером в этот день он служил всенощную св. Александру Невскому в Троицком Соборе Александро-Невской Лавры.

Служба проходила в торжественной обстановке. Очевидцы утверждают, что во время этого богослужения настроение большинства присутствующих было какое-то особенное, непередаваемое.

¹ См. Архив М. М. № 27.

² Важнейшая разница в степени канонического достоинства двух Ленинградских митрополитов — Иосифа и Серафима. См. Архив М. М. № 24.

³ См. Письмо митр. Иосифа к митр. Сергию от 28/IX-1927 г. Архив М. М. № 24.

И оно было связано не только с праздником, но, главным образом, с приездом нового митрополита.

30 августа, в самый день праздника, митр. Иосиф совершил первую Божественную литургию. По окончании литургии он всех благословлял. Народ подходил под благословение со слезами. Подобное внимание, которое оказали ленинградцы вновь прибывшему архипастырю, затронуло самое больное место митр. Иосифа: в его сердце пробудилось тщеславное чувство, и оно-то, как мы увидим ниже, сыграло немаловажное значение в подготовке раскола.

Интересно отметить, что ленинградская паства оценила митр. Иосифа как стойкого борца за чистоту Православия, и, как передает очевидец, народ почувствовал душевное облегчение и уверенность, что он (народ) находится теперь в надежных руках.

31 августа митр. Иосиф отбыл в г. Ростов Ярославский, чтобы попрощаться с своей паствой и переехать на новое место служения. Но случилось то, чего он не предвидел и чего не мог ожидать: ему был запрещен въезд в г. Ленинград. Главное обвинение, которое возводилось на митр. Иосифа и которое служило как бы основанием для запрещения ему въезда в новую епархию, заключалось в том, что якобы митр. Иосиф является тайным «иоаннитом» или покровителем иоаннитов и что якобы он тайно посвящает священники лиц, принадлежащих к этой секте¹.

Это обвинение, несомненно, было напрасным. Он, действительно, почитал о. Иоанна Кронштадтского, но почитал его только как ищеника, но не больше, и если он имел связь с иоаннитами, то только с такими, которые, как и сам митрополит, относились почтеннейшему батюшке в духе православной Церкви.

Но как бы то ни было, а оно (обвинение) имело силу, и митр. Иосиф остался в Ростове. Вместо него временно управляли: до июля 1927 г. архиеп. Гавриил (Воеводин), а затем епископ Петрофский Николай (Ярушевич).

¹ Письмо митр. Иосифа к Е. А. Тучкову от апреля 1928 года. См. Архив М. М. № 17.

ПЕРЕВОД МИТР. ИОСИФА В ОДЕССУ, КАК БЛИЖАЙШИЙ ПОВОД К СОЗДАНИЮ ОППОЗИЦИИ ПРОТИВ МИТР. СЕРГИЯ

Целый год митр. Иосиф пребывал в Ростове, не имея возможности лично управлять Ленинградской паствой.

Хотя такое явление и считалось ненормальным, однако он мирился с создавшимся положением и был намерен не покидать своего поста, имея, быть может, какую-то надежду на изменение сложившейся ситуации в его деле.

О жизни епархиальной митр. Иосиф узнавал либо из письменных докладов своих викариев*, либо из личных бесед со священниками и мирянами, приезжавшими к нему в Ростов, и на основании этого он делал соответствующие распоряжения по епархии. Все это, конечно, было хорошо, но при тогдашней церковно-политической обстановке такое явление долго продолжаться не могло: требовалось, чтобы епископ имел общение со своей паствой не через доклады и не за сотни верст, а лично и как можно ближе. И так как не предвиделось никакого улучшения в деле митр. Иосифа, то, естественно, назрел вопрос: полезно ли митр. Иосифу пребывать долее на Ленинградской кафедре?

Для решения этого и ряда других вопросов митр. Сергей 12 сентября н. ст. 1927 г. созвал сессию Свящ. Патриаршего Синода.

На этой сессии и было постановлено: для пользы дела перевести Ленинградского митр. Иосифа на Одесскую кафедру, которая много лет уже вдовствовала и особенно нуждалась в стойком иерархе, так как там укрепили свои позиции живоцерковники.

Указ о перемещении на другую кафедру, датированный 17 числом сентября, был отправлен 21 сентября на имя митр. Иосифа в г. Ростов.

Настоящим указом митр. Сергей заверил митр. Иосифа в том, что он (Заместитель) не огласит постановления Синода, касавшегося перевода, до тех пор, пока не будет вызван к нему сам митр. Иосиф. Возможно, что свое обещание митр. Сергей и выполнил бы.

* Примечание: Викариями митр. Иосифа были: еп. Димитрий (Любимов), еп. Сергей (Дружинин), еп. Серафим (Протопопов), еп. Николай (Ярушевич) и еп. Григорий (Лебедев).

если бы не произошло одно непредвиденное обстоятельство. Письмо с указом, отправленное почтой 21 сентября, неизвестно по каким причинам задержалось, а тем временем, на другой же день после отправки указа, нашлись какие-то лица — администраторы (митр. Иосиф подозревает кого-то из членом Синода), которые, вопреки заверению митр. Сергия, тайно огласили Ленинградской пастве состоявшееся постановление Синода о перемещении митр. Иосифа на Одесскую кафедру¹.

Было ли это сделано с ведома митр. Сергия или нет, нам ничего неизвестно.

Вероятнее всего, что все это было сделано без его ведома. Не было никакой необходимости митр. Сергию, вопреки своему архи-
пастырскому слову, тайно оглашать постановление Синода, когда он мог это сделать открыто и свободно, как он и поступил впоследствии со вторым указом.

Указ о перемещении митр. Иосиф получил только 22 октября, т. е. ровно через месяц после его отправления. Но о состоявшемся постановлении Синода он узнал раньше и узнал, вероятно, не непосредственно от членом Синода, а от своих пасомых, которые одни из них лично, а другие письменно сообщили ему о случившемся и выразили ему свое глубокое сочувствие.

Как же отнесся к постановлению Синода митр. Иосиф? Ответ может быть только один и только отрицательный. Постановление Синода о его перемещении на другую кафедру было воспринято им самым болезненным образом. Оно ударило своим содержанием по самым глубоким и тонким стрункам его самолюбия, и звуки протеста наполнили все его существо.

Все дело, связанное с его именем, он представил теперь в таком виде: год тому назад он был назначен митрополитом в Ленинград, причем без какого-то либо домогательства со своей стороны. Народ принял его радушно и засвидетельствовал своим признанием его избрание на Ленинградскую кафедру. И если теперь удалят его от паствы, то этим самым причинят и пастве, и ему кровную обиду. А это уже, по его мнению, большая несправедливость, допускаемая Синодом. С этим мириться нельзя. Единственно, с чем он может согласиться — это предоставить возможность архиереям, которые не могут по разным причинам пребывать в своих епархиях, проживать в соседней епархии и оттуда управлять паствой.

Свое же перемещение на Одесскую кафедру он считает незаконным и ни в какой степени не приемлемым. Пусть дело его рассудит Собор архиереев, которому он окажет полное послушание².

Свой внутреннее переживания и рассуждения он изложил в письменной форме и 28 сентября 1927 г. н. ст. отправил на имя митр. Сергия.

¹ См. Письмо митр. Иосифа к митр. Сергию от 17/30 окт. 1927 г. Архив М. М. № 65.

² Письмо митр. Иосифа к митр. Сергию от 28/IX-1927 г. См. Архив М. М. № 27.

Тщательно анализируя содержание письма, мы приходим к выводу, что митр. Иосиф в своем протесте исходил не из содержания указа митр. Сергия и Синода, а из чисто субъективных суждений.

Если в указе было сказано, что он в Одессу переводится для большей церковной пользы, то митр. Иосиф признал такой мотив ложным и выставил свой мотив, а именно: злую интригу кучки людей, не желавшей, чтобы он пребывал в Ленинграде, и которой якобы митр. Сергий теперь стремится угодить. Правда, им выставлены и другие мотивы, имевшие якобы непосредственное влияние на определение Синода об его переводе, как-то: вмешательство власти в судьбу архиереев и угождение ей со стороны Заместителя, но это были мотивы второстепенные. Главным же мотивом он признал интригу отдельных личностей, недовольных его пребыванием в северной столице. Ему казалось, что митр. Сергий, вынося о нем постановление, действовал не самостоятельно и не для пользы Церкви, а под влиянием и в пользу тех интриганов, о которых митр. Иосиф упомянул в начале своего письма.

Отсюда, следовательно, поскольку дело, по его мнению, было направлено не к пользе церковной, а к угождению страстям человеческим, соглашаться с постановлением Высшей Церковной Власти он не желал, ибо видел в этом (соглашении), с одной стороны, попустительство злой интриге, а с другой — нанесение кровной обиды своим пасомым и уступку гражданской власти.

Произошла так называемая подмена основного тезиса.

Митр. Сергий в постановлении Синода говорил о необходимости перевода в другую епархию ради большей пользы, а митр. Иосиф — о влиянии человеческой интриги на сознание Заместителя в его (митр. Иосифа) деле. Следствием такой подмены тезиса и явились те субъективные суждения, которые привел в свое оправдание митр. Иосиф. Словом, он пытался доказать то, чего фактически в постановлении митр. Сергия не было.

В этом, собственно, и заключалась основная ошибка митр. Иосифа, поставившая его на путь послушания Высшей Церковной Власти и утвердившая, как мы увидим ниже, на пути протеста против митр. Сергия.

Отправив письмо, в котором он, как мы видим, изложил свой протест против решения Синода, митр. Иосиф в нервном трепете остался ожидать либо письменного ответа на свое письмо, либо личного вызова в Синод. Ему, конечно, очень хотелось, чтобы митр. Сергий изменил свое решение и оставил бы его в звании митр. Ленинградского, но события складывались не в его пользу.

Объятый душевными переживаниями, вызванными постановлениями Синода об его перемещении, митр. Иосиф не скрыл своего протеста от Ленинградской паствы. Он не только поделился своими скорбями с прибывшим к нему епископом Димитрием (Любимовым), вик. Ленинградской епархии, но и познакомил его с содержанием своего письма, отправленного к митр. Сергию.

Последний, т. е. еп. Димитрий, не замедлил в свою очередь передать кое-кому из ленинградцев о настроении митр. Иосифа. Так от одного к другому распространялся слух о несогласии их митрополита с распоряжением Синода и производил немалое смущение и разные толки как среди духовенства, так и мирян. Правда, смущение в народе возникло еще раньше, когда неведомые лица огласили тайно постановление Синода о перемещении митр. Иосифа в Одессу, но тогда это смущение могло бы быстро прекратиться, а теперь, когда стало известно, что их любимец и «страдалец» за веру православную не согласен с решением Синода и открыто выражает свой протест против него, смущение народное достигло крайних пределов.

Оно клокотало в народных сердцах и готово было могучей лавиной обрушиться на деяния митр. Сергия и временного при нем Патриаршего Синода. То там, то здесь и особенно около храмов можно было видеть кучки людей, рассуждавших о происшедшем и открыто выражавших свой гнев против митр. Сергия.

Тогдашний временно управляющий Ленинградской митрополией епископ Петергофский Николай (Ярушевич), опасаясь, вероятно, за дальнейшую судьбу епархии, счел необходимым 9 октября 1927 года доложить в письменном виде митр. Сергию и Синоду о состоянии Ленинградской епархии. В своем докладе он, конечно, не обошел молчанием митр. Иосифа, и часть вины в недовольстве части мирян была возложена на него.

Так обстояло дело в Ленинграде. Не лучше оно было и в самом Ростове, где проживал и служил за отсутствием архиерея митр. Иосиф.

Спустя немного времени после постановления Синода о перемещении митр. Иосифа в Одессу, митр. Сергий, с той ли целью, чтобы заставить митр. Иосифа быстрее выехать к месту своего назначения, или, быть может, с еще какой-либо другой, 1 октября 1927 г. назначил из Краснодар в Ростов викарием Ярославским еп. Инокентия (Летяева).

Последний едва только приехал в Ростов, как сразу же встретил ряд неприятностей со стороны ростовцев. Нашлись такие личности, которые приезд нового епископа оценили как желание Синода удалить из города митр. Иосифа, и по этой причине они оказали полное противодействие еп. Инокентию. Некоторые жители открыто показывали свои антипатии к новому архиерею и не стеснялись в обращении с ним допускать явное неуважение.

Подобное отношение ростовских жителей крайне смутило еписк. Инокентия. Он буквально был поражен тем нерасположением, которое оказала ему ростовская паства. Правда, митр. Иосиф упрашивал его не смущаться теми грубостями, которые выказывали ему отдельные жители, и спокойно приступить к своему делу¹, но еписк. Инокентий оставался непреклонным. Он почему-то глубоко-

¹ Письмо митр. Иосифа к митр. Сергию от 17/30 окт. 1927 г. См. Архив М. М. № 65.

ко был убежден в том, что митр. Иосиф вмешивается в епархиальное управление и расстраивает церковную жизнь в епархии. И до тех пор, пока митр. Иосиф будет пребывать в Ростове, он не сможет спокойно управлять своей паствой.

Еп. Иннокентий пишет специальный рапорт и 10 октября 1927 г. отправляет его на имя митр. Сергия.

Так печально складывались обстоятельства для митр. Иосифа. Волнение произошло в двух епархиях: в Ленинградской и Ростовской — ни там, ни здесь не желали лишиться архипастырского руководства митр. Иосифа, а сам митрополит своим отказом от перемещения поддерживал в них это желание и укреплял его.

Как же отнеслись ко всему этому митр. Сергий и Священный Синод?

Когда Заместитель Патриаршего Местоблюстителя получил три письменных документа: письмо—заявление митр. Иосифа, доклад еп. Петергофского Николая и рапорт еп. Ростовского Иннокентия, то он немедленно созвал членов Синода и на сессии 12 октября (н. ст.) еще раз тщательно обсудил дело о перемещении митр. Иосифа.

Вот какое решение вынесли Синод и митр. Сергий о митр. Иосифе:

«Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Временный при нем Патриарший Священный Синод,—говорится в протоколах заседаний Священ. Синода,—слушали доклад врем. Управ. Ленинградской епархией Преосв. Петергофского Николая от 9 октября с. г., рапорт викария Ярославской епархии Преосв. Ростовского Иннокентия от 10 октября с. г. и заявление подписавшегося Ленинградским митрополита Иосифа от 28 сентября с. г., обсудив изложенное определением своим от 12 октября с. г. за № 119 постановили:

1. Принимая во внимание, что Одесская кафедра много лет вдовствовала без правящего архиерея, в коем, по состоянию современной церковной жизни, крайне нуждалась. Преосвящ. же Иосиф, считаясь Ленинградским митрополитом, не имея возможности ни жить в пределах Ленинградской епархии, ни управлять ею, да и связь митр. Иосифа с Ленинградом и епархией искусственная, ибо митр. Иосифа совсем не знают ни епархия, ни город, видевший его, как митрополита, только один раз; в Одесской же епархии митр. Иосиф будет иметь возможность и жить, и управлять,—приняв во внимание и то, что самое перемещение митр. Иосифа на Одесскую кафедру состоялось по соображениям большей церковной пользы и в соответствии с 14 ап. пр. и др. (18 Апост. и толк. на 15 правило 1 Всел. Соб.) — остаться при прежнем постановлении, т. е. считать митр. Иосифа перемещенным на Одесскую кафедру и предложить ему не соблазняться легкой возможностью жить в Ростове, что производит смущение среди верующих как в Ленинграде, так и в Ростовском викариатстве; в порядке церковных — послушания и дисциплины вступит в управ-

ление Одесской епархией, войти в надлежащие сношения с местной гражданской властью на предмет организации Епархиального Управления на началах, изложенных в указе Патр. Синода, и о последующем, как и вообще с положением дела в Одесской епархии, донести Зам. Патриаршего Местоблюстителя.

II. Предписать Преосвящ. митрополиту Иосифу прекратиться именоваться Ленинградским, на что он, по каноническим правилам, не имеет права, и принять со своей стороны возможные меры — послушанием Высшей Церковной Власти к успокоению Ленинградской и ростовской паств.

V. Врем. управляющему Ленинградской епархией, преосвящен. Петергофскому Николаю предложить (и предложено) без промедления объявить по епархии указ о перемещении Преосв. митроп. Иосифа и о прекращении возношения его имени, как Ленинградской епархии архиерея.

VI. Преосвящ. викариям Ленинградской епархии Димитрию и Серафиму предписать всякий выезд из пределов Ленинградской епархии с ведома и благословения времен. Управ. Ленинградской епархией Преосв. Николая и вообще находиться в должных к нему, как временно управляющему епархией, отношениях¹.

Как видно из постановления, митр. Сергий и Синод оставили в силе свое прежнее решение относительно перемещения митр. Иосифа в Одессу и дополнили его новыми предписаниями.

Первое постановление, как мы видели, носило сокровенный характер, поскольку оно не подлежало до времени огласке, настоящее же постановление должно было в обязательном порядке быть обнародовано ленинградской пастве.

В довершение ко всему этому, как бы для окончательного удаления митр. Иосифа из Ленинграда, временное управление Ленинградской епархией митр. Сергий возложил на себя², хотя фактически управление митрополией было оставлено за еп. Петергофским Николаем (Ярушевичем).

19 октября н. ст. постановление Синода и митр. Сергия было направлено митр. Иосифу и еп. Иннокентию в Ростов и еп. Петергофскому Николаю в Ленинград.

Вслед за этим, не без совещания, конечно, с членами Синода, митр. Сергий 8/21 октября 1927 г. издал указ за № 549 о поминовении во всех храмах Русской Церкви за богослужением держащей власти и об отмене такого поминовения всех епархиальных архиереев, находящихся в ссылках.

В издании данного указа он руководствовался такими принципами: во-первых, он считал, что моление о власти (хотя и антирелигиозной) заповедано апостолом (1 Тим. 2,2) и что, во-вторых, оно (моление) в какой-то мере послужит открытым доказательством лояльного отношения Церкви к Государству.

¹ См. Архив М. М. № 29.

² См. Архив М. М. № 1-А.

Что же касается отмены моления за богослужением о ссыльных архиереях, то он оправдывал свое действие таким соображением. Он полагал, что подобное поминовение является прямым политическим выпадом против гражданской власти, что принципиально противоречило бы его заверению о патриотическом отношении Церкви к создавшемуся в России новому государству.

Необходимо, однако, отметить, что митр. Сергей отменял поминовение ссыльных архиереев не вообще, а только в той части богослужения, где произносится моление об епископе как об епархиальном архиерее.

Поминовения же обычного, т. е. вместе со всеми православными на сугубой ектении, он не отменял.

Каждому православному христианину предоставлялось полное право подавать помяник за Божественной литургией о здравии своего епархиального, хотя и ссыльного архиерея...

Оба мероприятия митр. Сергея: постановление о переводе митр. Иосифа в Одессу и распоряжение о поминовении власти за богослужением — послужили еще большей вспышке недовольства части ленинградцев.

Почва для всяких вспышек была уже подготовлена, и потому нет ничего удивительного в том, что указанные выше мероприятия митр. Сергея и Священного Синода были встречены ленинградской паствой с большим возмущением и даже негодованием.

Во вторник, 25 октября, как было предписано постановлением Священного Синода, еп. Николай (Ярушевич) за всенощным бдением (по случаю празднования Иверской иконы Божией Матери) в кафедральном соборе Воскресения Христова г. Ленинграда ознакомил верующих с последними событиями церковной жизни и, в частности, объявил народу о состоявшемся перемещении на Одесскую кафедру митр. Иосифа, причем он указал и причины, ради которых совершился перевод.

Подчеркивая тот момент, что митр. Иосиф не может прибыть в Ленинград, еп. Николай убеждал верующих душой проститься с своим архипастырем и молитвенно напутствовать его на новое служение в другой епархии.

Сообщение о перемещении митр. Иосифа в Одессу не было новым для ленинградской паствы, об этом она (паства) знала уже из предшествующих разговоров, но тогда, собственно, были только одни слухи и разговоры, и еще теплилась какая-то искра надежды на изменение, а теперь официально во всеуслышание было объявлено об окончательном и безоговорочном решении Синода о митр. Иосифе.

Понятно, что известие о переводе митр. Иосифа в другую епархию многими ленинградцами было воспринято болезненно¹.

Они не желали мириться с этим фактом и подготавливали открытый протест мероприятий и самой политики митр. Сергея. В ка-

¹ Открытое письмо преосв. Николаю, еп. Петергофскому, Управляющ. Ленинградской епархией, от 1 ноября 1927 г. См. Архив М. М. № 61.

кой форме созрел этот протест, мы скажем ниже, а теперь остановимся на том, как отнесся к вторичному постановлению о переводе митр. Иосиф.

Мы уже говорили, что митр. Иосиф, после того как отправил свое письмо митр. Сергию, ожидал либо своего вызова в Синод, либо письменного ответа.

Ожидания оказались напрасными: ни того, ни другого не последовало. Вместо вызова и простого письма, он, к великому своему огорчению, получил выписку из постановления Священного Синода, которой подтверждалось его перемещение в Одессу.

В нем с большей силой заговорило самолюбие. Он ни в какой мере не хотел согласиться с предписаниями митр. Сергея и Синода. Все их действия казались ему теперь не только несправедливыми, но и направленными против Христовой Церкви.

Молчать об этом митр. Иосиф не мог, и потому он решил защищать себя и обличать, как он думал, ложь стоящих у власти церковных деятелей. К этому, как ему казалось, побуждал его высокий пост, на который он был поставлен.

17/30 октября 1927 г. он пишет письмо митр. Сергию, в котором пытается оправдать свои действия и показать несостоятельность некоторых обвинений, возводимых на него Синодом в последнем указе.

Митр. Иосиф пишет, что не он виноват в тех нестроениях, которые возникли в Ленинграде и Ростове, а те, кто тайно огласил первый указ, и Синод. Он считает, что его связь с ленинградской паствой не искусственная, о чем свидетельствует горячая любовь к нему пасомых. Жизнь в Ростове его не соблазняет, ибо имеет весьма скудные средства для своего существования. Послушание церковной власти оказывать он не желает, поскольку признает, что церковная власть сама находится в рабском состоянии¹.

Если строго подходить к содержанию письма, то можно заметить, что оно имеет логическую связь с первым письмом митр. Иосифа. Как там, так и здесь основной мотив нежелания перейти в другую епархию заключается, главным образом, не в пользе общецерковной, а в личной. Народ — де его «любит, уважает и даже считает невинным страдальцем за веру, и расторгать эту любовь переводом в другую епархию никто не имеет права». Ясно, что при таком взгляде на взаимосвязь между епископом и паствой ожидать какого-либо послушания Высшей Церковной Властью нельзя. Всякое действие, хотя бы и справедливое, направленное к разрыву между архипастырем и паствой будет рассматриваться уже как посягательство на любовь и взаимосвязь, а источник действий противозаконным. К этому, собственно, и пришел митр. Иосиф. Высшую Церковную Власть он признал чуждой церковному началу, а ее распоряжения — незаконными.

Характерно, что когда митр. Киевский Михаил (Ермаков) запросил митр. Иосифа телеграммой: «Благоволите уведомить Харь-

¹ См. Архив М. М. № 65.

ков Основа Зеленая 8 когда намерены прибыть на свою кафедру Одессу», он ответил: «Перемещение противоканоническое недобросовестное угождающее злой интриге мною отвергнуто»¹.

Уместно теперь решить вопрос о том, прав ли был митр. Иосиф не с точки зрения канонической, а принципиальной, в своем непослушании митр. Сергию и Синоду?

Не входя в подробное рассмотрение вопроса, можно определенно ответить, что митр. Иосиф был неправ. Как видно из его первого письма к митр. Сергию, он придерживался такого принципа, чтобы архиереи, согласно древней церковной практике, оставались в той епархии, на которую были рукоположены.

Однако в жизни этого принципа он не всегда держался, и там, где дело казалось более выгодным для его личного положения, он нарушал этот принцип. Ведь если бы митр. Иосиф строго следовал вышеуказанному принципу, то он должен был бы отказаться от своего назначения на Ленинградскую кафедру и остаться до конца своей жизни архиеп. Ростовским. Но тогда этого он не сделал. Не посчитал он также незаконным действие митр. Сергия, связанное с его переводом в Ленинград. Все казалось тогда для митр. Иосифа приемлемым и каноничным. А теперь, при тех же самых условиях, он отвергает всю законность Высшей Церковной Власти и не желает оказать ей должного послушания. И в этом, несомненно, и сказалась вся несостоятельность принципа митр. Иосифа.

А как же действовал митр. Сергей? Вполне законно и правомочно. Он, как первый епископ Русской Православной Церкви, имел все основания, в целях благоустройства церковной жизни, назначать и перемещать епископов с одной кафедры на другую. В отношении митр. Иосифа он применил достаточное каноническое основание, вполне оправдывающее его (митр. Сергия) действия.

18 правило Антиохийского Собора, которым обосновывает митр. Сергей свое постановление о перемещении митр. Иосифа, определенно говорит, что «Аще кто поставленный во епископа, не пойдет в тот предел, в который он поставлен, не по своей вине, но или по неприятию его народом, или по другой причине, от него не зависящей: таковой да участвует и в чести и служении епископском, токмо ни мало не вмешиваясь в дело Церкви, где пребывает, и да ожидает, что определит о нем совершенный собор той области, по представлении в оный дела».

Митр. Иосиф находился именно в таком положении, о котором говорит правило. Целый год он, по независящим от него причинам, не мог проживать в своей епархии, да и в будущем не представлялось никакой возможности на изменение. Отсюда, следовательно, он должен был, согласно правилу, ожидать решения о нем Высшей Церковной Власти. А церковная власть в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия, которому предоставлены были права Патриарха, определила для пользы дела (Ап. пр. 14) переместить митр. Иосифа в Одессу. И если послед-

ный не повиновался этому определению, то он поступил антиканонично и проявил греховное самочиние.

О том, что митр. Сергей имел право, ради блага церковного, переводить архиереев на другую кафедру, говорит ясно Определение Свящ. Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 гг. В примечании первом к ст. 16 во 2-й главе «Об епархиальном архиерее» так говорится: «В исключительных и чрезвычайных случаях, ради блага церковного, допускается назначение и перемещение архиереев Высшею Церковною Властью».

То же самое указывается и в ст. 18 той же главы: «Архиерей, — говорится в статье, — пребывает на кафедре пожизненно и оставляет ее только по церковному суду или по постановлению Высшей Церковной Власти, в случаях, указанных выше в примечаниях к стр. 16»¹.

ПОДГОТОВКА К РАСКОЛУ

Нам неизвестно, получил ли митр. Иосиф какой-либо ответ от митр. Сергия на свое письмо от 17/30 октября 1927 г. Возможно, что ответа никакого не было. Вероятнее всего, митр. Сергей счел за лучшее либо вызвать к себе лично митрополита Иосифа, либо послать к нему кого-нибудь из членов Синода для беседы с ним. Дело кончилось тем, что митр. Иосиф искренне заверил митр. Сергия и Синод, что он молча и добровольно отойдет в сторону от церковной жизни и что ни на какой раскол не пойдет и даже подчинится «беззаконной» над ним расправе — вплоть до запрещения и отлучения², однако подобное заверение было только до времени. Ниже мы увидим, во что вылилось его заверение, а теперь отметим, что митр. Иосиф действительно на какой-то срок отошел от церковной жизни и молча наблюдал из Ростова Ярославского за ходом событий, возникавших на церковной арене.

В то время, когда происходил спор между митр. Сергием и митр. Иосифом, в Ленинграде шла усиленная подготовка к оппозиции и расколу.

Выступление еп. Петергофского Николая (Ярушевича) в кафедральном соборе Воскресения Христова во вторник 25 октября н. ст. 1927 г. не прошло бесследно.

Оно, как мы видели, произвело на слушателей тяжелое впечатление, и у одних оно вызвало слезы, у других споры, а у третьих внутреннее негодование.

Нашлись такие лица, которые не ограничились одним устным осуждением выступления еп. Николая, они решили в письменной форме изложить ему свой взгляд на постановление Синода и убеждать его стать на защиту справедливости.

¹ Церковн. Ведомости, 1918 г., № 11—12, стр. 67.

² Письмо митр. Иосифа к архим. Льву, февраль 1928 года. См. Архив М. М. № 23.

Письмо было датировано 1 ноября 1927 г. и за подписью «Православного мирянина» отправлено еп. Николаю.

Авторы письма не соглашались с теми доводами, которые приводил викарий Ленинградский как основание для перевода митр. Иосифа, и находили, что церковные правила утверждают обратное, т. е. не позволяют Высшей Церковной Властью переводить епископа в другую епархию без согласия последнего. Они подчеркивали, что митр. Иосиф переведен несправедливо. В заключение своего письма авторы настойчиво просили еп. Николая стать на защиту свящ. канонов и убедить Высшую Церковную Власть, чтобы она оставила митр. Иосифа на Ленинградской кафедре, и упростила гражданскую власть, чтобы она разрешила ему прибыть в Ленинград и вступить в управление епархией¹.

Характерно, что автор этого письма не оставил своего имени. Кто он был, нам неизвестно. Некоторые полагают, что автором письма был не кто иной, как сам митр. Иосиф, скрывший свое имя. Но самый стиль и сдержанный тон письма заставляют сомневаться в подобном предположении. Автором, скорее всего, мог быть какой-либо профессор б. Петроградской духовной академии. Для нас, однако, важно сейчас не установление имени автора письма, а самый факт обращения к еп. Петергофскому Николаю.

Это было небольшое облачко, предвещавшее грядущую бурю. Церковные события так быстро возникали одни за другими, что все, казалось, способствовало появлению раскола.

Митр. Сергей, как временно возложивший на себя управление Ленинградской епархией, намерен был посетить Ленинград. Объявлен был даже день его приезда, и многие с нетерпением ждали этого дня, чтобы лично высказать свое недовольство митрополиту за его якобы несправедливое отношение к ним и к митрополиту Иосифу. Но ожидания оказались напрасными: митр. Сергей не приехал. Вместо него прибыл архиеп. Хутынский Алексей (Симанский) с особым поручением от Синода.

31 октября н. ст. 1927 г. в Новодевичьем монастыре состоялась хиротония архим. Сергея (Зенкевича) во еп. Детскосельского. Народ был смущен этим событием, считая, что подобная хиротония незаконна. Детскосельская паства признавала своим епископом Григория (Лебедева) Шлиссельбургского, находившегося в то время в заключении, о нем она молилась и в новом епископе не имела никакой нужды².

Церковная атмосфера все больше и больше накалялась.

Отдельные приходы как в самом городе, так и в окрестностях, смущаемые разными церковными распоряжениями митр. Сергея и Синода, отказались совершенно выдавать денежные средства на содержание Епархиального Управления, прекратили приглашать на богослужения еп. Петергофского Николая, как сторонника сергиев-

ской политики, а многие верующие в знак протеста перестали посещать те храмы, где возносилось имя Заместителя за богослужением¹. Волна недовольства все увеличивалась. Она коснулась не только простых верующих, но и низшего духовенства.

Многие из тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту Православия, выступили теперь против митр. Сергея. Они не согласны были с той политикой, которую проводил в жизнь Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В ней они видели прямое искажение чистоты Православия и подчинение Божьего кесареви.

До времени они как-то еще мирились с новой политикой митр. Сергея и ожидали печальных ее плодов. Теперь же, когда, по их мнению, отрицательные плоды новой политики Церковной Властью были как бы налицо, эти пастыри возвысили свой голос протеста. Раскол приближался. На фоне народного недовольства видны были самые очертания его величины и широты.

Но желая, однако, предотвратить так неминуемо надвигающееся разделение, группа духовенства и мирян г. Ленинграда решила предупредить об этом митр. Сергея и, если возможно, упрости его, чтобы он изменил намеченный им курс церковной политики, от которого, как они были убеждены, исходило все зло.

Проф.-прот. Верюжский написал от имени духовенства и мирян специальное обращение к митр. Сергию, в котором указал основные пункты, являвшиеся причиной разделения.

Для установления мира в Ленинградской епархии и для предотвращения раскола он упрашивал митрополита немедленно предпринять следующие меры:

1. Отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви Государству.
2. Отказаться от перемещений и назначений епископов помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых и назначаеваемых епископов.
3. Поставить Врем. Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его учреждении в смысле совещательного органа, и чтобы распоряжения исходили только от имени Заместителя.
4. Удалить из состава Синода пререкаемых лиц.
5. При организации Епарх. Управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной Церкви, каноны, постановления Поместн. Собора 1917—1918 гг. и авторитет епископата.
6. Возвратить на Ленинградскую кафедру митр. Иосифа.
7. Отменить возношение имени Заместителя.
8. Отменить распоряжение об устраниии из богослужений мо-

¹ Обращение к митр. Сергию группы ленинградского духовенства и мирян. См. Архив М. М. № 1-А.

¹ Архив М. М. № 61.

² Письмо Н. Чепурина к еп. Мануилу от 17/30 апр. 1928 г. См. Архив М. М. № 1-А.

лений о ссыльных епископах и о возношении молений за гражданскую власть¹.

Содержание обращения важно в том отношении, что оно яркими красками рисует нам не только морально-религиозное состояние церковного общества и особенно в Ленинградской епархии, но и с достаточным основанием вскрывает главные причины, породившие иосифлянский раскол.

Судя по обращению проф. Верюжского, церковная смута в Ленинграде была вызвана не митр. Иосифом, а политикой, проводимой в жизнь митр. Сергием.

В самом начале декабря н. ст. 1927 г. обращение это было направлено Заместителю. И тем временем, пока ожидался ответ, между духовенством и мирянами, сторонниками митр. Иосифа, разрабатывался план дальнейшего действия. Участие в нем принимали уже не одни рядовые пастыри и миряне, но и епископы и представители верующих академических и народных кругов.

На общем собрании после обсуждения назревших вопросов решено было в срочном порядке, не дожидаясь ответа на свое обращение, отправить своих представителей к митр. Сергию и лично с ним в беседе выяснить основную его точку зрения на все происходившее в Ленинградской епархии. Сторонники митр. Иосифа явно спешили. Они боялись промедления. Боялись, что каждая минута отсрочки принесет для них и для их паств большой душевный вред, а для православия — измену. Им хотелось как можно быстрее либо заставить митр. Сергия изменить проводимую им церковную политику и признать ее необязательной для всех, либо, в случае несогласия, освободить себя из-под его духовной опеки и стать на самостоятельный путь.

На том же самом собрании были выделены для посольства: от высшего духовенства — еп. Гдовский Димитрий (Любимов), от низшего — проф.-прот. В. Верюжский, а имена представителей от научных работников и от мирян остались неизвестными.

Характерно, что каждый представитель, кроме представителей от мирян, снабжен был особым письмом для предъявления его митр. Сергию.

Каждое письмо или заявление было подписано теми лицами, к какому сословию относился тот или иной представитель собрания.

Письмо, посылаемое с еп. Димитрием, было подписано шестью епископами², а остальные письма — священниками и верующими из академической среды и мирянами.

О чем писали епископы и ученый мир, нам доподлинно неизвестно: их письма не сохранились. Но письмо от группы священников и мирян сохранилось. Оно было составлено прот. Феодором

¹ См. Архив М. М. № 26.

² Примечание. Имена этих епископов так и не удалось установить. Мы предполагаем, что это были викарии Ленинградской епархии: еп. Димитрий (Любимов), еп. Сергей (Дружинин), еп. Серафим (Протопопов), еп. Григорий (Лебедев) и кто-то еще двое.

Андреевым, б. доцентом Московской духовной академии и магистром богословия.

В своем обращении к митр. Сергию духовенство указывало на то, что они, повинаясь распоряжениям гражданской власти, «не надеялись иметь более тесных правовых отношений к неверующей власти и не искали их» и что так должно оставаться и в будущем. А те права, которые исходатайствовал он (митр. Сергей) для Церкви, достигнуты им «ценою крови». В своих действиях Заместитель превысил свои полномочия и тем самым нарушил единство Церкви.

Указывая на те волны, которые вызваны посланием митр. Сергия, они упрашивали Заместителя отмежить себя от собственно послания и «перерешить все канонически-неправильные деяния, совершенные им и Синодом».

Письмо датировано 26—28 ноября ст. ст. 1927 года.¹

Тон самого письма резко обличающий.

В обращении конкретно были указаны основные цели. Митрополиту Сергию предлагалось в ближайший срок либо изменить свою церковную политику, либо, в случае несогласия с его стороны, они прекратят с ним молитвенно-каноническое общение.

В таком же, вероятно, духе было написано письмо епископов и заявление представителей академической среды.

12 декабря н. ст. представители духовенства и мирян Ленинградской епархии в количестве 4-х человек во главе с епископом Димитрием (Любимовым) явились в резиденцию митр. Сергия на беседу.

Митрополит принял их радушно и в течение двух с половиной часов (с 11 до 1 ч. 30 мин.) читал их письма, задавал вопросы и отвечал.

В этом отношении большой интерес представляет для нас воспроизведение беседы одним из участников этого посещения. Имя его нам неизвестно, но он был представителем ученого мира г. Ленинграда, вероятно, какой-нибудь профессор.

Вот как передает он самый прием и беседу их с митрополитом Сергием:

— «Мы все подошли под благословение. Епископ Димитрий дал прочитать митр. Сергию письмо, подписанное шестью епископами; о. В. дал митр. Сергию прочитать письмо, составленное священниками. Наконец, мною дано было митр. Сергию заявление от верующих академических кругов Ленинграда. В промежутке между чтением этих бумаг, епископом Димитрием были даны митр. Сергию разные письма и бумаги (письмо И. Н. Влад. И. и другие). Митр. Сергей читал все это очень внимательно, медленно, но часто отрывался и делал замечания. На наши замечания он делал возражения, и, таким образом, получилась беседа.

— «Вот вы протестуете, а многие другие группы меня призна-

¹ См. Архив М. М. № 18.

ют и выражают свое одобрение, — говорил митр. Сергей, — не могу же я считаться со всеми и угодить всем, каждой группе. Вы каждый со своей колокольни судите, а я действую для блага всей Русской Церкви».

— «Мы, Владыко, — возражаем мы, — тоже для блага всей Церкви хотим трудиться. А затем, — мы не одна из многочисленных маленьких групп, а являемся выразителями церковно-общественного мнения Ленинградской епархии из восьми епископов — лучшей части духовенства; я являюсь выразителем сотни моих друзей и знакомых и, надеюсь, тысячи единомышленников научных работников Ленинградской епархии, а С. А. — представитель широких народных кругов».

— «Вам мешает принять мое воззвание политическая контрреволюционная идеология, — сказал митр. Сергей, — которую осудил Святейший Патриарх Тихон». (И он достал одну из бумаг, подписанную Святейшим Патриархом Тихоном).

— «Нет, Владыко, нам не политические убеждения, а религиозная совесть не позволяет принять то, что Вам Ваша совесть принять позволяет. Мы вместе с Святейшим Патриархом Тихоном (с указанной бумагой) вполне согласны, мы тоже осуждаем контрреволюционные выступления. Мы стоим на точке зрения соловецкого осуждения Вашей декларации. Вам известно послание из Соловков?»

— «Это воззвание написал один человек (Зеленцов), а другие меня одобряют. Вам известно, что меня принял и одобрил сам митрополит Петр?»

— «Простите, Владыко, это не совсем так, не сам митрополит, а Вам известно это через епископа Василия».

— «Да, а Вы почему это знаете?»

— «Мы знаем это со слов епископа Василия. Митрополит Петр сказал, что «понимает», а не принимает Вас. А сам митрополит Петр ничего Вам не писал».

— «Так ведь с ним у нас сообщения нет!» — сказал митрополит Сергей.

— «Так зачем Вы, Владыко, говорите сам митр. Петр признал Вас?»

— «Ну, а чего же тут особенного, что мы поминаем власть? — сказал митр. Сергей. — Раз мы ее признали, мы за нее и молимся. Молились же за царя, за Нерона и других?»

— «А за антихриста можно молиться?» — спросили мы.

— «Нет, нельзя».

— «А вы ручаетесь, что это не антихристовая власть?»

— «Ручаюсь. Антихрист должен быть три с половиной года, а тут уже десять лет прошло».

— «А дух-то ведь антихристов, не исповедующий Христа во плоти пришедшего?»

— «Этот дух всегда был со времени Христа до наших дней. Какой же это антихрист, я его не узнаю!»

— «Простите, Владыко, Вы его не узнаете, так может ска-

зать только старец. А так как «есть» возможность, то есть, что-то антихрист, то мы и не молимся. Кроме того, с религиозной точки зрения наши правители — не власть».

— «Как так не власть?»

— «Властью называется иерархия, когда не только мне кто-то подчинен, а я и сам подчиняюсь выше меня стоящему, и т. д. и все это восходит к Богу, как источнику всякой власти!»

— «Ну, это тонкая философия!»

Мы: — «Чистые сердцем это просто чувствуют; если же рассуждать, то надо рассуждать тонко, т. к. вопрос новый, глубокий, сложный, подлежащий соборному обсуждению, а не такому упрощенному пониманию, какое даете Вы».

Митр. Сергей: — «А молитва за ссыльных и в тюрьмах находящихся исключена потому, что из этого делали политическую демонстрацию».

Мы: — «А когда, Владыко, будет отменена девятая заповедь блаженства, ведь ее тоже можно рассматривать как демонстрацию?»

Митр. Сергей: — «Она не будет отменена, это часть литургии!»

Мы: — «Так и молитва за ссыльных тоже часть литургии!»

Митр. Сергей: — «Мое имя должно возноситься для того, чтобы отличить православных от «борисовщины», которые митр. Петра поминают, а меня не признают».

Мы: — «А известно Вам, Владыко, что Ваше имя теперь в обновленческих церквях произносится».

Митр. Сергей: — «Так это только прием!»

Мы: — «Так ведь «борисовщина» — это тоже только прием».

Митр. Сергей: — «Ну, а вот Синод-то, чем вам не нравится?»

Мы: — «Мы его не признаем, не верим ему, а Вам пока еще верим. Ведь Вы Заместитель Местоблюстителя, а Синод лично при Вас вроде Вашего секретаря ведь?»

Митр. Сергей: — «Нет, он орган соуправляющий».

Мы: — «Без Синода Вы сами ничего не можете сделать?»

Митр. Сергей: — (После долгого нежелания отвечать). «Ну да, без совещания с ним».

Мы: — «Мы Вас просим о нашем деле ничего не докладывать Синоду. Мы ему не верим и его не признаем. Мы пришли лично к Вам».

Митр. Сергей: — «Чем же Вам не нравится митрополит Серафим?»

Мы: — «Будто Вы, Владыко, не знаете?»

Митр. Сергей: — «Это все клевета и сплетни».

Мы: — «Мы пришли не спорить к Вам, а заявить от многих православных нас, что мы не можем, наша религиозная совесть не позволяет нам принять тот курс, который Вы проводите. Остановитесь, ради Христа остановитесь!»

Митр. Сергей: — «Эта ваша позиция называется исповедничеством. У вас ореол...».

Мы: — «А кем должен быть христианин?»

Митр. Сергей: — «Есть исповедники, мученики, а есть дипломаты, кормчи, но всякая жертва принимается! Вспомните Киприана Карфагенского».

Мы: — «Вы спасаете Церковь?»

Митр. Сергей: — «Да, я спасаю Церковь!»

Мы: — «Церковь не нуждается в спасении, а Вы сами через нее спасаетесь».

Митр. Сергей: — «Ну, да, конечно, с религиозной точки зрения бессмысленно сказать: «я спасаю Церковь», но я говорю о внешнем положении Церкви».

Мы: — «А митрополит Иосиф?»

Митр. Сергей: — «Вы его знаете только с одной стороны; нет, он категорически не может быть возвращен»¹.

В беседе, как видим, вскрываются два совершенно противоположных взгляда на взаимосвязь Церкви и государства: один взгляд митр. Сергия и единомышленного ему епископата, а другой — иосифлян.

Взгляд митр. Сергия явно преобладал над последним. Если иосифляне и подобные им смотрели на совершавшиеся события каждый с своей «колокольни», т. е. не во всем объеме совершавшихся фактов, то Заместитель смотрел на все это в целом. Отсюда, как следствие, для первых казалось совершенно противоположным не только внешнее, правовое сближение с антирелигиозной властью, но и вообще признание властью советского правительства. В их понимании властью можно было называть только такую власть, которая своими корнями восходила бы к Богу, иными словами, власть должна быть только религиозной. Здесь наблюдался уже крайний взгляд противников митр. Сергия. Он заключал в себе узко-национальное понимание христианства и подмену идеи Вселенской Церкви идеей православно-русского государства, что ни в какой мере не согласовалось с учением Христовым о царствии Божием. Можно не сомневаться в том, что подобный взгляд образовался у них под действием эсхатологических веяний иоаннитов и Нилуса, проповедавших близкий конец мира и внушавших, что с уничтожением монархии наступит гибель Православия. Отсюда понятно, почему иосифляне так упорно стремились отождествить советскую власть с антихристом и не сходить с своих ложных позиций.

Митр. Сергей имел совершенно противоположные убеждения и взгляды.

Жизнь церковную он рассматривал во всем ее объеме и находил, что для Церкви полезнее сохранить свое внешнее положение среди нового государства. Опасности для Православия со стороны атеистической власти митр. Сергей не видел, поскольку правительство обещало не вмешиваться во внутреннюю жизнь Церкви.

Мы можем смело сказать, что Заместитель Патриаршего Местоблюстителя в беседе с иосифлянской группой показал принци-

¹ См. Архив М. М. № 59.

пиальность своих взглядов, основанных на правильном понимании совершавшихся событий, и ни на йоту не поколебался в своих убеждениях, хотя его противники и угрожали ему своим отходом.

Он оценил, что отпадение в раскол отдельной части церковного организма будет менее болезненным для Церкви, чем раздробление всего организма Русской Церкви вследствие ее нелегального положения в советском государстве.

Не достигнув никаких результатов от своей беседы, делегация удалась.

В среду 1/14 декабря в 7 час. 10 мин. утра митр. Сергей принял одного из приходивших к нему на беседу, а именно представителя от ученого мира, и передал ему в письменной форме ответ на шесть (из восьми) пунктов обращения духовенства и мирян, составленного проф. — прот. В. Верюжским.

Вот что ответил им митр. Сергей:

«1. Отказаться от курса церковной политики, который я считаю правильным и обязательным для христианина и отвечающим нуждам Церкви, было бы с моей стороны не только безрассудно, но и преступно.

2. Перемещение епископов — явление временное, обязанное своим происхождением в значительной мере тому обстоятельству, что отношение нашей церковной организации к гражданской власти до сих пор оставалось неясным. Согласен, что перемещение часто — удар, но не по Церкви, а по личным чувствам самого епископа и паствы. Но, принимая во внимание чрезвычайность положения и те усилия многих разорвать церковное тело тем или иным путем, и епископ, и паства должны пожертвовать своими личными чувствами во имя блага общецерковного.

3. Синод стоит на своем месте, как орган управляющий. Таким он был и при Патриархе, хотя тоже состоял из лиц приглашенных.

4. О митрополите Серафиме я не знаю ничего, кроме сплетен и беспредметной молвы. Для опорочения человека нужны факты, а не слухи. Не люблю его за то, что он, имея некоторый кругозор, не остался при наших взглядах на наше государственное положение. А епископ Алексей допустил в прошлом ошибку, но имел мужество ее исправить. Притом, он понес такое же изгнание, как и некоторые из его теперешних недоброжелателей.

5. Устройство епархиального управления и, в частности, положения vicарных епископов соответствует положению, выработанному на Соборе 1917—1918 гг. Беда только в том, что, вследствие давнего отсутствия в Ленинграде епархиального архиерея и епархиального управления, эта инструкция позабыта, и vicарные архиереи привыкли действовать независимо.

6. Устранено не моление за суших в темницах и пленении (в ектении оно осталось), а только то место, которым о. о. протодиаконы, в угоду известным настроениям, иногда злоупотребля-

ли, превращая молитвенное возгласие в демонстрацию. Ведь не нужно забывать, что богослужение (литургия верных) у нас совершается не при закрытых дверях, как в древности, а публично, и потому подлежит правилам всяких публичных собраний. Моление же за власть является только естественным следствием нашего гражданского ее признания. Не поминали мы ее (Патриарх, впрочем, и сам поминал и делал распоряжения о поминовении) только потому, что не решались открыто сказать, что мы ее признаем.

Подлинный подписал Сергей, митрополит
Нижегородский.

1/14 декабря 1927 г.¹

Ответ, конечно, был не в пользу просителей. Он шел в полный разрез с теми чаяниями, к которым стремилась часть Ленинградского духовенства и мирян. Естественно, что после такого ответа эта часть пастырей и мирян целиком и полностью принадлежала уже к расколу.

Прибывшая к нему на беседу делегация после такого неудачного собеседования возвращалась к себе в Ленинград с глубоким разочарованием и с полным намерением порвать всякое молитвенное общение с митр. Сергием.

Терпеть долее, как им казалось, такое насилие над Церковью они уже не могли. Наступил момент, когда все, что так кипело и бурлило внутри, должно было вылиться наружу и образовать из себя самостоятельный поток церковной жизни, независимый от митрополита Сергея. Было созвано срочное совещание духовенства и мирян во главе с еп. Димитрием для обсуждения назревших вопросов, касавшихся отделения от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Им, видимо, хотелось обосновать свой отход на достаточной законности. Для этой цели в первую очередь необходимо было подвести под какую-либо ересь деяния митр. Сергея. Но так как в действиях первоиерарха не было таких поступков, которые прямо бы говорили о ереси, и на что имелось бы прямое указание церковных правил, то они прибегли к субъективной оценке фактов, и некоторые деяния митр. Сергея признали незаконными, в которых якобы усматривалось его духовное падение и, следовательно, отпадение от Церкви, что давало уже, по их мнению, согласно 15 пр. Двукр. Собора, полное основание на отмежевание.

Какие деяния митр. Сергея признали они таковыми, можно видеть из письма еп. Димитрия (Любимова) к духовенству ст. Сиверской.

Вот что он писал:

«Вас смущает прежде всего то, что мы так долго не порвали канонического общения с митр. Сергием, хотя и послание его и дело митр. Иосифа давно уже были перед нашими глазами. На сие отвечаю так:

Последнее представлялось нам первоначально одним из обыч-

¹ Архив М. М. № 60.

ных даже для Патриарха подтверждений о невмешательстве Церкви в дела гражданские. И нам пришлось изменить отношение к нему лишь тогда, когда обнаружилось, что послание начинает оказывать сильное влияние и на дела чисто церковные и исказить не только канонически, но даже и догматически лицо Церкви. Плоды его выявились не сразу, а самые крупные из них, по крайней мере, до сего времени, отразившиеся и в нашей епархии, следующие:

1. Закрепление временного Синода, который, в сущности, не Синод, т. к. не представляет совершенного лица Русской Церкви, а простая канцелярия, каковой первоначально представил его митр. Сергей, закрепление его в качестве соуправляющего Заместителя органа, без которого уже ни одно решение не исходит от митр. Сергея, что является незаконным и самочинным действием. Искажен самый патриарший образ управления Церковью.

2. Одновременно с таким самоограничением митрополита в своих правах является требование возносить имя его вместе с Местоблюстителем митр. Петром, что еще более искажает единоличную форму правления Церковью, установленную Собором 1917—1918 гг., да и вообще противно духу св. Церкви, никогда не допускавшей на одно епископское место двух соуправителей или хотя бы именованная двух имен с одинаковым значением.

3. Также незаконно и объясняемое, по словам митр. Сергея, лишь гражданскими причинами массовое (до 40 случаев) перемещение епархиальных епископов.

4. Такую же цель принизить значение епископа для епархии имеют и учрежденные ныне епархиальные советы, под надзор которых будет попадать каждый вновь назначенный на епархию епископ.

5. Незаконно и требование, обращенное митр. Сергием к русским православным людям, помимо отношения внешней подчиненности к гражданской власти, которую они доблестно являли в течение десяти лет, не нарушая гражданского мира и не восставая против законов страны, не противоречащих христианской совести, — незаконное требование от них и внутреннего признания существующего строя и общности в радости и печали с людьми, совершенно чуждыми и враждебными Церкви.

Таковы первые плоды, возросшие на почве послания; другие подрастают еще, и о них говорить преждевременно, но и явившихся оказалось достаточно для того, чтобы поставить перед совестью вопрос о дальнейшем отношении к митр. Сергию и его делу¹.

Таким образом, пять основных пунктов обвинений предъявлены митр. Сергию, в которых усматривалось ими беззаконие и отступление Заместителя от Церкви.

¹ Архив М. М. № 20.

А этого уже, по их взгляду, было достаточно для того, чтобы обвинить митр. Сергия в ереси и, не дожидаясь соборного о нем решения, со спокойной совестью отойти от него.

Как нигде, а здесь, в приведенных иосифлянами обвинениях митр. Сергия, ярко вскрывается их ложное понимание действий Заместителя.

То, в чем обвиняют иосифляне митр. Сергия, не носит в себе никакой противозаконности и тем более ереси, ради чего можно было бы отделяться от первоиерарха.

1. Учрежденный им Времен. Патриарший Синод ни в какой мере не искажал патриарший образ управления Церковью, наоборот, он только утверждал его. Постановления Поместн. Собора 1917—1918 гг. ясно свидетельствуют, что Патриарх должен управлять Церковью не единолично, а совместно с Синодом и Высшим Церковным Советом. Отсюда, следовательно, ничего нет преступного в том, что митр. Сергий чрез учрежденный им Синод стал управлять соборно, а не единолично.

2. Молитву за своего первоиерарха, каким являлся на тот момент митр. Сергий, никогда нельзя считать делом греховным. Он фактически управлял Церковью, а не митр. Петр. Отсюда, вполне естественно, молиться за него — прямая обязанность паствы и этим никогда не нарушается церковное единоначалие.

3. Перемещение епископов вызвано, как и сам отмечал митр. Сергий, требованием времени и не носит в себе противозаконности. Если стать на точку зрения иосифлян, то мы должны будем обвинить в ереси весь Синод царской России, часто переводивший архиереев по требованию обер-прокуроров.

4. Учреждение Епархиальных Советов — дело не новое. О них имеется постановление Помест. Собора 1917—1918 гг. (См. Соборные определения. Вып. I, глава IV, отдел V). В этом отношении митр. Сергий действовал согласно соборному постановлению.

5. Благодарность власти (хотя и антирелигиозной) от лица верующих не противна духу Евангельскому. (См. Рим. 12, 14.; 13, 7).

Итак, как видим, обвинения митр. Сергия в ереси не выдерживают здоровой критики.

Однако, несмотря на всю ложность своих доводов, иосифляне все-таки признали Заместителя допустившим еретические поступки.

Теперь оставалось им решить еще один вопрос: порывать ли молитвенно-каноническое общение только с одним митр. Сергием или же и с теми епископами, которые будут находиться с ним в единомыслии?

Вопрос решили положительно, т. е. признали, что необходимо отойти не только от митр. Сергия, но от всех единомышленных ему епископов, как соучастников его «беззаконий». Это уже было открытое обвинение в ереси не одного иерарха, но и целого сонма

российского епископата, независимо от того, где какой епископ находился: на свободе ли, или же в ссылке. Это обвинение дополнилось еще одним более тяжким преступлением. Присутствующие на совещании пришли к такому выводу, что раз митр. Сергей и единомышленный ему епископат впали в ересь — отступление, то, следовательно, и лишились Божественной благодати, по этой причине они признали их безблагодатными.

Вопрос о благодатности низшего духовенства, по причине многих смущений, оставлен на будущее.

Итак, обсудив все вопросы и придя к общему согласию, они приступили к делу.

Два викария Ленинградской епархии: еп. Димитрий (Любимов) и еп. Сергей (Дружинин) и несколько видных протоиереев подготавливали акт отхода. Они торопились. К этому их побуждали распространявшиеся слухи о том, что они будут подвергнуты запрещению в священнослужении за свое самочиние, и, чтобы избежать этого и сделать запрещение митр. Сергия как бы недействительным, они и спешили порвать с ним молитвенно-каноническое общение¹.

Интересно решить один весьма важный вопрос: пришли ли сами ленинградские викарии и духовенство к мысли об отходе от своего первоиерарха или быть может кто-либо другой подготавливал их к этому шагу?

Исторические факты свидетельствуют, что они не самостоятельно пришли к такому решению, а были подготовлены другими лицами.

Еще прежде них среди некоторых епископов, смущавшихся новой политикой митр. Сергия, были отдельные иерархи, которые подавали мысли другим о разделении и даже указывали, когда и кому можно предпринять подобный шаг. Мы располагаем посланием одного епископа, в котором приводится вышеуказанная мысль.

Описав яркими красками некоторые стороны деяний митр. Сергия, в которых, как ему казалось, усматривалась опасность для Православия, и в то же время осознав пагубность раскола, автор послания указывает, в каких случаях можно идти на разделение.

«Посему на церковный раскол с душевной болью можно идти тогда только, когда испробованы уже все иные пути и средства спасения верующих. Итак, мы ни в коем случае, не можем чинить раскола. Мы должны стоять на страже чистого Православия и прилагать все возможные меры любви и обращения к совести тех, кто сознательно или бессознательно ведут Российскую Церковь к новому расколу. Мы не совершим раскола, но если увидим и уже видим и свидетельствуем, что нашими первоиерархами нарушается и попирается самый дух Православия...; пастыри связываются не-

¹ Слово еп. Мануила, сказанное в Зверинском подворье в г. Ленинграде 30 апр. 1928 г. См. Архив М. М. № 70.

приемлемыми их совестью требованиями, — тогда с сердцем, обли-
тым кровью и слезами, мы должны встать на защиту истины и ска-
зать: «Архипастыри и пастыри, мы отходим от вас, ибо вы уже
отшли от правды Божией, вы создали новое направление в Церк-
ви Божией. От этого нового направления — от этого раскола, мы
и уходим. Грех раскола лежит на вас». Но вы спросите: как же
все это можно провести на деле? Кто должен взять на себя почин?
Может ли это сделать каждый христианин? Когда и кто правомоч-
но объявить верующим, что настал час разрыва с первоиерархом?
Осуждать еретиков правомочна одна только Церковь («если Цер-
ковь преслушает, да будет же тебе яко язычник и мытарь». Мф. 18,
17). Выразителем же воли церковной является Собор. Но как же
быть в то время, когда Собору нельзя собраться? Тогда суждение
по поводу того церковного явления произносят епископы. Их же
суждения не есть еще окончательный приговор, но есть автори-
тетнейший голос Церкви, они являются стражами Церкви, и ими
в между соборный период управляется Христова Церковь. Следо-
вательно, и в настоящем деле почин и решение принадлежит епис-
копату. Но как это можно провести? Епископы, видя нарушение
духа и буквы канонов, в одиночку или группами, должны послать
свои протесты митр. Сергию, моля его свернуть с неправого пути.
Если эти протесты не возымеют действия, тогда они, согласавшись
между собой (можно и через посредство переписки), сообщают
митр. Сергию, что они отселе не считают уже его Заместителем
Патриаршего Местоблюстителя, осуждают взятое им церковное
направление и отделяются от него. То же объявляется и всем ве-
рующим. С этого момента совесть духовенства и верующих стано-
вится свободной от всякого рода действий (приказаний, запреще-
ний) митр. Сергия и состоящего при нем «Синода». Отошедшая же
от митр. Сергия Православная Церковь может управляться одним
из старейших иерархов или, как это было во время заключения
Патриарха Тихона, каждая епархия — самостоятельно своим архи-
ереем. Какую же роль во всем этом нести должны священники
и верующий народ? Судить и запрещать архипастырей они не мо-
гут; не могут они также без епископов отходить от епископа. Но
это не значит, что они должны бездействовать. Как воины сов-
местно с вождем, так и они, вместе с епископами должны бороть-
ся за Истину и защищать ее. Как разведчики на войне не дают
покоя своим начальникам, но, приходя с различных мест разведки,
сообщают им об опасности, так и верующие, пока не пройдет
опасность для Церкви, должны возбуждать в своих пастырях дух
ревности, бодрствования и стойкости и всячески (духовно и мо-
рально) поддерживать их, дабы те безболезненно и право правили
слово Истины»¹.

Письмо-обращение епископа по своему содержанию и направ-
лению мыслей настолько соответствует ходу действий Ленинград-

¹ Архив М. М. № 51.

ских vikariev и духовенства, решившихся на отделение, что не
оставляет никакого сомнения в том, что оно имело непосредствен-
ное влияние на последних.

Отсюда ясно видно, что еп. Димитрий и его единомышленники
пришли к мысли об отделении не сами по себе, а были подготов-
лены другими лицами.

Но принимал ли какое участие в этом деле митр. Иосиф?

Мы располагаем одним письмом митр. Иосифа к епископу
Димитрию (Любимову), которое проливает свет на поставлен-
ный нами вопрос.

Письмо было написано в тот момент, когда еп. Димитрий
и его единомышленники уже сделали шаг к отходу от митр.
Сергия.

Вот о чем писал митр. Иосиф своему бывшему vikariyu:

«Дорогой владыко!

Узнав от М. А. (вероятно, от митр. АГАФАНГЕЛА. — Автор)
о принятом Вами решении, нахожу (и после ознакомления со все-
ми материалами), что другого выхода нет. Одобрю ваш шаг, при-
соединюсь к Вам, но, конечно, помочь Вам, более существенно,
лишен возможности. Время вспомнить и исполнить всем нам руко-
водственное указание митр. АГАФАНГЕЛА (пред отправлением
в ссылку) и архиеп. СЕРАФИМА Угличского на тот случай, когда
мы будем лишены возможности правильно строить свое церковное
дело, чтобы мы управлялись самостоятельно каждый, обращая все
взоры и надежды наши к единственно законному Местоблюстите-
лю Петру и будущий Поместный Собор всех наших Святителей,
а не случайного подбора их отдельными лицами.

Этого законного Собора только и должны сейчас добиваться
всякие правители и Синоды и, если они бессильны сделать это,
должны честно сами сойти со сцены и сказать открыто, что мы
готовы на все мучения, но правды Христовой никогда не принесем
в жертву и посмеяние... Помогите Вам Господь»¹.

Как видно из письма, участие митр. Иосифа в подготовке
к расколу выразилось в том, что он одобрил решение своих быв-
ших vikariev отойти от митр. Сергия. Причем само решение вы-
несено еп. Димитрием и другими раньше, чем последовало на
то одобрение со стороны митр. Иосифа. Это лишний раз под-
тверждает тот факт, что не митр. Иосиф подготавливал своих
vikariev епископов к разделению, а они его, будучи сами подго-
товлены другими лицами. Характерно, когда еп. Димитрий и его
единомышленники уже решили самостоятельно порвать общение
с митр. Сергием, тогда и митр. Иосиф, одобрив их шаг, при-
соединился к ним, хотя, как увидим ниже, остался пребывать в мо-
литвенно-каноническом общении с заместителем до февраля
1928 года.

¹ См. Архив М. М. № 30.

Одобрение, высказанное в письменной форме действиями викарных епископов, явилось одновременно и благословением митр. Иосифа еп. Димитрию и другим на раскол, как об этом и указано ими в акте от 13/26 декабря 1927 года¹.

НАЧАЛО РАЗДЕЛЕНИЯ

Первыми, кто официально объявил о своем отходе от митрополита Сергия, были два Ленинградских иерарха: еп. Гдовский Димитрий (Любимов) и еп. Нарвский Сергей (Дружинин).

Два лица, совершенно противоположные один другому и по характеру, и по образованию, и по взглядам на жизнь, нашли какое-то общее единство в противоборстве Высшей Церковной Власти.

Биографии обоих иерархов очень кратки.

Епископ Димитрий родился в 1857 году. Окончил С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В какие годы он принял священный сан, нам неизвестно. Известно только то, что он около 40 лет настоятельствовал в Покровской церкви г. Ленинграда, что на Садовой улице.

30 декабря ст. ст. 1925 г. он был хиротонисан во епископа Гдовского, вик. Ленинградской епархии².

Еп. Сергей выходец из простецов. Образование получил домашнее. Воспитывался в Сергиевской пустыни Петербургской епархии. Там же, вероятно, был пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. До революции он был настоятелем той же пустыни в сане архимандрита, а затем исполнял пастырские обязанности при станции в 2-х верстах от монастыря.

О его возведении в епископский сан хлопотали его многочисленные почитатели. Было собрано несколько тысяч подписей.

Специальная депутация отправилась с ходатайством об архимандрите Сергии к преосвященному Венедикту, еп. Кронштадтскому, Управляющему Ленинградской епархией. Последний ходатайство это отклонил, сославшись на то, что нужды в епископе не имеет и что кандидат не соответствует своему назначению.

Депутация, однако, настойчиво требовала от еп. Венедикта исполнения их просьбы и даже высказала, что она добьется своего желания и без его участия — поедет в Москву к Патриарху.

Преосвященный пригласил к себе архим. Сергия и упрасивал его не домогаться епископства. Но дело кончилось тем, что архим. Сергий был вызван в Москву и там в конце октября 1924 г. был хиротонисан Патриархом Тихоном во еп. Нарвского, вик. Ленинградской епархии³.

¹ См. Архив М. М. № 55.

² «Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957)» составлен А. Мануилом, Чебоксары, 1959 г., ч. II, стр. 387.

³ Записки протоиерея А. Л. о русской церковной жизни первой половины XX века, стр. 26—27. (Рукопись).

Оба они, вероятно, рассчитывали на то, что их многочисленные почитатели откликнутся на их призыв и пойдут вслед за ними.

В какой же обстановке произошло разделение? После неудачной беседы с митр. Сергием, еп. Димитрий и проф.-прот. В. Верюжский имели совещание с еп. Сергием, прот. Ф. Андреевым и др. единомышленниками. С общего согласия решено было неотложно и официально объявить митр. Сергию о своем отходе от него.

Инициативу руководства в этом деле взяли на себя оба викария: еп. Димитрий (Любимов) и еп. Сергей (Дружинин).

Был составлен письменный акт отхода, предназначенный для вручения его представителю Московской Патриархии.

Когда все уже было подготовлено, тогда еп. Димитрий пригласил к себе на квартиру еп. Сергия, еп. Серафима (Протопопова), двух протоиереев: В. Верюжского и Ф. Андреева — своих единомышленников и еп. Петергофского Николая (Ярушевича) — заместителя временно управляющего Ленинградской епархией митр. Сергия.

В присутствии указанных лиц оба епископа — Димитрий и Сергей — заявили еп. Николаю, что они и их единомышленники порывают молитвенное общение с митр. Сергием, Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и, как доказательство всему этому, вручили ему заранее приготовленный и подписанный акт отхода, в котором говорилось:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Сие есть свидетельство совести нашей (2 Кор. 1, 12), непозволительно нам долее, не погрешая против уставов Святой Православной Церкви пребывать в церковном единении с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя Сергием, Митрополитом Нижегородским и его Синодом и со всеми, кто единомыслен с ним. Не по гордости, да не будет сего, но ради мира совести, отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего великое смущение („и дымное надмение мира в Церковь Христову, которая желающим зрети Бога приносит свет простоты и день смиренномудрия“). (Из послания Африканского Собора к папе Келестину). И решаемся мы на сие лишь после того, как из собственных рук митр. Сергия приняли свидетельство, что новое направление и устройство русской церковной жизни, им принятое, ни отмене, ни изменению не подлежит.

Посему, оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя апостольское преемство чрез Патриаршего Местоблюстителя Петра, Митрополита Крутицкого, и имея благословение нашего законного Епархиального Митрополита, мы прекращаем каноническое общение с Митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет: и впредь до суда „совершенного собора местности“, т. е. с участием всех православных епископов или до открытого

и полного покаяния пред Святою Церковью самого Митрополита Сергия сохраняем молитвенное общение лишь с теми, кто блюдет „да не преступаются правила отец“... и да не утратим по малу приметно тоя свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков. (Из 8-го правила III-го Вселенского Собора). Аминь.

Подписи: Епископ Сергей
Епископ Димитрий¹.

Декабря 12/26 дня
1927 г.

Акт разделения совершился. Это произошло 13/26 декабря 1927 года.

О всем, что совершилось в квартире еп. Димитрия, еп. Николай 14/27 декабря сообщил митр. Сергию и ожидал от него дальнейших указаний.

Печальные вести из Ленинграда не могли радовать Заместителя Патриаршего Местоблюстителя: они, словно тяжелый молот, били по его сердцу и причиняли глубокие раны. Но бездействовать было нельзя. Требовалась разумная поспешность, ибо всякое промедление грозило усилением раскола.

Едва только он получил от своего заместителя по управлению Ленинградской епархией сообщение об отколовшихся от церковного единства, как немедленно созвал внеочередную сессию Патриаршего Синода и 17/30 декабря 1927 года вынес постановление за № 208 о запрещении в священнослужении впредь до раскаяния еп. Димитрия и еп. Сергия². О постановлении Синода телеграфом было сообщено еп. Николаю с указанием применить те же самые меры прещения в отношении священнослужителей, заявивших о своем отделении.

В этот же день, т. е. 17/30 декабря, еп. Петергофский Николай наложил запрещение в священнослужении на прот. В. Верюжского, прот. Андреева Ф. и др. священников.

Но этим действием митр. Сергей не ограничился. Церковные раздоры и смуты, вызванные декларацией в разных уголках России, тревожно отзывались в его сердце. Он сознавал, что при такой обстановке сохранить единство церковное будет невозможно. Требовалась помощь отвне со стороны архиереев, пастырей и всех чад Православной Русской Церкви. По этой причине он 18/31 декабря 1927 г. обращается с особым посланием ко всем верным чадам Церкви и призывает всех оставить всякие раздоры и объединиться вокруг законного священноначалия к созиданию церковного организма.

Митр. Сергей указывал в своем послании на то, какие благоприятные условия достигнуты для деятельности и Синода, и Епар-

¹ См. Архив М. М. № 38.

² Журнал Московской Патриархии, 1932 г., № 9—10, стр. 8.

хиальных Советов после заявления ими чрез декларацию о лояльном отношении к государственной власти.

Заместитель решительно заявил, что ни он, ни члены Синода ни на йоту не отступают и не отступят от Православия и что обвинение их в соучастии с обновленцами, лубенцами и др. раскольниками есть не что иное, как плод клеветы, за который понесут ответственность смущающие¹.

Послание митр. Сергия и Врем. Патриаршего Синода было полезным и действенным в том отношении, что оно рассеивало некоторые сомнения православных о якобы допущенной измене Православию Заместителем и в то же самое время давало правильную оценку действиям митр. Сергия.

Насколько нам известно из рассказов очевидцев, настоящее послание Заместителя успокоило некоторых вологодских епископов, смущавшихся новой политикой первоиерарха.

Нет сомнения, что такое же самое благотворное влияние оказало оно и на других членов Церкви.

Но возвратимся к событиям, возникшим в Ленинграде. Когда двум епископам и священникам был объявлен указ о запрещении их в священнослужении, то пред ними остро встал вопрос: подчиниться ли наложенному на них запрещению или же вменить его ни во что? Казалось, все было ясно: поскольку они порвали молитвенно-каноническое общение с митр. Сергием и с теми, кто находится с ним в единомыслии, то отсюда, следовательно, не должно бы иметь силу и наложенное на них запрещение. Однако самостоятельно решить этот вопрос они не посмели.

Еп. Сергей (Дружинин), уstraшенный наказанием, заявил еп. Николаю (Ярушевичу), что он отмежевывается от раздорников и обещается быть верным сыном Русской Православной Церкви и послушным ее иерархии, но другие, поставленные в тупик, решили для успокоения своей совести и для моральной поддержки известить о всем случившемся с ними митр. Иосифа. Последний деликом и полностью одобрил действия своих бывших vikариев, благословил их безбоязненно продолжать священнодействие и в частном письме, не подлежащем, возможно, огласке, сообщил им следующее:

«Для осуждения и обезвреживания последних действий митр. Сергия, противных духу и благу Св. Христовой Церкви, у нас, по нынешним обстоятельствам, не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений. Пусть эти распоряжения приемлет одна всетерпящая бумага да всевмещающий бесчувственный воздух, а не живые души верных чад Церкви Христовой.

Отмежевываясь от митр. Сергия и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного первосвятителя митр. Петра и когда-нибудь да имеющегося собраться Собора оставшихся верных Православию святителей. Да не поставит нам тогда в вину этот

¹ См. Архив М. М. № 32.

желанный Собор, единый наш православный судья, нашего дерзновения. Пусть он судит нас не как презрителей священных канонно-святоотеческих, а только лишь как боязливых за их нарушение.

Если бы мы даже и заблуждались, то заблуждались честно, ревнуя о чистоте Православия в нынешнее лукавое время. И если бы оказались виновными, то пусть окажемся и особо заслуживающими снисхождения, а не отвержения. Итак, если бы нас оставили даже все пастыри, да не оставит нас Небесный Пастырь по неложному Своему обещанию пребывать в Церкви Своей до скончания веков.

М. И.

25 дек. 1927 г.¹

7 янв. 1928 г.

Это был настоящий призыв митр. Иосифа к решительному и бесповоротному противодействию Высшей Церковной Власти в лице митр. Сергия и Священного Синода.

Письмо митр. Иосифа повлияло на малодушного еп. Сергия (Дружинина) и снова возвратило его в ряды раскольников, так что он, вопреки своему обещанию, в состоянии запрещения приступил к священнодействию.

Отделившиеся епископы, чтобы привлечь на свою сторону духовенство и мирян, обнародовали акт отхода, а затем стали распространять обращение и воззвание к пастырям и пасомым с призывом порвать молитвенно-каноническое общение с митр. Сергием и единомышленными с ним епископами, обвиняя последних в утрате чистоты Православия и церковной свободы. Они призывали всех верных объединиться вокруг митр. Иосифа, как единого православного иерарха.

Не ограничиваясь одним воззванием, еп. Димитрий в личных беседах с людьми и в проповедях — всюду, где только представлялась возможность, высказывал свои отрицательные взгляды на последователей митр. Сергия. Он и его единомышленники не стеснялись открыто заявлять и убеждать, что те церкви, в которых за богослужением поминают имя Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, являются «новообновленческими храмами», а православные пастыри безблагодатными².

Ревнуя не «по разуму», еп. Димитрий один из православных храмов (Спас на водах) публично назвал храмом сатаны. Отсюда ничего нет удивительного, что он и самое великое таинство — св. Причастие, совершаемое сергианскими епископами и священниками, признавал не чем иным, как только «пищей бесовской». Это уже была ничем не оправдываемая крайность еп. Димитрия.

¹ См. Архив М. М. № 19.

² Постановление Врем. Патр. Сии. и митр. Сергия от 25 янв. 1928 г., № 17. См. Архив М. М. № 58.

Своими выпадами против законной Церковной Власти раздорники все больше и больше вносили смуту в жизнь не только Ленинградской епархии, но и других.

Волна разделения увеличивалась. Она захватила многие храмы Ленинграда и его окрестностей, затем перебросилась в пределы Воронежской епархии и проникла в г. Серпухов. Здесь 30 декабря ст. ст. 1927 г. группа серпуховского духовенства подала митр. Сергию заявление о своем отделении¹. За ней последовали члены церковных двадцаток и отдельные прихожане.

Увеличиваясь в своих размерах, раскол нес вместе с собой и печальные плоды разделения. И плоды эти были налицо.

Прежде всего упал авторитет архиерея в глазах верующих. Миряне присвоили себе право производить суд над своими архипастырями и пастырями, отложив в сторону очищение своей души. Они пошли путем духовной прелести.

Но более всего безотрадного и мерзкого было в том, что между иосифлянами и сергианами возникла самая настоящая непримиримая вражда. Противники громили друг друга прямо в храмах, не считаясь ни с положением, ни со святостью места. Запрещали посещать церкви инакомыслящих, признавая один другого безблагодатными. Простые люди не имели покоя. Они ходили из одной церкви в другую, боясь оказаться у противников. Некоторые, ища себе успокоения, переходили в секты (баптизм), как это сделали отдельные члены двадцатки Тихвинской церкви на Выборгской стороне. Иные, соблазненные расколом и спорами, оставили вообще веру и стали людьми, чуждыми Церкви. Сами верующие сознавали, что они своими разномыслиями и вздорами способствуют антирелигиозной пропаганде.

Разделение церковное коснулось и разделения общественного: произошло разделение в семьях между близкими и даже между теми, кто когда-то вместе ревновали о истине.

Нетерпимость приверженцев митр. Иосифа доходила до крайних пределов и выливалась в необычайной вражде и злобе против сергиан. Был такой случай, когда один человек, увлекшийся расколом, чуть не стал душить 12-летнего ребенка, который спрашивал отца: «Почему ты не с нами?»².

Некоторые из православных приходов, чтобы как можно легче воспринять удар волны разделения, выносили особые постановления, посредством которых желали объединить и приверженцев митр. Иосифа, и последователей митр. Сергия.

Так, общее собрание двадцатки храма-памятника морякам, погибшим в войне с Японией, обсудив создавшееся между епископами и духовенством Ленинградской епархии разногласие, 8-го янв. 1928 года постановило:

¹ Заявление свящ. В. Бушуева на имя еп. Мануила от 20 апр. ст. ст. 1929 г. См. Архив М. М. № 76.

² Слово еп. Мануила, произнесенное в Очаковском подворье 1 мая 1928 года. См. Архив М. М. № 70.

1. Единогласно: Возносить за богослужением имя митр. Петра, как Местоблюстителя Патриаршего Престола, объединяющего ныне в своем лице всю Православную Церковь.

2. Единогласно: Не вводить в богослужение возношения имени митр. Сергия и иных епископских имен, впредь до нового обсуждения по выяснении создавшегося положения.

3. Большинством всех против четырех: Не разрывать канонического общения ни с одной из разногласящих сторон, призывая и умоляя их не обострять расхождение, и всемерно стремиться к единству и взаимному пониманию, снисходя друг к другу в духе Христовой любви.

Ив. Шилов, Соколов, С. Меринг, Краснополенская, Г. Лобковский, Е. Еличанинова, А. Алявли, О. Горданова, Д. Корнилов, Гордзевич, О. В. Лебедева, М. Моисеева, А. Галкин, В. Бонди, И. Романов¹.

Подобную тактику применяли не только члены двадцаток, но и некоторые Ленинградские епископы: еп. Колпинский Серафим (Протопопов), еп. Шлиссельбургский Григорий (Лебедев), еп. Стефан (Бех), проживавший в Ленинграде, и некоторые другие.

В тех храмах, где они служили, поминали за богослужением одного только Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра, а имя митр. Сергия опускали.

Церковная смута в Ленинграде так быстро увеличивалась, что еп. Петергофский Николай не успевал писать доклады митр. Сергию.

Едва только он 27 декабря н. ст. 1927 г. доложил Заместителю о состоявшемся разделении, как 6, 11 и 14 января н. ст. 1928 г. снова потребовалась необходимость докладывать о новых нестроениях, возникших в Ленинградской епархии. Сам митр. Сергий с получением печальных известий, которые ежедневно доставляла почта, пришел к убеждению, что умиротворить Русскую Церковь, наладить церковную жизнь и водворить дисциплину среди клира может только Православный Собор.

С этой целью он созвал сессию Синода и на заседании 3/16 января 1928 г. вынес такое постановление: «Признавая крайнюю нужду в созыве второго Поместного Собора, ныне же приступить к подготовительным работам по созыву Собора, для сего предложить Епархиальным Преосвященным и временно управляющим епархиями обсудить на местах, доступными для них способами, вопросы: 1) о времени, 2) порядке созыва Собора, 3) о составе его, приняв во внимание, что положение о составе Собора, выработанное на Соборе 1917—1918 гг. при современных условиях церковной жизни не во всем может быть исполнено; и 4) вопросы, подлежащие рассмотрению и обсуждению будущего Поместного Собора.

¹ См. Архив М. М. № 71.

Все свои соображения и постановления по вопросам Преосвященные имеют представить не позднее Фоминой недели сего 1928 года на имя Заместителя Патриаршего Местоблюстителя»¹.

Как видно из постановления Синода, вопрос об умиротворении Церкви ставился митр. Сергием весьма остро. Но он (вопрос) отодвигался на будущее, между тем события текущего дня требовали неотложных мероприятий.

Еп. Петергофский Николай в последних своих докладах сообщал митр. Сергию, что запрещенные в священнослужении епископы Димитрий Гдовский и Сергей Копорский вносят большую смуту в жизнь епархии, распространяют устно и письменно разную клевету на Высшую Церковную Власть и убеждают верующих порвать молитвенно-каноническое общение с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя как погрешившим якобы против чистоты Православия и свободы Церкви. В храмах и целых приходах царят нестроения. Неопределенных позиций придерживаются еп. Колпинский Серафим и еп. Шлиссельбургский Григорий: ни тот, ни другой не поминают за богослужением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Он убедительно просил для прекращения смуты принять соответствующие меры, сделать должные распоряжения и успокоить православное население особым архипастырским посланием.

Митр. Сергий согласился с доводами еп. Николая и принял срочные меры к ликвидации нестроений в Ленинградской епархии. Он вновь созвал внеочередную сессию Синода и на заседании 25 января 1928 г. вынес за № 17 такое постановление:

«1. Принимая во внимание, что Преосвященный Гдовский Димитрий не подчинился постановлениям Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного Патриаршего Священного Синода и не только служит в состоянии запрещения, но и продолжает чинить смуту и раскол, распространяя среди верующих клевету на Высшую Церковную Власть, якобы она уже уклонилась от Православия, призывает народ порвать молитвенно-каноническое общение как с законным Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, так и единомышленными с ним епископами, при этом епископ Димитрий и его единомышленники называют храмы, где поминают Митр. Сергия, «обновленческими храмами», православных пастырей — безблагодатными;

2. В своем ослеплении расколом еп. Димитрий дошел до такого безумия, что один из православных храмов (Спаса на водах) публично назвал храмом сатаны, и на основании 28 и 34 пр. Св. Ап., 13, 14, 15 пр. Двукратного Собора, 38 пр. Карфаг. Собора — Преосвященного Димитрия уволить от управления Гдовским викариатством на покой, с оставлением под запрещением в священнослужении и предать его за учинение церковного раскола, с одной стороны, и за служение в состоянии запрещения, — с другой,

¹ Постановление Свящ. Синода от 3/16 янв. 1928 г., № 12. См. Архив М. М. № 57.

каноническому суду православных епископов; — Преосвященного Копорского Сергия, давшего обещание отмежеваться от раздорников и быть верным и послушным сыном Православной Церкви и Высшей Церковной Иерархии, но не исполнившего данного им обещания и продолжавшего служить в состоянии запрещения; на основании 28 и 34 пр. Св. Ап., 13, 14, 15 пр. Двукр. Собора и 38 пр. Карфаг. Собора — лишить титула Копорского, оставив на покое под запрещением, и предать его каноническому суду православных епископов.

3. а) Преосвященным Шлиссельбургскому Григорию и Колпинскому Серафиму предписать незамедлительно по получении указа ввести поминовение за богослужением имени Заместителя Патриаршего Местоблюстителя;

б) предписать Преосвященным в ближайший воскресный или праздничный день при совместном ли служении с Преосвященным Петергофским или по его указанию в одном из храмов Ленинграда, а в Александро-Невской Лавре обязательно в проповеди заявить со всею решительностью, что они не только отмежевываются от раздорников епископов, но и осуждают Преосвященных Дмитрия и Сергия и др. за раскол и церковную смуту и призвать верующих к единству с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и со всею Православною Церковью;

в) в случае невозможности, по каким-либо причинам, исполнить в указанный срок предписанного в пункте «б» представить в трехдневный срок объяснение и вполне определенное заявление об осуждении ими епископов Дмитрия и Сергия с их соумышленниками и о полном своем отмежевании от образованного «самочинного соборща» и о своем послушании законной Церковной Власти в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Патриаршего Священного Синода;

г) при неисполнении предписанного в пунктах «а» и «б» и не представлении в срок указанного в пункте «в» заявления, Преосвященными Шлиссельбургским Григорием и Колпинским Серафимом, по докладе о сем Преосвященного Петергофского Николая иметь о них суждение.

4. Членам Патриаршего Священного Синода, Преосвященным Архиепископам: Вологодскому Сильвестру, Костромскому Севастьяну и Самарскому Анатолию предложить в срочном порядке выбыть в г. Ростов и в личной беседе с Преосвященным Митрополитом Иосифом, которую они имеют должным образом протоколировать, запросить его:

а) с его ли ведома, согласия и благословения Преосвященный бывший Гдовский Дмитрий и бывший Копорский Сергей распространяют обращение и воззвание к пастырям и пасомым с призывом порвать молитвенно-каноническое общение с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и единомыслящими с ним епископами, обвиняя последних в утрате чистоты православия и церков-

ной свободы и призывая верующих объединиться около одного, якобы православного Митрополита Иосифа;

б) признает ли Митрополит Иосиф приведенную выше резолюцию от 25 декабря 1927 г. на рапорте Ленинградских викариев и распространяемую ныне раздорниками за свою резолюцию;

в) в случае отклонения Митрополитом своей ответственности за распространяемую от его имени литературу и непризнания им своей резолюции от 25 декабря 1927 г. предложить ему в особом кратком послании оповестить ленинградскую паству о своем отмежевании от происходящей церковной смуты, с осуждением епископов-раздорников и всего их «самочинного соборща» и о своем молитвенно-каноническом общении с Высшей Церковной Властью в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Патриаршего Священного Синода и о неизменном им послушании;

г) по докладе упомянутых выше членов Патриаршего Синода о результатах их беседы с митр. Иосифом иметь о нем суждение.

5. Постановление о Епископах Дмитрия и Сергия объявить к сведению ленинградской православной паствы особым посланием Заместителя, сообщив копии с настоящего определения и упомянутого послания и всем Епархиальным Архиереям к сведению¹.

Постановление митр. Сергия и Священ. Синода в отношении епископов Дмитрия и Сергия фактически ничего нового не содержало. Оба епископа были уже запрещенными в священнослужении и хотя числились находящимися на викариатствах, тем не менее, как запрещенные, они лишены были права на управление епископиями; и потому синодальное постановление об увольнении их с кафедр на покой только подтверждало уже существующее. Единственно новым в настоящем постановлении являлось предание их суду православных архиереев.

Но эта мера прещения имела бы силу, если бы лица, на которых она падала, были бы людьми послушными. Для тех же, кто ни во что вменял всякое распоряжение Синода и кто нарушил уже ранее наложенное на них запрещение, настоящая мера наказания была в действительности «гласом вопиющего в пустыне».

Архипастырское послание, предназначавшееся для оглашения в Ленинградской епархии и к сведению епархиальных архиереев, строго говоря, не имело особой силы. Оно фактически только призывало верующих избегать раздорников и не принимать от них ни таинств, ни молитв. Для тех же, кто грубо нарушал церковные каноны, послание было малоавторитетным.

Постановление Синода и архипастырское послание, датированное 13/26 января 1928 г., были отправлены по назначению. Но они, как и надо было ожидать, после своего оглашения произвели небольшое действие.

¹ См. Архив М. М. № 58.

Епископ Димитрий к определению о нем Синода отнесся пренебрежительно, считая все это не имеющим для него никакого значения.

Еп. Григорий остался при той же позиции, и лишь только один еп. Серафим (Протопопов) подчинился распоряжению Синода.

Между тем клевета на Высшую Церковную Власть усиливалась, и некоторые приходы вынуждены были обратиться к митр. Сергию с просьбой — заверить их письменно в том, что он не изменил и не изменит ни чистоты Православия, ни священных канон, ни самого церковного чинопоследования.

Так, двадцатка и причт Покровского Гатчинского храма, смущаемые распространяемыми слухами о безблагодатности Церкви, возглавляемой митр. Сергием, обратились к нему с письмом, в котором убедительно просили Заместителя «для успокоения и утешения верующих и полного пресечения тревожных слухов и возникающей опасной розни, дать всем нам письменное заверение в том, что чистоте православного исповедания, авторитету и свободе святой нашей Церкви не будет грозить никаких опасностей»¹.

Письмо это было доставлено митр. Сергию председателем двадцатки Сорокватиным (Гатчина) и о. Николаем (Смирновым), настоятелем Екатерининского Собора в Детском селе.

Митр. Сергей ответил им следующей резолюцией:

«Прежде всего прошу моих вопрошателей прочесть наши синодальные послания, первое от 16/29 июля и второе от 18/31 декабря 1927 года. В этих посланиях с совершенной определенностью выражено наше обещание быть верными Святой Православной Церкви не только в учении, но и во всех ее правилах и установлениях. Если же и это моих вопрошателей не убедит, то настоящим еще раз и лично от себя заявляю, что архиерейскую присягу я помню и, по своим силам и способностям, соблюдаю, веру свякую православную содержу и буду содержать несомненно, правила св. Апостол, св. Соборов и св. Отец с любовью приемлю, сам их стараюсь исполнять и от других такого же исполнения требую, вверенное мне стадо Христово вообще желаю вести только прямым православным спасительным путем, не уклоняясь ни направо, ни налево. Я думаю, что от этого своего исповедания я (по крайней мере сознательно и намеренно) не отступил и впредь не отступлю, если Господь мне поможет. Всякие обвинения меня в предательстве Церкви, в измене православию, в потаенном вводителстве обновленчества и подобном — все это ложь. Что же касается поминоения властей за нашим богослужением, то это поминоение вводится не в отмену, а во исполнение церковного установления (Иер. XXIX; Варух 1,11—12; 2,22—23). Это заповедь апостола, свято соблюдавшаяся нашею Церковью во все времена повсюду и при всяких правительствах, совершенно независимо от того, желают или не желают они этого поминоения, веруют ли они или не веруют. О таком поминоении сделал распоряжение и покойный

¹ См. Архив М. М. № 2-з.

Святейший Патриарх Тихон. Если же это распоряжение его оставалось мало исполняемым, то что удивительного в том при расстройстве, в котором находится наша церковная жизнь? Мы восстановили поминоение властей, чтобы снять поношение со всех нас, православных членов нашей Церкви, будто мы лицемерно признали Советскую власть, на деле же — с заграничными ее врагами. Оградить свою паству от такого поношения со всеми ее последствиями — наш пастырский долг. Ведь и апостол учит нас, что блажен, кто страдает как христианин, а не как нарушитель закона (1 Петр. IV, 14—16).

Итак, пусть никто не торопится, при первом встретившемся недомении, бежать из ограды церковной, говоря: „Какие странные слова? Кто может их слушать?“ (Иоанн VI, 60). Наоборот, любовью покрывая случайные ошибки своего пастыря, пусть каждый запасается терпением, пока дальнейшая жизнь не разъяснит недомений, пусть каждый помнит, что не вне Церкви Христовой, а только внутри ее „имеются глаголы вечной жизни“ (ст. 68) и что современные носители Высшей Церковной Власти, при всем своем недостоинстве, не менее заинтересованы в чистоте Православия, чем и другие.

Сергий, Митрополит Нижегородский.

19 янв./1 фев. 1928 г.»¹

Нег сомнения, что такие заверения первосвятителя имели большую силу и благотворно действовали на православную паству.

20 января ст. ст. 1928 г. комиссия в составе поименованных в постановлении Синода лиц под председательством архиеп. Анатолия (Грисюка) выехала в Ростов Ярославский к митр. Иосифу. Между комиссией и митрополитом состоялась беседа.

Вопросы задавались в соответствии с той инструкцией, которая указана была на заседании Синода.

Те, кто в то время интересовался церковными событиями, передают, что митр. Иосифу якобы были поставлены такие вопросы:

1. Признает ли он митр. Сергия? — Да.
2. Считает ли он себя митр. Ленинградским? — Не считаю.
3. Состоите ли Вы в каком-нибудь отношении к ленинградским отколовшимся? — Не состоял и не состою.
4. Полагал ли какую-нибудь резолюцию на каком-нибудь церковно-административном акте 25 декабря 1927 г.? — Никакой резолюции ни на каком акте не полагал.

Тогда митр. Иосифу было якобы представлено его послание (ответ от 25 дек. 1927 г. на письмо еп. Димитрия), и он тогда ответил, что это носило характер частной переписки и оглашению не подлежало.

Насколько достоверны приведенные выше вопросы и ответы, сказать трудно, но они вполне могли быть поставлены.

¹ См. Архив М. М. № 2-з.

В постановлениях Синода были указаны два вопроса:

1. С его ли ведома, согласия и благословения Преосвященные б. Гдовский Димитрий и б. Копорский Сергей распространяют обращение и воззвание к пастырям и пасомым с призывом порвать молитвенно-каноническое общение с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя?

2. Признает ли он резолюцию от 25 декабря 1927 года на рапорте Ленинградских викариев?

Вот эти два вопроса несомненно были поставлены митр. Иосифу. Вполне возможно, что ему задавались и другие вопросы, но о них нам ничего неизвестно.

Что ответил митр. Иосиф членам комиссии на поставленные ими вопросы, остается тайной. Но одно является непреложным: той цели, ради которой совершалась поездка в Ростов, комиссия не достигла. И даже больше того, она в какой-то степени ускорила в нем (митр. Иосифе) решимость порвать молитвенно-каноническое общение с митр. Сергием.

Печальные результаты беседы комиссия изложила в письменной форме Заместителю. Были приняты срочные меры к ограждению ленинградской паствы от влияния митр. Иосифа, но они уже не могли изменить хода событий, развивавшихся с необычайной силой.

После отъезда синодальной комиссии, приехавшей к нему на беседу, митр. Иосиф погрузился в глубокое раздумье. Пред его взором быстро пронеслась вся картина возникших церковных нестроений, связанных с его именем и с теми, кого он считал предателями Церкви¹.

И вдруг он с особой болью стал чувствовать себя в значительной мере ответственным за несчастья в Церкви. Сознание говорило ему, что он является одним из Заместителей Патриаршего Местоблюстителя, который связан страдальческим долгом не просто заменить удаленного от управления предшественника, но быть и ему, и свободному (митр. Сергию) предостережением на случай замены, в возможности его духовного падения. Правда, такое падение должно бы в нормальных условиях жизни церковной сопровождаться и судом, и соборным решением, но при современных условиях этого достичь нельзя². Остается единственный выход — вразумить павшего отходом от него, иными словами, совершить суд над первоиерархом единолично.

Подходя с точки зрения аскетике к оценке возникших у митр. Иосифа чувств и размышлений, мы можем определенно сказать, что он, незаметно для себя, допустил духовную прелесть. Это было самое опасное состояние души митрополита, закрывшее от его взора свои собственные грехи и внушившее ему думать о себе как о человеке, могущем предостеречь первоиерархов от духовных падений.

¹ Ответ митр. Иосифа архим. Льву. 1928 г. См. Архив М. М. № 23.

² Там же.

Здесь уже проявились область греха, область сомнения и превозношения, в которые он впадал еще в первые годы своего иерейского и архиерейского служения.

Теперь уже под действием духовной прелести ничто не могло приостановить митр. Иосифа от его решения встать на путь отделения от митр. Сергия.

В это время, как нам уже известно из истории ярославского раскола, митр. Агафангел с тремя своими викариями: архиеп. Угличским Серафимом (Самойловичем), архиеп. Варлаамом (Ряшенцевым) и еп. Ростовским Евгением (Кобрановым), — готовил акт отхода от митр. Сергия. К ним-то и присоединился митр. Иосиф.

24 января ст. ст. (6 фев. н. ст.) 1928 года был подписан акт отделения и направлен митр. Сергию.

26 января (8 февраля) митр. Иосиф обратился с особым посланием к своим викариям, пастырям и ко всем верующим г. Ленинграда и объявил себя Ленинградским митрополитом¹.

Итак, митр. Иосиф с момента официального отхода от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, уже не считая над собой имеющим какую-либо силу распоряжение первоиерарха, опротестовывает свое якобы незаконное удаление с Ленинградской кафедры и, как признавший себя Ленинградским митрополитом, поручает временное управление епархией еп. Димитрию, а еп. Григория благословляет продолжать служение в Александро-Невской Лавре в качестве ее единомысленного с ним заместителя².

Ряды отколовшихся пополнились. Теперь их возглавил митр. Иосиф. Предполагалось, что под его главенство вступят и Ярославские иерархи и тем самым усилят свои позиции, но предположения, как мы уже видели, не оправдались. Митр. Агафангел и его викарии не только отмежевались от Ленинградских раскольников, но и впоследствии снова возвратились под руководство митр. Сергия. Но как бы то ни было, а в данный момент отход видных иерархов внушал серьезную опасность для церковного мира. Этим глубоко был встревожен митр. Сергей. Начались усиленные переговоры с митр. Агафангелом.

К этому времени относится письменное обращение архим. Льва (Егорова) к митр. Иосифу.

Когда архим. Лев узнал об официальном отходе митр. Иосифа, то он не мог хладнокровно отнестись к этому факту. Ему больно было сознавать, что воспитанный в монашеском послушании иерарх, с которым он был связан узами единства по Александро-Невской Лавре, отступил от иноческих идеалов и совершил преступный акт разделения.

Питая надежду на то, что митр. Иосиф может еще осознать свой неправый поступок, архим. Лев обращается к нему с особым письмом, полным любви и кротости.

¹ См. Архив М. М. № 31.

² Там же.

Он спрашивал митрополита, почему он решил отойти от митропол. Сергия без церковного суда и соборного решения о нем, вопреки церковным правилам? И снимает ли он (митр. Иосиф) с них послушание ему тем, что уходит в раскол, или же подчинением митр. Сергию укрепляет и их на борьбу за независимость св. Церкви?

И, указав на то, что митр. Иосиф и его последователи забыли в своем деле заповедь Христову о любви друг к другу, умолял его возвратиться к послушанию канонической Церковной Власти в лице митр. Сергия¹.

Но надежды архим. Льва не оправдались. Митр. Иосиф, получивши письмо, ответил ему, что он не считает себя раскольников, ибо зовет людей к очищению Церкви от сеющих раскол².

Ответ, как видим, был отрицательный. Митр. Иосиф глубоко был убежден, что он не раскольник, что таковым является митр. Сергий и его единомышленники и что он, наконец, никогда не сойдет с избранного им пути даже в том случае, если бы он остался на этом пути в единственном числе.

Ясно, что после такого ответа убеждать митр. Иосифа, чтобы он осознал свою ошибку, было бесполезно, и архим. Лев прекратил с ним свою переписку.

Что же произошло дальше?

В феврале 1928 г. митр. Иосиф из Ростова был удален в Николо-Моденский монастырь, что в 35 верстах от г. Устюжны, родной ему Новгородской губернии, откуда он управлял паствой и делал соответствующие распоряжения своим викариям.

Чтобы каким-либо образом смягчить нестроения в Ленинградской епархии и ослабить действия митр. Иосифа и еп. Димитрия, митроп. Сергий в середине февраля ст. ст. 1928 г. назначает в Ленинград митр. Серафима (Чичагова).

Назначение не совсем было удачным. Оно, кроме новых смут и волнений, ничего больше не принесло.

Иосифляне смотрели на митр. Серафима как на человека, строящего себе земное благополучие и потешающего «свое честолюбие на костях страждущего предшественника».

Его прошлое (изгнание общим епархиальным собранием из Твери, а затем непринятие в Варшаве) вызвало в отколовшихся одну только антипатию³.

В четверг 24 февраля ст. ст. (8 марта н. ст.) 1928 г. митр. Серафим прибыл в Ленинград. Сразу же после своего приезда он послал пригласительное письмо еп. Димитрию, но тот письма не принял, заявив, что он знает только Ленинградского митр. Иосифа, заместителем которого он (еп. Димитрий) является. С своей стороны еп. Димитрий звал к себе митр. Серафима, но только без по-

¹ См. Письмо еп. Димитрия к архим. Льву. 1928 г. Архив М. М. № 23.

² Там же.

³ Важная разница в степени канонического достоинства двух Ленинградских митрополитов — Иосифа и Серафима. См. Архив М. М. № 24.

сторонних. Согласился ли последний посетить еп. Димитрия, нам ничего неизвестно¹.

Новоназначенный митрополит неумоимо произносил в Ленинградских церквах проповеди, ярко освещая лиц церковного разделения. Однако смуты и нестроения в епархии не прекращались.

Иосифляне, поскольку их стали обвинять в незаконном отделении, решили теперь канонически обосновать свой отход и снять с себя, как им казалось, неправо обвинение, возлагаемые на них православными епископами и духовенством.

В специальном документе, в виде сжатого резюме, они изложили ряд церковных правил, в которых усмотрели достаточное каноническое основание для своего отхода от первоиерарха.

Вот в каком виде был написан этот документ:

«1. Мы идем за своим каноническим митрополитом Иосифом, от которого не должны отступать и прекращать возношений его имени в Божественном тайнодействии, „прежде соборного рассмотрения“, какового не было (Двукр. Соб. прав. 14).

II. Указывают на 15-е правило Двукр. Соб., говорящее о Патриархе, но 1) митр. Сергий не патриарх, а только временный Заместитель митр. Петра, — которого возносим.

2) Митр. Петр поручил митр. Сергию временное управление Русскою Церковью, но не поручил нарушать канонические правила, на которых должно основываться это управление.

3) 14-е правило Двукр. Соб. в отношении митр. Иосифа нарушено еп. Николаем Петергофским раньше, чем мы якобы нарушили 15 пр. и первое нарушение было поводом ко второму мнимому нарушению.

4) В действиях митр. Сергия усматривается наличие ереси и даже худшего ее, что дает право на отхождение „прежде соборного рассмотрения“ даже и от Патриарха.

III. Митрополит Сергий не имел права вторгаться в управление нашей епархией без согласия митр. Иосифа: III Всел. Соб. 8-е правило; Антиох. 9-е; Карфаг. 64, 67.

IV. Митр. Сергий не имел права поставлять викарных епископов к нам (Сергий Зенкевич) без согласия митр. Иосифа: I Всел. Соб. 6-е правило.

V. Тем более не имел права посылать к нам митрополита (Серафима Чичагова), пока наш митр. Иосиф жив и пока он добровольно не отрекся от митрополии: Двукр. Соб. прав. 16-е.

VI. В Божественном тайнодействии мы должны возносить имена своих патриархов, митрополита и епископа (Двукр. Соб. 13—15 прав.). Но на одном месте двух имен возносить не должны, чего

¹ С. А. прот. «Новое разделение в Прав. Церкви, т. н. иосифлянство или димитрианство и автокефалисты». Ленинград, 1929 г. (Машинопись). Архив М. М. № 15.

теперь требует митр. Сергей, заставляя возносить вместе с именем митрополита Петра и свое имя.

VII. Насильственные переводы епископов из одной епархии в другую правилами строго воспрещаются, даже в случае, если бы клир и народ не принимал епископа (Ап. пр. 36), чего в отношении митр. Иосифа нет, или даже если бы было внешнее непреодолимое препятствие к принятию епископом управления епархией (VI Всел. Соб. прав. 37).

VIII. Указывают на примеры принудительных переводов епископов с одной кафедры на другую в прежнее время. Но, когда бывало, чтобы переводили одновременно свыше 40 епископов, притом даже без их ведома? И бывали ли примеры, чтобы переведенный все-таки не давал согласия и не ехал, а требовал бы соборного рассмотрения своего дела? А если бы и бывали подобные примеры, то они никогда не считались нормальными.

IX. Церковь Православная — Соборная (ср. 37 пр. Свв. Ап.); Митр. Сергей управляет ею единолично и совершенно произвольно. Организация «Синода» и выбор членов его без совета с другими епископами; запрещение епископов в священнослужении без Собора, на что не дерзал даже и Святейший Патриарх Тихон и т. д.

X. В этом усматривается уже нарушение догматического учения о Святой Церкви («...Верую во Единую Святую. Соборную и Апостольскую Церковь»)»¹.

Насколько действительны эти канонические основания, приводимые в свою защиту иосифлянами, покажет нам краткий разбор данных церковных правил.

1. «Мы, — говорят они, — идем за своим каноническим митр. Иосифом», от которого не должны отступать, согласно 14 пр. Двукр. Собора.

Прежде всего для Ленинградских викариев и паствы каноническим и правомочным епископом являлся тот архиерей, который был назначен Высшей Церковной Властью управляющим епархией, а таковым был уже не митр. Иосиф, а митр. Сергей, как временно возложивший на себя управление митрополией.

Далее, несправедливо после этого ленинградские викарии считали Иосифа своим каноническим митрополитом. Таковым он уже не мог быть с того момента, когда Высшая Церковная Власть перевела его в Одессу. Законным и правомочным архиереем Ленинградской епархии на данный момент являлся первоначально митр. Сергей, а потом митр. Серафим (Чичагов). Первый управлял временно, а другой как правящий.

Ссылка на 14 пр. Двукр. Собора взята совершенно произвольно и не соответствует реальности.

¹ См. Архив М. М. № 40.

В нем определенно говорится, что «Аще который епископ, поставляя предлогом вину своего митрополита, прежде соборного рассмотрения, отступит от общения с ним..., да будет низложен».

Что же здесь общего с тем положением, которое занимали Ленинградские викарии и митр. Иосиф? Ничего. Правило говорит о самовольном отступлении епископа от митрополита, причем с указанием вины его, но отнюдь не о том, чтобы викарные епископы продолжали подчиняться правящему архиерею, переведенному Высшей Церковной Властью в другую епархию, ожидая какого-то соборного решения. Ясно, что ссылка на 14 пр. Двукр. Собора не только неосновательна, но и преступна, как искажающая смысл церковного правила.

2. Митр. Сергей действительно не патриарх, но, согласно пря-
мому смыслу завещания и Патриарха Тихона, и митр. Петра, он имел права патриаршие и был фактически не Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, а временно исполняющим обязанности Патриарха (См. Завещание митр. Петра от 6 декабря 1925 года), а отсюда, следовательно, являлся на данный момент перво-
иерархом Русской Православной Церкви, которому обязаны были подчиняться все епархиальные и викарные архиереи, согласно 34 ап. правилу.

Неосновательно обвинение иосифлянами еп. Петергофского Николая (Ярушевича) в нарушении им 14 пр. Двукр. Соб.

Епископ Николай ни в чем не обвинял митр. Иосифа и признавал его каноническим митрополитом до того момента, пока последний являлся епархиальным архиереем Ленинградской митрополии. Но когда митр. Иосифа перевели в Одессу, иными словами, когда он перестал быть Ленинградским митрополитом, тогда еп. Николай стал почитать и признавать другого канонического архиерея, назначенного Высшей Церковной Властью в Ленинград, оставаясь в молитвенном общении с митр. Иосифом и с другими иерархами. Никакого нарушения 14 пр. Двукр. Собора со стороны еп. Николая не было.

Обвинение митр. Сергия в ереси основано не на церковных правилах, а на человеческих выдумках и субъективных оценках фактов.

3. Ссылаясь на правила: 3 Всел. Соб. 8-е; Антиох. пр. 9-е и Карфаг. 64 и 67, они признают, что митр. Сергей не имел якобы права вторгаться в управление Ленинградской епархией без согласия митр. Иосифа.

В соответствии с указанными правилами утверждения иосифляны можно было бы признавать, но только в том случае, если бы, во-первых, митр. Иосиф был бы митрополитом с правами перво-иерарха, а во-вторых, если бы он не был переведен в другую епархию, т. е. оставался бы Ленинградским митрополитом. Но в том-то и вся суть, что митр. Иосиф, в соответствии с теми правилами, на которые ссылаются иосифляне, являлся только епархиальным архиереем, во всем подотчетным первоиерарху Поместной Церкви митр. Сергию, и когда он был переведен в другой город

и епархия осталась вакантной, то, как первоиерарх, митр. Сергей на законных основаниях, не требующих уже согласия митр. Иосифа, возложил на себя временное управление Ленинградской епархией.

4. На том же самом основании митр. Сергей имел право и рукополагать викарных епископов для Ленинградской епархии, не согласуя этого вопроса с митр. Иосифом.

5. Первая половина 16 пр. Двукр. Собора, на которую ссылаются иосифляне, так читается: «По причине случающихся в Церкви Божией распрей и смятений, необходимо и сие определить: отнюдь да не поставляется епископ в той Церкви, которой предстоятель жив еще, и пребывает в своем достоинстве, разве еще сам добровольно отречется от епископства. Ибо надлежит прежде привести к концу законное исследование вины, за которую он имеет удален быть от епископства, и тогда уже по его низложению, возвести на епископство другого, вместо его»...

Действительно, правило это говорит о том, что нельзя назначать нового епископа в епархию, пока жив ее предстоятель и пребывает в своем достоинстве и, более того, нельзя назначать даже в том случае, если законный епископ добровольно откажется от своей епархии до тех пор, пока не будет рассмотрена его вина. отречения собором епископов или Синодом. (См. толкование на это правило еп. Никодима Далматинско-Истрийского, кн. 2, стр. 310 и кн. 1, стр. 320).

Но было ли нарушено митр. Сергием это правило тем, что он назначил на Ленинградскую кафедру нового епископа — митр. Серафима (Чичагова)? Конечно, нет. Митр. Иосиф, по независимым от него обстоятельствам, оказался в таком положении, которое предусмотрено 18 пр. Ант. Собора, вследствие этого митр. Сергей совместно с Врем. Патриаршим Синодом не низложил митр. Иосифа с его епископского достоинства, что, собственно, предусматривает 16 пр. Двукр. Собора, а только перевел, согласно 14 ап. правилу, в другую епархию в чести и достоинстве епископском, и, таким образом, Ленинградская епархия стала вакантной. И только после этого туда был назначен новый епископ.

Правда, митр. Иосиф отказался выполнить постановление Заместителя и Врем. Патриаршего Синода, но это было уже с его стороны нарушением церковной дисциплины, за что, согласно 17 пр. Ант. Соб. он подлежал отлучению от церковного общения, а занимаемая им раньше кафедра становилась свободной.

7. Перевод митр. Иосифа совершился не насильственно, а в силу обстоятельств, о которых сказано в 18 пр. Ант. Собора. Толкование указанных ими правил — 36-го Ап. и 37-го VI Всел. Собора — дано в искаженном смысле. Ни то, ни другое правило не говорит о том, чтобы Высшая Церковная Власть не имела права, в случае нужды, переводить архиереев с одной епархии на другую. И 36 ап. правило, и 37-е VI Всел. Собора — оба говорят о том, что если епископа не примут по злобе ли народа в тот город, куда он назначается, или же не будет иметь возможности пребывать в сво-

ей епархии по той причине, что его область занята неверными, то за ним сохраняется честь и звание епископское. А находясь вне своей епархии по указанным выше причинам, он, как гласит 18 пр. Ант. Соб., «...да ожидает, что определит о нем совершенный собор той области, по представлении в оный дела». И если Высшая Церковная Власть определила, чтобы митр. Иосиф занял вдовствующую Одесскую кафедру, то он должен был бы повиноваться и поехать к месту своего назначения или же, в случае отказа, подпасть под церковное запрещение, согласно 17 пр. Ант. Соб.

8. Указание иосифлянами на тот факт, что якобы митр. Сергей и Синод одновременно переместили до 40 епископов, не соответствует действительности. Таких перемещений не было и не могло быть.

В истории Русской Православной Церкви наблюдалось большей частью послушание архиереев, а не противление. К примеру, митр. Владимира (Богоявленского) из Петрограда перевели в Киев, а митр. Макария (Невского) уволили на покой, хотя и тот, ни другой в душе не были согласны и тем не менее повиновались Высшей Церковной Властью.

9—10. Митр. Сергей по необходимости, до учреждения Временного Патриаршего Синода, управлял единолично, но в его управлении не было нарушения Церковной Соборности, поскольку он являлся законным восприемником патриарших прав и сохранял непрерывное звено иерархической власти с Патриаршим Местоблюстителем, с Патриархом Тихоном и со всей Восточной Церковью. С момента же учреждения Временного Патриаршего Синода митр. Сергей управлял уже не единолично, а соборно.

Организация Синода по обстоятельствам времени иной быт не могла, поскольку не было возможности созвать Собор епископов.

Запрещение, наложенное митр. Сергием на епископов, нельзя считать единоличным, поскольку оно применено совместно с членами Синода.

Исходя из всего вышеуказанного, видеть в действиях митр. Сергия какое-либо нарушение догматического учения о Церкви никак нельзя.

Итак, краткий разбор тех оснований, на которых создали свой отход иосифляне, показывает нам всю несостоятельность их утверждения и, однако, несмотря на то, они уверенно шли своим путем, думая, что путь их правый и не имеет каких-либо ошибок.

14/27 марта состоялась сессия Свящ. Синода, на которой было вынесено постановление об увольнении от занимаемых кафедр и о запрещении в священнослужении митр. Иосифа (Петровых), еп. Дмитрия (Любимова) и еп. Сергия (Дружинина), архиеп. Серафима (Самойловича), архиеп. Варлаама (Ряшенцева), еп. Евгения (Жобранова), еп. Иерофея (Афонина) и еп. Алексия (Буй).¹

¹ Письмо еп. Мануила к матушке Серафиме от 15/28 марта 1928 г. См. Архив М. М. № 34.

Но и это постановление в отношении отпавших не имело никакой силы. Все указанные архиереи, кроме архиеп. Серафима (Самойловича), решительно пренебрегли запрещением и продолжали служить и управлять епархиями и викариатствами.

Митр. Серафим (Чичагов), ввиду непрекращавшегося разделения среди архипастырей и верующих Ленинградской епархии, 19 марта (1 апр. н. ст.) 1928 года распорядился по всем храмам и церквям совершать особое молебствие об умиротворении Церкви.

Но ни церковные прещения, ни отлучения, ни даже народные молебствия не унимали последователей митр. Иосифа. Они, подобно оторвавшемуся камню от скалы, все ниже и ниже падали в глубь отмежевания от митр. Сергия и единомышленников ему архиереев. А причина этого падения заключалась в той крайности, которую они допустили в своем удалении.

Когда иосифляне задавали вопросы: «Если вернется из ссылки митр. Петр и признает послание митр. Сергия и действия его законными, будут ли они участвовать с ним в молитвенном общении, признают ли его законной главой Русской Церкви?» — то в ответ на эти вопросы иосифляне делились надвое: одни из мирян говорили: «Молитвенного общения с митр. Петром и его единомышленниками мы прерывать не будем»; а другие, наоборот, отвечали так: «Если только митр. Петр признает законным послание митр. Сергия и вступит с ним в молитвенное общение, тогда мы прервем молитвенное общение с митр. Петром и священниками, возносящими его имя»¹.

Такая противоположность взглядов и отношений к Церковной Власти свидетельствует лишь о том, что среди иосифлян не было единства и что одни из них (а таковых было большинство) смотрели на митр. Сергия как на иерарха, превысившего свои полномочия и допустившего по этой причине якобы неправильные действия, а другие видели в нем самого настоящего отступника от Православия, предателя и убийцу церковной свободы, общение с которым невозможно даже в том случае, если его действия признает сам Патриарший Местоблюститель.

Те, кто придерживался первого взгляда, нуждались в авторитетном засвидетельствовании правоты деяний митр. Сергия со стороны либо Патриаршего Местоблюстителя, либо другого лица, показавшего себя стойким борцом за Православие. И достаточно было появиться такому иерарху, чтобы снять с них всякое смущение и колебание и приобщить их к церковному единству.

Но для других, более строгих иосифлян, этого было мало. Для них стимулом правды являлся не авторитет, а образ их мыслей и чувств. Всякий, кто не разделял с ними их взгляды и мысли, становился уже для них противником.

Крайность эта вытекала из того факта, что иосифляне признавали только себя одних находящимися в недрах Православной

Церкви, а других — в расколе, иными словами, не они отошли в раскол, а митр. Сергий и те, кто последовал за ним.

Вот как высказывался по этому поводу митр. Иосиф в своем ответном письме к архим. Льву (Егорову):

«Погодите, придет, мы надеемся, время, когда будем говорить о наших событиях судом. И кто тогда будет более обвиняем — большой вопрос. А пока дело обстоит так: мы не даем Церкви в жертву и расправу предателям и гнусным политикам и агентам безбожия и разрушения. И этим протестом не сами откальваемся от нее, а их откальваем от себя и дерзновенно говорим: «не только не выходили, не выходим и никогда не выйдем из недр истинной Православной Церкви, а врагами ее, предателями и убийцами считаем тех, кто не с нами и не за нас, а против нас. Не мы уходим в раскол, не подчиняюсь митр. Сергию, а Вы, ему послушные, идете за ним в пропасть осуждения»¹.

Так смотрел на себя и на митр. Сергия митр. Иосиф. Естественно, что при таком взгляде на церковную жизнь нельзя было рассчитывать на какое-либо авторитетное лицо, которое смогло бы переубедить их или заставить отказаться от намеченного ими пути.

Отметим, что крайность иосифлян, как следствие, выразилась еще и в том, что свои отрицательные взгляды на митр. Сергия они перенесли на Церковь, на храмы и таинства.

Православную Церковь, возглавляемую митр. Сергием и Собором православных архиереев, они признавали не чем иным, как только «царством антихриста». Все храмы и монастыри сергиевской ориентации называли «вертепами сатаны», а священников — его служителями, таинство св. Евхаристии — бесовской пищей².

Считая православных пастырей безблагодатными, иосифляне запрещали своим последователям, да и сами боялись приобщаться у сергианских пресвитеров. Все, что признавалось в Православной Церкви святыней — все это подвергалось поруганию и оплеванию со стороны последователей митр. Иосифа.

И печальным был тот факт, что никто из раскольников не думал останавливать тех лиц, которые возводили подобное поношение на Православную Церковь. Больше того, сами вожди раскола разжигали в своих последователях пагубную страсть и изощрялись в злохулениях на православную святыню.

В середине апреля 1928 года митр. Иосиф предпринимает попытку реабилитировать себя пред гражданской властью и получить право на свободный въезд в г. Ленинград. С этой целью он обращается к Е. А. Тучкову и пишет ему письмо, в котором просит снять с него возводимые на него обвинения³.

¹ См. Архив М. М. № 23.

² См. Письмо митр. Сергия к митр. Кириллу от 5/18 сент. 1929 г. Архив М. М. № 75.

³ Архив М. М. № 17.

¹ Г. В. Церковная жизнь. (Машинопись). См. Архив М. М. № 23.

Письмо это было рассмотрено соответствующим лицом, но цели своей не достигло. Обвинения, указанные в письме, вероятно, подтвердились, и митр. Иосиф остался проживать в Моденском монастыре.

Это была его последняя попытка, после которой он уже ни к кому и ни за чем не обращался.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАСКОЛА

Способы распространения

Отделившись от молитвенно-канонического общения с митр. Сергием, вожди раскола, естественно, должны были не только упрочить свое положение, но и как можно больше вовлечь в это движение народные массы, духовенство и православный епископат. Миссия представлялась нелегкой.

Все сводилось к одному: признает ли народ и особенно епископат дело их заслуживающим поддержки или же нет. От этого зависел весь успех или же неудача.

Первое время распространение раскола явно набирало силу: тысячи простых верующих и десятки видных пастырей Ленинградской и других епархий откликнулись на воззвание отколовшихся епископов и пошли вслед за ними. Затем присоединилось несколько архиереев во главе с митр. Иосифом и даже подавали большие надежды «Ярославские» иерархи.

Однако спустя всего несколько месяцев дело изменилось. Первоначальный пыл уменьшился. Началась т. н. переоценка событий. Уменьшилось число присоединяющихся к расколу, хотя волнения в Ленинградской епархии продолжались. Не хватало епископского авторитета для такого большого дела. Авторитет же еп. Дмитрия был слишком мал. Российский же епископат стоял на стороне митр. Сергия, хотя с некоторыми его действиями и был несогласен.

Желая, вероятно, заручиться поддержкой со стороны «Соловецкого» епископата и тем самым усилить движение Ленинградского раскола, еп. Дмитрий послал в Соловецкую обитель своего послушника по имени Сергей. Сей «ревнитель благочестия» явился к епископам и в беседе с ними склонял их на сторону еп. Дмитрия. Епископы заявили, что они осуждают ленинградский раскол и считают этот поступок безумием еп. Дмитрия, который должен понести суровое наказание¹.

Характерно, что «Соловецкий» епископат подобных провокаторов, как послушник Сергей, приезжавших к ним в обитель, считал врагами церковного мира.

¹ Письмо прот. И. Шастова к митр. Сергию от 16 февр. 1928 г. См. Архив М. М. № 2-Б.

После неудачной попытки склонить кого-либо из «Соловецких» епископов на свою сторону еп. Димитрию оставалось действовать либо своим авторитетом, либо авторитетом других. Но так как своего авторитета было недостаточно, а другие авторитеты отказались его поддержать, то он и его единомышленники прибегнули к ложному способу создания авторитета своему делу. Он и другие отпадшие начали составлять списки архиереев, которые якобы отделились от митр. Сергия и присоединились к их движению. Списки эти, конечно, не лежали в канцелярии еп. Димитрия, а рассылались в разные города и области.

Таких списков было составлено в разное время и разными лицами несколько. Были списки, в которых числилось 18 архиереев, отшедших в раскол, в других 26, 28, а в одном списке даже 88 епископов. Но вся несостоятельность этих списков заключалась в том, что в них приводились имена таких архиереев, которые никогда не отходили от митр. Сергия. К примеру, в одном из списков (88) значится в числе раскольников даже еп. б. Лужский Мануил (Лемешевский)¹.

Подобная ложь не только говорила о нечестности уклонившихся в раскол, но и свидетельствовала о шаткости их положения.

Такой способ распространения, вернее, утверждения раскола был рассчитан большею частью на людей, мало знакомых с церковной действительностью, и он мог иметь свое действие только до времени.

Всякий слух, который мало-мальски говорил о каком-либо архиерее, что он недоволен распоряжениями митр. Сергия, использовался иосифлянскими вождями в своих целях. Так, например, узнав от кого-то, что митр. Новгородский Арсений (Стадницкий) недоволен кое-какими действиями митр. Сергия, распространили о нем молву, что и он состоит в числе оппозиционеров.

Для опровержения этих слухов митр. Арсений написал митр. Сергию специальное письмо от 28 марта (10 апреля) 1928 года, в котором ясно указал на то, что он никому не давал никаких полномочий вписывать его имя в число оппозиционеров, хотя и мог иметь по неосведомленности кое-какие недовольства на некоторые поступки Заместителя, и что действия митр. Агафангела, митр. Иосифа, еп. Димитрия и иже с ними он отнюдь не одобряет².

К числу ложных способов распространения раскола относится разного рода литература, издаваемая иосифлянами против митр. Сергия. В ней отдельные авторы старались как можно сильнее очернить личность первоиерарха. Сохранилась одна брошюра того времени под заголовком: «К характеристике митр. Сергия». Автор неизвестен. Она была написана в Нижнем Новгороде в начале 1928 г.

¹ Слово еп. Мануила, произнесенное в Очаковском подворье 1 мая н. ст. 1928 г. (вечером). См. Архив М. М. № 70.

² См. Архив М. М. № 2-ж.

В ней автор приводит разные отрицательные факты из прошлой жизни митр. Сергия, явно пытаясь доказать, что он (митр. Сергий) «изменник и предатель свободы Церкви» и что в его деяниях скрыты личинки пагубной ереси. Все эти пасквили, распространяемые среди народа и духовенства отколовшимися, как бы завершались разными предсказаниями и сновидениями «блаженных» и «юродивых».

Одна из таких «блаженных» видела во сне Божию Матерь и вблизи Ее стоящего еп. Димитрия. Божия Матерь возложила якобы на него руку и что-то сказала ему к утверждению в вере.

Другие же видели более страшные сновидения: они видели, как последователи митр. Сергия пребывают в огне геенском, а последователи митр. Иосифа в великой славе¹. Словом, упомянутые странники, «блаженные и юродивые» «пророчествовали» в пользу раскола против митр. Сергия. И, конечно, находились люди, которые верили всем этим «бабьим басням» и отходили от церковного единства.

Территориальное распространение раскола

Центром, откуда пошло распространение иосифлянства, был г. Ленинград. Здесь фактически зародилось новое церковное движение и затем уже перебросилось в окрестности и другие места.

С самого начала появления иосифлянства в Ленинграде и епархии в разделении перешли либо целиком, либо частично несколько храмов и монастырей. Таких храмов к концу апреля 1928 года насчитывалось около 20.

Главным храмом, где, можно сказать, сосредотачивались основные силы иосифлянства, являлся храм Воскресения, что на канале Грибоедова.

Весь причт этого собора почти в полном своем составе вступил на путь разделения и подписал акт об отделении от митроп. Сергия. Главную роль играл тогда и теперь настоятель храма проф.-прот. В. Верюжский. Ему содействовал прот. Феодор Андреев, известный нам из предшествующих глав своим письменным обращением к митр. Сергию. Здесь же служили видные протоиереи: ключарь собора кандидат богословия о. Никифор Стрельников, кандидат богословия Иоанн Никитин, Александр Флеров, Александр Тихомиров, Сергей Тихомиров — б. благочинный и духовник кающихся из обновления, свящ. Филофей Поляков, Боголюбов и др. Все они были единого духа и направления. В храме Воскресения совершали богослужения еп. Димитрий (Любимов) и еп. Сергий (Дружинин). Поминали митр. Иосифа.

Служили здесь иногда и проезжие архиереи, разделявшие взгляды иосифлян: еп. Алексей (Буй) б. Витебский и еп. Василий (Дохторов) б. Каргопольский.

¹ Беседа на текущие события церковной жизни (машинопись). Архив М. М. № 66.

В этом же храме совершались епископские и священнические хиротонии и присоединение к расколу.

Из других храмов разделения в г. Ленинграде известны следующие церкви:

1. **ЦЕРКОВЬ** на **ПОРОХОВЫХ** во имя Святителя Моисея Новгородского.

2. **ЦЕРКОВЬ** в **ПИСКАРЕВКЕ** Выборгского района в честь препод. Александра Ошевенского, б. монастырское подворье Олонецкой епархии.

3. **ЦЕРКОВЬ ДЕРЕВЯННАЯ** в б. Лютиковом подворье.

4. **ЦЕРКОВЬ** на **ПЕТРОВСКОМ ОСТРОВЕ**, в доме убежища престарелых артистов.

5. **ЦЕРКОВЬ СРЕТЕНИЯ** на Выборгской стороне.

6. **ЦЕРКОВЬ-ЧАСОВНЯ** в **ЛЕСНОМ**, б. Арзамасского Алексеевского женского монастыря.

7. **ЦЕРКОВЬ ГРУЗИНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ**, при б. подворье Красногорского монастыря, Архангельской епархии, что на Георгиевской ул. Большой Охты. Разделение здесь окончательно произошло около весеннего Николина дня 1928 года.

8. **ТИХВИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ** в Александро-Невской Лавре. Здесь вся двадцатка признала своим духовным руководителем еп. Димитрия (Любимова). Сюда же перешли архим. Алексей Терехин, иеромонах Игнатий, иеромонах Григорий и архиерей Варлаам. Происходило окропление храма. Окропление совершил б. духовник кающихся обновленцев прот. Сергей Тихомиров.

Разделение, как нам уже известно, коснулось не только г. Ленинграда, но и его окрестностей. Во многих сельских и городских храмах приходские советы и причты были недовольны действиями митр. Сергия и потому на призыв еп. Димитрия и еп. Сергия — порвать молитвенно-каноническое общение с первоиерархом — ответили согласием. Так появились церкви разделения в епархии.

Из них нам известны следующие церкви:

1. **ЦЕРКОВЬ** в **СТРЕЛЬНЕ**.

2. **ЦЕРКОВЬ** на **СТАНЦИИ ВОЛОДАРСКОГО** (Сергиево, по Балтийск. ж. д.) во имя преп. муч. Андрея Критского. Здесь служил наездом о. Филофей Поляков.

3. **ЦЕРКОВЬ ГОСПИТАЛЬНАЯ** в **КРАСНОМ СЕЛЕ**.

4. **ЦЕРКОВЬ** в **ТАЙЦАХ** по Балтийской ж. д.

5. **ПРИПИСНАЯ ЦЕРКОВЬ** в **АЛЕКСАНДРОВКЕ**.

6. **ФЕОДОРОВСКИЙ СОБОР** в **ДЕТСКОМ СЕЛЕ**.

7. **ЦЕРКОВЬ СЕЛА УДОСОЛО**, Кингисеппского уезда.

8. **СТАРО-ЛАДОЖСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ**.

Среди монахинь произошло разделение. Одна часть инокинь, признавшая митр. Иосифа, объединилась вокруг игумени Анфисы (перешедшая потом к сергиевскому православному направлению), а другая, оставшаяся верной митр. Сергию, объединилась около Алексеевской б. монастырской церкви.

9. **ЦЕРКОВЬ** в **СЕЛЕ ТИГОДЕ**, б. Ново-Ладожского, Волховского уезда. Сюда в 1928 г. еп. Димитрием был поставлен диакон.

10. **МОНАСТЫРЬ ЗЕЛЕНЕЦКИЙ**.

11. **ЦЕРКОВЬ** в **СЕЛЕ ТЕРЕБОНИЖЬЕ**, возле Зеленецкого монастыря.

Перечисленные храмы и монастыри Ленинградской епархии присоединились к разделению в вышеуказанный период, т. е. с декабря 1927 года по апрель 1928 года включительно.

В этот же период, кроме церквей, известны так называемые персональные присоединения к расколу.

К ним принадлежат:

1. **ИГУМЕНИЯ ВЕРОНИКА** с некоторыми монахинями из Воронцовского подворья Псковской епархии на Очаковской улице в г. Ленинграде.

2. **МОНАХИНЯ МАКСИМИЛЛА** и некоторые другие из Ладожского подворья у Нарвских ворот.

3. **ИНОКИНИ ОЛЬГА** и **МАРИЯ** из Бежецкого подворья.

4. **МОНАХИНЯ ПАВЛА** и еще несколько монахинь из упраздненного Полоцкого подворья за Нарвской заставой.

5. **ДО 50-ти МОНАХИНЬ** во главе с монахиней Иоанной из упраздненного Ивановского монастыря.

6. **НЕСКОЛЬКО МОНАХИНЬ** из Кикеринского монастыря, в том числе постриженница этого монастыря **АНАСТАСИЯ КУЛИКОВА**, жительствующая в квартире еп. Димитрия (Любимова) и принявшая схиму.

7. **СХИМНИЦА ЕКАТЕРИНА** и около 20 монахинь из Воскресенского Новодевичьего монастыря.

8. **ИЕРОДИАКОН НЕСТОР** и **ИГУМЕН КЛАВДИЙ** из Киевского подворья.

В период с мая 1928 г. по осень 1929 г. известны еще несколько храмов Ленинградской епархии, принимавших участие в разделении.

1. **ЦЕРКОВЬ** во имя преп. **СЕРАФИМА САРОВСКОГО** за Нарвской заставой в г. Ленинграде по ул. Стачек (Петергофское шоссе) присоединилась к разделению перед Мясопустным воскресением 1929 г.

2. **ЦЕРКОВЬ** в **СЕЛЕ ГАТЧИНО** Кингисеппского уезда. В сентябре 1928 г. сюда был назначен еп. Димитрием другой священник.

3—4. **ЗНАМЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ** и кладбищенская **ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ** в старом Петергофе.

5. **ЦЕРКОВЬ** в **СЕЛЕ МЫСЛОВО** по реке Волхове.

6. **ЦЕРКОВЬ** во имя св. апостолов **ПЕТРА** и **ПАВЛА** в с. Вырица Детскосельского уезда.

7. **ЦЕРКОВЬ** **ПДВОРЬЯ КАВКАЗСКОГО МОНАСТЫРЯ** в том же уезде.

8. **ЦЕРКОВЬ** в **НОСЕЛКЕ**.

9. **ЦЕРКОВЬ** в **НОВИНКАХ**.

10. ЦЕРКОВЬ в с. ГЕОГРИЕВСКОМ.
11. ЦЕРКОВЬ в СЕЛЕ ВШЕЛЯХ, Лужского уезда.
12. ЦЕРКОВЬ в СЕЛЕ ПОСОЛОДИНО, того же уезда.
13. ЦЕРКОВЬ в СЕЛЕ КРАСНЫЕ ГОРЫ.
14. ЦЕРКОВЬ села БАРАНОВА, Лужского уезда.
В АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЕ:
15. ЦЕРКОВЬ БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ.
16. НИКОЛО-ФЕОДОРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.
17. ИОСИДОРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.
18. ДУХОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Около 3-х недель обслуживалась иосифлянами.
19. ЦЕРКОВЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКАЯ НИКОЛАЕВСКАЯ, что на ул. Марата.
20. ЦЕРКОВЬ СЕЛА ЛЕБЯЖЬЕ, за Ораниенбаумом.
21. В г. Троицке (Гатчино). Сюда приезжал еп. Димитрия к болящей Марии Леленовой.
22. ПАДАНСКОЕ ВВЕДЕНСКОЕ ПОДВОРЕ, по Белой дороге на Большой Охте. Половина монахинь во главе с заведующей монахиней ПАНТЕЛЕЙМОНОЙ ЗАЙЦЕВОЙ в конце 1928 г. присоединилась к разделению.

Итак, по количеству тех церквей (42), которые мы перечислили, видно, что разделение довольно широко распространилось в Ленинградской епархии. Оно охватило Кингисеппский, Лужский, Волховский, Детскосельский и др. районы области.

Однако одной Ленинградской епархией разделение не ограничилось. Оно, как нам уже известно, возникло и в других епархиях, чему, несомненно, содействовало либо влияние Ленинградского раскола, либо однообразие причин, порождавших это разделение.

Так, в г. Твери первоначально присоединились к расколу женский ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКИЙ монастырь, а затем НИКОЛЬСКАЯ церковь Желтиковского монастыря, в богатом рабочем районе. В последнюю, после смерти архим. Иосафа, был назначен из храма Воскресения еп. Димитрием иеромонах Горгоний, постриженник Ново-Афонского монастыря. Здесь уже было прямое воздействие ленинградских раскольников.

В г. Серпухове Московской епархии разделение обязано еп. Александрию (Готовцеву).

Почти половина — 8 церквей — отошла от митр. Сергия и присоединилось к еп. Димитрию (Любимову). Акт отделения, как нам уже известно, был подписан серпуховским духовенством 30 декабря ст. ст. 1927 г. В феврале 1928 г. сюда был назначен иосифлянского поставления еп. МАКСИМ (Жижиленко), по образованию доктор медицины.

В самой Москве известны три церкви, находившиеся в разделении:

- а) ГРУЗИНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ в Китай-Городе.
- б) ВОЗДВИЖЕНИЯ, на Воздвиженке.
- в) НИКОЛА БОЛЬШОЙ КРЕСТ, в Китай-Городе.

В последней главным инициатором разделения являлся настоятель этого храма прот. Валентин Свенцицкий.

Это был человек незаурядных способностей, имевший большое влияние на интеллигенцию г. Москвы. Характерно, что он и его образованная паства жили как бы единым духом, единым движением сердца и одними мыслями.

Незадолго до своей кончины, последовавшей после 1930 года, он осознал свою ошибку и, примиренный с митр. Сергием, скончался о Господе.

Параллельно с ленинградским расколом возникло самостоятельно разделение в уездах Глазовском, Котельничском, Яранском, Слободском и в слободе Кухарка Вятской епархии.

Отделившиеся церкви возглавил еп. Глазовский Виктор (Островидов). О нем мы будем говорить в отдельной главе.

Там же отделился 4 марта н. ст. 1928 г. еп. Яранский НЕКТАРИЙ (Трезвинский) и еп. ИЛАРИОН (Бельский).

В г. Никольске, Вологодской губернии, разделение возглавлялось еп. ИЕРОФЕЕМ (Афониным).

Разделение проникло в соседнюю Новгородскую епархию.

В самом Новгороде перешла в раскол СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ церковь, а в епархии — в Московницах близ станции Мшинск и в селе Велебница.

Из Перекомского монастыря община из 12 братьев во главе с архим. Сергием присоединилась к расколу.

В Воронежской епархии несколько церквей: в с. Избердей близ ст. Грязи и в с. Придача, возглавлявшиеся еп. АЛЕКСИЕМ (Буй).

Отдельные церкви присоединились к разделению в Киеве, на Кубани (сюда ставились еп. Димитрием священники), в Псковской епархии вблизи Витебской губернии и на Урале.

Небольшие общины чисто иосифлянского происхождения были насаждены в г. Красноярске (архим. Неофитом), в г. Киеве и в Харькове.

В Харькове община была образована архим. Киево-Печерской Лавры КЛИМЕНТОМ и архим. МАКАРИЕМ. Оба архимандрита и 4 монаха перешли к еп. Димитрию. Здесь же вошел в молитвенное общение с еп. Димитрием еп. б. Ялтинский ПАВЕЛ (Кратиров).

Вот, собственно, те епархии, которых коснулась волна разделения. Она охватила сравнительно небольшую территорию. Если не считать тех городов, где возникли малые общины, то получится, что разделение произошло в Москве и частично в Московской епархии и в епархиях: Тверской, Вятской, Воронежской, Псковской и на Кубани.

Да и в этих епархиях число церквей, перешедших в иосифлянство, не считая церкви в Серпухове и в Вятской епархии, было так незначительно, что они едва были заметны среди храмов сергиевского православного направления.

ЛИЦА, УШЕДШИЕ В РАСКОЛ

Мы не имеем в виду в данной главе перечислять всех лиц, которые уклонились в разделение — да это технически и невозможно. Мы намерены дать лишь общую оценку их духовно-нравственного облика.

Итак, что же это были за лица, восставшие против своей законной Церковной Власти?

Кратко мы можем ответить, что это были лица не одинаковых нравственных и моральных качеств.

Одни из них были людьми идейными, а другие либо руководствовались личными интригами, либо преследовали чисто социальные цели. И это подтверждается действительностью. К примеру, возьмем епископов, ушедших в разделение.

Так, еп. Димитрий (Любимов) еще в дни своего пастырства был скромным, обычным рядовым священником и чем-либо особенным не отличался. Это был, как говорил о нем один из русских святителей, человек с «купеческой» расчетливостью. И трудно сказать, что толкнуло его на путь разделения: чистота ли Православия или же вышеуказанная расчетливость? Во внешнем проявлении действовало как будто бы первое, но а что скрывалось внутри него — об этом ведает один Господь.

Еп. Сергей (Дружинин) — выходец из простецов. Придворный царский духовник. Он, естественно, тяготел к старым временам и не мог симпатизировать новому Советскому Правительству и тем, кто так или иначе стремился к тесному взаимоотношению с гражданской властью.

Митр. Иосиф, как нам известно, отделение свое созидал не столько на идейности, а сколько на личной неприязни* к митр. Сергию.

То же самое можно сказать и о еп. Евгении (Кобранове) — своим отделением он сводил личные счеты с первоиерархом.

О других епископах мало что известно. Словом, уклонившиеся в иосифлянство епископы не отличались большой идейностью, хотя и стремились показать себя таковыми пред людьми.

Все они страдали духовной недалечностью, не дававшей им правильно оценивать ход исторических событий в прошлом, настоящем и будущем.

Гораздо большей идейностью и, можно сказать, примерностью и нравственной чистотой отличалось низшее духовенство.

Среди них были замечательные пастыри, показавшие себя стойкими борцами за чистоту Православия. Таковыми были: проф. прот. В. Верюжский, прот. Сергей Тихомиров и другие.

Не зря поэтому еп. Серпуховский Мануил выражал свою скорбь по поводу их отделения. «Отошли, откололись наилучшие пастыри, — с болью в сердце говорил он, — которые своей не-

* Об этом говорит сам митр. Сергей в своем письме к митр. Агафангелу от 10 фев (28 янв.) 1928 г. См. Архив М. М. № 2.

порочностью в борьбе с обновленчеством стояли много выше других»¹.

Однако были и такие, которые думали о себе слишком высоко и даже в своих догматических взглядах на Церковь допускали погрешность. Таков, например, был прот. Феодор Андреев, который заранее брал ориентацию на католичество, распространяя в Ленинграде взгляды В. Соловьева², и другие.

Лица из мирян, ушедшие в раскол, делились на три группы.

К первой группе относилась академическая и ученая интеллигенция, которая по своим религиозным взглядам не могла идти на сделки со своей совестью, усматривая в деяниях митр. Сергия отступление от истины.

Ко второй группе принадлежали лица высшего светского класса царской России: старые чиновники и др.³ Большинство из них были недовольны новым социальным строем, установленным Октябрьской революцией. Они-то и потянулись под покров иосифлян, надеясь найти себе в них верных союзников, и иосифлянский раскол, наряду с религиозным движением, принял окраску политическую.

К третьей группе принадлежал простой народ, который в делах веры руководился больше чувством, чем разумом.

В большинстве своем здесь были «люди экзальтированные, не всегда уравновешенные, нередко чуждые элементарных понятий церковных и богословских, смешивающие свои гражданские симпатии с религиозными идеалами и все вместе взятые не имеющие никакого понимания соборного спасения в Церкви»⁴.

Мы уже видели, что сюда относились «блаженные», «юродивые», «странники», «провидцы» и т. п. Среди них можно было увидеть людей, слепо веривших всяким небылицам и до фанатизма настроенных против своих противников.

В Серпухове, например, последователи иосифлян из простой массы настолько сильно питали ненависть к сергиевским священнослужителям, что правящий православный епископ боялся ходить в храм один, так как иосифляне всегда держали у себя за пазухой камни и грозили при всяком удобном случае нанести увечье архиерею.

Таковы были лица, отложившиеся от митр. Сергия и образовавшие иосифлянский раскол.

¹ Слово еп. Мануила, сказанное в Троицком соборе в воскресенье 29 апр. 1928 г. в г. Ленинграде. См. Архив М. М. № 70.

² Правда о религии. Москва, 1956 г., стр. 396.

³ «Известия ЦИК», апрель 1928 г.

⁴ Пастырское послание еп. Мануила от июля 1928 г. См. Архив М. М. № 8.

ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАСКОДА И КАНОНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЭТОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Казалось, что с отходом от митр. Сергия иосифляне прежде всего должны были бы образовать какое-либо центральное церковное управление, которое руководило бы всеми сторонами жизни нового общества.

Но, как показывает действительность, этого они не сделали. У них были свои определенные цели и планы, исключавшие совершенно вопрос о какой-то организации центрального управления. Фактически иосифляне не стремились создать раскола или особого общества, находящегося вне единства церковного. Их главная цель заключалась в том, чтобы своим отходом от митр. Сергия сохранить свободу Церкви и оградить себя и паству от якобы пагубных действий первоиерарха. Более того, они, как ясно заявил об этом митр. Иосиф, признавали не себя ушедшими в раскол, а митр. Сергия и всех единомышленных ему архиереев. Отсюда, следовательно, у них создавалось понятие, что они находятся и будут находиться в недрах Православной Церкви. Вопрос же об организации управления в широком масштабе ими не поднимался, а о том управлении, которое принадлежало по праву каждому епископу, они мыслили так: во главе Ленинградской епархии стоит митр. Иосиф. Ему, как епархиальному архиерею, подчинены викарные епископы, пастыри и все миряне. Церковная область управляется самостоятельно на правах автономии.

Вот так мыслили и в таком виде, вероятно, предполагали первоначально епископы-иосифляне сохранять церковно-административное управление в Ленинградской епархии. Однако церковные события изменили в них первоначальное направление и приблизили их к расширению епископских полномочий.

По принципу церковных правил, каждый архиерей управляет и руководит паствой только в пределах своей епархии. По этому принципу и отделившиеся архиереи Ленинградской епархии, поскольку они стремились к соблюдению чистоты Православия, должны были бы управлять и делать соответствующие распоряжения только в пределах Ленинградской области, как это сделали Ярославские иерархи. Но они нарушили этот принцип и, незаметно для себя, в сущности, предвосхитили себе права первоиерарха, т. е. простерли свою власть за пределы своей епархии. Из областных архиереев они превратились во всероссийских. Правда, они не создавали специального центрального, хотя бы и временного, церковного управления, как это сделали григорианцы, образовавшие Временный Высший Церковный Совет, но, однако, своими действиями епископы-иосифляне показывали, что церковно-административное управление находится в их руках и что от них должно исходить всякое распоряжение, имеющее общецерковное значение.

Характерно, что иосифляне стремились объединить даже Ярославскую оппозицию под главенством митр. Иосифа¹ и тем самым еще сильнее упрочить за собой первенствующее значение в церковном управлении. Этого они не достигли, но самый факт их действия показывал о наличии в них стремления сосредоточить в себе церковно-административную власть.

Как показывала действительность, с того момента, когда митр. Иосиф официально стал во главе отколовшихся, Ленинградские викаррии и, в частности, еп. Димитрий (Любимов) вышли из области своих полномочий и простерли свои действия за пределы Ленинградской епархии. Так, прежде всего, они обращаются с архиерейскими посланиями в другие епархии с целью либо склонить на свою сторону духовенство и мирян, либо утвердить их на пути совершившегося уже отделения. Затем они рукополагают священников и посылают их в приходы Вятской, Краснодарской и других епархий и даже поставляют своего епископа Максима в Серпухов, хотя прекрасно знают, что там есть законный православный еп. Сергей (Гришин).

Подобные действия не были уже действиями только епархиального или викарного архиерея — они приобретали всю силу первоиерарха, а отсюда, следовательно, и епархиальное управление принимало структуру Высшего Церковного Управления.

Но как рассматривать с точки зрения церковных правил действия иосифлянских епископов и их форму правления?

Рассматривать можно только отрицательно.

Не говоря уже о том, что и их отделение от митр. Сергия и служение в состоянии запрещения, в соответствии с правилами 31 Ап. 14 Констн. Двукр. Соб., 14 Сард. Соб., 28 и 38 Карфаг. Соб., были противоканоничны, настоящие их действия и форма правления идут в полный разрез с церковными постановлениями.

2-е правило Второго Всел. Собора определено говорит, что «областные епископы да не простирают своея власти на церкви, за пределами своея области... Не быв приглашены, епископы да не приходят за пределы своея области для рукоположения или какого-либо другого церковного распоряжения...»

То же самое подтверждает и 8-е правило III Всел. Собора: «...дабы никто из боголюбвейших епископов не простирал власти на иную епархию, которая прежде и сначала не была под рукою его, или его предшественников: но аще кто простер, и насильственно какую епархию себе подчинил, да отдаст оную: да не преступаются правила отец...»

«Епископ, — говорится в 35 Апост. правиле, — да не дерзает вне пределов своея епархии творити рукоположения во градах и в селех ему не подчиненных. Аще же обличен будет, яко сотвори сие без согласия имеющих в подчинении грады оные, или села: да будет извержен и он, и поставлении от него».

¹ См. Пис. митр. Агафангела к митр. Сергию от 25 марта 1928 года. Архив М. М. № 48.

По точному смыслу приведенных правил ни митрополит, ни епископ области или епархии не имеет власти вторгаться в дела другой епархии, и если отделившиеся архиереи распространяли архипастырские послания и рукополагали для других епархий священников и даже архиерея, то они явно нарушали церковные правила.

В соответствии с этим и форма правления отколовшихся иосифлянских епископов имела антиканонический характер.

Так ли или иначе, а в устроении церковного управления имеет значение собор православных епископов, от которого оно и получает свое утверждение. Управление же иосифлян было самовольным, дерзким и преступным, если не сказать больше.

Правда, они заявляли, что своей якобы церковной главой они признают митр. Петра, с которым и находятся в молитвенно-каноническом общении. Но, во-первых, о деяниях иосифлянских вождей митр. Петр ничего не знал и никакой санкции на устроение ими своего управления не давал, а во-вторых, они и Патриаршего Местоблюстителя признавали постольку, поскольку предполагали видеть в нем своего единомышленника, и достаточно было бы услышать им, что митр. Петр одобряет деяния митр. Сергия, как они с презрением отвергли бы и его над собой власть. За митр. Петра они только прятались и скрывали свои антиканонические стремления и действия. Фактически они уже были разобщены не только с митр. Сергием и единомышленным ему епископатом, но и с Патриаршим Местоблюстителем, и если они установили свои формы правления, то установили их самочинно и не к созиданию, а к разрушению церковного единства.

ОТНОШЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ЕПИСКОПАТА И ДУХОВЕНСТВА К ИОСИФЛЯНСКОМУ РАСКОЛУ

В большинстве своем православный российский епископат и духовенство, оставшиеся верными митр. Сергию, отнеслись к новому разделению в Церкви отрицательно. Правда, среди них были такие епископы и пастыри, которые не только неодобрительно, но и осуждающе смотрели на некоторые действия митр. Сергия, но тем не менее достаточных оснований к отделению от него не находили. Они признавали, что лучше и полезнее низойти к немощам своего первоепископа, чем создавать новый раскол. К этому были у них свои положительные предпосылки.

На церковной арене еще не утихли бури. Обновленчество хотя и было надломлено в своем основании, тем не менее еще продолжало разрушающе действовать на православную паству. А тут появилось григорианство, внесшее свою долю нестроения в церковную жизнь. Епархиальная и приходская жизнь была еще не благоустроена.

Все это тяжело ощущалось православным населением.

И создавать после этого какое-то новое разделение — значит

увеличивать и без того бедственное состояние Церкви. Вот почему, когда ленинградские викарии и митр. Иосиф вступили на путь разделения, они отнеслись к этому шагу отрицательно.

Мы остановим свое внимание на тех епископах и пастырях, которые не только высказывали свое осуждение расколу, но и принимали то или иное участие в борьбе с разделением. В этом отношении большое значение имеют «соловецкие» епископы. Правда, они, по условиям жизни, не имели возможности письменно обращаться к раскольникам, но тем не менее их суждения и высказывания против раскола разным способом доходили до слуха епископов и мирян.

Характерно, что «соловецкие» епископы внимательно следили за каждым ударом пульса церковной жизни и живо реагировали на те или иные события, возникавшие в недрах Церкви.

Еще в то время, когда только что начиналось волнение среди епископов, пастырей и мирян, вызванное декларацией и новой политикой митр. Сергия, — еще тогда они, хотя и не были всецело согласны с некоторыми пунктами декларации, осудили всякий шаг к разделению. Теперь же, когда им стало известно, что еп. Димитрий и иже с ним дерзнули нарушить церковный мир, они не только осудили виновника разделения, но и признали поступок его безумием, за который он подлежит суровому наказанию.

Известны имена некоторых «соловецких» епископов, стоявших на страже церковного единства. К ним принадлежали: архиеп. Иларион (Троицкий), архиеп. Прокопий (Титов), архиеп. Амвросий (Полянский), архиеп. Евгений (Зернов), еп. Глеб (Покровский)¹, еп. Мануил (Лемешевский), архиеп. Петр (Зверев) и др.

Их мнение разделяли некоторые лица духовного и светского звания: прот. Иоанн Шастов из Оренбурга и профессор Иван Васильевич Попов.

Мы располагаем одним письмом архиеп. Илариона (Троицкого) от 21 июля 1928 года, в котором выражен его взгляд на новое разделение в Церкви. А поскольку взгляд архиеп. Илариона был доминирующим среди «соловецкого» епископата, то мы не погрешим, если скажем, что его письмо отображает взгляд и остальных епископов.

Вот подлинная выписка из письма архиеп. Илариона:

«Что реку о всем. А то, что всем отделяющимся, я до крайней степени не сочувствую. Считаю их дело совершенно неосновательным, вздорным и крайне вредным. Не напрасно каноны 13—15 Двукр. Собора определяют черту, после которой отделение даже похвально, а до этой черты отделение есть церковное преступление. А по условиям текущего момента преступление весьма тяжкое. То или другое административное распоряжение, хотя и явно

¹ Письмо проф. И. Шастова к митр. Сергию от 16 фев. 1928 г. Архив М. М. № 2-6.

ошибочное, вовсе не есть «казус белли». Точно так же и все касающееся внешнего права Церкви (т. е. касающееся отношения к государственной политике и под.) никогда не должно быть предметом раздора. Я ровно ничего не вижу в действиях митр. Сергия и Синода его, что бы превосходило меру снисхождения или терпения. Ну, а возьмите деятельность, хотя бы Синода с 1721 по 1917 г. Там, пожалуй, было больше сомнительного, и, однако ведь, не отделялись. А теперь будто смысл потеряли, удивительно, ничему не научились за последние годы, а пора бы, давно пора бы... Утверждаются часто на бабьих баснях... Что поделаешь. Ухищрения беса весьма разнообразны. А главное есть терциус гаудеис и ему-то все будто подрядились доставлять всякое утешение. Да, не имеем мы культуры и дисциплины. Это большая беда...»¹.

Как видно из письма, взгляд самого архиеп. Илариона и, следовательно, и остальных находившихся с ним епископов на дело носифлян был только отрицательным.

Они (епископы) не только не сочувствовали отделившимся, но и считали дело их неосновательным, крайне вредным и даже тяжким церковным преступлением.

О самом митр. Иосифе архиеп. Иларион определенно высказывался и заверял, что он (митр. Иосиф), как допустивший грех отделения по злобе, останется до конца своей жизни при своих убеждениях.

«Открыточку Вашу получил, — писал он одним знакомым. — Рад, что письмо мое Вы получили, которое долго ждали, но только что не по моей вине долго дожидаться не могли. Больше тут Ваши приятели виноваты, которые совсем нехорошо поступают, что хоть не пиши совсем. Ну, еще какие письма получил, то скажу так. Везде писаны пустяки, кто напротив пишет. Какую штуку выдумали. Он мол отступник. И как пишут, будто без ума они. Сами в яму попадают и за собой других тащат. А Осиповы письма уж очень не понравились. Будто и не он пишет вовсе. У него будто злоба какая. И самый главный грех тот, что его на другую должность перевели. Значит и отступник. Это глупость. Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Допрежде по каким пустякам должность меняли и еще рады были, а теперь заскандалили. А теперь для пользы дела, не по интересу какому. Лучше дома жить, это что говорить, да от кого это зависит. С ним ничего не поделаешь, хоть об стенку лбом бейся, все то же будет. Значит, ругаются по пустякам и зря, вред себе и другим делают. Так-то, дорогой мой»².

Заверение архиеп. Илариона, действительно, оправдалось: митр. Иосиф так и остался в расколе.

Наряду с «соловецкими» епископами, болезненно переживали церковное разделение б. ленинградские епископы: Сестрорецкий

к стр. 106 Варлаам Ряшенцев
Архиеп. б. Пермский

¹ См. Архив М. М. № 11.

² Письмо архиеп. Илариона от 12 авг. 1928 г. См. Архив М. М. № 13.

к стр. 251 Афанасий (Сахаров)
Еп. б. Ковровский

к стр. 251 Кирилл (Смирнов)
Митр. Казанский и Свяжеский

к стр. 262 Амфилохий (Скворцов)
Епископ Красноярский

Николай (Клементьев), Кронштадтский Венедикт (Плотников) и Ладожский Иннокентий (Тихонов).

Все они порознь высказывались против раскола и присылали разным лицам в Ленинград письма, в которых, с одной стороны, доказывали, что в действиях митр. Сергия нет нарушения ни догматов, ни канонов, ни уставов (еп. Венедикт), а с другой — убедительно разоблачали всю несостоятельность греховной идеологии митр. Иосифа и еп. Дмитрия (еп. Николай и еп. Иннокентий).

Еп. Иннокентий (Тихонов) не ограничился письмами к частным лицам, но и написал обширное письмо еп. Дмитрию.

Письмо это (как и другие) не сохранилось, так что само содержание осталось неизвестным. Но надо полагать, что еп. Иннокентий убеждал в нем еп. Дмитрия оставить свой греховный шаг и возвратиться на правый путь. Однако убеждения православного иерарха не подействовали на епископа Дмитрия. Последний 1 июля 1928 г. ответил епископу Иннокентию обширным письмом, в котором повторил свои отрицательные взгляды на Православную Церковь, возглавляемую митр. Сергием. Очень жаль, что этого письма не сохранилось, а оно ценно тем, что в нем обстоятельно раскрыта вся идеология раскола¹.

Из писем еп. Николая (Клементьева) сохранилось, правда, в отрывках, одно весьма важное письмо к О. Ф. Б., написанное им в январе—феврале 1928 года. В нем он довольно логично на основании прошлой истории Русской Церкви и правильного умозаключения разоблачает непоследовательность митр. Иосифа и его действия.

Вот каковы суждения еп. Николая относительно сказанного выше:

«...Действия митр. Иосифа,— пишет он,— мне кажутся непоследовательными и не чуждыми некоторой тонкой своекорыстности.

1. Непоследовательны: прерывая общение с митр. Сергием, Владыко Иосиф поддерживает свое общение с митр. Петром, поддерживающим и одобряющим митр. Сергия. Выходит против математического правила: две величины, равные порознь третьей...

2. Но пряди тонкого своекорыстия почему-то обнаружались не тотчас после обнародования сергиевского обращения, а спустя два месяца, когда митр. Иосифа задело организационно-административное колесо Синода и митр. Сергия. Получается впечатление при чтении Иосифовских документов такое, что они не появились бы на свет, если бы автор их не был затронут служебным передвижением к некоторому понижению. Не протестовал он в прошлом году при назначении с Ростовской кафедры на Ленинградскую; полагаю, что не протестовал бы и в том случае, если бы обращению митр. Сергия сопутствовало бы какое-либо заявление с другой стороны, облегчающее положение Церкви.

¹ Беседы на текущие события церковной жизни. (Машинпись). См. Архив М. М. № 66.

Эти соображения ослабляют только силу протеста, но не уничтожают. Принципиальная сторона его — теряет ли Церковь вообще или священноначалие в частности свою чистоту и правду от своих заявлений покорности и содействия безрелигиозной власти — великий вопрос, который, независимо от осложнений личной борьбы действующих лиц, ставится жизнью и совестью людей и, конечно, когда-нибудь найдет свое решение. Если обращение сделано, выражаясь словами Писания, «уповающе токмо в животе сем», то оно и воспримлет здесь свое возмездие, если же автор его живет в надежде живота вечного — чего, я думаю, отрицать никак не следует, — то надо усматривать и мотивы издания обращения не шкурнические (простите грубое слово) и продажные, а попечительные о Церкви и преследующие ее спасительную пользу. В худшем случае, надо думать, митр. Сергей добросовестно заблуждается, а не сознательно предательствует. Лично я оцениваю его действия так: «Понятие «общества» (Церковь в ее человеческой половине) и народа шире понятия государства и власти — отсюда в конституциях вполне понятны и допустимы любовь к отечеству (народу и Церкви) и вражда к другим партиям, как органам управления. Сколько сменялось видов государства, устройства и форм власти только, например, в нашей истории, а народ русский — все один и Церковь единая православная. Любовь к Церкви и народу (Рим. гл. XII и I Кор. гл. XIII) долготерпеливо побеждала злое государство и власти.

Мы, архипастыри, как лица апостольского преемства, ответственны не за себя только и за свой исторический момент, но и за все прошлое. Дерзаем ли мы, например, осудить Церковь Петровского периода за то, что она, выстрадав от всешутейского и всепьянейшего церковного сообщества (собора), пошла на устройство свое в новых условиях тогдашней жизни и постепенно их изгладила? Если она ошиблась тогда, то мы, «зидя грады пророческия», тем самым виним себя и продолжаем их ошибку, — следовательно, неправославны. Но такого сознания в нас нет: несмотря на личные недостатки Феофана Прокоповича, Церковь не извергла его, хотя современники и сторонники Феоodosия Яновского весьма зазирали его и хотя наша иерархия есть ведь и его преемница. Так и митр. Сергей верит в избранный им путь церковного устройства и поскольку до него наши архипастыри и пастыри не противились законодательству советской власти в церковных делах до обращения митр. Сергея, по совести стараясь исполнять инструкции, несоответствующие канонам, и за это их не осуждали (в числе исполнителей были особенно ревнивы и нынешние противники митр. Сергея), постольку не следовало бы спешить осуждать, а тем более порывать с митр. Сергием сейчас, ибо, в сущности, пока он ничего не прибавил к тому, что фактически было...»¹.

Доводы еп. Николая настолько обстоятельны и правдивы, что с ними нельзя не согласиться, и хотя нам неизвестно, какое дей-

ствие они оказали на противников митр. Сергея, однако для тех, кому было послано письмо, эти доводы служили твердой опорой в противодействии расколу.

Из числа тех епископов, которые находились на епархиях, активное участие в борьбе с разделением принимали: митрополит Ленинградский Серафим (Чичагов), еп. Петергофский Николай (Ярушевич) и еп. Тутаевский, вик. Ярославской епархии Вениамин (Воскресенский). Все они, в меру своих сил и возможностей, в проповедях и беседах разоблачали заблуждения отколовшихся от своего первоиерарха и призывали верующих к церковному единству.

В Серпухове, где, как нам известно, немало было ушедших в разделение, принимал живое участие в противлении расколу еп. Серпуховский Сергей (Гришин).

Ему пришлось за свое противоборство испытать на своих плечах безумие иосифлян, выразившееся с их стороны во всевозможных поношениях, оскорблениях и т. п. дерзостях.

О рядовых пастырях, боровшихся с расколом, нет особой нужды говорить много: каждый из них, кто так или иначе соприкасался с иосифлянством, вносил своими проповедями долю участия в борьбе с расколом. Их труды в этой области благословлены Богом и одобрены Церковью.

Но мы отметим некоторых духовных лиц, участие которых в прекращении церковных смут проявилось в письменной форме.

К числу таких лиц относится о. Всеволод — пришлец в Ленинград, а затем удаленный. Он был своего рода духовным старцем. Под его руководством находились многие православные жители г. Ленинграда. В своих взглядах на деяния митр. Сергея и Патриаршего Синода о. Всеволод частично приближался к «соловецкому» епископату, а частично — к иосифлянам. Он осуждал мероприятия митр. Сергея, но считал их только частным каноническим преступлением первоиерарха и находил, что эти преступления не настолько велики, чтобы ради них порывать молитвенное общение с митр. Сергием и считать его безблагодатным.

В то время, когда он находился вне пределов г. Ленинграда, в Ленинградской епархии возникли церковные смуты и нестроения. Это, конечно, болезненно отразилось и на его духовных чадах. О своих смущениях они поведали своему духовному отцу, который не замедлил ответить им во утешение письмом такого содержания:

«Знаю, что у вас великие церковные недоумения и нестроения. У вас произошло разделение на две части. Одни стоят за митр. Сергея и за Синод, другие — против. Беспристрастно судя, и те и другие неправы. Митр. Сергей и его Синод выпустили воззвание, в котором смешивают церковное дело с политикой и совершают перемещение епископов помимо воли последних, издают распоряжения, которые по совести не могут исполнять многие право-

¹ См. Архив М. М. № 2-з.

славные, и превышают свои церковные права — права лишь Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Все это вредные для Церкви мероприятия. Они составляют частное каноническое преступление митр. Сергия и иже с ним. Но не таковы еще эти преступления, чтобы можно было объявлять митр. Сергия безблагодатным и требовать немедленного разрыва молитвенного с ним общения. Правы те, которые выставляют против митр. Сергия обвинения: но глубокая, ничем не оправдываемая ошибка их заключается в том, что они порвали общение с ним и даже объявляют его еретиком, а всех, находящихся в общении с ним, безблагодатными. Думаю, что они за это будут отвечать перед Господом. Есть, следовательно, неправда у одних, есть она и у других. Взаимные прещения одной и другой стороны не имеют поэтому никакой силы, потому что при этих прещениях ни та, ни другая сторона не опирается на истину Православия. Лишь то запрещение влечет за собою лишение благодати, которое согласно с волей Божией, выраженной во всей совокупности Православия. И лишь то благословение влечет за собою ниспослание благодати, которое согласно с волей Божией. Если же этого согласия нет, то не только благодать не отымается и не посылается, но сама церковная жизнь показывает, что все такие действия Церковью не принимаются, хотя бы их совершали великие Вселенские Соборы и самые православнейшие патриархи и синоды.

Таковы действия той и другой власти у вас. Обе не имеют догматической и канонической основы в своих прещениях друг на друга. И вы можете свободно ходить в те и другие храмы, моля Господа, чтобы Он дал каноническую правильность в отношениях между православными и умирил бы Церковь Свою.

Нельзя ходить только к явным раскольникам: обновленцам, григорианцам и украинцам. Этим последним бойтесь: они — безблагодатны¹.

Характерно, что о. Всеволод стоял на принципе отрицания церковных прещений, считая их недействительными в том деле, которое совершенно иосифлянами и сергианами. Конечно, в этом был его субъективный взгляд, основанный на ложных предположениях.

Он смешал простые суждения о деяниях митр. Сергия с осуждением, завершенным молитвенно-каноническим разрывом с первоиерархом, которое неминуемо влечет за собой церковное отлучение (14 пр. Двукр. Собора).

Мы сознательно привели письмо о. Всеволода, чтобы показать, что среди духовенства, пользовавшегося известного рода авторитетом, были такие священники, которые к вопросу о ликвидации нестроений в Ленинградской епархии подходили с точки зрения взаимных компромиссов враждующих сторон.

Письмо о. Всеволода перепечатывалось и передавалось от одного лица к другому, но какое оно имело действие на верующих, нам

неизвестно, однако для его духовных чад оно было вполне достаточным, чтобы устранять из их сердец смущение, вызванное церковным нестроением.

Необходимо упомянуть и о великом Ленинградском старце о. Михаиле (Прудникове), который хотя и не писал ничего против раскола, но однако своей жизнью и беседами с приходскими к нему людьми он удерживал верующих от разделения.

Еп. Димитрий (Любимов) уважал о. Михаила и даже надеялся, что он поддержит его авторитет, но последний ни на минуту не соглашался с руководителем раскола.

Отец Михаил о печальном состоянии церковной жизни, происшедшем от разделений, так говорил: «Ныне Церковь Божия вся в огне!»

А когда он умирал, то произнес такие последние слова: «Слава Богу, что я умираю в Православии. Великая беда тем, кто ушел в раскол».

После смерти о. Михаила (+3/IX-29 г.) о. Петр Крестовоздвиженский, его духовник, не ходивший до этого времени в те церкви, где поминали митр. Сергия, сразу же поспешил в храм «Скоропослушницы» и сказал, что молитвы о. Михаила спасли его от «пропасти», т. е. от раскола, а он весьма приближался к ней все время и влек за собою других.

БОРЬБА ЕП. МАНУИЛА С ИОСИФЛЯНСКИМ РАСКОЛОМ И ПОПЫТКА ИОСИФЛЯН СКЛОНИТЬ ЕГО НА СВОЮ СТОРОНУ

В истории борьбы и ликвидации иосифлянского раскола в самом центре его зарождения первенствующее место занимает еп. Серпуховский Мануил (Лемешевский).

О его деятельности можно было бы ограничиться кратким замечанием, но поскольку на фоне этой деятельности раскрывается история иосифлянского раскола (стремление иосифлян упрочить свое положение чрез создание нескольких церковных областей под главенством митр. Иосифа и еп. Мануила), постольку его деятельность в борьбе с расколом мы осветим подробно.

Чтобы яснее понять значение еп. Мануила в деле ликвидации иосифлянского раскола и стремление иосифлян склонить его на свою сторону, мы скажем несколько слов о его прошлой архиерейской жизни.

В сентябре 1923 года еп. Мануил был послан Патриархом Тихоном в Ленинград на борьбу с обновленческим расколом.

Началась горячая битва. Твердыня обновленчества поколебалась, дала широкую трещину и начала рушиться в своем основании. Одна за другой переходили церкви из обновления в Православие, приносили покаяние маститые протоиереи и священники, а народ плакал и своими слезами выражал радость о победе Православия над обновленчеством.

¹ См. Архив М. М. № 22.

Прошло 144 дня с момента вступления еп. Мануила в северную столицу, и Ленинград оказался в руках православных. Обновленчество потерпело поражение.

Борьба, которую с таким успехом провел еп. Мануил, сроднила его с Ленинградской паствой и снискала ему имя как одного из стойких борцов за Православие.

Даже сам еп. Димитрий (Любимов), тогда еще протоиерей, говорил о нем, что он подобен каменному столпу, высоко возвышающемуся над городом.

В феврале 1924 года еп. Мануил покинул Ленинград и поселился в обители преп. Зосимы и Савватия. Но Ленинградская паства не забыла его. Она терпеливо ждала его возвращения.

Когда в конце 1927 и начале 1928 года возникло разделение, то многие измененные и истерзаные от возникших смут и нестройный спрашивали еп. Димитрия (Любимова): «За кем же нам идти: за митр. Сергием или же за митр. Иосифом?» И тот отвечал: «Подождите, вот скоро вернется еп. Мануил, и он скажет, за кем вам идти».

И эти люди, именно для которых авторитет еп. Мануила был высоким, с сердечным страданием ожидали того благословенного дня, когда они смогут услышать из уст поборника Православия слово, указывающее им верный путь. И многие тогда говорили друг другу: «Что скажет еп. Мануил, то будет законом! Если скажет нам идти за митр. Сергием — пойдем за ним, если за митр. Иосифом — пойдем за Иосифом!»

10/23 февраля 1928 года еп. Мануил прибыл из северной обители в Москву. О его приезде быстро узнали вожди иосифлянского раскола, с таким нетерпением ожидавшие его возвращения. Они глубоко были уверены в том, что еп. Мануил пойдет вместе с ними и своим авторитетом поддержит их оппозицию против митр. Сергия. Но в этом, как увидим, была их основная ошибка.

Спустя два дня после приезда еп. Мануила митр. Иосиф поспешил послать к нему из Моденского монастыря иеромонаха с особым поручением. Посланец прибыл к епископу. Между ними состоялась беседа. Иеромонах от имени митр. Иосифа предложил еп. Мануилу войти в тесный контакт с последним и возглавить порвавших молитвенное общение с митр. Сергием в Москве и на юге России. «От вас требуется теперь согласие, — заявил посланец. — Если согласитесь, то митр. Иосиф приглашает вас к себе в Моденский монастырь, где в тот же день он возведет вас в митрополиты. Ну что вам стоит согласиться? — настаивал иеромонах. — Вы — авторитет, вы чистейший кристалл! За вами пойдет не только простой народ, но и весь российский епископат! Подумайте, какое вы делаете большое дело! Ну, согласитесь же, Владыко!»

«Нет, дорогой батюшка, — ответил еп. Мануил, — согласиться с тем, что предлагает мне митр. Иосиф, я не могу. Это претит моему внутреннему убеждению. Я — представитель «соловецкого» епископата. Все мы единогласно и единодушно в количестве 17 человек, под председательством архиеп. Илариона, клятвой скрепили

себя не отделяться от митр. Сергия, хранить церковное единство и не присоединяться ни к какой группе раздорников. Мне поручено «соловецким» епископатом доложить о всем этом митр. Сергию. Я давал клятву и нарушать ее не собираюсь. К тому же, я считаю дело митрополита Иосифа вздорным, не отвечающим ни церковным, ни монашеским идеалам. Передай ему, что ни за ним, ни за еп. Димитрием я не пойду. Я — монах и потому оказываю послушание своей законной церковной власти в лице ее митр. Сергия!»

Этим и закончилась беседа между иеромонахом и епископом, продолжавшаяся около двух часов.

О своей беседе иеромонах доложил митр. Иосифу, а последний сообщил своим викариям. Весть была довольно печальной.

То, на что так рассчитывали и на что надеялись вожди раскола, потерпело полную неудачу. Но и после этого они долго не могли еще согласиться с тем фактом, что еп. Мануил не пошел с ними и не разделил их участи.

Еп. Димитрий, когда услышал об этом печальном для него факте, с болью в сердце сказал: «Я не могу поверить, чтобы епископ Мануил был не с нами!» Но когда убеждался, что это именно так, тогда он, как бы в недоумении о совершившемся, говорил: «Неужели и этот высокий столп Православия пал?»

Отмежевание еп. Мануила от участия в разделении не только приводило в недоумение иосифлянских епископов, но и вносило в сердца их известного рода беспокойство за дальнейший успех своего дела. Ведь так еще недавно они говорили народу, что скоро возвратится еп. Мануил и тогда он укажет им, за кем идти. А говорили они так потому, что глубоко были уверены, что он будет во всем согласен с ними. Теперь же все получилось наоборот: Преосвященный Мануил стал на сторону митр. Сергия и тем самым указал, чье дело он признает правым. Становилось ясно, что он будет призывать ленинградскую паству идти за митр. Сергием, а не за митр. Иосифом.

Тогда, чтобы ослабить действие еп. Мануила на верующих и в какой-то мере сохранить свой авторитет, они стали распространять среди народа слух о том, что еп. Мануил изменил Православию.

Однако основная часть ленинградской паствы не верила этим слухам и с нетерпением ожидала его приезда в Ленинград.

Что же предпринимает еп. Мануил по отношению к иосифлянскому расколу?

Прежде всего, проживая в Московском Даниловом монастыре, он знакомится с церковною жизнью в Москве и особенно в Ленинградской епархии. Его беспокоила судьба ленинградской паствы. Ведь для него она была не просто паствой, но и родным детищем, как бы вскормленным его собственной кровью в годы борьбы с обновленчеством.

Факты показывали, что многие из тех, которые вместе с ним плечом к плечу отстаивали Православие и с которыми он был соединен узами любви, теперь стояли на распутии.

Естественно, отнестись безразлично к этим печальным фактам он не мог.

Надлежало что-то предпринять к возвращению заблудших и по возможности ликвидировать церковные нестроения в епархии, не когда вырванной им из оков обновленчества. Правда, на данный момент эти возможности у него крайне были ограничены: ведь он фактически находился еще на покое и кроме одной переписки ничем другим не располагал, но тем не менее он сумел воспользоваться и этим малым и направить его ко благу дела.

Он обращается с письмами к разным лицам г. Ленинграда и просит их, чтобы они убеждали и умоляли запрещенных епископов подчиниться наложенному на них церковному взысканию.

Мы позволим себе привести одно письмо еп. Мануила к его почитателям Петроградской стороны, в котором ярко отображается, с одной стороны, его скорбь об ушедших в раскол, а с другой — его отношение к вождям раскола и к синодальным постановлениям о раскольниках.

«К почитателям моим Петроградской стороны сие мое краткое слово. Многие мне пишут и лично говорят, что они меня не забыли, что они мне продолжают верить, иные говорят, что они по-прежнему меня любят, уважают, что я был их, хотя как будто не с ними теперь, что не забудут меня и всегда будут помнить и в таком же духе... Вы, пользуясь случаем, прислали мне свою лепту. Спасибо вам всем сердечное за нее. Но знайте, что я предпочел бы, в конце концов, быть всеми оставленным в материальной поддержке, впасть и в нужду, терпеть невзгоды вещественные и т. п., чем получать деньги от тех, кто уже не со мной (?). Мне не нужны ваши деньги. Дайте мне ваши опустошенные сердца. Если вы еще верите мне сколько-нибудь, то знайте, что на вас всех лежит священная обязанность умолять ваших архипастырей (Димитрия, Сергия) и пастырей подчиниться законному (как это и ни тяжело было бы в сознании вашем) постановлению Синода о запрещении в священнослужении всех тех из них, кто отпал в иосифлянский раскол. Со дня получения им этого постановления, оно вступит в законную силу. Вспомните историю с запрещением б. прот. А. Введенского. Вы должны умолять, слезно умолять их не служить. Если они на этот раз послушают голос народа своего и объявят, что как запрещенные служить не будут, они совершат воистину великое дело для умиротворения Церкви.

Собор епископов слушал и разбирал их дела. Они вправе требовать суда епископов, но до суда служить не должны. Если же раскаются, то и запрещение будет снято.

Хотелось бы много написать, но на душе тяжело. Многие из вас ослеплены мнимой правотой занятой вами позиции и спокойно не могут разобраться. Просите у Бога смирения себе и разумения мудрости. Когда же настанет такой радостный день, что мы будем все вместе (а не будет более «их» и «наших»)?! Молитесь за

всех и за вся. Да благословит вас Господь на правый и спасительный путь.

Ваш Богомолец Епископ МАНУИЛ».

15/28 марта 1928 г.»¹.

Письмо характерно не столько своим содержанием, сколько, главным образом, силой чувств. В нем ярко отображается страдальческая личность автора, так болезненно переживавшего отпадение от Православия членов Церкви и потерю своих друзей, молитвенников и духовных чад.

Примечательно и то в нем, что епископ не доказывает, а больше свидетельствует о правильности действий Синода, затем убеждает и указывает, каким путем можно достигнуть церковного мира.

В другом письме к матушке Серафиме от того же числа еп. Мануил определенно заявлял, «что постановление Синода — более соборное решение, нежели единоличное распоряжение митр. Иосифа»².

Нет сомнения, что лица, которым были адресованы письма, последовали указанию своего архипастыря и приложили все старания к умиротворению Церкви. Правда, они не смогли убедить ушедших в разделение епископов подчиниться церковному запрещению, но они сделали все, что могли исполнить по своим силам.

Так началось противодействие еп. Мануила иосифлянскому расколу.

Однако волна церковных нестроений в Ленинграде не успокаивалась. Она даже приняла более бурный вид. А причиной этому послужило все то же синодальное постановление о запрещении в священнослужении митр. Иосифа. Нестроения и смуты настолько обострились, что митр. Серафим, как мы уже видели, признал необходимым 1 апреля н. ст. совершать во всех Ленинградских храмах специальное молебствие об умиротворении Церкви. Но и это мероприятие митрополита не помогло. Народ (а здесь уже были не одни только иосифляне, а многие из православных) не хотел признавать своим архиереем митр. Серафима (Чичагова) и настойчиво требовал: «Давайте нам еп. Мануила!» Обстановка церковная действительно обострялась. Митр. Серафим не мог не только спокойно молиться, но и спокойно пребывать в митрополичьих покоях. Почти ежедневно он ожидал каких-либо выпадов против себя со стороны взбуряженных иосифлян. Пришлось согласиться с требованием народа. В самом конце апреля н. ст. 1928 года он отправился в Москву к митр. Сергию просить у него разрешения дозволить еп. Мануилу приехать в Ленинград и успокоить возникшее народное волнение.

К этому времени изменилось нечто и в судьбе еп. Мануила — 12/25 апреля он был назначен в Серпухов вик. Московской епархии.

¹ См. Архив М. М. № 34.

² Там же.

Хлопоты митр. Серафима, может быть, и не в том объеме, в котором он предполагал, увенчались успехом: еп. Мануилу дана была виза на въезд в г. Ленинград и Лугу.

Вечером в пятницу 14/27 апреля он поездом отбыл из Москвы в Ленинград.

Основная цель приезда еп. Мануила в северную столицу состояла в том, чтобы проститься с паствой и засвидетельствовать пред ней, где есть истина: среди ли последователей митр. Иосифа, или же — митр. Сергия. С этой именно миссией и ожидал его истомленный смутами верующий народ. Церковная обстановка требовала не острой полемики и не грозных обличений, а авторитетного свидетельства человека, боровшегося за чистоту Православия и ничем не погрешившего против нее. А это уже предreshало успех скромной, но ответственной миссии еп. Мануила.

Проследим подробно, с чего началось и чем завершилось его свидетельство об истине в тот короткий срок (5 дней), в который он пребывал в Ленинграде.

В первый же день своего приезда (15/28 апреля) после всенощной в Зверинском подворье еп. Мануил выступил пред молящимися со словом назидания.

В своем слове он убедительно доказывал, что не было никаких оснований для иосифлян создавать печальный для Церкви раскол. Если бы в чем и погрешил митр. Сергий, то и тогда надлежало бы ожидать суда архиерейского над ним, а не выносить приговора прежде этого осуждения.

Епископ подчеркнул, что причина разделения не столько в том, что издано распоряжение Высшей Церковной Власти поминать имя Заместителя, а сколько в гордости и в отсутствии любви. Если бы отколовшиеся от церковного единства любили своего ближнего, то они не могли бы пойти на такой опасный путь.

Желая утвердить слушающих в правых мыслях, еп. Мануил заявил, что он не изменит делу Православия, чему они должны верить и следовать ему в этом¹.

В существе своем сказанное слово еп. Мануила отвечало на два вопроса: 1) имели ли иосифляне достаточное основание к отходу от Заместителя и каковы подлинные причины раскола; и 2) за кем необходимо следовать, чтобы идти правильным путем спасения.

На оба эти вопроса даны четкие и ясные ответы: достаточного основания к отходу иосифляне не имеют и что основной причиной разделения является гордость и отсутствие любви, следовать же необходимо только за теми пастырями и архиереями, которые находятся в полном послушании Высшей Церковной Власти.

Характерно, что в беседе, как и в письмах, епископ выставлял свой личный авторитет, но авторитет не самопревозношения или тщеславия, а духовного отца, неизменно стоящего в Христовой истине.

¹ Слово, произнесенное еп. Мануилом 15/28 апреля 1928 г. в Зверинском подворье. См. Архив М. М. № 70.

Начало противодействия иосифлянскому расколу было положено. В сердца верующих были посеяны добрые семена, которые не замедлили дать благие плоды.

16/29 апреля еп. Мануил вместе с митр. Серафимом (Чичаговым) совершал в Троицком соборе, что на Измайловском проспекте, литургию. После службы ему было дозволено говорить поучение.

Как в прошлой своей беседе, так и теперь еп. Мануил сосредоточил все свое внимание на церковных событиях текущего дня. Он подробно изложил свой взгляд на эти события и дал им надлежащую оценку¹.

Многое из того, что говорил или изъяснял еп. Мануил, люди либо впервые слышали, либо понимали и оценивали иначе. Так, например, они по-иному смотрели на запрещение, наложенное митрополитом Сергием и Синодом на ушедших в разделение священнослужителей. Им казалось, что оно не имеет канонической силы. Теперь же это запрещение поставлено в тесную взаимосвязь с запрещением, незаконно снятым еп. Алексием с прот. А. Введенского. Это уже другая трактовка событий, ясно говорящая о неверном и даже преступном действии запрещенных пастырей и архипастырей.

По-иному освещена личность митр. Сергия и его каноническое достоинство. На митр. Сергия смотрели как на личность зазнавшуюся и оторванную от истинных источников Церкви, теперь было показано, что он гораздо смиреннее митр. Иосифа, думающего высоко о себе, и что он (митр. Сергий) находится в каноническом общении с Восточными Патриархами.

Впервые они услышали об истинном отношении «соловецкого» епископата к митр. Сергию и к разделению. Сообщение это было неожиданным и новым для них. Да и многое другое они или не понимали, или переиначивали. Теперь же ясно становилось, где правый путь, а где левый.

Единственное смущало: почему еп. Мануил не пошел за митр. Иосифом? Некоторые люди поняли не так, как было сказано. Епископ говорил, что его удерживает от этого шага страх подпасть под церковное запрещение, а они отнесли это к страху человеческому.

Но это уже несущественная сторона слова, хотя и она могла быть и была использована иосифлянами в отрицательном смысле. Вся суть заключалась в силе и правде сказанного архипастырем.

Народ с умиротворенным сердцем выходил из храма.

В этот же день вечером Владыка был приглашен на квартиру к проф. В. Верюжскому, где собралось немалое число иосифлянских священников и светских лиц, желавших, вероятно, во взаимной беседе доказать правоту своего дела. Среди них находился и прот. Ф. Андреев.

¹ Слово еп. Мануила, сказанное в Троицком соборе на Измайловском проспекте 16/29 апреля 1928 г. См. Архив М. М. № 70.

Беседа, надо сказать, носила мирный характер. Ни с той, ни с другой стороны не было резких выпадов. Вопросы решались и канонические, и принципиальные. Нового фактически ничего не было, но каждый старался осветить тот или иной факт с своей точки зрения. Не отрицаем того, что на некоторые отдельные факты церковной жизни и действия митр. Сергия взгляды их сходились. Но это относилось только к малосущественным вопросам. В принципиальных же вопросах никто не хотел уступать друг другу. Здесь уже между ними лежала непроходимая пропасть.

Интересен, между прочим, вопрос еп. Мануила относительно причины поспешного их отделения и их отношения к церковному запрещению и ответ священников на этот вопрос.

Преосвященный спросил их: «Почему они поторопились так быстро отойти от митр. Сергия?»

Те ответили: «Мы боялись запрещения!» Тогда Владыка спросил о. Феодора Андреева: «А что, батюшка, если бы вы не отошли, то подчинились бы вы этому запрещению или же продолжали бы служить?» И тот ответил: «Да, я должен сознаться, что подчинился бы этому запрещению и лично я бы не служил. Но так как я наперед знал, что это запрещение будет неизбежно, то мы и поспешили отойти от митр. Сергия, чтобы избавить себя от всех последствий, связанных с запрещением!»

Ясно, что при таком искаженном толковании церковных правил прийти к какому-либо общему согласию было невозможно. Каждый остался при своих убеждениях и взглядах на церковную жизнь. На этом и закончилась их первая встреча и беседа. Расставались мирно и с надеждой на скорую с ним встречу.

Прошла еще одна ночь. Наступило утро 17/30 апреля — третий день пребывания в Ленинграде.

От своих близких Владыка узнал, что некоторые лица, конечно, из иосифлян неправильно истолковывают некоторые места вчерашней его беседы и распространяют слухи, что он якобы обьят человеческим страхом и потому не примыкает к иосифлянским епископам. Слухи действительно были печальными. Они направлены были против его авторитета, а отсюда, следовательно, и против той истины, в которой он желал утвердить своих пасомых. Они могли в какой-то мере смутить сердца верующих и помешать благому делу.

Тогда, чтобы развеять неправильные толки о нем и преградить всякий доступ к новым разговорам, он решил обо всем этом поставить в известность народ и еще раз изъяснить ему о своих подлинных взглядах и отношениях к запрещенным священнослужителям.

В этот день, как было уже намечено, он служил Божественную литургию в Зверинском подворье.

После окончания Божественной литургии еп. Мануил обратился к народу с поучением, в котором кратко пояснил верующим, какой страх удерживает его от общения с отколовшимися и что расколо-

учители погрешили против послушания Церкви, признав наложенное на них запрещение недействительным¹.

Сказанного было достаточно для того, чтобы, с одной стороны, окончательно убедить верующих в том, что от сближения с отколовшимися его удерживает не человеческий страх, а Божий и что с другой — запрещенные священнослужители неправильно истолковывают наложенное на них запрещение, с чем не согласен ни он, ни большинство православных архиереев.

Одна за другой беседы еп. Мануила и его авторитет как подлинно духовного отца и верного свидетеля истины окончательно выбивали почву из-под ног иосифлянских епископов и рядового духовенства и снимали с них маску мнимой праведности. Иосифлянские вожди волновались. Их охватывало внутреннее беспокойство за судьбу своего дела. Уж очень сильным было влияние Преосвященного Мануила на народную массу. Пред его авторитетом меркли, как небесные звезды пред солнцем, авторитет митр. Иосифа, еп. Димитрия и других, и народ тянулся к нему. Произошло замешательство. Оно было вызвано тем, что многие из ушедших в иосифлянский раскол священнослужителей и даже еп. Димитрий не могли никак согласиться с тем, что горячий и стойкий борец за чистоту Православия теперь не с ними. Им казалось, что он непременно во всем будет солидарен с последователями митр. Иосифа и афишировали его имя пред народом. Но он теперь открыто заявляет всем о своей непричастности к их движению и даже осуждает ушедших в разделение. Это было непонятным для них явление. Ясным было только одно, что если еп. Мануил действительно не с ними, то дело их потерпит если не полное, то, во всяком случае, большое поражение. Сделав между собою совещание, они решили пригласить его на собеседование.

В этот же день вечером в Александро-Невской Лавре в б. митрополичьих покоях собралось около 200 человек видных представителей иосифлянства. Среди них были проф.-прот. В. Верюжский, прот. Ф. Андреев и др. Сюда же был приглашен и еп. Мануил. Между ними состоялось собеседование. Вопросы предлагались общего и частного характера, но только в более острой форме, чем это было на квартире проф. В. Верюжского. Собеседование продолжалось более 2-х часов, но ни одна из спорящих сторон не пришла к общему согласию. Иосифляне доказывали, что церковная политика митр. Сергия ведет к порабощению церковной свободы, епископ возражал на это и доказывал обратное. В свою очередь, когда Преосвященный упрасивал их смириться пред Церковной Властью, подчиниться наложенному на них церковному запрещению и раскаяться в своих ошибках, они не согласились с ним, считая себя во всем правыми. Интересно отметить, что на вопрос еп. Мануила, признают ли они митр. Петра Главую Русской Церкви и останутся ли с ним, если он одобрит действия митр.

¹ Слово еп. Мануила, сказанное в Зверинском подворье 30 апр. 1928 года. См. Архив М. М. № 70.

Сергия? — они ответили, что и с ним порвут всякое общение и отойдут от него.

Это уже был верх их заблуждения. Ясно, что при таком упорстве с их стороны продолжать собеседование было бесполезно, и епископ, распрощавшись, со скорбью в сердце покинул собрание. Ему больно было видеть, как бывшие его друзья и сомолитвенники отстаивают неправое дело и коснеют в своем заблуждении.

Оставшиеся же представители иосифлян окончательно убедились, что еп. Мануил действительно не с ними, и у них сложилось о нем впечатление, что он якобы стал не тем, кем был раньше, и изменил Православию.

С такими мыслями они и покинули митрополичьи покои. Прошла третья ночь. Наступило утро 1 мая н. ст. — четвертый день пребывания в Ленинграде.

События церковные раскрывались своим чередом. Те, кто принимал участие на вечернем собеседовании, не остались молчаливыми: они старались распространять свои мнения и впечатления окружающим.

Это обстоятельство наперед предвидел епископ и, конечно, как опытный страж, предпринял все соответствующие меры к разрушению подобных замыслов.

Вечером в Очаковском подворье после вечернего богослужения он обратился к верующим с поучением.

Беседа еп. Мануила была направлена, с одной стороны, к упреждению недоумений, возникших среди ленинградской паствы относительно чистоты Православия, виновниками которых были священнослужители разделения, а с другой — к раскрытию печальных сторон и опасностей, вносимых в церковную жизнь иосифлянским расколом.

Епископ не только защищался, но и наступал. Он приводил людям такие факты, которые убедительно доказывали всю неправоту и нечистоплотность иосифлянских епископов и священнослужителей.

Первая неправота, которую допустили они в своих действиях, состояла в поспешности отделения от своего первоиерарха. Она привела к печальным явлениям в жизни: к озлоблению, к вражде и семейным нестроениям.

Вторая неправда и в то же самое время их нечистоплотность выразились в ложном способе распространения иосифлянства и в насильственном удержании людей в расколе.

И, наконец, последнее и самое опасное их заблуждение заключалось в духовном самообольщении. Оно вело не только к отрицанию всякого, даже законного, авторитета иерархии, находившейся в единомыслии или предполагавшей находиться с митр. Сергием, но к душевному опустошению своих последователей¹.

¹ Слово еп. Мануила, произнесенное в Очаковском подворье 1 мая 1928 г. (вечером). См. Архив М. М. № 70.

Все это вместе взятое говорило уже не о наличии православного духа у отшедших в разделение, а, наоборот, об отсутствии его и фактически показывало, что не еп. Мануил изменил Православию, а ушедшие в раскол архипастыри и священники.

Настоящая беседа Преосвященного при многочисленном стечении народа, ожидавшего успокоения своей душе, окончательно утвердила его авторитет как православного архиерея, а верующим дала возможность правильно понимать и оценивать создавшуюся церковную обстановку. Теперь уже можно было не опасаться за те добрые семена, которые он сеял в людские истомленные души. Народная любовь ограждала их от истребления.

Те из иосифлян, которые упорствовали в своем заблуждении и не хотели признавать своих ошибок, выдвинули новое обвинение против еп. Мануила — его беседы и поучения признали не чем иным, как только церковной агитацией за митр. Сергия и против них. Они так и говорили народу: «Чего вы его слушаете? Он агитирует вас пойти за предателем церковной свободы!» Но эти обвинения уже не имели большого влияния на народные массы — вера в их авторитет была подорвана подлинным авторитетом и свидетельством архипастыря, кровно боровшегося за Православие и доказавшего свою верность Церкви исповедничеством.

Так постепенно рушились надежды иосифлян. Прошла четвертая ночь. Наступило утро 2 мая н. ст. — пятый и последний день пребывания в Ленинграде. Почти с утра до вечера Владыка принимал посетителей, беседовал с ними и отвечал на вопросы и в то же время готовился к отъезду. Сердце скорбело, и не потому только, что ему надлежало покинуть родной город, но, главным образом, за потерю некоторых из своих духовных чад и друзей, ушедших в разделение.

В назначенный вечерний час, уже готовый к отъезду, он прибыл в Преображенский собор, что на Спасской улице, чтобы проститься с духовной паствой и еще раз засвидетельствовать ей об Истине. Народ не вмещался в стенах храма. Многие из тех, которые присутствовали на прошедших богослужениях и беседах, пришли теперь и сюда, чтобы услышать от него напутственное слово и проводить его в путь.

Когда окончилось вечернее богослужение, Преосвященный тихим, неторопливым шагом прошел из алтаря на амвон и стал лицом к народу. Пред его взором стояла исцеленная им его паства. Народ ожидал его поучения, чтобы в последний раз запечатлеть в своем сердце слово Истины. И епископ заговорил.

Он еще раз подтвердил, что между ним и вождями раскола лежит непроходимая пропасть — наложенное Высшей Церковною Властью запрещение в священнослужении на иосифлянских архипастырей и пастырей, и что он не занимается агитацией, а выражает скорбь об уклонившихся в разделение. Вместе с тем призывает верующих последовать его примеру в несении подвига

поста и молитвы за тех, кто откололся от церковного единства¹.

И после этого Преосвященный преподал общее благословение и, с грустью в сердце, направился к выходу. Народ заплакал, а мужчины, нежно взяв его на свои руки, в такой торжественной обстановке несли его к приготовленной карете. Это было подлинное выражение народных чувств к епископу, утвердившему их в Христовой Истине и Православии.

Пять дней пробыл епископ Мануил в Ленинграде и за этот короткий срок благородно выполнил свою ответственную миссию. Своим личным авторитетом, своей отеческой любовью и состраданием он не только приостановил дальнейшее распространение раскола в Ленинграде, но и возвратил в лоно Православной Церкви многих из тех, кто находился на перепутье. Он как бы внес охлаждающую струю жизни в раскаленную смутами и нестроениями атмосфере ленинградской паствы, и под ее воздействием изменилась психология многих верующих людей, смущавшихся деяниями Заместителя, изменились их взгляды на Высшую Церковную Власть, изменилось и само отношение к митр. Сергию и православному епископату. С этого момента народ стал смотреть на церковные события не глазами епископов и священнослужителей разделения, а глазами православного иерарха. В этом и была большая заслуга еп. Мануила.

Спустя несколько дней, после того как буря волнений утихла, митр. Серафим сказал: «Ну вот, теперь я могу спокойно трудиться и совершать архипастырское служение».

В субботу 5 мая н. ст. (22 апреля с. ст.) 1928 года епископ Мануил прибыл в г. Серпухов и остановился в архиерейском доме, что на Красной горе.

В этот же день вечером он совершил первое свое служение в храме Св. Пророка Илии, а на следующий день вечером в Никольской церкви он принял новую паству от еп. Сергия (Гришина). С этого дня и началось его служение в г. Серпухове.

Как уже нам известно из предыдущих глав, в этом городе почти половина церквей и приходов перешла в разделение и управлялась первоначально еп. Дмитрием (Любимовым), а с февраля 1928 г. — иосифлянским еп. Максимом (Жижиленко). Существование раскола в Серпухове уже ставило нового епископа лицом к лицу с трудностями. А трудности, действительно, предстояли немалые. Здешние иосифляне, главным образом руководители раскола и некоторые миряне, принадлежали к такому типу людей, на которых не действовал ни авторитет, ни подвижническая жизнь и ничто другое. Это были до мозга костей убежденные последователи нового раскола. Ко всему этому они отличались еще непримиримостью, ненавистью и злобой к приверженцам митр. Сергия.

¹ Прощальное слово еп. Мануила, произнесенное в Преображенском соборе 2 мая 1928 г. См. Архив М. М. № 70.

Бывший еп. Серпуховский Сергей (Гришин) испытал на себе весь фанатизм раскольников, изливавших на него потоки ругательств, эта же участь ожидала и еп. Мануила.

Не успел он еще как следует ознакомиться с новой паствой, а иосифляне пустили уже в ход свое оружие против него. Они писали ему анонимные угрожающие письма, а когда он возвращался из храма в архиерейский дом, то осыпали его градом ругательств, насмешек и т. п. дерзостей и даже держали камни за пазухой.

Кое-кто из них открыто заявлял верующим: «Дождется ваш архиерей, что мы его когда-нибудь с горы сбросим!»

Но так было, конечно, в первое время. Преосвященный Мануил терпеливо нес все незаслуженные оскорбления со стороны раскольников и прилагал все свои старания к ликвидации раскола в своем городе. А дело это было далеко нелегким.

Здесь с первых дней вступления митр. Сергия в обязанности Заместителя отрицательную роль играли два епископа: Арсений (Жадановский) и Алексий (Готовцев). Оба они были тайными оппозиционерами и, не отделяясь от митр. Сергия, настраивали народ против него. Основное население Серпухова, особенно рабочие фабрик, преклонялось пред их авторитетом и прислушивалось к их голосу.

Когда еп. Алексий был переведен из Серпухова в другой город, еп. Арсений, проживавший тогда в одном из подмосковных женских монастырей, тайно поддерживал в своих почитателях оппозиционерство. А тут явились иосифляне, так что образовался раскол с двойными прослойками стен. Сокрушить эти стены мог только человек, имевший неоспоримый авторитет.

Епископ Мануил был таким человеком, но только для ленинградцев. Здесь же он был совершенно неизвестен народу. И потому требовалось сначала склонить сердца людей к признанию его авторитета как православного архиерея, а потом уже освобождать их из раскола. В этом и состояла вся трудность.

К ликвидации раскола в Серпухове еп. Мануил приступил энергично, настойчиво и, самое главное, умело.

Прежде всего, почти в каждый праздник и воскресный день, когда в храме собиралось много молящихся, он объяснял народу сущность возникшего раскола. Причем, самый характер проповедей носил оттенок мирной отеческой беседы без каких-либо острых выпадов против раскольников или резких против них обличений. Сам относясь с состраданием и любовью к отклонившимся, он призывал и паству свою поступать по его примеру и помогать ему в возвращении людей из раскола.

Не ограничиваясь одними только проповедями, еп. Мануил не раз и не два посещал здешних руководителей разделения и в мирной обстановке с ними всесторонне рассматривал создавшееся церковное положение и призывал их к миру, к общей молитве. Но ни убеждения, ни теплое отеческое отношение к ним, ни даже подвижническая жизнь епископа — ничто не могло переубедить иосиф-

лянских вождей-священнослужителей. Особенным упорством отличался свящ. Александр Крымешенский, настоятель главного храма иосифлян. Он, надо сказать, играл ведущую роль в удерживании людей в расколе. Убедить его и других иосифлянских пастырей Владыка так и не мог.

Гораздо большего успеха достиг еп. Мануил среди простого народа. Почти ежедневно можно было наблюдать в православных храмах все новых и новых лиц — это были раскаявшиеся прихожане иосифлянских церквей. В Православии они переходили молча, стыдясь, вероятно, своего заблуждения. С каждым днем уменьшались ряды иосифлянской паствы; вместе с тем уменьшалась и ненависть рядовых раскольников не только к еп. Мануилу, но и к митр. Сергию и православному епископату.

Прошло два месяца усердного и терпеливого труда, и иосифлянство в Серпухове если не совсем было ликвидировано, то во всяком случае низведено до минимума. Почти три четверти мирян, пребывавших в расколе, перешло в Православие. Оставшиеся же в разделении не представляли уже серьезной опасности для серпуховской православной паствы, хотя они по-прежнему отличались фанатизмом.

С лета 1928 года сюда уже спокойно приезжали в разное время на праздники православные русские архиереи: митр. Сергей (Страгородский), Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, архиеп. Рязанский Ювеналий (Масловский), архиеп. Вятский Павел (Борисовский), еп. Подольский Иннокентий (Летяев) и еп. Сергиевский Петр (Руднев).

Так старанием еп. Мануила и его авторитетным свидетельством об Истине было не только приостановлено движение иосифлянского раскола в центре его зарождения, но и круто сделан поворот к его ликвидации.

КОНЕЧНАЯ СУДЬБА ИОСИФЛЯНСКОГО РАСКОЛА

После того, как в Ленинграде и Серпухове был нанесен сокрушительный удар главным силам раскола, иосифлянское движение быстро начало падать. Те из мирян, которые когда-то разделяли мнение вождей раскола и своим участием за богослужением заполняли их храмы, теперь в большинстве своем оставили иосифлянских епископов и священников и объединились вокруг православной иерархии, возглавляемой митр. Сергием.

Возвратились к Православию и некоторые священнослужители и даже приходы.

Таковы, например, лица: свящ. Николай Ковалев, диакон Розов, из Ораниенбаума, диакон Николай Николаевский, удаленный из иосифлянской Сретенской церкви на Выборгской стороне, прот. Александр Никитин, служивший целую неделю в храме Воеводина, иеромонах Нафанаил и др.

Причт села Верховины Волховского уезда с прихожанами, Зеленецкий монастырь и др. перешли в сергиевскую ориентацию.

Правда, с мая 1928 г. до первой половины 1929 года были случаи, когда к разделению присоединялись отдельные церкви и лица, но это были исключительно сельские приходы, не имевшие большого значения для укрепления иосифлянских позиций.

Число последователей иосифлян с каждым днем уменьшалось. Приходы пустели, так что священники разделения представляли из себя пастырей с весьма малым стадом словесных овец. Но удивительно то, что несмотря на явное уменьшение численности последователей раскола, вожди иосифлянства благодумствовали и упорно не хотели отступать от намеченного пути. Они глубоко были убеждены в правоте своего дела и готовы были лучше остаться одними без паствы, чем отказаться от своих взглядов и присоединиться, как они выражались, к «предателям».

Даже раскаяние ярославской группы мало смутило их и не поколебало их духа. На подобные отступления они смотрели как на проявление трусости и малодушия с их стороны и как на новое предательство Истины.

Вот что писал по этому поводу митр. Иосиф к еп. Димитрию 24 июля 1928 года:

«ДОРОГОЙ ВЛАДЫКО!

Да укрепит Вас Господь на Ваши святые труды для блага Церкви Его. Помолитесь, чтобы и мой „отдых“ был на пользу и на лучшее, чем то, что мог бы я сделать трудами своими. Премного утешило меня сообщение о том, как вы все бодро и терпеливо идете своим тесным путем. Эти сообщения премного устыждают меня в моем нетерпении и малодушии и дают новые силы и побуждения крепко стоять и впредь за дело Христово! Ярославские „дезертиры“ меня как-то мало смутили и удивили. Да и в конце концов не в них дело, и не они когда-либо являлись опорой нам или давали содержание и питание нашему образу мыслей и действий. Самое их выступление и в хронологическом отношении было позднее нашего, и если в свое время, казалось, было на пользу нам, то теперь — лишение этой „пользы“ не составило для нас никакого вреда, оказавшись укором лишь для новых изменников и предателей истины и правды дела. Итак, мимо их — далее!... Пусть они промелькнут как отставшие и ничуть не задержавшие нас на нашем крестном пути! Нам отставать по примеру их не приходится, чтобы не было в этом поощрения их малодушию и расслаблению. И от Господа бывали отпадавшие, уходившие от Него и оставлявшие его в столь удивительном меньшинстве (12). Зато эти 12 (впрочем, и в этом маленьком числе оказался потом и еще „диавол“. Иоан. VI, 66—71), выросли потом в то, что мы теперь так хотим спасти и бережно охранить от новых предателей и разрушителей и что эти разрушители сумели опять умалить до „ничтожного меньшинства“. Но пусть опять и нас не смутит это! Будем крепко помнить, что большинством голосов (и подавляю-

щым) была распята Сама Истина, и ссылающиеся теперь в свое оправдание на большинство — пусть лучше прочтут себе в этом жестокое обличение и укор, что и их „большинством” вновь распинается Христос-Истина! И как тогдашнее „большинство” к довершению печального сходства возглавляли и вдохновляли не какие-нибудь простые смертные, а поставленные Самим Господом для служения спасению верных Анны и Каиафы, так и теперь во главе новых распинателей Христовых видим тех, кого никак бы не следовало и не хотелось тут видеть. Кто даст себе труд углубиться побольше в смысл совершающегося, найдет множество других поразительных совпадений с тем, что показали нам Голгофа и Камень Воскресения. Вновь блеснут пред нами и Иуды, и Симоны, и удавившееся предательство, и покаявшееся отречение, и Симоны Киринейские, помогшие крестоношению Христову, и „несмысленные и косные сердцем еже веровати”... и чувствовавшие „не сердце ли наю, горя бе в наю”... егда глаголаше и т. д.:... И с особой живостью и радостью вновь чувствует сердце, что распятый большинством Христос все-таки опять воскрес, осиявая Своею радостью верное Ему меньшинство, а запечатавшие Его гроб, запечатали для себя опять светлое видение и познание неумирающей Истины.

24 июля 1928 года¹.

Вот уже где поистине самообольщенное упорство! Они только — Церковь, а остальные — наглые предатели и изменники Истины. Только они, хотя и в малом количестве, — единственные охранители Христовой Правды, а прочие, хотя и большинство — распинатели, Анны и Каиафы, Иуды и проч.

Это уже говорило о наличии в них духовной прелести. Под действием ее они не унывали при виде покидавших их обществ, но, в надежде на торжество своих идей, бодренно продолжали начатый путь, стремясь только вперед.

В июле 1928 г. иосифлянское движение попытался было поддержать Карловицкий митрополит Антоний (Храповицкий). Он каким-то образом тайно переслал из-за границы свое послание с призывом всем верным архиереям примкнуть к Карловицкому Синоду.

Это письмо-послание перепечатывалось частным образом и передавалось из рук в руки иосифлянам. Но большого влияния оно не имело.

Характерно, что умиравшее движение иосифлян временами как бы пробуждалось и пыталось закрепиться слабыми корнями на поверхности церковной жизни. Однако сила Православия разрывала нити корней и не давала возможности укрепляться.

Так, в октябре 1928 года иосифляне захватили Духовную церковь в Александро-Невской Лавре и почти целых три недели совершали в ней богослужения.

¹ См. Архив М. М. № 23.

Но затем в двадцатку влилось до 50-ти человек сергиевской ориентации и произошло настоящее сражение за обладание храмом, кончившееся победой православных.

В праздник Св. Александра Невского (23 ноября ст. ст.) Духовская церковь была заперта и никем не обслуживалась. Служение началось 3/16 декабря 1928 года.

Накануне Николина дня 6/19 декабря митр. Серафим (Чичагов) совершал всенощное бдение, и с этого дня вступил постриженный и назначенный еще в июле 1928 года новый наместник Лавры архимандрит Амвросий (Либин).

Единоверческая Николаевская церковь, что на улице Марата (Николаевской), как несогласная с посланием митр. Сергия, объявила своему единоверческому еп. Керженскому Павлу (Волкову), что она отходит от первоиерарха и от него и присоединяется к еп. Димитрию.

Еп. Павел в начале 1929 года прислал на имя настоятеля Волковско-Кладбищенской единоверческой церкви о. Иоанна Кручкова послание, которое было препровождено в Николаевскую церковь. Послание было прочитано в церкви в присутствии членов двадцатки.

В сентябре 1928 года неожиданно пробил ключ иосифлянской жизни в Паданском Введенском подворье, что по Белой дороге за Большой Охтой.

Заведующая — монахиня Пантелеймона Зайцева — стала требовать от служащего игумена Виталия поминовения митр. Иосифа. И когда последний отказал ей в требовании, она с половиной монахинь монастыря отделилась от митр. Сергия. Оставшие же монахини избрали себе начальницей монахиню Матридию. Церковь, однако, была занята последними. Это произошло вскоре же после посещения монастырских подворий митр. Серафимом (Чичаговым).

Все это было очень малым и незначительным проблеском жизни иосифлянского раскола. В главных же своих источниках он шел на замирание.

Еп. Димитрий (Любимов) прилагал все свои старания приостановить это замирание. Он часто служил то в одном, то в другом храме и даже не считал за трудность посещение частных лиц, проживавших за городом в сельской или пригородной местности. Так, он неоднократно приезжал в г. Гатчино к некоей болящей схимонахине Марии Леляновой, разделявшей с ним одни мысли о современном положении Церкви.

За его усердие и твердое стояние в расколе митр. Иосиф к Рождеству 1928 года (7 января 1929 г.) возвел его в сан архиепископа.

Но ни это иерархическое возвышение, ни старания еп. Димитрия, ничто уже не могло приостановить надвигавшегося крушения иосифлянского раскола. 1929 год явился самым печальным годом как для вождей, так и для рядовых последователей разделения.

В этом году в разное время, начиная с апреля месяца, один за другим ушли с церковной арены руководители раскола: митр. Иосиф, архиеп. Димитрий, еп. Максим, прот. В. Верюжский, прот. Ф. Андреев, священ. Крымешенский и другие.

Митр. Иосиф (Петровых) отбыл в Казахстан близ Аральского моря, где он устроился бухгалтером на Медно-комбинате. Там же он и скончался непримиренным с Церковью.

Остальные руководители были рассеяны по разным углам Великой России, где большинство из них скончалось. Проф. В. Верюжский оставался живым. В 1946 году он принес покаяние и был принят в общение с Московской Патриархией. В 1955 году он мирно скончался в звании профессора Ленинградской духовной академии¹.

Итак, к концу 1929 года иосифлянская паства лишилась своих руководителей и пастырей и осталась в том жалком состоянии, к которому неизбежно вели вожди раскола и о котором предупреждали лучшие иерархи Православной Церкви.

Правда, еще оставался действующим архиереем еп. б. Нарвский Сергей (Дружинин), который в 1930 году рукоположил во иеромонаха иеродиакона б. Алексеевского монастыря г. Углича Геннадия (Крылова), покаявшегося в 1934 году², но он большого значения для восстановления раскола не имел. В этом же году и еп. Сергей удалился в неизвестные нам края, где, вероятно, в бесславии окончил свою жизнь.

Паства же иосифлянская была фактически оставлена на произвол судьбы.

Часть ее по обстоятельствам присоединилась к Православной Церкви, а другая, более упорная, приняла скитальческий образ жизни и, предоставленная самой себе, все дальше и дальше удалялась от живительных источников, умирая на пути удаления без покаяния и причащения Св. Христовых Таин.

В 1930 году иосифлянский раскол официально прекратил свое существование.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИОСИФЛЯНСКОГО РАСКОЛА

Иосифлянский раскол по широте своего размаха в истории Русской Церкви имеет меньшее значение, чем раскол обновленческий. Быстро он появился на арене церковной истории и быстро исчез, оставив незначительный след своего существования. Причина быстрого исчезновения заключалась в сущности самого раскола. Иосифлянство не было таким религиозным движением, которое имело бы в недрах своих все данные к своему упрочению, углублению и широкому охвату православного епископата и народных масс. Оно возникло, можно сказать, стихийно, без прочной

основы, слишком поспешно и, главным образом, бездейно. В нем не было ни духовной, ни чисто организаторской силы, что могло бы сплотить вокруг себя русский епископат и повернуть на свой путь кормило церковного корабля.

Вождями этого течения являлись отдельные епископы и священнослужители, чуждые в своей жизни церковной дисциплины и привыкшие руководиться более непосредственными чувствами, чем общими интересами и указаниями вышестоящих.

В своем направлении иосифлянство лишено было того основания, на котором твердо зиждется Христова Церковь — в нем не было духа любви и сострадания.

Однако по своим действиям оно таило в себе большую опасность и для внешнего устройства Русской Православной Церкви, и для внутреннего ее единства.

Мы видим, как вожди иосифлянского раскола восставали против того шага, который был направлен митр. Сергием, Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, к легализации Русской Церкви. Они никак не могли согласиться с тем фактом, чтобы Церковь, имеющая Божественное начало, получала бы какие-то внешние прерогативы от Советского государства. В их понятии это представляло из себя не что иное, как только подчинение Божьего кесарю. И они согласны были лучше идти на костры и в подземелье, чем видеть Церковь в таком взаимоотношении с государством.

Такой взгляд на легализацию, конечно, был опасен для внешнего положения Русской Церкви.

Вступая на этот путь, Церковь никогда бы не достигла мирного урегулирования взаимоотношений с Советским государством и до сего дня оставалась бы в полном беспорядке, что служило бы, конечно, только к гибели для многих православных христиан, и особенно для неможных в вере.

Но самая главная опасность иосифлянского раскола направлялась против внутреннего единства церковного организма.

Свой отход от митр. Сергия учредители раскола постарались прикрыть ширмой «сохранения чистоты Православия».

Вследствие этого в Патриаршей Церкви появилось как бы два православных общества: иосифлянское и сергианское. Единство церковное было нарушено. Перед духовенством и, главным образом, перед православной паствой стоял вопрос — за кем следовать: какое общество считать православным: то ли, которое идет за иосифлянством, или же то, которое возглавляется митр. Сергием? Простому народу разобраться в этом вопросе было очень трудно. Когда появилось обновленчество, тогда православный народ, по внутреннему чутью своего сердца, определил быстро всю опасность «обновления» и обрушился всем своим существом против раскола, а здесь сбивала их с толку ширма мнимого православия, за которую спрятались вожди иосифлянства. Здесь было нечто сродное их чувствам. И для тех, кто руководствовался в жизни одним только чувством, но не разумом, это призрачное «срод-

¹ Журнал Московской Патриархии, 1955 г. № 4, стр. 9—12.

² Журнал Московской Патриархии 1935 г., № 23—24, стр. 3.

ное» и являлось большой помехой в правильной оценке церковных событий.

С этой точки зрения иосифлянство было более опасным для Православия и единства Церкви, чем обновленческий раскол.

Обновленчество не скрывало своих противоправославных идей, а иосифлянство скрывало все под личиной «чистоты Православия». Вот почему мы и видели, что многие из тех, кто так горячо боролся с обновленчеством, ушли в иосифлянство и стали на путь разделения.

В целом иосифлянство, лишенное твердых оснований, неминуемо должно было прийти к печальному концу.

И этому способствовало то обстоятельство, что в ряды иосифлян влияло большое число лиц, апатично настроенных против нового государственного строя в России, и вследствие этого самое движение раскола из церковного превратилось в политическое.

Такое превращение из одного направления в другое и явилось началом падения иосифлянства. И это падение с течением времени все усиливалось и усиливалось, пока окончательно не завершилось полным разрушением.

КАНОНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИОСИФЛЯНСКОГО РАСКОЛА

Мы частично касались уже канонической оценки иосифлянского раскола*, теперь же мы рассмотрим с точки зрения церковных правил две стороны иосифлянства: церковно-дисциплинарную и литургическую (отношение последнего к таинствам, обрядам и храмам сергиевской ориентации).

34 ап. правило ясно определяет церковно-дисциплинарную норму для каждого епископа поместной Церкви.

«Епископам всякого народа, — говорится в правиле, — подобает знати первого из них, и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения... Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо тако будет единомыслие»...

Таким образом правило определяет, что обычные епархиальные архиереи в делах, касающихся всей поместной Церкви, становятся в подотчетное отношение к первому епископу этой Церкви, а первый — ко всем, или иными словами, к Собору. На основании этого правила Русский Поместный Собор 1917—1918 гг. и установил в Русской Православной Церкви такое церковное управление, которое возглавлялось первым епископом — Патриархом. Последнему подчинялись епархиальные и викарные епископы, в то время как сам он был подотчетен Собору Поместной Церкви.

* См. Церковно-административная организация раскола и каноническая оценка этой организации.

Назначения и перемещения архиереев совершались Патриархом¹. Ему же принадлежало право обращаться ко всей Русской Церкви с учительными посланиями и пастырскими воззваниями².

Установленное Собором церковное управление, хотя и не обычным порядком, после смерти Патриарха Тихона перешло по завещанию к митр. Петру (Полянскому), а затем к митр. Сергию (Страгородскому), как к врем. Заместителю Патриаршего Местоблюстителя.

Естественно, что при таком церковном управлении епархиальные архиереи находились или, во всяком случае, должны были находиться в подотчетном отношении к митр. Сергию и тем самым неизбежно сохранять церковную дисциплину и послушание Первоиерарху. Но как же отнеслись ко всему этому иосифлянские епископы и рядовое духовенство, ушедшее со своими приходами в раскол? Они встали на путь прямого нарушения церковных канонов и своим отделением от первоиерарха допустили нарушение церковной дисциплины.

Церковные каноны (пр. 14 и 15 Двукр. Конст. Соб.) предусматривают возможность отхода от подчинения первоиерарху, но именно тогда, когда последний проповедует открыто ересь, в других же случаях осуждают отделение.

Митр. Сергей ничего еретического не допускал. Те же обвинения, которые возводили иосифляне на последнего, не давали никакого канонического основания на отмежевание от первоиерарха.

Воззвание митр. Сергия и Врем. Патриаршего Синода от 16/29 июля 1927 г., послужившее камнем преткновения для многих православных иерархов и мирян и, в частности, для самих иосифлян, если бы и заключало в себе какую ошибку Заместителя, то его можно было бы рассматривать исключительно только как нравственно-административную погрешность первоиерарха, но отнюдь не погрешность в области вероучения. А такая погрешность первого епископа Поместной Церкви ставила бы его ответственным пред Собором, но не служила бы для подотчетных ему епископов основанием для отделения.

Нельзя рассматривать как еретическое действие Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, связанное с переводом архиереев с одной кафедры на другую и, в частности, с переводом митр. Иосифа (Петровых) из Ленинграда в Одессу. В данном случае действие митр. Сергия мотивировалось исключительно церковной пользой и исходило всецело из церковного постановления Поместного Собора 1917—1918 гг. об епархиальном архиерее, предусматривающего возможность для Высшей Церковной Власти перевод епископов ради церковной пользы³. Если даже бы признать в действиях митр. Сергия каноническую погрешность, то в таком слу-

¹ Свящ. Собор Прав. Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. I, изд. Соборн. Совета, Москва, 1918 г., § 2, Опред. 8 дек. 1917 г., п. 2, лит. «И».

² Там же, лит. «З».

³ Церк. ведомости, 1918 г., № 11—12, стр. 67.

чае следовало бы не отделяться от него, а ожидать соборного решения о нем и только после этого предпринимать уже тот или иной шаг.

Отделяясь от первоиерарха без достаточных к тому оснований, иосифляне, естественно, нарушили 14 и 15 пр. Двукр. Конст. Собора, создали раскол и подвергли себя каноническому отлучению.

Вторым нарушением церковной дисциплины и церковных правил, допущенным иосифлянами, является служение епископов и низшего духовенства в состоянии запрещения.

31 ап. пр. и правила 14 и 15 Двукр. Собора тех, кто прежде соборного рассмотрения вины своего епископа или первоиерарха отделится от общения с ним и «водрузит иной алтарь», подвергают извержению или запрещению в священнослужении, а всех, общающихся с ним, отлучению от общения церковного.

Если же подвергаемые церковному запрещению признавали себя невинными в тех обвинениях, ради которых на них было наложено запрещение, то они, согласно 14 пр. Сардикийского Собора, имели право апеллировать к большему Собору, но, однако, пребывать под запрещением. Если же они до соборного рассмотрения их вины нарушали церковное запрещение, то, в соответствии с 38 пр. Карфагенского Собора, лишали себя возможности на дальнейшую апелляцию в свое оправдание, а запрещение, наложенное на них, оставалось в силе.

Епископы и священники, уклонившиеся в иосифлянство, как подпавшие под духовное запрещение за учиненный раскол, должны были бы подчиниться Высшей Церковной Власти и не священнодействовать до тех пор, пока их вина не получила бы своего оправдания на Соборе епископов. Однако они ни во что вменили наложенное на них запрещение и, не дожидаясь соборного о них определения, продолжали священнодействовать. Это было уже с их стороны прямым нарушением указанных выше церковных правил (31 ап. пр., 14 пр. Сард. Соб. и 38 пр. Карф. Соб.).

Правда, они утверждали, что поскольку они отделились от митр. Сергия, то его (митрополита) запрещение не имеет никакой канонической силы. Но здесь уже допущен со стороны иосифлянского духовенства чистейший произвол толкований церковных правил, на что с особым усилием обращал внимание раскольников еп. Серпуховский Мануил¹. Церковные каноны не знают такого правила, которое бы освобождало от ответственности лиц, самовольно уклонившихся от общения с первоиерархом. Наоборот, приведенные выше правила с большой ясностью доказывают, что именно отделившиеся без достаточных оснований от единства церковного и создавшие раскол непременно подпадают под церковное наказание Высшей Церковной Власти и несут сугубую ответственность за разделение.

¹ Прощальное слово, сказанное в Преображенском соборе 2 мая 1928 г. вечером. См. Архив М. М. № 70.

Приведенные иосифлянским духовенством доводы в свое оправдание не выдерживают здоровой критики. Они явно нарушили каноны Церкви и допустили греховное самочиние, когда в состоянии запрещения продолжали священнодействие, лишив тем самым себя дальнейшего оправдания.

Третьим нарушением не только церковной каноники, но и православной догматики со стороны иосифлян является вопрос литургической — взгляд последних на таинства, обряды и храмы сергиевской ориентации.

Как нам уже известно, иосифляне после своего официального отхода объявили митр. Сергия и единомысленный ему епископат безблагодатными, таинства и обряды, совершаемые последними, не только не имеющими благодатной силы, но и служением бесовским, храмы же, где совершали богослужение сергиевские священнослужители, храмами сатаны¹.

Свое утверждение иосифляне основывали на том взгляде, что раз митр. Сергий и подчиняющиеся ему епископы якобы допустили грех отступления от Православия путем предательства Церкви, то они чрез это совершили грех, худший ереси, и лишились благодатности. А поскольку они (митр. Сергий и др.) стали безблагодатными, то, следовательно, и все совершаемое ими стало безблагодатным, бесовским. Ясно, что умозаключения иосифлян страдают сугубой крайностью и полны канонических и догматических ошибок.

Самой большой и, можно сказать, основной ошибкой в этом вопросе являлся их взгляд на взаимоотношение благодати и ереси. Согласно умозаключению иосифлян, получалось, что наличие ереси в действиях епископа или священника лишало последних Божественной благодати, а совершаемые ими таинства превращались в пустые, лишённые всякого благодатного действия обряды. Но подобное умозаключение не имеет истины. Не само по себе наличие ереси в действиях епископа или священника лишает его благодатности, а церковное запрещение, налагаемое на последних Высшей Церковной Властью. Только после этого проповедующий открыто ересь связуется в своих иерархических полномочиях, а совершаемое им священнослужение лишается благодатного действия.

Такое понимание взаимоотношения благодати и ереси присуще учению всей Православной Церкви и, в частности, нашей Русской Церкви. Когда в период обновленческого движения, явно допускавшего догматическое искажение Православного вероучения, ставился вопрос, в каком сане принимать обращающихся из этого раскола епископов и священников, то этот вопрос решался не на основании наличия ереси у того или иного священнослужителя, а на основании церковного запрещения, наложенного на раскольников Патриархом Тихоном. То духовенство, которое получило иерархическое рукоположение до наложения Патриархом запре-

¹ Письмо митр. Сергия к митр. Кириллу от 5/18 сент. 1929 г. См. Архив М. М. № 75.

щения, принималось в сущем сани, а то, которое после этого — либо в простом чине, либо в сани иерея.

Если же стать на точку зрения иосифлян, то мы должны будем осудить самого Патриарха Тихона за то, что он принял в сущем сани митр. Сергия, некоторое время пребывавшего в обновленческом расколе, а духовенство, рукоположенное последним, безблагодатным. Ясно, что такой взгляд неправильный. Божественная благодать подается через каноническую церковную власть и чрез нее же воспрещается. «Вся елика аще свяжете на земли, будут связаны на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешены на небеси» (Мф. 18, 18) — такова сила церковного закона.

Митр. Сергий и единомысленный ему епископат прежде всего никакой ереси не допустили и, кроме того, никаким церковным судом не были отлучены от Церкви или даже просто запрещены в священнослужении. Никакая соборная клятва не была на них наложена. Их иерархические действия никем не были связаны.

Отсюда, следовательно, считать лишенными благодати первоиерарха и единомысленный ему епископат лишь только потому, что они якобы допустили грех предательства церковной свободы, нет никаких оснований.

Сила Божественной благодати, данной им чрез Высшую Церковную Власть, оставалась в них незыблемо, и все совершаемые ими таинства имели благодатное и спасительное действие. И если иосифляне отрицали благодатность таинств, совершаемых сергианами, то они допускали хулу на Духа Святого.

Итак, иосифляне с точки зрения церковных правил допустили нарушение церковной дисциплины и внесли в церковное единство разделение.

ВИКТОРИАНСТВО

Настоящая оппозиция митр. Сергию возникла одновременно с иосифлянским расколом и имеет с ним тесную связь не только по внутренним своим идеям, но и по продолжительности своего существования.

Ее можно было бы рассматривать параллельно с иосифлянским расколом и особенно после слияния Вятской паствы с последним, но так как она (оппозиция) возникла самостоятельно и независимо от Ленинградского разделения, причем на другой окраине Европейской части России, то мы эту оппозицию выделили в отдельную главу и признали за лучшее и для большего удобства рассмотреть это движение отдельно.

Как нам уже известно из истории иосифлянского раскола, оппозиция против митр. Сергия возникла не только в Ленинградской епархии, но и в Вятской. Здесь целые уезды: Глазовский, Котельнический, Яранский, Слободской, а затем часть Воткинской епархии и отдельные церкви в г. Вятке — были охвачены разделением. Причиной всему этому послужила декларация митр. Сергия и Синода от 16/29 июля 1927 г. Большинство духовенства уездных церквей Вятской и Воткинской епархий отказалось признать декларацию и открыто высказало свой протест митр. Сергию, прекратив с ним молитвенно-каноническое общение. Протест этот поддержал епископ Глазовский Виктор (Островидов), который и возглавил оппозицию. С его именем и связано разделение в Вятской епархии.

Из его прошлой жизни нам известно, что он окончил С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и в сани иеромонаха был направлен в Палестину одним из штатных членов Иерусалимской духовной миссии.

13 января 1909 г. по возвращении из Иерусалима он был определен смотрителем Архангельского духовного училища¹, а 15-го октября в том же году поступил в число братии Александро-Невской Лавры г. Петербурга². 22 ноября 1910 г. иеромонах Виктор был назначен настоятелем Зеленецкого Свято-Троицкого монастыря С.-Петербургской епархии, с возведением в сан архимандрита³.

¹ Церковные ведомости, 1909 г., № 4, стр. 20.

² Там же, 1909 г., № 43, стр. 393.

³ Там же, 1910 г., № 48, стр. 443.

26 декабря ст. ст. 1919 г. совершилась хиротония во епископа Уржумского, вик. Вятской епархии.

В 1923 году был избран еп. Глазовским и врем. управляющим Вятской епархией.

В 1926 г. перемещен еп. Ижевским и Воткинским.

Таковы краткие сведения о его прошлой жизни.

В своих взглядах на отношение Церкви к новому государству еп. Виктор был солидарен с иосифлянами. Это и было основной причиной его противодействия митр. Сергию.

Как возник и продолжался раскол в Вятской епархии — об этом мы изложим по порядку.

В августе или, быть может, в самом начале сентября 1927 г. еп. Виктор получил «Послание» митр. Сергия, предназначенное для оглашения его верующим Воткинской епископии. Такое же «Послание» было прислано и для Вятской епархии.

Прочитав «Послание», он глубоко был возмущен его содержанием и, не желая оглашать (его) верующим, тут же запечатал «Послание» в конверт и почтой отправил обратно адресату¹. Чем он руководствовался в данном случае, об этом еп. Виктор указывает в своем письме к митр. Сергию.

«От начала до конца, — писал он, — оно (послание) исполнено тяжелой неправды и есть возмущающее душу верующих глумление над Святой Православной Церковью и над нашим исповедничеством за истину Божию. А через предательство Церкви Христовой на поругание «внешним» оно есть прискорбное отречение от своего спасения, или — отречение от Самого Господа Спасителя. Сей же грех, как свидетельствует слово Божие, не меньший всякой ереси и раскола, а несравненно больший, ибо повергает человека непосредственно в бездну погибели...

Насколько было в наших силах, мы как себя самих, так и паству сберегали, чтобы не быть нам причастниками греха сего, и по этой причине самое «воззвание» возвратили обратно. Принятие «воззвания» являлось бы пред Богом свидетельством нашего равнодушия и безразличия в отношении к Святейшей Божией Церкви Невесте Христовой»².

Таким образом, еп. Виктор в своем поступке руководился как будто бы благой целью: он стремился оградить себя и паству от соучастия в грехе — предательства Церкви и отречения от своего спасения.

Цели сами по себе благие, но они вытекали у него из ложных предпосылок и потому не могли быть в конечном счете критерием истины.

Не ограничиваясь одним возвращением «воззвания», он пишет в форме письма к ближним опровержение на него, проводя ту мысль, что «воззвание» своим содержанием достойно многих слез

¹ Письмо еп. Виктора от 12 дек. 1927 г. См. Архив М. М. № 54.

² Письмо еп. Виктора к митр. Сергию. Ноябрь 1927 г. См. Архив М. М. № 52.

и рыданий, потому что оно удаляет человека от Бога¹. И так как еп. Виктор имел большую переписку с Москвой, он не замедлил поделиться своими внутренними переживаниями с кем-то из проживающих в столице. Вероятно, он желал получить одобрение своего поступка и своим мнением относительно «Послания».

Этим пока и ограничился еп. Виктор в своем противодействии митр. Сергию и Синоду. Разрыва с последними с его стороны не последовало. Он продолжал почитать за богослужением имя первоиерарха и правящего архиерея.

Как же обстояло дело с «Воззванием» в г. Вятке и епархии? Там, в самом городе, четыре церкви, из которых два главных собора, и в некоторых благочиниях не приняли «Воззвания», но общения с архиеп. Павлом (Борисовским) не порвали, а продолжали его почитать. Однако обстановка вскоре изменилась, и еп. Виктор и духовенство Вятской епархии указанных церковью сделали шаг к отделению. Этому послужило одно обстоятельство в жизни еп. Виктора. В октябре 1927 г., усматривая, вероятно, некоторые замешательства в церковном управлении в епархии и считая это неизбежным следствием, вытекающим из «Послания», он обратился к митр. Сергию с письмом, в котором сыновне излил всю свою скорбь по поводу начавшегося, как ему казалось, губительного разрушения Православной Церкви в порядке управления².

Что ответил ему на это письмо митр. Сергей, нам неизвестно, но только из Синода ему было сделано сначала предупреждение о том, чтобы он, как викарий, знал свое место и во всем подчинялся бы правящему архиерею, а затем, немного спустя, последовал указ о его переводе в Свердловскую епархию еп. Шадринским.

Такой неожиданный оборот дела смутил еп. Виктора. Ему не хотелось уезжать из Вятской епархии, управляющим которой он был за отсутствием архиеп. Павла, находившегося в Синоде. Тогда он спешно посылает к митр. Сергию депутацию с просьбой оставить его на прежнем месте. Но митр. Сергей просьбу еп. Виктора отклонил и оставил в силе указ о перемещении его в Шадринск.

Еп. Виктор на предложение Синода ответил отказом и в Свердловскую епархию не поехал. Сердце его вознегодовало, и он учинил самый настоящий церковный бунт³. В действиях митр. Сергия и Синода он усмотрел уже нарушение церковных канонов и уклонение от истины.

Было срочно созвано совещание Духовного Управления Воткинской епископии, на котором и вынесено постановление, что Воткинская епархия прекращает молитвенно-каноническое общение с митр. Сергием и единомышленными ему епископами, как предавшими Церковь Божию на поругание впредь до их раскаяния и отречения от «Воззвания».

¹ Письмо еп. Виктора к митр. Сергию. Ноябрь, 1927 г. См. архив М. М. № 52.

² Там же. См. Архив М. М. № 52.

³ Письмо еп. Новоторжского Захария к еп. Виктору от 19 апр. 1928 г. См. Архив М. М. № 2-а.

Постановление было утверждено еп. Виктором¹ и отправлено митр. Сергию.

Слух о том, что произошло в Воткинской епархии, быстро дошел и до Вятки, и та часть духовенства Вятской епархии, которая оставалась на стороне митр. Сергия, прекратила поминать за богослужением еп. Виктора. Верующий же народ (конечно, не весь, а часть), вероятно, был недоволен этим и стал группироваться около 4-х церквей, не принявших «Воззвания», и чуждаться тех, кто признал «Послание» и не стал поминать еп. Виктора.

К 4-м церквям присоединилась и пятая, только своеобразным способом. Верующие чрез общее приходское собрание удалили весь причт, как не желавший отказаться от «Воззвания».

Духовенство этого храма, оставаясь верным митр. Сергию, подчинилось на время приходскому собранию и не стало служить. Оно надеялось, что их правящий архиерей окажет им (духовенству) помощь и не позволит никому занять их место. Так ли получилось бы в действительности, как думал устраненный из храма причт, или по-другому, неизвестно, но только те, кто становился на путь разделения, не остались в покое. Они отправили делегацию к еп. Виктору, находившемуся к этому времени в Глазове, и привезли от него для своего храма священника.

В Вятке среди сергиевского духовенства и мирян произошел переполох. Со стороны еп. Виктора допущено явное вмешательство в дела чужой епархии. Положение церковное в Вятке становилось критическим. Тогда, чтобы предотвратить возникшие нестроения, православная паства и духовенство поехали в Москву и возвратились оттуда с архиеп. Павлом (Борисовским). Картина переменялась. Теперь уже переполох произошел среди оппозиционеров. Они почему-то боялись со стороны архиеп. Павла каких-то репрессий и, встревоженные его приездом, телеграфировали еп. Виктору, прося его совета и помощи. Последний, получивши телеграмму, встревожился не менее их и долго размышлял над тем вопросом, как поступить в отношении архиеп. Павла и помочь просителям.

От глубоких дум он не мог заснуть. Тревожные мысли не давали ему покоя. Во втором часу ночи, как он пишет об этом в своем письме от 12 декабря 1927 года², неожиданно возрадовалось его сердце, одна мысль и решимость успокоили его. Он встал и написал на имя одного из священников «православных» такую телеграмму:

«Ввиду приезда в Вятку архиеп. Павла, необходимо предложить ему принести покаяние и отречение от «Воззвания», как поругания Церкви Божией и как уклонение от истины спасения. Только при исполнении сего условия можно входить с ним в молитвенное общение. В случае же упорства, прекратить поминовение его имени при Богослужении, что допускалось лишь, как до

его приезда и выявления ожесточения его сердца. Епископ Виктор»¹.

Ободренные телеграммой, священники последовали совету еп. Виктора. Действительно, они предложили архиеп. Павлу покаяться и отречься от «Воззвания», но последний от этого предложения отказался, сославшись на митр. Сергия.

Тех репрессий, которых так боялись пастыри разделения, не последовало. Это их немного успокоило, но оппозиция усиливалась.

Архиеп. Павел, после краткого и безуспешного пребывания в Вятке, возвратился в Москву и доложил митр. Сергию и Синоду о положении дел в Вятской епархии. Была затронута и личность еп. Виктора, как, во-первых, презревшая распоряжение Высшей Церковной Власти и, во-вторых, принявшая участие в церковных смутах в Вятке и в Воткинской епархии.

Тогда же члены Синода во главе с митр. Сергием ультимативно потребовали от еп. Виктора представить им объяснение, почему он не уезжает из Глазова и на каком основании касается Вятки?

В то же самое время, поскольку архиеп. Павел большей частью отсутствовал в епархии, Синод назначил епископом Воткинским Оисима (Пылаева) и ему поручил временное управление Вятской епархией.

Требование Синода было направлено еп. Виктору. Последний, получивши ультиматум в ноябре 1927 г., ответил только на первый вопрос специальным письмом на имя митр. Сергия.

Он прямо заявил, что он потому не выполнил синодального распоряжения о его перемещении, что боялся как бы чрез оказание послушания Церковной власти не дать повода Синоду считать его одобряющим деяния Заместителя и членов Синода. И, признавая достигнутую организацию церковной жизни в епархиях делом обольстителя и лукавого, еп. Виктор молил Господа о смягчении сердца первоиерарха и о даровании ему покаяния. Если же митр. Сергий не покается, то он (еп. Виктор) готов на удаление от первоиерарха².

Свое пребывание в Глазове и, главным образом, отказ от подчинения распоряжениям Синода еп. Виктор оправдывал, как видим, тем же самым мотивом, что и свой поступок в отношении «Воззвания». Он боялся, как бы чрез исполнение синодальных распоряжений не ответить пред Богом за соучастие с людьми, как ему казалось, «удалившимися от Господа».

Но в данном случае его мотив был ложным, фактически он (еп. Виктор) прикрывал им свою недисциплинированность в отношении к Высшей Церковной Власти и свое греховное самолюбие. Как викарий, еп. Виктор должен был подчиниться Синоду, а не

¹ См. Архив М. М. № 54.

² Письмо еп. Виктора к митр. Сергию. Ноябрь 1927 г. См. Архив М. М. № 52.

противиться и не измышлять ненужных фактов в свое оправдание. Ложность мотивов привела его к тому, что он признал себя как бы «судьей», имеющим право производить суд не только над епархиальными архиереями, но и над первоиерархом.

Нельзя обойти молчанием одну весьма важную деталь в письме еп. Виктора к митр. Сергию. Он упоминает о каком-то святителе, который в письме к нему фактически высказал свой отрицательный взгляд на оказываемое ими повиновение Синоду.

Это дает нам основание утверждать, что еп. Виктор действовал в своих решениях не в одиночку, а в совете с другими духовными лицами и, в частности, с каким-то московским святителем, поддерживавшим его мнения и действия. Кто это были за советники, остается тайной. Во всяком случае, они отрицательно относились к митр. Сергию и в этом как бы сходились в общих мнениях с еп. Виктором.

Удовлетворил ли ответ еп. Виктора членов Синода, нам ничего не известно. Неизвестно также, какую меру взыскания наложил на него митр. Сергей. А быть может, учитывая фактическое удаление его с кафедры административно-гражданскими мерами и запрет ему на передвижение, первоиерарх оставил его без наказания. Характерно, что во всех известных нам постановлениях Синода, касавшихся запрещения иерархов, уклонившихся в разделение, имя еп. Виктора нигде не упоминается.

Что же произошло дальше?

В Вятской епархии с назначением нового временно управляющего отдельные уезды и, в частности, Глазовская епископия не приняли нового иерарха и пошли на отделение. В городе и области усилились разные отрицательные разговоры, компрометирующие имя митр. Сергия и членов Синода. Их обвиняли в том, что они якобы не имеют канонических прав на высшее управление Русской Церковью, что они и не православны и что, наконец, они обновленцы и уже объединились с ними. Словом, распространялись слухи не в пользу церковного дела.

Архиеп. Павел (Борисовский) как управляющий Вятской епархией, к тому же и как член Синода, весьма был обеспокоен происшедшими церковными нестроениями в его области и, считая, что все эти нестроения и смуты — следствие незнания подлинных дел Священного Синода, решил познакомить свою паству с деятельностью и направлением Патриаршего Священного Синода и митрополита Сергия.

С этой целью он 1/14 декабря 1927 года обращается к Вятской пастве с архипастырским посланием, в котором извещает пасомых, каких положительных результатов для Церкви достигли митр. Сергей и Патриарший Синод после легализации и вместе с тем опровергает ложные обвинения, возводимые раздорниками на Высшую Церковную Власть, и заверяет верующих, что ни он, ни митр. Сергей, ни члены Синода не имеют общения с обновленцами и др. раскольниками и что сам архиеп. Павел держался и будет

неизменно «держаться незыблемых начал православия и вселенской каноники»¹.

Как приняла Вятская паства послание своего архипастыря и достигло ли оно своей цели, нам неизвестно. Но надо полагать, что тех, кто имел небольшое смущение по отношению деяний Священного Синода, послание вполне удовлетворяло своим содержанием и укрепляло их в правых мыслях. Однако простой народ более доверял еп. Виктору, чем архиеп. Павлу, и в большинстве своем следовал за ним.

Приближался день, когда под его руководство должны были объединиться все отпавшие церкви Вятской епархии.

22 декабря 1927 г. Глазовское духовное Управление в своем заседании имело суждение по делу извещения канцелярии Воткинского епископа Онисима от 15 декабря 1927 г. за № 204 о принятии епископом Воткинским управления Воткинской епархией.

В связи с этим члены Управления заслушали «Воззвание» митр. Сергия от 16 августа 1927 года и письмо Преосвященного Виктора к митрополиту Сергию по поводу «Воззвания» и, после общего суждения, постановили: временно до покаяния и отречения митр. Сергия от выпущенного им «Воззвания»:

- 1) воздержаться от общения с ним и солидарными с ним епископами,
- 2) признать еп. Виктора своим духовным руководителем, избранным всей Глазовской епископией в 1924 году,
- 3) титуловать еп. Виктора «Глазовским и Воткинским», о чем поставить в известность митр. Сергия и еп. Воткинского Онисима, а также о. о. благочинных Глазовской епископии.

Протокол заседания был послан на утверждение еп. Виктору, который 22 декабря 1927 г. наложил на нем следующую резолюцию:

«Радуюсь благодати Божией, просветившей сердца членов Духовного Управления в сем трудном и великом деле избрания пути истины. Да будет решение его благословенно от Господа, и да будет оно в радость и утешение всей паствы нашей и в благовестие спасения ищущим спасения во Св. Православной Церкви. По постановлению 3-му о переименовании титулования временно оставить прежнее титулование, Ижевским и Воткинским, до решения сего вопроса Епархиальным Съездом. Еп. Виктор»².

Еп. Онисим (Пылаев), получивши указанное решение Глазовского Духовного Управления, срочно доложил митр. Сергию о случившемся. Синод распорядился, чтобы все священнослужители, отделившиеся от Высшей Церковной Власти, были запрещены в священнослужении.

Следуя этому распоряжению, еп. Онисим так и поступил: в Ижевске он запретил в священнослужении все духовенство, став-

¹ Послание архиеп. Павла от 1/14 декаб. 1927 г. Вятка, 1927 г.

² См. Архив М. М. № 54.

шее на путь раскола. Запрещенные священники пришли в тупик и смущение — они не знали, что им делать: продолжать ли служить или же подчиниться взысканию?

Тогда они срочно телеграфировали еп. Виктору, прося его помощи. Последний поспешил дать ответ в двух телеграммах:

«Ижевско-Покровский собор. Игумену Аркадию:

Постановлением Духовного Управления утвержденная мною Вотская епархия прекратила общение с Митрополитом Сергием и единомысленными ему епископами, как предавшими Церковь Божию на поругание и уклонившимися от истины спасения впредь до их покаяния и отречения от «Воззвания». Объявить о сем духовенству и верующим, Епископ Виктор».

«25 декабря 1927 г. Тому же.— Запрещение Онисима и других архиереев, отпавших через «Воззвание» от Православной Церкви, никакого значения для нас не имеет и падает на его голову. Слушайте в мире Духа Святого. Благословение Божие всей вашей пастве. Епископ Виктор»¹.

Ответ еп. Виктора морально поддержал упавший дух пастырей, и они, пренебрегая церковным запрещением, продолжали служить.

Так к концу 1927 г. церкви разделения в уездах: Глазовском, Слободском, Котельничском, Яранском, в слободе Кухарка, в Вотске, Ижевске и Вятке — признали своим духовным руководителем еп. Виктора (Островидова).

Церковный раскол в Вятской епархии ничего успокоительного для духа христианского не принес. Наоборот, он способствовал только усилению вражды и ненависти в православных семьях, разрушал церковное единство и вносил в душу человека опустошение.

Особенно болезненно ощущали это разделение оставшиеся верными митр. Сергию православные пастыри и миряне. Им приходилось трудиться на ниве Божией в обстановке ненависти и презрения со стороны викториан. А что они должны были испытывать, когда и митр. Сергия, и их называли предателями Церкви Православной и богоотступниками, или когда простой люд, проходя мимо православного священника, с ног до головы пронизывал его презрительным взглядом и вслед ему выкрикивал какую-нибудь гадость?

Это было своего рода моральным мученичеством. Некоторые из них не могли скрывать в себе своих скорбей и переживаний и открывали о них другим.

Так, неизвестный нам о. протоиерей Николай Михайлович, испытывая душевную горечь от разделения, открыл об этом еп. Захарии (Лобову) Нижне-Чирскому, проживавшему по соседству с Вятской епархией в г. Краснококшайске, Марийской Автономной области.

К нему же обратились и прихожане из одного села Вятской епархии с просьбой разъяснить им: правильно ли поступает митр.

Сергий и его Синод, не отступили ли они от Православия? Причем, они открыли ему, что среди них распространяется письмо Андрея Ухтомского, в котором он митр. Сергия и Синод называет богоотступниками.

В утешение скорбящим, еп. Захария от себя и от лица находившихся с ним епископов — Иринарха, Антония и Сергия и духовенства — 26 января 1928 г. ответил о. протоиерею, что все они (т. е. проживающие в Краснококшайске) скорбят о постигшем Вятскую епархию горе и о неразумном бунте еп. Виктора. Все они — 14 человек (4 епископа и 10 иереев, протодиакон и иеродиакона) — горячо протестуют против неразумных и преступных выступлений Владыки Виктора и осуждают его за его отделение от митр. Сергия и Синода. Он и три епископа с ним просят и умоляют всех протестантов оставить всякое сомнение и протесты против митр. Сергия и его Синода, ибо все канонично и разумно в его действиях, а если бы не так, то они этого не потерпели бы¹.

В письме еп. Захарии изложено не только одно сострадание и скорбь по поводу возникшего разделения в Вятской епархии, но и определено отношение православных епископов-исповедников и духовенства к делу еп. Виктора.

Они не только протестовали против неразумных и преступных выступлений последнего, но и осуждали его отделение от митр. Сергия и считали еп. Виктора врагом Церкви, подлежащим церковному суду.

Это был уже голос протеста православного епископата против оппозиций митр. Сергию и раскола.

Струя скорбей, производимая разделением, проникла в разные отдаленные уголки России, где только находились православные епископы и духовенство.

Так, она достигла еп. Уржумского Авраамия (Дернова), находившегося где-то за пределами своей епархии на вольном поселении. Еп. Авраамий хорошо знал еп. Виктора (Островидова) по Вятской епархии, так как оба они были там викарными архиереями и единомысленными в борьбе с обновленчеством, и потому, когда он услышал о печальном поступке своего сомолитвенника и сопастыря, то обратился к нему с письменным увещанием. Однако, зная горячий характер своего друга, он писал ему очень осторожно. В виде своего мнения, в двух письмах, еп. Авраамий высказал еписк. Виктору такую мысль, что он желал бы быть странником и молиться без зазрения совести во всяком храме, а затем слегка упомянул о расколах, бывших в Древней Христианской Церкви.

Этим он хотел сказать ему, что гораздо спасительнее для него (еп. Виктора) единение, чем уклонение в раскол.

Но письма еп. Авраамия немного запоздали. Они были получены адресатом в тот момент, когда еп. Виктор имел уже тесную связь с Ленинградскими вождями носифлянского раскола и был,

¹ Письмо еп. Виктора от 29 дек. 1927 г. См. Архив М. М. № 54.

¹ См. Архив М. М. № 2-г.

выражаясь просто, начинен ими всевозможными пасквилями на митр. Сергия и Патриарший Синод. Его связь с последними как бы окончательно утврдила в нем убеждение в справедливости своего поступка и служила своего рода орудием противодействия всякому влиянию отвне на его сознание.

И теперь, когда он получил два письма от своего друга, он ни единою мыслию не согласился с ним и, в свою очередь, ответил ему, что они (отколовшиеся) не раскол делают в Церкви, а только требуют, «чтобы предатели Церкви Божией оставили свои места и передали управление в другие руки, или слезно покаяться и раскаялись в содеянном зле».

В этом деле они не одни, а с ними собор «соловецких» епископов (26) и великое множество рабов Божиих. Со своей стороны еп. Виктор умолял еп. Авраамия «убегать обольстительных писем, желающих удалить его от Животворящего Древа Истины»¹.

Как видим, в письме еп. Виктора нет ни единого слова признания своей ошибки или раскаяния, наоборот, в нем все проникнуто чувством своей правоты и осуждением митр. Сергия и Синода. Причем, в пылу самооправдания еп. Виктор не заметил, как был уловлен живыми сообщениями о «соловецком» епископате, якобы стоявшем на стороне порвавших общение с митр. Сергием.

Как в действительности отнеслись «соловецкие» епископы к деянию митр. Сергия и к раскольникам, мы уже видели, теперь же внесем некоторую поправку относительно числа «соловецких» епископов. Их было там не 26, как утверждает еп. Виктор, а только 17 или 20, но не более. 17 епископов дали клятву хранить единство церковное, пребывать в общении с митр. Сергием и осуждать раскольников.

Эта и другая ошибка еп. Виктора — чистейший плод влияния Ленинградских викариев-раскольников, стремившихся ложным путем утверждать свои идеи среди народа.

О печальных событиях в Вятской епархии услышал и митр. Туркестанский Никандр (Феноменов). И он поскорбел в своем сердце о случившемся и на переводе к своему близкому В. А. в январе 1928 г. отметил: «Печально, что еп. Виктор самочинствует. Печально, что его самочинству следуют другие. За митр. Сергия надо усилить свои молитвы, потому что здоровье его сильно пошатнулось от постоянных забот о Святой Православной Церкви. Пошли, Господь, много лет здравствовать, а самочинцам всяким, раздражающим Св. Церковь, скорейшее вразумление от Бога. Как Господь прогневался на Церковь и какую тьму врагов выпустил из среды ее же»².

Но на все осуждения его действий, от кого бы они ни исходили: от друзей ли или просто от архиереев — еп. Виктор смотрел спокойно и отчасти пренебрежительно.

¹ Письмо еп. Виктора к еп. Авраамиию от 15 янв. 1928 г. См. Архив М. М. № 53.

² См. Архив М. М. № 2-г.

Правда, у него иногда возникали такие вопросы: почему епископы осуждают его поступки, в то время как сам он признавал их (поступки) вполне справедливыми? Не есть ли это плод незнания его действий? Но эти вопросы отнюдь не были чувством его раскаяния или сомнения в правоте своего дела; нет, это было просто-напросто только недоумение.

Когда еп. Виктор узнал о письме еп. Захарии (Лобова) и трех с ним архиереев, в котором они высказывали свой протест против его действий, то он решил, что подобное отношение к нему указанных епископов происходит лишь только от неправильного освещения его поступков. Тогда, чтобы показать им, что в его действиях ничего нет преступного, он пишет письмо еп. Захарии в Краснококшайск и, прилагая копию своего обширного послания к пастве, спрашивает его: «Что же он (еп. Виктор) сказал плохого?»

Письмо было отправлено либо в самом конце января, либо в начале февраля 1928 года. И тем временем, пока еп. Виктор ожидал ответа, среди отпавших клириков произошел новый переполох. Он был вызван, вероятно, новыми прещениями со стороны уже Синода.

Как ни успокаивали себя священнослужители той мыслью, что запрещение митр. Сергия не имеет никакого значения, тем не менее совесть обличала их и тревожила их сердца. Возможно, что некоторые, под действием церковных взысканий, готовы были уже возвратиться из раскола, если бы не помешал этому еп. Виктор.

Когда ему сообщили о всех скорбях и малодушии, происшедших в силу духовных угроз Синода, он «воспылал» ревностью пророка Ильи и быстро написал послание к пастырям для их укрепления¹.

Смысл самого послания очень ясен. В нем еп. Виктор доказывает пастырям, что запрещения Синода не имеют никакой силы, так же как и запрещения католиков и протестантов, потому что они отступили от Церкви и не имеют Божией благодати. Мужайтесь и стойте на своем пути.

4 марта н. ст. 1928 г. не без влияния, вероятно, еп. Виктора отделился от митр. Сергия еп. Яранский Нектарий (Трезвенский).

Причину своего отхода от общения с первоиерархом он изложил в своем письме в Ленинград к одному лицу 25 апр. 1928 г.²

Причина была та же самая, что и у иосифлян и еп. Виктора.

Но возвратимся к еп. Захарии. Письмо от еп. Виктора он получил еще в Краснококшайске, но ответить на него сразу не мог: он должен был срочно перебраться в другое местожительство. И только после того, как он поселился в г. Торжке Тверской епархии, ему представилась возможность написать ответ.

Письмо еп. Виктора и его послание глубоко потревожили его сердце, и он от горести даже заплакал — так больно было ему читать эти скорбные строки.

¹ См. Архив М. М. № 36.

² См. Архив М. М. № 39.

Переживая внутренне за еп. Виктора, еп. Захария 19 апреля 1928 года написал ему весьма содержательное письмо. В нем еп. Захария указывал еп. Виктору на его грех, допущенный им в Вятской епархии, и на те фактические причины, которые толкнули еп. Виктора на преступление. Он доказывал, что дело его — дело сатанинское, оно, несомненно, погибнет с шумом, но совершенный им грех отступления лежит на еп. Викторе всю свою тяжесть. Еп. Захария умолял своего собрата опомниться, пока еще не поздно¹.

Но письмо это, вероятно, еп. Виктора уже не застало, а если и застало, то не получило ответа, так как еп. Виктор в конце апреля 1928 года был физически лишен возможности и священнодействовать, и пребывать в г. Глазове.

Убедить еп. Виктора в его неправоте было очень трудно. Для этого требовались, возможно, какие-то особые обстоятельства жизни, которые бы положительно повлияли на его мышление.

Уезжая в Соловецкую обитель, он оставался при своих взглядах на совершаемое им дело.

После того, как возглавляемые им приходы остались без архипастыря, естественно, возник вопрос о дальнейшем их окормлении. Это, вероятно, наперед предвидел еп. Виктор и, еще прежде своего удаления из Глазова, в бытность свою в Ленинграде (а когда он был там, нам неизвестно) сам направил своих ставленников для рукоположения в священники к одному из тамошних архиереев². С этого момента отделившиеся приходы в Вятской епархии со своими нуждами (и особенно для рукоположения) обращались в Ленинград к еп. Димитрию (Любимову).

Еп. Виктор (Островидов), оказавшись в особых условиях жизни в обители преп. Зосимы и Савватия, сразу же попал под надзор своих «единомышленников», о которых он думал, что они стоят на его стороне.

«Соловецким» епископам еп. Виктор был уже известен из сообщений о нем интересовавшихся церковной жизнью, и когда он прибыл к ним на жительство, они начали его перевоспитывать. Нелегкую и ответственную миссию по перевоспитанию еп. Виктора возложил на себя архиеп. Верейский Иларион (Троицкий). Он при всяком удобном случае беседовал с ним и убеждал его изменить свои взгляды на митр. Сергия и Синод. Но еп. Виктор противился и продолжал пребывать в своем заблуждении.

Насколько было трудно переубеждать еп. Виктора, об этом пишет сам архиеп. Иларион в своем письме к ближним от 12 августа н. ст. 1928 года.

«Я писал Вам, — выражал он свою скорбь, — какой народ несдержанный пошел. Много ругаюсь я с таким народом. Который Глазовский (разумеется еп. Виктор), ну это прямо искушение од-

но. Говорить с ним не приведи Бог. У него все будто наизусть, и все говорит, что все родные за него, и ничто слушать не хочет. Про него писали много. Ну совсем человек сбился и себя одного за правого почитает»¹.

И как ни трудно было архиеп. Илариону преобразить своего собрата, он все-таки достиг желанной цели. Еп. Виктор, наконец, согласился с его убеждениями и присоединился к митрополиту Сергию.

О своем присоединении он сообщил Вятской пастве и сделал ей соответствующее распоряжение².

Это произошло, вероятно, в начале 1929 г. В этом же году викторианство как таковое в Вятской епархии прекратило свое существование, но отдельные проблески его жизни, хотя и на короткий срок, еще проявлялись.

Так, весной 1930 г. еп. б. Ижевский Синезий (Зарубин) неожиданно стал в оппозицию против митр. Сергия и Синода. Что толкнуло его на этот путь, нам доподлинно неизвестно. Но нельзя отрицать того факта, что он чем-то был обижен на митр. Сергия. Возможно даже тем, что его уволили на покой. А дело обстоит вот как. Еп. Синезий написал какой-то рапорт митр. Сергию. О чем он излагал в своем рапорте, нам неизвестно, но, возможно, он упомянул и о своем вынужденном желании уйти на покой. Согласно его рапорту, митр. Сергий на заседании Синода определением своим от 26 февраля 1930 г. за № 21 уволил еп. Синезия от управления епархией.

После этого последний стал проводить раздорническую деятельность и обвинять митр. Сергия и Синод в обновленчестве. И, несмотря на то, что находился на покое, без разрешения и согласия епархиального епископа, стал служить в Успенской церкви г. Ижевска с свящ. Павлом Мерзиным и диаконом Григорием Остроумовым. Это вызвало соблазн среди духовенства и верующих г. Ижевска и епархии.

Узнав об этом, вероятно, из сообщения Ижевского епископа, митр. Сергий на заседании Синода от 9 мая 1930 г. за № 79 вынес о нем такое постановление:

«Предложить Преосвященному Синезию, бывшему Ижевскому, представить в Патриархию в двухнедельный срок, в объяснение раздорнической его деятельности, ответы на следующие вопросы:

1) считает ли себя Преосвященный стоящим в каноническом общении с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и временным при нем Патриаршим Священным Синодом, признавая их православными, а не обновленцами;

2) выпустил ли и какое воззвание против Преосвященного Заместителя;

¹ См. Архив М. М. № 2-а.

² Письмо митр. Кирилла к митр. Сергию от 2/15 мая 1929 г. См. Архив М. М. № 75.

¹ См. Архив М. М. № 13.

² С. А. прот. Новое разделение в Православной Церкви, т. н. носифлянство или димитрианство и автокефалисты. См. Архив М. М. № 15.

3) по какому разрешению служит, по увольнении на покой, в Успенской г. Ижевска церкви, со священником Павлом Мерзным и диаконом Григорием Остроумовым, производя своею раздорнической деятельностью соблазн среди духовенства и верующих г. Ижевска и епархии. Впредь до представления Преосвященным Синезием ответов на указанные вопросы, воспретить ему священнослужение, в случае неполучения от него ответов в двухнедельный срок, иметь о нем особое суждение».

Получивши указанное выше постановление, еп. Синезий телеграммой от 19 мая 1930 г. сообщил, что запрещению, наложенному на него Патриархией, он подчинился, но о том, что последуют от него дальнейшие объяснения, он не упомянул, показывая тем самым, что он действительно не желает находиться в общении с митр. Сергием.

Об этом еп. Синезий определенно заявил еп. Ижевскому. Последний особым докладом сообщил митр. Сергию подтверждающие данные о раздорнической деятельности и о факте отхода от Заместителя еп. Синезия.

Тогда Синод, на основании доклада Ижевского епископа, 4-го июня 1930 года постановил:

«Ввиду того, что епископ Синезий спрашивавшему его Преосвященному Ижевскому определенно заявил о разрыве общения с Заместителем и в указанный срок объяснения в Патриархию не представил, Епископа Синезия (Зарубина), за нарушение Апост. правил 34 и 31, Дувкр. 13 и 15 и аналогичных, предать суду православных архиереев, оставив его под запрещением впредь до раскаяния или постановления о нем суда»¹.

Постановление Синода было послано еп. Ижевскому с тем, чтобы он объявил его еп. Синезию, духовенству и пастве Ижевской епархии и всем Преосвященным для их уведомления.

Как подействовало это постановление на еп. Синезия, нам неизвестно, но покаяния он не принес: еп. Синезий так и остался пребывать в отколе до самой своей кончины.

Это, возможно, были последние проблески существования викторианства. С этого момента оно больше не повторялось.

Основоположник разделения в Вятской епархии еп. Виктор, примиренный с митр. Сергием, почил о Господе 19 апреля 1934 г. в обители преп. Зосимы и Савватия.

Необходимо упомянуть о существовании т. н. «даниловской» и «мечевской» группировок.

Лица этих группировок — а в них входили отдельные епископы, черное и белое духовенство, монахи и мирские — в отношении к митр. Сергию держались своеобразной тактики: официально они не отделялись от Заместителя, но действиями своими выражали самую настоящую оппозицию против последнего. Они не только осуждали деяния митр. Сергия, но и в кругу своих единомышлен-

ников осмеивали их и даже некоторые из них запрещали своим последователям посещать те храмы, в которых поминали имя Заместителя, и принимать от сергианских священников таинства.

Это были своего рода тайные разлагатели церковного единства.

К первой группировке принадлежали следующие иерархи:

1. Феодор (Поздеевский), архиеп. б. Волоколамский,
2. Гавриил (Абалымов), еп. б. Осташковский,
3. Дамаскин (Щедрин), еп. Глуховский,
4. Иоасаф (Удалов), еп. б. Чистопольский,
5. Николай (Никольский), еп. б. Вязниковский,
6. Парфений (Брянских), еп. б. Ананьевский,
7. Григорий (Козырев), еп. Суздальский.

Ко второй, «мечевской», группировке принадлежали такие архиереи:

1. Арсений (Жадановский), еп. б. Серпуховский,
2. Зиновий (Дроздов), архиеп. Тамбовский,
3. Серафим (Звездинский), еп. б. Дмитровский,
4. Аркадий (Остальский), еп. Бежецкий,
5. Афанасий (Сахаров), еп. б. Ковровский.

«Даниловская» и «мечевская» группировки не были единым целым: их лица действовали против митр. Сергия в одиночку по своему усмотрению и потому большой опасности для Церкви они не представляли.

ОППОЗИЦИЯ МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА

Как один из отголосков иосифлянского раскола является оппозиция митр. Казанского Кирилла.

Митр. Кирилл (в мире Константин Илларионович Смирнов) родился 26 апреля ст. ст. 1863 года в семье псаломщика С.-ПБ. епархии.

Как проходили его детские годы, нам неизвестно. Известно только, что он воспитывался в чувстве радости и благодарности Богу за все! С такой настроенностью юноша и вступил в жизнь.

В 1887 г. он окончил со степенью кандидата богословия С.-Петербургскую духовную академию, вступил в брак и был назначен законоучителем Елизаветградской гимназии.

В этом же году 21 ноября Константин принял рукоположение в священный сан.

В 1894 г. его переводят законоучителем во 2-ю С.-Петербургскую гимназию, а в 1900 г. определяют настоятелем Кронштадтской Троицкой церкви.

В 1902 г. он овдовел. Это печальное обстоятельство приводит его к иночеству. 10 мая в том же году он принимает монашество

¹ Журнал Московской Патриархии, 1931 г., № 4, стр. 1—2.

¹ Речь при наречении его во епископа. Прибав. к «Церковным ведомостям», 1904 г., № 31, стр. 1162.

с именем Кирилла и получает назначение в Урмию (Персия) начальником миссии с возведением в сан архимандрита.

В Урмийской миссии архим. Кирилл пробыл два года.

6 Августа 1904 г. в день Преображения состоялась его хиротония во еп. Гдовского, 3-го викария С.-Петербургской епархии.

Пять лет он трудился в качестве викария с митр. Антонием (Вадковским).

В 1909 г. 30 декабря его назначают еп. Тамбовским и Шацким, а в 1913 г. возводят в сан архиепископа.

В 1918 г. 19 марта он был назначен митр. Тифлиским и Бакинским, Экзархом Кавказским. Но ввиду военных действий к месту своего назначения он не поехал.

В середине 1918 г. его определили митрополитом Казанским и Свияжским.

В 1922 г. 12 августа митр. Кирилл был лишен физической возможности управлять епархией. Он поселился где-то в Сибири в Красноярском крае.

Патриарх Тихон в своем завещании поставил митр. Кирилла первым кандидатом в Местоблюстители.

Таковы главные ступени жизни Казанского иерарха.

Находясь вдали от своей епархии, он широко был осведомлен о всех важных событиях церковной жизни. Митрополит Кирилл, действительно, знал о многом. Он знал о кончине Патриарха Тихона, о его завещании от 25 декабря 1924 г., в котором указывались три кандидата в Патриаршие Местоблюстители. Известно ему было и о вступлении митр. Петра в управление Русской Церковью, об образовании григорианского ВВЦС, о замеществе митр. Сергия и его переписке с митр. Петром и митр. Агафангелом. Знал он и об учреждении митр. Сергием при себе Временного Патриаршего Синода и о тех нестроениях, которые возникли в Русской Церкви вследствие новой церковной политики, предпринятой Заместителем.

Осведомлен он был и о тех архиереях, которые выступили в качестве обличителей митр. Сергия, и об их отделении от первоиерарха. Даже известно было ему постановление Синода от 26 июля 1929 г. за № 94 (6 августа за № 186 было отправлено) относительно 4 таинств, совершаемых обновленческими и находившимися в расколе (иосифлянском и др.) священниками, и о чине погребения над скончавшимися в упомянутых расколах, и т. п. К нему приезжали люди, чтобы оказать ему посильную материальную поддержку и в то же время поделиться с ним всеми церковными новостями и получить от него надлежащий совет. Ему писали, и он отвечал. Отсюда и та осведомленность, о которой мы упомянули выше.

Но нас интересует не эта сторона жизни митр. Кирилла, а его взгляд и отношение к церковным событиям, непосредственно связанным с иосифлянством, викторианством и другими отколовшимися лицами, и те причины, которые расположили его к оппозиции против митр. Сергия.

Чтобы правильно определить его взгляд и отношение ко всему вышеуказанному, мы приведем один отрывок из его письма, написанного им какому-то неизвестному нам лицу.

Вот этот отрывок:

«Я никого не сужу и не осуждаю, но и призвать к участию в чужих грехах никого не могу, как не могу осуждать и тех иерархов во главе с м. Иос., которые исповедали свое нежелание участвовать в том, что совесть их признала греховным. Это исповедание вменяется им в нарушение ими церковной дисциплины, но церковная дисциплина способна сохранять свою действенность лишь до тех пор, пока является действительным отражением иерархической совести Соборной Церкви; заменить же собою эту совесть дисциплина никогда не может. Лишь только она предъявит свои требования не в силу указаний этой совести, а по побуждениям, чуждым Церкви, неискренним, как индивидуальная иерархическая совесть непременно станет на стороне соборно-иерархического принципа бытия Церкви, который вовсе не одно и то же с внешним единением во что бы то ни стало. Тогда расшатанность церковной дисциплины становится неизбежной, как следствие греха. Выход же из греха может быть только один — покаяние и достойные его плоды. И кажется мне из моего далека, что этого покаяния одинаково ждут и ленинградцы, и осуждающие их ташкентцы. Разница между ними не в убеждениях, а лишь в темпераменте, с каким убеждение высказывается. В силу разницы религиозного темперамента одни ждут покаяния нѣмедленно, другие, — чтобы не потерять надежды на возможность созыва законного канонического Собора (какая наивность или лукавство!), чтобы вместе с соловчанами ждать этого покаяния до Собора в уверенности, что Собор не может его не потребовать. Несомненно, что создавшееся положение искренно никто не считает нормальным и, быть может, сами творцы его, чувствующие нужду в письменных свидетельствах в свою пользу, — иначе, при сознании ими своей правоты, им не нужны были бы свидетельства от Арсения*, ни Евгения Благовещенского**»¹.

Итак, из данного отрывка письма мы видим, что митр. Кирилл смотрел на возникшие церковные смуты как на явление отрицательного характера, но вызванное отнюдь не последователями митр. Иосифа, а той церковной дисциплиной, которая, как ему казалось, предъявляла требования, «чуждые» иерархической совести Соборной Церкви.

Митр. Иосифа и единомышленных ему архиереев он не осуждал; как не желавших принимать участия в том, что совесть их считала греховным, и даже признавал их действия вполне законными.

* Стадницкий.

** Зернов.

¹ См. Архив М. М. № 75.

Такой взгляд и отношение митр. Кирилла к церковным событиям сложились, как мы увидим ниже, лишь только потому, что он не знал о некоторых подробностях действительного направления восставших против митр. Сергия.

В его глазах они казались ему людьми, преследующими единственную цель: заставить первоиерарха покаяться в своих ошибках и этим восстановить нарушенный мир. Но он не знал, что эти цели приняли совершенно иное направление, чем он мыслил, и превратились в злохуления на Церковь, управляемую митр. Сергием.

Это обстоятельство и привело митр. Кирилла на путь теоретического признания правоты действий расколоучителей.

Но какие же причины побудили самого митрополита встать в оппозицию против своего первоиерарха?

Причина, главным образом, заключалась в том взгляде, который имел митр. Кирилл на Высшую Церковную Власть.

Он был сторонником единоличной патриаршей власти, и такую именно власть митр. Кирилл признавал единственно канонической и правомочной.

Себя он мыслил пребывающим только в такой Церкви, которая сохраняет в себе указанную выше структуру управления.

Отсюда, естественно, всякая попытка, с чьей бы стороны она ни исходила, поставить рядом с единоличной преемственной властью соуправляющую ей коллегиальную власть, расценивалась им как нарушение Соборного постановления Поместной Церкви и уничтожение единоличной патриаршей власти.

В этом и заключалась основная причина его оппозиции против митр. Сергия.

До того момента, пока митр. Сергей как Заместитель Патриаршего Местоблюстителя управлял единолично, митр. Кирилл признавал его как первоиерарха, сохраняющего патриарший строй в Русской Церкви, но как только он учредил при себе Синод, митр. Кирилл отказался признавать за ним указанные полномочия. В действиях митр. Сергия он увидел прямую угрозу патриаршему управлению, и это толкнуло его на путь оппозиции.

Подробно об этих причинах можно прочесть в его письмах к митр. Сергию и обратно.

Этими письмами мы и воспользуемся, с одной стороны, для раскрытия тех ошибок, которые допустил митр. Кирилл против митропол. Сергия, а с другой — для изложения истории оппозиции.

В конце апреля или, возможно, в самом начале мая 1929 года к митр. Кириллу, находившемуся тогда в местечке Хан-Гайка Красноярского Округа, обратились верующие из Казанской епархии с рядом вопросов, касавшихся их отношения к митр. Сергию и возглавляемой им Церкви.

Митр. Кирилл, как считавшийся правящим архиереем Казанской епархии, нашел необходимым через викарного епископа Афанасия (Малинина) ответить на эти вопросы и известить о своих суждениях митр. Сергия.

Таких вопросов было пять.

1. Можно ли ходить, можно ли молиться, можно ли приобщаться Св. Даров в той церкви, где поминают митр. Сергия?

2. Можно ли поминать рядом в молитве церковной митр. Кирилла и митр. Сергия?

3. Какова должна быть формула церковной молитвы о предрержащих властях, чтобы ею не искажался смысл церковной молитвы и христианского отношения к власти, какая бы она ни была?

4. Как быть ищущему священства при современном церковном положении, чтобы иметь возможность приносить и Божие Богам без туги сердечной, смущений и соблазнов?

5. Допустимо ли обращение за церковным окормлением к одному из иноепархиальных архиереев, не подчиняющемуся распоряжениям митр. Сергия с так называемым Временным Патриаршем Синодом?

Как же ответил на все эти вопросы митр. Кирилл? Прежде всего, он подчеркнул, что митр. Сергей превысил свои полномочия, ибо, как признавал митр. Кирилл, «никакой заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает, или совершенно заменить его... Никаких учредительных прав в роде реформ существующих служебных учреждений, открытия новых должностей и т. п. заместителю не может быть предоставлено без предварительного испрошения и указания замещаемого». И если митр. Сергей учредил при себе Врем. Патриарший Синод, то тем самым он превысил компетенцию и самого Местоблюстителя Патриаршего Престола и восхитил права Собора Церковного. И, признавая учреждение Синода погрешительным, он заявляет о своем воздержании от общения с митр. Сергием и единомышленными ему архиереями и от литургисания с ними.

Указав на то, как он сам относится к митр. Сергию, митр. Кирилл ответил на поставленные выше вопросы.

«Мирыанам, — писал он, — принимать деятельно участие в церковной жизни приходов, возносящих имя митр. Сергия в качестве возглавляющего иерархию архипастыря, не следует». Но если в данной местности нет «православного» храма, то они могут посещать богослужение и принимать Св. Тайны в храмах, подчиняющихся митр. Сергию. Молиться же за митр. Сергия наряду с остальными архипастырями — не является грехом. Однако богослуженное поминовение митр. Сергия рядом с митр. Кириллом — это плод недоразумения и есть грех.

Для поминовения предрержащих властей митр. Кирилл предложил формулу, составленную «зырянским» духовенством.

На вопрос о ставленниках он ответил, что можно принимать хиротонию и от епископов, подчиняющихся митр. Сергию и Синоду, но с тем только условием, если последние проявили бы терпимость и предоставили ставленнику право находиться в молитвенно-каноническом общении с митр. Кириллом.

Обращение за церковным окормлением к иносепархиальным епископам для Казанской паствы он считал преждевременным¹.

Ответы митр. Кирилла, как видим, более подробно вскрывают нам главные причины его оппозиции.

Прежде всего, он считал, что те недоумения, которые возникли среди верующих по отношению к митр. Сергию и возглавляемой им Церкви, происходят якобы от превышения первоиерархом своих церковно-административных полномочий.

Сам же митр. Кирилл не сомневался в том, что митр. Сергей превысил не только свои права как Заместителя, но даже и Местоблюстителя.

Он ни в какой степени не соглашался с той церковной реформой, которую проводил митр. Сергей, усматривая в этом прекращение действительности преемственной канонической единоличной власти и переход к синодальному управлению.

Признавая подобную реформу греховным поступком митр. Сергия, митр. Кирилл, боясь того, чтобы не быть участником греха и в целях вразумления согрешающего брата, отстраняется от братского общения с митр. Сергием и единомышленными ему архиереями, и до тех пор, пока он (первоиерарх) не уничтожит учрежденного им Синода, он (митр. Кирилл) не будет признавать ни одного церковно-административного распоряжения, издаваемого от имени Патриаршего Синода, обязательным для своего исполнения.

Характерно, что митр. Кирилл подобным отношением к митр. Сергию и Синоду не считал себя как бы отделившимся от руководимой первоиерархом части Православной Церкви, и даже, более того, не допускал ни единой мысли о безблагодатности таинств, совершаемых сергианскими епископами и священниками. В этом он далеко был не единомыслен с иосифлянами и викторианами, которые не только отрицали благодатность совершаемых таинств в сергиевских храмах, но и считали только себя находящимися в Церкви, а митр. Сергия в расколе.

Кроме воздержания от братского общения с митр. Сергием и единомышленными ему епископами, митр. Кирилл отказывался от совместного литургисания с ними, от общественной молитвы в храме с верующими, которые признавали Врем. Патриарший Синод, и отменял поминовение за Божественной службой имя митр. Сергия.

Вот, собственно, тот объем оппозиции, определившийся у митр. Кирилла по отношению к первоиерарху и Свящ. Синоду.

Когда митр. Сергей получил письмо от митр. Кирилла с приложением его суждений, он глубоко пожалел о наметившейся оппозиции видного иерарха. До него и раньше доходили слухи о митр. Кирилле и о его отношении к церковной власти, но тогда он думал, что если митр. Кирилл и допускал кое-какие неблагоприятные действия по отношению к первоиерарху, то делал это вследствие своей неосведомленности о настоящем положении его деяний. Теперь же, когда он держал в руках своих письмо митр. Кирилла,

не оставалось никаких сомнений в истинности доходивших до него слухов о Казанском митрополите. Тогда, учитывая то положение, что отход митр. Кирилла может произвести в Русской Церкви новые нестроения, митр. Сергей обращается к нему с ответным письмом, в котором вскрывает несостоятельность его взглядов и дает правильное освещение церковным событиям.

В чем же заключалась несостоятельность взглядов митрополита Кирилла?

Прежде всего в том, что митрополит Казанский неправильно мыслил о полномочиях митр. Сергия.

Митр. Кирилл в определении полномочий первоиерарха исходил не из существа дела, а из термина «Заместитель» и потому смотрел на митр. Сергия как на иерарха с ограниченными правами. Фактически же объем полномочий митр. Сергия определялся не титулом, а текстом завещания митр. Петра. А в завещании говорилось, что права и обязанности Местоблюстителя временно переходят к такому-то и такому-то..., вследствие чего воспринявший эти права и обязанности уже именовался не «Заместителем», а «Врем. Исполн. Обязанности Патриаршего Местоблюстителя». И поскольку Патриарший Местоблюститель митр. Петр, согласно завещанию, имел в полном объеме права и обязанности Патриарха, постольку и митр. Сергей воспринял от Местоблюстителя права и обязанности в том объеме, какой имел последний.

Вторая несостоятельность взгляда митр. Кирилла заключалась в том, что он обвинил митр. Сергия в превышении им власти и приостановлении действительности и обнаружения законной единоличной преемственной власти чрез учрежденный первоиерархом Врем. Патриарший Синод.

Полномочий своих митр. Сергей не превышал, поскольку действовал так по примеру Патриарха Тихона. Учрежденный же им Синод не угрожал целостности патриаршего строя, но, наоборот, при правильном функционировании служил к оправданию и утверждению идеи патриаршеской и к сохранению патриаршества.

Ошибки, которые допустил митр. Кирилл, привели последнего к административному, а затем евхаристическому разрыву с первоиерархом. Но как первое, так и второе рассматривается, с точки зрения канонов, не чем иным, как только действиями, ставящими иерарха на одну ступень с расколом. Это и подтверждается тем, что митр. Кирилл имел полную солидарность с отколовшимися от Заместителя, которые образовали свое особое общество, в полном смысле — «церковь лукавствующих».

Деяния митр. Кирилла осуждаются 8 пр. Св. Апостолов, которое угрожает отлучением от общения церковного епископа и всякого «из священного списка», кто при совершении приношения (в Православной Церкви) не причастится.

Митр. Кирилл не может оправдывать свой поступок тем, что он, поступая так (т. е. не причащаясь с первоиерархом), стремится подобным способом воздействовать на Заместителя и заставить

¹ См. Архив М. М. № 75.

его упразднить Синод, ибо ни одному епархиальному архиерею не даны такие полномочия, чтобы каждый из них, единолично осудив деятельность первоиерарха, мог тотчас отказать ему в каноническом послушании и порвать с ним евхаристическое общение.

Каноническая истина подобного явления не знает. Деяния первого епископа подлежат суду епископов всей области (1 пр. III Всел. Соб.), а не одного. В противном случае «в церковном чине» произойдет не только «замешательство», а настоящий хаос, угрожающий конечным расстройством церковной жизни.

«Иерархическая совесть», о которой говорит митр. Кирилл, должна сообразоваться только с канонами и словом Божиим¹.

Таковы основные ошибки и несостоятельность взглядов митр. Кирилла.

Митр. Сергей, ввиду уже начавшегося соблазна в церковной среде, вызванного выступлением Казанского митрополита, мог бы перейти к действию, т. е. применить по отношению к последнему церковную меру прещения, но он этого не сделал. Заместитель еще надеялся, что митр. Кирилл осознает свою неправоту и присоединится к тем, кто прилагает свои усилия к созиданию церковного организма и к устранению смут и волнений, и потому отложил наказание. Он определил срок (1 декабря 1929 г.), к которому митр. Кирилл должен был дать ясный ответ: сможет ли он пересмотреть свое решение и иметь мужество признать, если не всю неправильность, то хотя бы излишнюю поспешность своего разрыва с первоиерархом и Патриаршим Синодом.

Итак, изложив в письме от 5/18 сент. 1929 г. все то, что могло служить к церковному миру и взаимному пониманию, митр. Сергей направил одного из членов канцелярии Священного Синода к митр. Кириллу и с ним препроводил свое письмо.

Митр. Кирилл проживал в это время в г. Енисейске по ул. Фелова, д. № 52. Он, вероятно, и не ожидал приезда кого-либо из Московской Патриархии. И, возможно, был удивлен, когда неожиданно к нему 19 октября явился уполномоченный от канцелярии Синода и вручил ему письмо от митр. Сергея.

Тщательно ознакомься с содержанием письма Заместителя, митр. Кирилл открыто высказал свое несогласие с теми данными, которые приводил митр. Сергей в своих рассуждениях. И так как последний требовал от него ответа, он и решил к указанному сроку написать отзыв на письмо первоиерарха.

Отзыв был закончен 30 октября ст. ст. 1929 г. и отправлен митр. Сергию

Ответ митр. Кирилла, в сущности, ничего нового не давал. В нем он только подтвердил свой ранее высказанный взгляд на полномочия Заместителя.

Ясно, что митр. Кирилл, несмотря на все веские доводы митр.

Сергия, остался при своих убеждениях. Фактически он стоял на том принципе, чтобы первоиерарх отказался от учрежденного им Патриаршего Синода, поскольку эта сторона реформы в церковном управлении, как ему казалось, являлась основным камнем преткновения для многих умов российского епископата, болезненно переживавшего за церковный патриарший строй Русской Церкви, и вносила в церковную жизнь нестроения.

Митр. Кирилл согласен был даже с тем фактом, чтобы при митр. Сергии были бы учреждены постоянные советники-епископы, но не соуправители.

Глубоко возмутило митр. Кирилла и августовское постановление Синода, воспрещавшее священникам совершать отпевание над лицами, умершими в иосифлянском расколе или вообще в несогласии с митр. Сергием. Это подало повод митр. Кириллу смотреть на митр. Сергия как на иерарха, потерявшего душевное «равновесие».

В завершение всего, митр. Кирилл, хотя и косвенно, предложил Заместителю рассмотреть его дело совместно с митр. Петром, которого он признавал первым епископом страны¹.

Отзыв митр. Кирилла не мог порадовать митр. Сергия. Он глубоко был огорчен тем противлением, которое высказал митр. Кирилл. Ни ему, ни тем более членам Синода и вообще единомышленному митр. Сергию епископату не хотелось порывать молитвенного общения со старейшим и первым кандидатом в Патриаршие Местоблюстители иерархом. И хотя митр. Кирилл признавал, что для мирян не обязательно порывать общение с митр. Сергием, тем не менее личный его пример отделения мог всегда отрицательно действовать не только на высшее и низшее духовенство, но и рядовых пасомых.

Что же оставалось делать митр. Сергию?

По прямому смыслу церковных правил он должен был бы сразу же наложить церковное взыскание на митрополита, не пожелавшего быть в молитвенно-каноническом общении с первоиерархом, но митр. Сергей от этого воздержался. Он нашел нужным отодвинуть на некоторое время церковное прещение и с надеждой ожидать последнего слова митр. Кирилла.

С таким настроением митр. Сергей еще раз обращается к нему с письмом от 2 янв. 1930 года.

В письме первоиерарх убедительно и четко доказывал, 1) что его (Заместителя) права сохраняют в полном объеме права и обязанности Патриарха, согласно прямому смыслу акта передачи этих прав Патриаршим Местоблюстителем; 2) что митр. Кирилл неправильно думает, якобы Синод ограничивает права Заместителя и превращает его в простого уполномоченного; 3) что митр. Сергей, по аналогии с действиями Патриарха Тихона, имел полное право учредить при себе Врем. Патриарший Синод, и угрожать

¹ См. Архив М. М. № 75.

¹ См. Архив М. М. № 75.

ему за это отделением — значит приносить вред Церкви; 4) что главным мотивом отделения являлся не Синод, а декларация, в которой противники увидели якобы подчинение царства Божия царству мира, и что митр. Кирилл несет равную ответственность с самочинным обществом, «водрузившим свой алтарь», независимо от того, все ли принимает он заблуждения раскольников или же только некоторые; 5) что разговор между ними (митр. Сергием и митр. Кириллом) не есть частное дело, а есть общецерковное, поскольку действия митр. Кирилла производят церковный соблазн; 6) что митр. Кирилл может обличать первоиераха, но только частным образом, а не общенародно; и, наконец, 7) что лучше терпеть неопределенное время в ожидании Собора некоторые недостатки в организации церковного управления, которые по самому своему характеру не затрагивают глубоко христианской церковной жизни и не могут переродить ее во что-то чуждое, чем учинять из-за этих недостатков раскол и каждой стороне ждать Собора.

Письмо свое митр. Сергий заканчивает таким условным постановлением:

«1. Преосвященного митрополита Казанского и Свияжского Кирилла (Смирнова) предать суду Собора архиереев по обвинению во вступлении в общение с обществом, отделившимся от законного церковного священноначалия и образовавшим раскол, и в поддержке названного раскола своим примером, словом и писаниями (нарушение правил Апост. 10, 16 и 31 и аналог.), в демонстративном отказе от принятия Св. Тайн в православных храмах (прав. Апост. 8; Антиох. 2) и в отказе повиноваться законному Заместителю Патриаршего Местоблюстителя и иметь с ним общение (Двукр. 15 и аналог.).

2. В целях освобождения Преосвященных викариев, клира и мирян Казанской епархии от канонической зависимости от митр. Кирилла, а равно и в целях ограничения дальнейшей, нарушающей церковный чин деятельности названного митрополита — уволить его от управления Казанской епархией на покой, с правом священнодействия с разрешения местных епархиальных архиереев.

3. Священнодействие в сослужении с митрополитом Кириллом разрешается для православных священнослужителей лишь под условием поминовения митр. Кириллом местного православного архиерея.

4. Назначить Преосвященному митр. Кириллу крайним сроком 15 февраля 1930 года для выражения им канонического послушания и отказа от общения с раскольниками. Если до означенного числа заявлений указанного содержания от митр. Кирилла не последует, считать настоящее постановление вступившим в силу с нижеписанного числа.

Эта новая отсрочка дана при отсутствии твердой надежды на благоприятный исход, да будет Вам свидетельством, насколько

всем нам тяжело Вас потерять и насколько сильно наше желание остаться с Вами в братском общении и единомыслии.

Вашего Высокопреосвященства молитвенник и брат
о Христе СЕРГИЙ, Митрополит Нижегородский.

Января 2-го дня 1939 г.¹
г. Москва»

Как ни печально, но митр. Сергей должен был, хотя и условно, вынести указанное выше постановление с той мыслью, что, возможно, эта мера прещения в какой-то степени подействует на митрополита Кирилла.

По сравнению с другими постановлениями, это постановление было меньшим по объему, чем те, которые выносились против иосифлян и других раскольников.

Там митр. Сергей и Синод не только устраняли провинившихся от управления епархией, предавая их суду православных архиереев, но и налагали на них запрещение в священнослужении. Здесь же он ограничился только двумя мерами: преданием митр. Кирилла суду православных архиереев и освобождением его от управления епархией. Запрещения же в священнодействии не последовало. В этом усматривается большое братское снисхождение митр. Сергия к митр. Кириллу.

С кем было послано письмо Заместителя с прилагаемым в нем постановлением, нам неизвестно. Возможно, опять с каким-либо членом Канцелярии Синода, который и должен был получить от митр. Кирилла определенный ответ.

Как же отнесся к письму и постановлению митр. Кирилл? Согласился ли он с теми доводами, которые приводил в свое оправдание митр. Сергей? Факты дают только отрицательный ответ. Митр. Кирилл остался при своих убеждениях и взглядах на деяния митр. Сергия.

Следствием этого было то, что условное постановление митр. Сергия о предании митр. Кирилла суду православных архиереев и об устранении его от управления Казанской епархией с 15 февраля 1930 года вошло в силу.

Через три года митр. Сергей повторил снова попытку убедить митр. Кирилла примириться с ним и с Синодом. Дважды (20 января и 27 февраля в ст. 1934 г.) послал он к нему с миссией мира еп. Ржевского Палладия (Шерстеникова), но все было напрасно: митр. Кирилл оставался непреклонным. Так ничего не достиг митр. Сергей в своих стремлениях примирить с Синодом б. Казанского митрополита. И только незадолго до своей кончины, последовавшей от укуса змеи в августе 1941 г., митр. Кирилл осознал свою ошибку и примирился с митр. Сергием, так долго ожидавшим его обращения.

Оппозиция митр. Кирилла большого влияния на российский епископат не имела. Нам известен только один епископ, который под

¹ См. Архив М. М. № 75.

его влиянием окончательно вступил на путь оппозиции против митр. Сергия. Это был епископ Амфилохий (Скворцов) б. Енисейский и Красноярский.

О жизни сего иерарха сохранились небольшие сведения.

Еп. Амфилохий (в мире Александр Скворцов) родился в 1885 г. в семье псаломщика с. Норваш Цивильского уезда Казанской губернии. Первоначальное образование он получил в Чебоксарском духовном училище и в местной духовной семинарии.

Примечательно, что юноша Александр с самых юных лет чувствовал в себе призвание к иноческой жизни. Он имел уже намерение по окончании семинарии вступить в число братии одного из отдаленных монастырей, но, по совету своего духовного отца, в 1906 году поступает в Казанскую духовную академию, где 22 марта 1907 года 22-летний Александр принимает монашество с именем Амфилохия¹.

В 1908 году его посвящают во иеродиакона, а в 1910 году — во иеромонаха.

В том же году он блестяще оканчивает курс академии со степенью кандидата богословия и переходит слушать лекции в С.-Петербургский университет на восточный факультет для изучения монгольского языка.

16 августа 1911 г. его утверждают в должности преподавателя Казанской духовной академии по кафедре монгольского языка, истории и обличения ламаизма.

В 1912 г. он совершает путешествие (командировку) в Монголию и Забайкалье с целью изучения тибетского языка и богословской литературы ламаизма.

Путешествие это занимает два года. И снова он в стенах академии, обогащенный научными знаниями.

В 1922 году состоялась его хиротония во еп. Мелекесского, вик. Симбирской епархии.

Управлял епископией он недолго: в сентябре 1923 г. еп. Амфилохий ушел на покой.

В апреле 1928 г. он был назначен еп. Донским и Новочеркасским, а в конце года — Енисейским и Красноярским. Вот здесь-то, вероятно, еп. Амфилохий и сблизился с митр. Кириллом, который проживал в те годы в г. Енисейске. Последний и оказал на него моральное влияние, расположив еп. Амфилохия к окончательной оппозиции против митр. Сергия и Синода в момент назначения его на Енисейскую кафедру.

Оппозиция еп. Амфилохия выразилась, главным образом, в том, что он не пожелал более пребывать на епархии и вообще принимать, как ему казалось, унижительным способом назначения.

В конце 1929 г. или, во всяком случае, в самом начале 1930 г. он самовольно оставил епархию и удалился в тамошние таежные леса, где основал свой скит. После этого еп. Амфилохий к епархиальной жизни не возвращался.

Скончался он в 1946 году.

Примкнул ли еще кто из епископов к митр. Кириллу, нам неизвестно. Если кто и примкнул, то они не имели большого влияния на жизнь Русской Церкви. Это были оппозиционеры-одиночки, которые в одиночку появлялись на арене церковных событий и в одиночку исчезали, и вместе с ними прекращалась и их оппозиция.

КАНОНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОППОЗИЦИИ МИТР. КИРИЛЛА

Исходя из постановления митр. Сергия и Врем. Патриаршего Синода от 2-го января 1930 г., оппозиция митр. Кирилла шла в прямое нарушение церковных правил: Ап. 10, 16, 31 и 8; Антиох. 2 и Двукр. 15.

Ап. правила 10, 16 и 31 предписывают отлучать от общения церковного лиц, с одной стороны, входящих в молитвенное общение с теми, кто уже был отлучен от церковного общения, а с другой — принимающих таковых в общение.

Митр. Кирилл, как вступивший в общение с обществом, отделившимся от законного церковного священноначалия и образовавшим раскол, и оказавший своим личным примером, словом и писаниями поддержку иосифлянскому расколу, нарушил указанные выше апостольские правила и сам себя подверг отлучению.

Демонстративный отказ видного иерарха от принятия Св. Таин в храмах, подчиненных митр. Сергию, ставил его (митр. Кирилл) ответственным за нарушение 8 ап. правила и 16 пр. Антиох. Собора.

Одним из самых видных доказательств тесного единения между верующими, как об этом справедливо замечает митр. Сергий, является евхаристическое общение. Нарушение последнего ведет неминуемо к разрыву между членами Церкви. Отсюда, как следствие, евхаристический разрыв митр. Кирилла с сергианами произвел разрыв и административный с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя. Здесь уже митр. Кирилл оказался лицом к лицу с 15 пр. Двукр. Собора, осуждающим тех, кто, ставя вину своего первоиерарха, без достаточного основания отделяется от общения с последним.

Итак, оппозиция митр. Кирилла основывалась на нарушении церковных канонов и вела к удалению от церковного единства.

По прямому смыслу правил он должен был бы быть запрещен в священнослужении, и если этого с ним не случилось, то это объясняется только любвеобильным отношением к нему митр. Сергия, применившего такие меры прещения, которые более всего могли смягчить сердце маститого иерарха и в конечном итоге дать ему возможность совершить покаяние.

¹ Прав. Собеседн., 1907 г., апр., стр. 587. Пострижение в монашество.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, изложив историю противодействий митр. Сергию, мы приходим к определенному выводу, что появлению их в жизни предшествовал ряд церковных событий.

Одним из таких событий являлась необычная передача церковного управления одним лицом другому по завещанию, а не по избранию. Это и подало повод некоторым иерархам, образовавшим затем ВВЦС, считать митр. Сергия не имеющим канонического права на управление. С другой стороны, это же самое для других (иосифлян и пр.) послужило основанием признавать за Заместителем Патриаршего Местоблюстителя ограниченность его прав как первоиерарха.

Другим, наиболее важным событием являлась новая церковная политика митр. Сергия, направленная им к установлению мирных отношений между Церковью и Государством, что вызвало протест со стороны иосифлян и других иерархических группировок. Так появились расколы, или противодействия (оппозиции) Заместителю Патриаршего Местоблюстителя.

В этих расколах главную и, можно сказать, ведущую роль играли епископы и рядовое духовенство. Участие же народной массы носило характер зависимости от первых, т. е. простые верующие волновались и выражали свое недовольство митр. Сергием, но сами по себе они бы не пошли дальше недовольства, если бы не повели их за собой вожди расколов на отделение от церковного единства. Самый взгляд (главным образом в иосифлянстве) народной массы на безблагодатность сергиевского духовенства, таинств и храмов, вне всякого сомнения, выработался у них только под влиянием епископов и низшего духовенства, возглавивших иосифлянский раскол. И достаточно было освободиться им из-под влияния последних, как взгляды их быстро менялись и принимали естественное течение.

Следует отметить, что участие народной массы (хотя и зависимое) в движениях расколов имело место в большей степени среди иосифлян, викториан и даниловцев, меньшее в григорианстве и почти никакое в Ярославском расколе и оппозиции митр. Кирилла. В «Ярославской Церковной Области» народ отделился от митр.

Сергия пассивно, находясь во всецелой зависимости от своего епархиального архиерея митр. Агафангела и трех викариев. И так же пассивно присоединился к Заместителю после того, как митр. Агафангел и другие ярославские иерархи покаяться и вошли в молитвенно-каноническое общение с митр. Сергием.

В оппозиции митр. Кирилла народ участия не принимал. Его (митрополита) противодействие Заместителю Патриаршего Местоблюстителя носило характер индивидуальности.

Появившиеся расколы 20-х и 30-х годов нынешнего столетия в своем направлении имели одну общую идеологическую основу: все они были направлены к устранению от церковного управления митр. Сергия.

Григорианство принципиально не пожелало признать канонической власти Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и противопоставило ему свой новообразованный ВВЦС. Другие же расколы своим отходом от митр. Сергия стремились нравственно повлиять на последнего и заставить его либо отказаться от избранного им нового курса церковной политики, либо оставить управление Церковью. Но как первые, так и вторые — все вместе встали на путь нарушения церковной дисциплины и церковных канонов. И григорианство своим образованием синодального управления, и иерархи «Ярославской Церковной Области» созданием автономии в своей епархии, и иосифлянство и др. своим отходом от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя нарушили 34 и 31 ап. правила, и 14 и 15 пр. Двукр. Собора и др., водрузили «иной алтарь» и внесли раздор в церковную жизнь.

Их противодействие шло в полный разрез с той новой сложившейся государственной формой правления, с которой лицом к лицу оказалась Русская Церковь. Само их проявление носило характер оторванности от реальной жизни, без всякого учета необходимости сплотиться воедино для создания нормальной церковной жизни в новых слагавшихся условиях государственного строя.

Все вместе взятое: и каноническая несостоятельность расколов, и их оторванность от церковной жизни — все это, в конечном итоге, привело раскольнические группировки к их полной ликвидации, в то время как Церковь, возглавляемая митрополитом (а затем патриархом) Сергием, сохранила свое существование и вступила на законных основаниях в новый этап своей жизни.

Последнее как нельзя ярче доказывает, насколько был прав митр. Сергей в своих действиях, когда вступил на путь легализации Русской Православной Церкви, и как далеки были от истины те, кто противился его деяниям и своими поступками стремился свернуть церковный корабль с правильного пути.

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБИЯ

1. Акт отхода еп. Сергия (Дружинина) и еп. Дмитрия (Любимова) от митр. Сергия 13/26 декабря 1927 года.
2. Акт православных епископов по вскрытию завещания Патриарха Тихона от 12 апреля 1925 года.
3. Александр Архиеп. «Сергеевщина и григорьевщина». Вест. Свящ. Син. Прав. Росс. Церкви, 1927 г., № 5—6.
4. А. М. Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957 гг.), ч. I—VI. Чебоксары, 1959 год.
5. А. М. «Расколы в Русской Православной Церкви в период 1917—1944 гг.» Чебоксары, 1959 г.
6. Архиеп. Григорий (Яцковский). «О современном положении Русской Православной Церкви и Ее управлении». 23 ноября 1926 г. Прав. Церк. календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова. Под редакцией Архиеп. Григория (Яцковского).
7. Беседы на текущие события церковной жизни. 1928 г. (Машинопись).
8. Бывший Патриарх Тихон раскаивается в своих преступлениях против Советской власти. «Известия ЦИК» от 27 июня 1923 г. № 141, стр. 1.
9. Бюллетень информационно-организационного отдела при Священном Синоде от 7-го февраля 1928 года. Уральские Церк. ведомости 1928 г., № 5—6.
10. Воззвание Священного Синода к православному народу по поводу декрета народных комиссаров о свободе совести. Церковные ведомости, 1918 г. № 3—4.
11. Воззвание Тихона о новом стиле. «Красная газета» от 17 декабря 1923 г.
12. Второй Поместный Всеукраинский Собор. Вест. Свящ. Син. Прав. Росс. Церкви, 1925 г., № 4.
13. Выдержка из открытки архиеп. Илариона (Троицкого) от 9 марта 1929 г.
14. Выдержка из письма архиеп. Илариона (Троицкого) одному Московскому иеромонаху от 9 марта 1929 г.
15. Выдержка из письма архиеп. Илариона (Троицкого) от 21 июля 1928 г.
16. Выдержка из письма схи-архиеп. Антония Киевского (б. Архиеп. Таврического Дмитрия Абашидзе), сент. 1927 г.
17. Выписка из писем еп. Глазовского Виктора к ближним от 12 и 29 дек. н. ст. 1927 года.
18. Г. В. Церковная жизнь. (Машинопись).
19. Где правда? (Трактат). (Машинопись).
20. Доклад еп. Спасо-Клепиковского Василия митр. Сергию от 11 ноября 1927 года.
21. Доклад на пленуме Свящ. Синода 22/XI-1927 года Митрополита Александра Введенского. Уральские Церк. ведомости, 1928 г., № 3—4.
22. Еп. Борис (Рукин). «О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви». Москва. Издание автора. 1927 г.
23. Епископ Гавриил (Некролог). Журнал Моск. Патриархии, 1958 г., № 9, стр. 8—9.
24. Еп. Иоанн (Поярко). К сведению духовенства, Православных Правлений и Общин. (Циркулярное распоряжение от 10 авг. 1927 г.).
25. Завещание Патриарха Тихона от 25 декабря 1924 г. (7 января 1925 г.).
26. Записки неизвестного протонерея А. Л. о русской церковной жизни 1-й половины XX века. (Рукопись).
27. Заявление свящ. Влад. Бушуева еп. Серпуховскому Мануилу от 20 апр.—3 мая 1929 г. и его письмо к Церковному Приходскому Совету.
28. Известительное письмо неизвестного протонерея к митр. Сергию об отходе от 18/31 декабря 1927 г.
29. Известительное послание митр. Петра архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Русской Церкви о своем вступлении в обязанности Патриаршего Местоблюстителя от 12 апреля 1925 г.
30. Из письма еп. Яранского Нектария (Трезвинского) в Ленинград к одному лицу от 25 апреля 1928 г.
31. Каноническое исследование деяний митр. Сергия. (Разбор послания от 16/29 июля 1927 г.). (Машинопись).
32. Каноническое основание отхода (от митр. Сергия). Март, 1928 г.
33. Киевское воззвание. Ноябрь, 1927 год.
34. Козырев П. «Распри церковников». «Известия ЦИК», апрель, 1928 г.
35. К открытию Златоустовского ВИКЦУ. Уральские Церковные ведомости, 1928 г., № 9—10.
36. Ленинградский церковный раскол 1927—1928 гг. II. 24 августа 1928 г. (Машинопись).
37. Люперольский Николай, протонерей. «Митрополит Сергей — законный, канонический Заместитель Патриаршего Местоблюстителя». Изд. Епарх. Совета, Вятка, 1928 г.
38. Митр. Елевферий. «Неделя в Патриархии». Париж, 1933 г., ч. II.
39. Митр. Елевферий. «Соборность Церкви. Божие и кесарево». Париж, 1938 г.
40. Митр. Сергей. «О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя». Журнал Моск. Патриархии. 1931 г., № 1.
41. М. К. О. «Посещение Преосвященным Иосифом, епископом Угличским Свято-Андреевского скита на Афоне». «Русский нюк», вып. 43, Почаев, 1911 г.
42. Наказ Врем. Высшему Церковному Совету. Прав. Церковный календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова.
43. Нам пишут. Уральские Церк. ведомости, 1927 г., № 5.
44. Наречение архим. Кирилла во епископа Гдовского, vicария С.-Петербургской епархии. Приб. к «Церк. ведомостям». 1904 г., № 31.
45. Необходимые канонические поправки к посланию митр. Сергия и его Свящ. Синода от 16/29 июля 1927 г. (Машинопись).
46. Обновленец. Курганские письма. Уральские Церк. ведомости, 1928 г., № 3—4.
47. Обращение к митр. Сергию группы Ленинградского духовенства и мирян. Декабрь, 1927 г.
48. Обращение к митр. Сергию епископов Ярославской Церковной Области от 24 янв. — 6 фев. 1928 г.
49. Обращение митр. Сергия к Управляющему Московской епархией от 11/24 мая 1926 г.
50. Обращение Патриарха Тихона к архиереям, пастырям и пасомым Православной Церкви Российской от 28 июня 1923 г. «Известия ЦИК» от 1 июля 1923 г., № 147.
51. Обращение православных епископов из Соловецких островов к Правительству СССР. Ноябрь, 1927 г. (Машинопись).
52. Объяснительная записка к посланию от 12 мая 1927 г. Малого Собора Епископов или Временного Высшего Церковного Совета. Изд. Б. Рукина. Москва, 1927 г.

53. О каноническом достоинстве двух Ленинградских митрополитов: Иосифа и Серафима. Февраль. 1928 г. (Машинопись).
54. Ответ на требование группы Ленинградского духовенства и мирян митр. Сергия от 1/14 декабря 1927 года.
55. Ответное письмо Ярославской группы: Агафангела, митр. Ярославского; архиеп. Варлаама, управляющего Любимским викариатством и Евгения, еп. Ростовского митрополиту Сергию от 10 мая 1928 года.
56. Отзыв митр. Кирилла на письмо митр. Сергия от 5/18 сент. 1929 г. (30 октября—12 ноября 1929 г.).
57. Открытка архиеп. Иларiona (Троицкого) своему отцу от 27 января 1929 г.
58. Отношение представителя Вселенского Патриарха Василия III-го к амя председателя ВВЦ Совета архиеп. Григория. Правосл. Церк. календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова.
59. Пастырское послание еп. Серпуховского Мануила. Июль. 1928 г.
60. Патриарх Сергей и его духовное наследство. Издание Московской Патриархии, 1947 г.
61. Петровский А. прот.-проф. «Ленинградский церковный раскол 1927—1928 гг.». II. 27 апреля 1928 г. (Машинопись).
62. Пимен Уральский. «О тактике свердловских тихоновцев». Уральские Церк. ведомости, 1928 г., № 9—10.
63. Письмо архиеп. Иларiona (Троицкого) к своим родным от 30 июля 12 августа 1928 г.
64. Письмо архиеп. Серафима Угличского к митр. Сергию от 6 февраля н. ст. 1928 г.
65. Письмо архиеп. Таврического и Симферопольского Никодима (Кроткова) к митр. Сергию от 2/15 июня 1928 г.
66. Письмо в редакцию еп. Иоанна (Пояркова). Газета «Власть Труда», № 50, 1924 г.
67. Письмо еп. Бориса (Шипулина) от 24 февраля, 1924 г.
68. Письмо еп. Виктора к митр. Сергию. Декабрь, 1927 г.
69. Письмо еп. Глазовского Виктора к еп. Авраамии от 15 января, 1928 г.
70. Письмо еп. Захария (Лобова) к прот. Ник. Михайловичу от 26 января 1928 года.
71. Письмо еп. Новоторжского Захария (Лобова) к еп. Виктору Глазовскому от 19 апреля 1928 года.
72. Письмо еп. Полонского Максима (Руберовского) к митр. Сергию от 13/26 октября 1927 года.
73. Письмо еп. Уржумского Авраамия (Дернова) к архиеп. Павлу Вятскому от 4/17 апреля 1928 года.
74. Письмо к митр. Сергию, составленное о. Феодором Андреевым 26, 27, 28 ноября ст. ст. 1927 г.
75. Письмо митр. Агафангела к митр. Петру Крутицкому от 12 июня 1926 г.
76. Письмо митр. Агафангела к митр. Сергию Нижегородскому от 4 июня 1926 г.
77. Письмо митр. Агафангела к митр. Сергию от 17 июня 1926 г.
78. Письмо митр. Агафангела к митр. Сергию от 25 марта 1928 г.
79. Письмо митр. Агафангела к митр. Сергию от 26 апр. 1926 г.
80. Письмо митр. Арсения (Стадницкого) Новгородского к митр. Сергию от 28 марта — 10 апреля 1928 г.
81. Письмо митр. Иосифа в Александро-Невскую Лавру от 25 декабря н. ст. 1927 г.

82. Письмо митр. Иосифа в Ленинград к викарным епископам от 25 декабря ст. ст. 1927 г.
83. Письмо митр. Иосифа в Ленинград к викарным епископам и пастве от 2 янв. — 8 февраля 1928 г.
84. Письмо митр. Иосифа к архим. Льву (Егорову). Февраль. 1928 г.
85. Письмо митр. Иосифа к Е. А. Тучкову. Апрель, 1928 г.
86. Письмо митр. Иосифа к еп. Димитрию (Любимову) от 24 июля 1928 г.
87. Письмо митр. Иосифа к митр. Сергию от 28 сент. 1927 г.
88. Письмо митр. Иосифа к митр. Сергию от 17/30 окт. 1927 г.
89. Письмо митр. Кирилла (Смирнова) к митр. Сергию от 2/15 мая 1929 г.
90. Письмо митр. Никандра (Феноменова) Туркестанского к В. А. от 15 февраля 1928 г.
91. Письмо митр. Сергия к митр. Агафангелу от 28 янв.—10 фев. 1928 г.
92. Письмо митр. Сергия к митр. Агафангелу. Апрель, 1928 г.
93. Письмо митр. Сергия к митр. Кириллу от 5/18 сент. 1929 г.
94. Письмо митр. Сергия к митр. Кириллу от 2 января 1930 г.
95. Письмо неизвестного к другу от 22 окт. ст. ст. 1927 г.
96. Письмо Н. К. Чепурнина к еп. Мануилу от 17/30 апр. 1928 г.
97. Письмо о. Всеволода к своим детям духовным. 1928 г.
98. Письмо Председателя 20-ки и причта Покровского Гатчинского храма к митр. Сергию и резолюция на это обращение митр. Сергия от 19 января — 1 февраля 1928 г.
99. Письмо Преосвящ. Николая еп. Сестрорецкого к о. Ф. Б. Январь, 1928 г.
100. Письмо прот. Иоанна Шастова к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергию от 16 февраля 1928 г.
101. Письмо прот. Серафима Архангелова к еп. Мануилу от 15/28 июня 1928 года.
102. Письмо членов ВВЦ Совета, архиеп. Григория и Константина и еп. Дамьяна, к Патриаршему Местоблюстителю митр. Петру Крутицкому от 29 января 1926 г., Прав. Церк. календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова.
103. Подтверждение митр. Петра о своем письме от 9 июня 1926 г., к митр. Агафангелу об условной передаче своих прав и о ликвидации коллегии, образованной 1 февраля 1926 года.
104. Покаяние еп. Бориса (Шипулина). «Правда», 7 ноября 1924 г. № 255.
105. По поводу «Воззвания» митр. Сергия. 15/28 сент. 1927 г. (Машинопись).
106. Послание архипастырям, пастырям и всем верным чадам Российской Православной Церкви Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра от 1 января 1927 года.
107. Послание еп. Виктора (Островидова) к пастырям. 1928 г.
108. Послание еп. Гдовского Димитрия (Любимова) духовенству станции Сиверской от 11/24 янв. 1928 г. и разъяснение на него митр. Сергия от 1/14 марта 1928 г.
109. Послание еп. Серафима, Уральские Церк. ведомости, 1928 г. № 3—4.
110. Послание Епископов-Староцерковников, признающих Врем. Высший Церк. Совет, собравшихся в Донском монастыре г. Москвы 11—13 мая 1927 г., ко всем верным чадам Святой Православной Церкви. 12 мая 1927 г. Москва. Изд. Б. Рукина.
111. Послание митр. Агафангела ко всем архипастырям, пастырям и верным чадам Церкви Российской от 18 апр. 1926 г. Прав. Церк. календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова.
112. Послание митр. Петра к архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви от 28 июля 1925 г.

113. Послание митр. Сергия и Врем. Патр. Синода к Преосв. архипастырям, пастырям и всем верным чадам Св. Православной Российской Церкви от 18/31 декабря 1927 года.

114. Послание Павла, архиеп. Вятского и Слободского боголюбивым пастырям, клирикам, честному иночеству и мирянам православных (патриарших) приходов Вятской епархии от 1/14 декабря 1927 года. Вятка, 1927 год.

115. Послание православных епископов, находящихся в Москве, ко всем верным чадам Святой Православной Церкви. Прав. Церк. календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова.

116. Послание Свящ. Синода (обновленческого) к Архипастырям, честному пресвитерству и братьям. Уральские Церкви. ведомости, 1927 г., № 14—15.

117. Послание Сергия, митр. Нижегородского и Врем. Патр. Свящ. Синода Преосвященным архипастырям, Боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Святой Всероссийской Православной Церкви от 16/29 июля 1927 года. «Известия ЦИК» от 19 августа 1927 г., № 188.

118. Постановление Синода от 12 окт. 1927 г. за № 119, о перемещении митр. Иосифа из Ленинграда в Одессу 19 окт. 1927 года.

119. Послание Тихона, Патриарха Московского и всея России, Преосвященным архиереям, благоговейным иереям, честным инокам и всем верным чадам Православной Российской Церкви от 15 июля 1923 года.

120. Послание 3-х епископов (по поводу «Воззвания» митр. Сергия и Свящ. Синода от 16/29 июля 1927 г.).

121. Постановление 20-ки храма Памятника морякам, погибшим в войне с Японией Ленинградской епархии от 8 янв. 1928 г.

122. Постановление Замест. Патр. Местоблюстителя и Врем. Свящ. Синода от 25 января 1928 г., за № 17, об устранении от занимаемых кафедр и о запрещении в священнослужении еп. Димитрия (Любимова) и еп. Сергия (Дружинина).

123. Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Врем. при нем Свящ. Синода от 26 июля 1929 г., за № 94. О чине приема обновленч. клириков, о таинствах, совершаемых григориянцами, иосифлянами и др.

124. Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Врем. при нем Патриаршего Священного Синода от 4 июня 1930 г. за № 103. О еп. Синезии. Журнал Моск. Патриархии, 1931 г., № 4, стр. 1—2.

125. Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Врем. при нем Патриаршего Свящ. Синода от 10 окт. 1930 г. за № 187. О самочинной хиротонии. Журнал Моск. Патриархии, 1931 г., № 5, стр. 2.

126. Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Врем. при нем Патриаршего Синода от 5 окт. 1931 г. за № 179. О признании хиротонии во священника. Журнал Моск. Патриархии, 1932 г., № 9—10, стр. 8.

127. Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и при нем Патриаршего Свящ. Синода от 7 сент. 1934 г. за № 97. Журнал Моск. Патриархии, 1935 г., № 23—24, стр. 3.

128. Постановление правосл. епископов о митр. Агафангеле и резолюция на этом постановлении митр. Сергия от 31 мая—13 июня 1926 года.

129. Постановление Свящ. Синода от 3/16 янв. 1928 г., за № 124 относительно подготовки Поместного Собора.

130. По Уральской митрополии. (Письмо еп. Ирины от 6 апр. 1927 г., за № 328, на имя Архиеп. Сарapulьского Алексия). Уральские Церковные ведомости, 1927 г., № 8.

131. Постановление Св. Собора по докладу митр. Александра. Вест. Свящ. Син. Прав. Росс. Церкви, 1925 г., № 6.

132. Правда о религии. (Сборник). Москва, 1959 год.

133. Православный мирянин. «Открытое письмо Преосв. Николаю, еп. Петергофскому, управл. Ленинградской епархией», от 1-го ноября 1927 г.

134. Предсмертное завещание Патриарха Тихона от 7 апр. 1925 г. «Крестьянская газета», 1925 г., апреля 21, № 72.

135. «Преосв. Агафангел, вновь посвященный еп. Киренский, второй викарий Иркутский». Приб. к «Церковн. ведомостям», 1889 г., № 49.

136. Приб. к «Церковн. ведомостям», 1909 г., № 12. Хроника.

137. Приб. к «Церковн. ведомостям», 1912 г., № 48—49. Хроника.

138. Приб. к «Церковн. ведомостям», 1913 г., № 3. Хроника.

139. Программа для предстоящего Общецерковного Съезда всей Православной Патриаршей Церкви, — созываемого Времен. Высшим Церковным Советом. Москва. Изд. Б. Рукина. 1927 г.

140. Прот. И. Уфимцев. Церковная жизнь. Уральские Церк. ведом. 1927 г., № 1.

141. Протоколы заседания Казанской духовной академии за 1898 г., № 28 от 18 августа.

142. Профессор-протоиерей В. М. Верюжский (Некролог). Журнал Моск. Патриархии, 1955 г., № 4.

143. Путешествие Преосв. Агафангела, еп. Тобольского, в Низовой край. Приб. к «Церковн. ведомостям», 1894 г., № 49.

144. Рапорт Архиеп. Курского и Обоянского Иувеналия митр. Сергию о своем освобождении от 10 марта 1928 г.

145. Рапорт прот. Воскресенской церкви г. Майкопа Сергия Молчанова на имя еп. Кубанского и Краснодарского Феофила. Май, 1928 года.

146. Резолюция митр. Петра, положенная им 1 февраля 1926 г. на письме членов ВВЦС. Правосл. Церк. календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова.

147. Речь архим. Иосифа, при наречении во еп. Угличского. Приб. к «Церк. ведомостям», 1909 г. № 13—14.

148. С. А. прот. Новое разделение в Православной Церкви, так называемое иосифлячество или димитрианство и автокефалисты. Ленинград, 1929 г. (Машинопись).

149. Священник Александр Чернавин. «Село Егоршинское». Уральские Церк. ведомости, 1927 г. № 2.

150. Священный Синод Православной Российской Церкви (обновленческий) архипастырям и пастырям и всем верным чадам Церкви православной. Вест. Свящ. Син. Прав. Росс. Церкви, 1925 г., № 2.

151. Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 4. Приложен. к «Деяниям» второе. Изд. Соборного Совета. Москва, 1918 г.

152. «Соборное постановление по поводу декрета совета народных комиссаров об отделении Церкви от государства.» Церковные ведомости, 1918 г., № 3—4.

153. Соловецкий епископат о «послании митр. Сергия и Свящ. Синода». 14/27 сентября 1927 года.

154. Сообщение Синода Преосв. Николаю Петергофскому от 12/25 мая 1927 г. относительно создания Врем. Патриаршего Синода. Вест. Свящ. Син. Прав. Росс. Церкви, 1927 г., № 7—8, стр. 5—6.

155. Справка об организации ВВЦС от 2 января 1926 г. за № 2/2. Прав. Церк. календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова.

156. Среди церковников. У тихоновцев. «Известия ЦИК» от 7 янв. 1926 г., за № 5 (2636).

157. Среди церковников. У тихоновцев. «Известия ЦИК» от 9 февр. 1926 г., № 32 (2663).

158. Среди церковников. Борьба за власть. «Известия ЦИК» от 1 июня 1926 г., № 124 (2755).

159. Среди церковников. В тупике. (На съезде сторонников ВВЦС). «Известия ЦИК» от 13 июня 1926 г., № 134 (2765).
160. Стенограммы слов, сказанных еп. Мануилом в разных церквах г. Ленинграда. Апрель, май, 1928 г.:
а) Слово, произнесенное 15/28 апр. 1928 г. в Зверинском Подворье.
161. Стенограммы слов, сказанных еп. Мануилом в разных церквах г. Ленинграда. Апрель, май, 1928 г.:
б) Слово, сказанное в Троицком соборе, что на Измайловском просп., 16/29 апреля 1928 г. в воскресенье.
162. Стенограммы слов, сказанных еп. Мануилом в разных церквах г. Ленинграда. Апрель, май, 1928 г.:
б) Слово, сказанное в Зверинском Подворье 17/30 апреля 1928 г. в день Зосимы Соловецкого.
163. Стенограммы слов, сказанных еп. Мануилом в разных церквах г. Ленинграда. Апрель, май, 1928 г.:
г) Слово, произнесенное в Очаковском подворье 1 мая и. ст. 1928 г. (вечером).
164. Стенограммы слов, сказанных еп. Мануилом в разных церквах г. Ленинграда. Апрель, май, 1928 г.:
д) Прощальное слово, сказанное в Преображенском соборе 2 мая и. ст. 1928 г. вечером перед отъездом в Лугу.
165. Телеграмма митр. Агафангела от 24 мая 1926 г. за № 189, к митр. Сергию.
166. Теляковский. Среди церковников. «Известия ЦИК» от 15 ноября 1925 г., № 261 (2594).
167. Титлинов Б. В. проф. «Что было сделано для церковного мира». Вест. Свящ. Снн. Прав. Росс. Церкви, 1925 г., № 7.
168. Третье оправдание обновленчества самими староцерковниками. Уральские Церк. ведомости, 1927 г., № 12 и 13.
169. Три письма еп. Мануила: к матушке Серафиме, к почитателям Петроградской стороны и к инокиням от 15/28 марта 1928 года.
170. У. «Пострижение в монашество». Православный Собеседник, 1907 г., апрель.
171. Хроника. Уральские Церк. ведомости, 1927 г., № 5.
172. Хронология важнейших событий в жизни Российской Православной Церкви за последнее 10-летие. Церк. Прав. календарь на 1928 г. Изд. Архиепископа Александра (Анисимова) в г. Самаре.
173. Церковная жизнь. Уральские Церк. ведомости, 1927 г., № 3.
174. Церковная жизнь. Уральские Церк. ведомости, 1927 г., № 4.
175. Церковная жизнь. Уральские Церк. ведомости, 1927 г., № 12 и 13.
176. Церковная жизнь. Уральские Церк. ведомости, 1927 г., № 14—15.
177. Церковные ведомости, 1902 г., № 30. Определение Свят. Снн.
178. Церковные ведомости, 1902 г., № 48. —>—
179. Церковные ведомости, 1903 г., № 2. Определение Святейш. Синода.
180. Церковные ведомости, 1904 г., № 1. —>—
181. Церковные ведомости, 1909 г., № 4. —>—
182. Церковные ведомости, 1909 г., № 43. —>—
183. Церковные ведомости, 1909 г., № 49. —>—
184. Церковные ведомости, 1910 г., № 48. Определение Свят. Снн.
185. Циркулярное распоряжение еп. Иоанна (Поюркова) благочинническим и приходским советам Уфимской епархии от 8-го апреля 1924 года за № 415.